

O'ZBEKISTON MODDIY MADANIYATI TARIXI

34 - NASHRI

ЎЗБЕКИСТОН ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
САМАРҚАНД БЎЛИМИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

**ЎЗБЕКИСТОН
МОДДИЙ
МАДАНИЯТИ
ТАРИХИ**

34 НАШРИ

Тарих фанлари доктори Т.Ш. Шириновнинг умумий таҳрири остида

Самарқанд - 2004

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
САМАРКАНДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА**

ВЫПУСК 34

Под общей редакцией доктора исторических наук Т.Ш. Ширинова.

Самарканд - 2004

ACADEMY OF SCIENCES OF UZBEKISTAN
BRANCH OF SAMARKAND
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**THE HISTORY
OF MATERIAL
CULTURE
OF UZBEKISTAN**

34 EDITION

Edited by T.Sh. Shirinov, doctor of historical sciences

Samarkand - 2004

Печатается по решению Ученого совета Института археологии АН РУз

Редколлегия

А.А. Анарбаев (ответственный редактор)
А.А. Грицина, А.А. Раимкулов, В.Д. Рузанов

Рецензенты:

академик Ю.Ф. Буряков,
к.и.н. Ш.Т. Адылов

История материальной культуры Узбекистана. Выпуск 34. Под общей редакцией Т.Ш. Ширинова. 2004. 246 с.

Ушбу тўпламда асосан Ўзбекистон худудида олиб борилган археологик тадқиқотларнинг энг янги натижалари ёритилган. Мақолалар мавзуси ва даврий санаси ибтидоий жамоа тузумидан то сўнгги ўрта асрларгача бўлган узоқ даврни қамраб олиб, Ўзбекистон халқларининг қадимги моддий-маданиятига тегишли барча жабҳалар – қадимги қароргохлар ва шаҳарлар топографияси, меъморчилиги, ҳунармандчилик ва ҳунармандчилик технологияси, санъат, нумизматика, антропология, ирригация муаммолари ҳамда, маълум тарихий даврнинг маънавий, мафкуравий ҳаёт масалалари очиб берилган.

Тўплам археологлар, тарихчилар, Олий ўқув юртлари тарих факультетлари талабалари ва Марказий Осиёнинг қадимги давр моддий – маданияти тарихига қизиқувчилар учун мўлжалланган.

В сборнике освещаются новейшие результаты археологических исследований, проведенных в основном на территории Республики Узбекистан. Хронологически охватывается широкий диапазон - от памятников эпохи палеолита до средневековья, планировка и топография поселений, история архитектуры, ремесло и ремесленная технология, нумизматика, искусство и ирригация, а также вопросы развития идеологических воззрений и результаты антропологических исследований.

Сборник предназначен для археологов, историков, студентов исторических факультетов ВУЗов и всех интересующихся прошлым Центральной Азии.

© Институт археологии АН РУз

Г.А. ПУГАЧЕНКОВОЙ – 90 ЛЕТ

Исполняется 90 лет Галине Анатольевне Пугаченковой – выдающемуся ученому XX столетия, чье феноменальное по значимости творчество и колоссальная жизненная энергия перешагнули в следующий XXI век, поражая современников высокой нотой творческого оптимизма и жизнеутверждения. Жить, чтобы творить, несмотря на возраст и невзгоды «пока еще остается возможность работать за письменным столом, сколько неосвоенных полевых материалов, сколько не сформированных идей».¹

Г.А. Пугаченкова родилась 7 февраля 1915 года в городе Верном (ныне Алматы) Республики Казахстан. После школы она успешно заканчивает архитектурное отделение Среднеазиатского промышленного института. Здесь же проходит аспирантуру на кафедре истории архитектуры.

После защиты кандидатской диссертации (1941 г.) она работает некоторое время на кафедре археологии САГУ, а с

1958 г. основным местом ее работы становится Институт искусствознания. Здесь она, будучи заведующей отделом истории искусств и архитектуры (1960-1984 гг.), возглавляя Узбекстанскую искусствоведческую экспедицию (1959-1984 гг.) делает основные свои полевые и творческие открытия, создает фундаментальные исследования в области древней и средневековой истории и археологии. Здесь она готовит, а затем защищает докторскую диссертацию (Москва, 1959 г.), становится профессором (1962 г.), членом-корреспондентом, а затем действительным членом Академии наук Узбекистана (1984 г.).

Таковы основные внешние вехи научного поиска большого ученого и человека, который содержит огромный объем ее достижений и оценок как республиканской, так и международной общественности, уместить которые в коротком очерке не представляется возможным.

К настоящему времени Г.А. Пугаченкова автор многих сотен научных и научно-популярных статей, нескольких десятков монографических исследований, давно уже ставшими классическими. Вклад ее в мировую «копилку» истории искусств, архитектуры и археологии поистине не оценим.

С 1994 года, то есть более десяти лет Галина Анатольевна трудится в Институте археологии, участвует в разработке ряда фундаментальных проблем. И как обычно, ярко и плодотворно.

Коллектив Института археологии, коллеги, поклонники ее научного таланта поздравляют Галину Анатольевну со славным юбилеем, желают крепкого здоровья и новых творческих удач.

Редакционная коллегия

¹ Из дневниковых записей Г.А. Пугаченковой. См. С. Горшенина. Галина Пугаченкова. Ташкент, 2000.

Р.Х. Сулейманов, М. Глантз, А.Д. Шраубер, О.Ф. Бургер, Х.П. Циммерман

ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕР СЕВЕРНЫХ СКЛОНОВ ЗАРАФШАНСКОГО ХРЕБТА В 2001 г.

В 2001 г. совместная экспедиция кафедры археологии Национального Университета Республики Узбекистан, Департамента антропологии университета штата Колорадо, Института истории и археологии АН РУз, а также Самаркандского Государственного Университета при поддержке Института Открытое общество – Узбекистан Фонда Сороса провела исследования ряда горных и предгорных районов Самаркандской области в целях обнаружения и изучения памятников каменного века. Были визуально обследованы и картированы при помощи JPS следующие пещеры: Кора-Чахот, Жайра-Камар по Сазаган-саю (в пещере Кора-Чахот в шурфе были найдены материалы эпохи неолита), Кар-Камар, Безымянная, Каптархона, разрушенная пещера Хум-Хум по Катта-Кудук-саю (в Кара-Камаре студентами СамГУ были открыты следы незначительного обживания грота в эпоху неолита), Камар-Кудук по Камар-саю (проведены предварительные раскопки, обнаружен только средневековый материал), Безымянная, Кичик-каптар-хона по Кичик-Курук-саю, Турпакли по Турпакли-Камар-саю (приток Гус-саю), Камари-Тешик, Гори-Камар по Гус-саю, Безымянная пещера по Такалик-саю, Аман-Кутан по Бульбульзор-саю (проведены зачистки и просеивание грунта прежнего отвала). Попутно проводилась предварительная рекогносцировка ближайших окрестностей и сбор подъёмного материала. Во многих из обследованных пещер были зафиксированы следы шурфов и зондажей, оставленных предыдущими исследователями (Д.Н. Лев, Н.Х. Ташкенбаев и др.).

Предварительные раскопочные работы были проведены на стоянке вокруг родника Алмабулак в поселке Сазаган. Родник находится в верхней части поселка на левом берегу Сазаган-саю. Несколько лет назад местным колхозом родник был расширен и углублен с помощью экскаватора. Сейчас его размеры вдоль сая 40x10 м при глубине до 1,5 м. От

русла сая резервуар родника отделен высокой дамбой. В результате этих работ вокруг родника местным археологом О. Ибрагимовым были найдены кремневые изделия и фрагменты костей животных. На правом (восточном) высоком берегу родника по инициативе О. Ибрагимова сотрудниками кафедры археологии СамГУ была произведена зачистка. При этом были проведены стратиграфические наблюдения и получено некоторое количество находок каменных изделий и фрагментов костей животных. Разрез зачистки имел около 8 м в длину и до 1,5 м по вертикали.

Наш раскоп тоже был заложен на восточном высоком берегу родника в нескольких метрах южнее прежней зачистки. Раскоп был ориентирован по странам света и имел размеры 3x4 м и углублен по склону берега родника в виде трех ступеней. Стратиграфически в раскопе I (как и в прежней зачистке, находящейся севернее) выделяются три основных слоя: 1. Сверху, под тонкой дерновой прослойкой идет полуметровой толщины слой мягкого грунта желтоватого цвета с песчанистыми линзами и отдельными камнями; 2. Под верхним желтым слоем залегает толща темно-серой гумусированной глины (почва), с массой крупных и мелких обломков известняка и известняковых конкреций. В северо-восточном углу раскопа она имеет мощность до 1 м, в юго-восточном углу утончается до 0,5 м, и здесь, в нижней его части, выделяется линза чистой серой мягкой глины без камней. В слое были найдены отдельные каменные изделия, редкие фрагменты костей животных, средневековой керамики, обломки железных предметов; 3. Тонкий прерывистый слой мягкой желтой глины. В нем, также как и в вышележащем, встречаются находки фрагментов костей животных, кремневые изделия. Он также переотложен, т.к. есть мелкие обломки керамики; 4. Самый нижний по склону берега родника слой. Это опять темно-серый гумусированный грунт, с редкими

обломками костей животных и отдельными кремневыми изделиями. Но и здесь продолжают встречаться железные гвозди, керамика, битое стекло.

Таким образом, стратиграфическое изучение склона родника Алмабулак на раскопе I показало, что слои здесь были переотложены в результате механических перемещений при расширении родника. Весь небольшой комплекс каменных изделий находит ближайшие аналогии в сазаганской культуре, стоянки которой хорошо известны вдоль саев северных склонов Зарафшанского хребта.

В Сазагансае были осмотрены также две пещеры. Первая - Кара-чакат находится по правому берегу сая напротив поселка Сазаган, чуть выше родника Алмабулак по течению Сазагансае, на высоте 70-80 м от поймы сая. Пещера имеет два узких входа, обращенных на юго-восток, а внутри - обширную камеру. Высота имеющего следы свежей закопченности потолка 1-2 м. Пол состоит в верхней части из серого гумуса с массой обломков известняка от обрушившейся кровли. Предварительная шурфовка пещеры, произведенная студентами СамГУ, обнаружила небольшое количество каменных изделий того же типа, что были найдены на берегу родника Алмабулак. Таким образом, эта пещера служила убежищем для носителей сазаганской культуры эпохи неолита, обживавших территорию вокруг родника Алмабулак. Вторая пещера - Жайракамар находится выше по Сазагансаю на высоте 25 м от дна сая по его левому берегу. Пещера также имеет два входа. Потолок в центральной части разрушен. Пол завален кусками обрушившейся кровли. Возможно, под этими поздними отложениями есть культурные слои.

Западнее Сазагансае по Каттакуруксаю осмотрена пещера Каракамар. Пещера находится по левому берегу сая, на высоте 7-8 м. Высота кровли 3-4 м, потолок закопчен. Предварительное зондирование рыхлых отложений внутри навеса пещеры, произведенное студентами СамГУ, показало наличие небольшого культурного слоя неолитической эпохи. Материал в виде некоторого количества кремневых изделий находит ближайшие аналогии в сазаганской культуре. Выше по левому берегу на высоте 20 м от дна Каттакуруксаю осмотрена Безымянная пещера. Она обращена на восток, вглубь конически сужается. Длина 4-5 м при высоте потолка 2 м. Дно пещеры состоит из гумуса с пометом

скота и кусков известняка. Потолок имеет свежую закопченность. Пещера явно молодая и наличие древних отложений проблематично. Следующая пещера Каптархона находится в верхней части Каттакуруксае, высоко по правому его берегу, близ вершины горы. Она обращена на восток, ширина у входа 7 м, протяженность до 15 м, максимальная высота у входа 4-5 м. Пол пещеры скальный, признаков обживания не имеется. У входа в Каттакуруксае по правому берегу существовала еще одна пещера Хум-Хум. Она, по словам местных жителей, была взорвана и разрушена несколько лет назад. Судя по ее низкому гипсометрическому положению - 5-6 м от дна сая, культурные остатки (если таковые имелись) могли сложиться не ранее эпохи неолита.

Западнее Каттакуруксае было осмотрено русло Камарсае. Здесь на правом берегу сая на высоте 10 м от поймы была исследована пещера Камаркудук шириной до 8 м, глубиной до 15 м; высота потолка 4-5 м. Пол завален овечьим пометом и большими кусками известняка. Грот обращен к западу, имеет широкую площадку и очень удобен для обживания. Однако, судя по низкому положению, он тоже относится к эпохе голоцена, что подтвердили раскопочные работы. Шурф 1 размером 2x1 м заложен в южной части грота у стенки свода. Рыхлые отложения снимались горизонтами по 30 см. Грунт просеивался через сито. На глубине 1 м обнажилось скальное дно грота. Все находки состоят из средневековой керамики, преимущественно IX-XII вв., и массы мелких фрагментов костей домашних животных.

В шурфе 2, заложенном в центральной части грота, (тоже размером 2x1 м) скальное дно залегало на глубине 95-100 см. Выше залегали рыхлые отложения с костями домашних животных, отдельными зольными прослойками, небольшим количеством обломков средневековой керамики. В средней части стратиграфии шурфа залегает горизонт обрушившейся, по-видимому, в результате землетрясения кровли грота толщиной 20-30 см. Можно считать, что пещера очень позднего происхождения.

Еще западнее была обследована долина Аксае. В его верховьях находится глубокая карстовая пещера Хазрати Давуд, куда совершает паломничество местное население. Ниже этой пещеры по правому берегу Аксае находится пещера Камар. Пол грота находит-

ся на высоте 5-7 м от дна сая. Навес имеет округлую форму; вход 5 м шириной и 2,5 м высотой, обращен на запад. Размеры грота 14x11 м; потолок слегка закопчен. Пол покрыт овечьим пометом и кусками известняка. В глубине грот сужается в виде коридора и имеет вертикальное отверстие наружу, типичный камин, как во многих древних пещерах. Севернее отмечен второй небольшой грот со скальным дном; следов обживания здесь не обнаружено.

По Кичик-Куруксаю были осмотрены и зафиксированы две пещеры. Первая - безымянная, очень небольшая и без признаков обживания. Вторая пещера Кичик-Каптархона находится выше по течению, по левому берегу сая на высоте около 70 м. Пещера в глубину 8-9 м и ширину 4-5 м у входа, высота потолка до 5 м. Площадка перед входом практически отсутствует. В южной части пола проступает скальное дно. Небольшой участок рыхлых отложений состоит из светлой супеси пещерного характера, здесь видны следы небольшого оплывшего шурфа глубиной 30-40 см. Зачистка стенок шурфа показала, что верхний слой стерилен на глубину до 0,5 м.

Также была осуществлена поездка в Гуссай Ургутского района, где по Гуссаю осмотрено три пещеры. В небольшой пещере Турпакли по Турпакликамарсаю признаков обживания человеком выявлено не было. Вторая пещера Камартешик также не пригодна для обживания. Она имеет вид удлиненного коридора, в форме дугообразной трубы с наклоном около 40° , длиной более 15 м, в поперечнике 1,5-2 м. На полу небольшое количество рыхлых супесчаных отложений. На южной окраине кишлака Верхний Гус была осмотрена пещера Гурикамар размером 15 x 10 м, высотой до 2 м. Отмечено два входа. В центре пола, состоящего из рыхлого гумуса с овечьим пометом, небольшой оплывший шурф, но следов обживания первобытным человеком обнаружено не было. Пещера относится к эпохе голоцена.

На вершине перевала в долину Кашкадарьи в верхней части Такаликсая, притока Кайнарсая, была осмотрена пещера плейстоценового времени. Она имеет коридорообразную планировку, длина около 20 м, ширина до 3 м, высота 1,5-2 м. На полу залегают плейстоценовые отложения в виде супеси светло-палевого цвета. Пещера ориентирована на запад. Подъем к пещере очень труден.

В глубине пещеры находится яма и отвал от шурфа, заложенного здесь в свое время Д.Н. Левом. Проводить раскопные работы без специальной подготовки невозможно. В свое время в пещере были найдены отдельные отщепы и скребло, хранящиеся на кафедре археологии СамГУ.

К западу за г. Каттакурган были осмотрены известные открытые стоянки Кутурбулак и Зирабулак, расположенные вокруг одноименных родников. Обе стоянки разрушены в последние годы в результате дренажных работ и освоения окрестностей под посевы. Родник Кутурбулак был механически углублен и от него к северу отведен дренажный канал. Отвалом мелиоративных работ завалено место прежнего раскопа. В отвале было собрано некоторое количество каменных изделий из кремня, кварца, кварцита, диорита.

Зирабулак, находящийся в 2 км к западу от Кутурбулака, также пострадал от дренажа. Вода родника дренирована, к югу от стоянки проведен канал в широтном направлении. Здесь был собран незначительный подъемный материал: скребла, отщепы и т.п.

Стационарные работы проводились также в пещере Аманкутан, исследованной в свое время Д.Н. Левом (Лев, 1949; его же, 1960). Плейстоценовые отложения пещеры с содержащимися в них предметами, были полностью вынуты до скального дна раскопками Д.Н. Лева. К настоящему времени дно пещеры вторично заполнено рыхлым темно-красным гумусом с пометом домашних животных. По бортам пещеры местами сохранились остатки древнего плейстоценового пещерного грунта красновато-коричневого цвета. Они прослеживаются в виде отдельных пятен или полос толщиной 2-5 см вдоль пола. При зачистке этих остатков найдено несколько фрагментов костей диких животных, являвшихся в свое время объектом охоты первобытного человека.

Основные исследования на Аманкутане были сосредоточены на площадке перед гротом к юго-западу от входа. Здесь поверх слабоскатанных кусков известняка и песка поймы Бульбульзорсая, по правому борту которого расположена пещера, сохранился отвал грунта, вынутого из пещеры при раскопках Д.Н. Лева. При осмотре его на поверхности были найдены отдельные мелкие фрагменты костей животных и один небольшой отщеп. Отвал грунта имел размер в среднем 15x5 м, толщиной до 1 м. Структура отвала в верхней

части состоит из рыхлого грунта палевого и красно-коричневого цвета со значительной примесью кусков известняка, упавшего с кровли пещеры, с редкими обломками сталактитов и сталагмитов. Это типичные пещерные отложения четвертичного времени. Они содержали значительное количество мелких фрагментов костей и зубов диких животных, которые были пропущены при несовершенной методике раскопок 40-50-х гг. Нижняя часть отвала состояла из плотного темно-серого гумусированного слоя с крупными обломками известняка, местами встречены фрагменты средневековой керамики. Это естественно, т.к. это верхняя покровная толща рыхлых отложений пещеры Аманкутан, которая была вскрыта в первую очередь. Материалов палеолитического времени встречено не было. Большая часть верхнего плейстоценового грунта была просеяна через мелкий грохот, в результате чего обнаружено значительное количество мелких обломков костей и зубов диких животных и несколько экземпляров каменных орудий.

Таким образом, при ознакомительном визуальном изучении стоянок Кульбулак, Кутурбулак, Зирабулак, а также при предварительных стационарных работах на Аманкутане и Алмабулаке было получено небольшое количество каменных орудий. Ниже приводим краткую характеристику этих находок.

На Кутурбулаке и Зирабулаке было собрано около двух десятков каменных изделий. Они происходят из отвалов земли, образовавшихся при проведении дренажных каналов и механического углубления резервуаров этих родников, произведенных в последние годы. Среди подъемного материала Кутурбулака стоит отметить изготовленные из серого песчаника плоский нуклеус параллельного расщепления с отеской рабочей плоскости по краям и дисковидный нуклеус. Ретушированные отщепы и пластины изготовлены из кремня и диорита. Причем для большинства сколов характерна параллельная огранка спинок, при укороченных мустьерских пропорциях сколов, что типично для индустрии Кутурбулака (Ташкенбаев, Сулейманов, 1971).

Аманкутан дал всего три каменных изделия. Все они были получены при просеивании грунта отвала, вынуженого в свое время Д.Н. Левом при раскопках пещеры. Одним экземпляром представлена мустьерская пластина с грубой ретушью по краям. Второй

предмет представляет собой расколотый вдоль тонкий отщеп с отсеченной ударной площадкой. Оба изделия изготовлены из плотной черной изверженной породы. И третья находка - небольшой треугольный отщеп, снятый с дисковидного нуклеуса из зеленовато-серого песчаника.

Каменные изделия из Р-1 Алмабулака получены из переотложенных слоев, но все они, вероятно, представляют собой единый комплекс предметов, относящихся к неолитической сазаганской культуре. Орудия представлены узкими ретушированными (ретушь односторонняя, двухсторонняя, противоположная) кремневыми пластинами с усеченными концами, боковыми скребками из пластин, ретушированными отщепами. Есть мелкие и крупные отщепы с ретушью. Часть крупных отщепов имеет мустьерский облик. Они были сняты с массивных дисковидных нуклеусов. Отдельные пластины с мелкой ретушью, образующей мелкие выемки по краям, находят ближайшие параллели в выемчатых ретушированных пластинах кельтиминарской культуры. Массивные нуклеусы из темной мелкозернистой породы напоминают нуклеусовидные изделия Самаркандской стоянки. Такие галечные изделия и дисковидные нуклеусы с грубыми отщепами мустьерского облика характерны и для сазаганской культуры, каменная индустрия которой сочетает в себе признаки гиссарской и кельтиминарской культур.

Подводя итоги обследования пещер северных склонов Зарафшанского хребта можно отметить следующее. Все пещеры саев северных склонов относятся фактически к эпохе голоцена. Лишь Аманкутан, расположенный на высоте более 1 200 м, и пещера в Такалисае, расположенная еще выше, относятся к плейстоценовой эпохе и содержат следы жизнедеятельности неандертальского человека. Таким образом, пещерные памятники эпохи плейстоцена следует искать в горной зоне Узбекистана на высоте 1 000 и более метров над уровнем моря. Все, что было ниже, относится к эпохе голоцена, в чем красноречиво убеждают материалы из пещер по саям северных склонов Зарафшанского хребта, находящиеся на высоте 700-800 м над уровнем моря.

В литературе уже отмечалось, что Тешик-Таш в период его обживания неандертальским человеком находился на 0,5 км ниже, и в эпоху позднечетвертичного периода его

уровень поднялся в процессе активной неотектоники (Несмеянов, Ранов, 1971). Следует полагать, что аналогичные процессы происходили и в районах Зарафшанского хребта и отрогов юго-западного Тянь-Шаня. При этом в мустьерское время Аманкутан, Обирахмат и другие пещерные памятники оказываются на высоте 600-700 м над уровнем моря, как сейчас голоценовые пещеры северных отрогов Зарафшанского хребта, и были очень удобны для обживания, т.к. находились над поймами долин саев, в берегах которых и были образованы.

О соображениях этнокультурного характера следует отметить, что в индустрии грота Шанидар в восточном Ираке (Solecki, 1971.) есть очень специфические изделия. Это удлиненные, очень массивные двухконечные острия, изготовленные крутой ступенчатой ретушью на массивных пластинах. Р. Салецкий условно именуется их “лимасами”. Кроме того, для Шанидара, видимо, характерны и специфические проколки-перфораторы в виде короткого клюва, образованного двумя выемками на конце или углу заготовки. Морфологически они аналогичны так называемым тейяжским остриям, но типологически не тождественны им. В индустрии мусть-

ерских стоянок Средней Азии изделия подобных типов отмечаются лишь в типологии материалов стоянки Кутурбулак, встречаются они и в материалах стоянки Семиганч в Таджикистане.

В совместной монографии, посвященной памятникам каменного века долины Зарафшана, мы, указывая на близость материалов Кутурбулака к памятникам обирахматской культуры, отмечали, что материалы Кутурбулака имеют в то же время и индивидуальные отличия, ссылаясь при этом на упомянутые двухконечные острия, тоже условно именуемые нами “лимасами” (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980).

Эти редкие, но важные индивидуальные отличия индустрий Шанидара, Кутурбулака, Семиганча, возможно, свидетельствуют о наличии определенных этнокультурных отличий в однородной, на первый взгляд, так называемой леваллуа-мустьерской общности, находящей аналогии в комплексе Табун “Д” Ближнего Востока. На это же, кажется, указывает практически полное отсутствие в Обирахмате скребков, которые все же в разных формах представлены в материалах Кутурбулака.

Литература

1. Лев Д.Н. Древний палеолит в Аман-Кутане. Самарканд, 1949.
2. Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.
3. Несмеянов С.А., Ранов В.А. К палеогеографии мустьерских стоянок в горах Средней Азии // Страны и народы Востока. Вып. X. Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). М., 1971.
4. Solecki R.S., Shanidar. The First Flower People. New York, Alfred Knopf, 1971.

Х.А. Тойчиев, К.А. Крахмаль

ПРОБЛЕМЫ СТРАТИГРАФИИ ЧЕТВЕРТИЧНОГО ПЕРИОДА УЗБЕКИСТАНА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Для археологии палеолита Узбекистана цель исследования развития окружающей среды в четвертичном периоде совершенно ясна, так как он представляет последний геологический раздел в истории Земли и включает эпоху становления древнейшей материальной культуры. Одно время остатки древнего человека и его орудий труда использовались для датировки отложений и событий четвертичного периода. В последние годы наблюдается обратное явление, то есть возраст культуросодержащих отложений определяют по изучению последовательности напластований слоев горных пород в четвертичном периоде. В связи с этим археологическая наука вносит свой вклад в изучение четвертичного периода и, в свою очередь, использует результаты других методов исследований.

Исследование четвертичного периода представляет общий интерес для геологов, геоморфологов, археологов, антропологов, географов, ботаников, зоологов, геохимиков, метеорологов, почвоведов, инженеров-геологов, а также многих других специалистов, интересующихся проблемами окружающей среды. Исследования в направлении этих наук обеспечивают комплекс фундаментальных и прикладных исследований, которые проводятся с начала XIX в. и имеют свою историю развития. Поэтому представляется важным сделать краткий очерк истории гипотез и исследований этого периода.

Впервые термин «четвертичный» был использован в XVIII в. Лайель в 1832 г., рассмотревший классификацию данных отложений с палеоклиматической точки зрения, ввел термин «плейстоцен» (Lyell, 1832). После того, как ледниковая теория получила общее признание, было внесено дальнейшее уточнение в определение плейстоцена, и для самого последнего отрезка шкалы послеледникового периода в 1885 г. Международный геологический конгресс ввел специальный термин - голоцен. Развитие ледниковой теории оказало большое влияние на изучение

четвертичного периода и способствовало прогрессу в его познании. Однако впоследствии было отмечено, что плейстоцен и ледниковый период не должны считаться синонимами, так как известно, что оледенения происходили и до начала четвертичного периода. Кроме того, ледниковый период Европы в классической схеме охватывает только последние 850 тыс. лет.

В этой связи уместно отметить, что некоторые классификации существуют давно и продолжают широко использоваться, в том числе и в археологии палеолита. Наиболее ранней и популярной является альпийская шкала. Но термины «гюнц», «миндель», «рисс» и «вюрм» до сих пор требуют стратиграфического обоснования. Поэтому едва ли данную схему можно рассматривать как отвечающую современным требованиям. Кроме того, события, к которым относятся эти периоды, даже если включить сюда оледенения дунай-I и дунай-II-бибер, не охватывают всего четвертичного периода. Даже в пределах того интервала времени, на который распространяется эта схема (около 850 тыс. лет), действительная последовательность событий была неизмеримо более сложной, чем это представляется по схеме включающей четыре оледенения и разделяющих их межледниковья. К настоящему времени установлено существование в четвертичном периоде 17 циклов оледенений (Боуэн. 1981), что обусловило более высокую скорость всех природных процессов.

Тем не менее эти термины до сих пор использовались, и события установленные во всем в других районах, таких как Центральная Азия соотносились с альпийской шкалой. Тенденция к подобному излишнему упрощению приводила к тому, что новые открытия вставлялись в существующие классификации. Такое произвольное обращение с фактами поддерживало иллюзию их наукообразной надежности и точности, поскольку на первый взгляд, постоянно подтверждается исходная схема. Подобную тенденцию - по-

стоянно подтверждать открытия, сделанные при недостаточном объеме данных в 70-х годах XX в. называли синдромом подкрепления, приводя в качестве примера классическое четырехчленное деление плейстоцена в Альпах (Боуэн, 1981). В результате такого подхода, названия давали событиям, установленным вдали от районов, где они были впервые применены, и корреляция осуществлялась путем заполнения пустующих клеток в классификационной таблице. Эта не удачная тенденция усугублялась еще тем, что альпийская хронология связывалась с климатической хронологией. Существующий метод датирования отсчетом сверху от вюрма вниз по разрезу или назад по времени. На основании этого метода ископаемой почве кремсер в Австрии приписывали рисс-вюрмский межледниковый возраст однако поздние работы показали, что она на миллион лет старше.

Даже когда речь идет о последнем оледенении, которое сравнительно хорошо изучено, постоянное употребление неправильных схем часто вызывает недоразумения. В Европе до сих пор неоднозначно используют термин «вюрм», путаницу в этом вопросе охарактеризовали как «вюрмскую смесь» (Боуэн, 1981).

Менялся и геологический статус четвертичного периода, который рассматривался как эра, логически продолжая ряд «первичный»-палеозой, «вторичный»-мезозой и «третичный». Впоследствии отмечалось, что понятия «третичный» и «четвертичный» являются до некоторой степени анахронизмами, так как термины «первичный» и «вторичный» уже не употребляются, а «третичный» и «четвертичный» входят в состав кайнозоя.

Тем не менее, ряд исследователей считают, что вся стратиграфическая номенклатура должна основываться на том, какую пользу она приносит для понимания и обмена информацией. Информация о конкретном периоде должна быть описана точно и однозначно, чтобы эти описания правильно поняли ученые разных направлений и стран

Трудность стратиграфических исследований осложняется еще и тем, что большая часть четвертичных осадков по происхождению относится к континентальным и в основном не содержит ископаемых осадков.

Даже самое мощное из средств корреляции - радиометрический метод датирования - зависит от наличия специфических материалов для анализа и требует, чтобы образцы оставались закрытой системой с того самого времени, которое пытаются датировать (Старик. 1960; 1961; Чердынцев. 1956). Это затрудняет межрегиональные корреляции, а при попытках межконтинентальных корреляций возникает множество проблем. Причем ситуация осложняется еще и тем, что представители некоторых направлений склонны рассматривать свой подход как единственно верный. Если учесть отсутствие общепринятых практических требований за длительный период развития исследований, постоянно меняющуюся терминологию, большое количество разрозненных и противоречащих друг другу данных и разнообразие теоретических подходов к классификации, то едва ли удивит, что приступающие к изучению данного периода находят этот предмет сложным и запутанным.

Хронологическая шкала четвертичного периода также подвергалась значительным изменениям. Вместо прежнего плейстоцена, включавшего четыре основные ледниковые эпохи, в пределах одной только палеомагнитной эпохи Брюнес фактически установлено восемь ледниковых и восемь межледниковых эпох, а весь четвертичный период включает 17 оледенений. Существующие системы расчленения не соответствуют и объективной реальности, поэтому употребляемые в них термины, в лучшем случае, должны быть определены заново, а в худшем являются целиком и полностью ошибочными и дезинформирующими. Например, четыре классических яруса альпийского региона охватывают интервал времени около 0, 8 млн. лет; более того, они обязаны своим существованием не климатическим циклам, а фазам ускоренного поднятия земной коры в Альпах.

Традиционные методы датирования и корреляции континентальных отложений устарели, а новые проблемы большей частью находятся за пределами их разрешающей способности. В силу этого датирование четвертичных отложений Центральной Азии ложится почти исключительно на геомагнитные методы.

В стратиграфических исследованиях четвертичного периода Узбекистана на основе анализа геотектонических событий новейшего этапа региона, выделена наиболее крупная структурная единица - Тянь-Шаньский орогенный комплекс. Данный комплекс подразделяется на раннетяньшаньскую, позднетяньшаньскую и аральскую орогенные серии, а внутри серий соответствующие свиты. Выделенные стратиграфические единицы отражают сложные и дифференцированные геотектонические процессы эпох позднего кайнозоя на территории Узбекистана. Систематизация геотектонических преобразований выполнена на основе положений стратиграфического кодекса Международной Стратиграфической Комиссии, предложенного для разработки местных стратиграфических схем.

В результате классификации геомагнитных событий в периоды тяньшаньского орогена, магнитное поле всего периода рассматривается как одна суперзона - в пределах нее выделено две ортозоны, а сами ортозоны подразделяются на зоны и субзоны. Объектом магнито-стратиграфических исследований явились разрезы континентальных отложений Узбекистана, которые представлены различными генетическими типами и литологическим субстратом осадков. Данные отложения в результате непрерывно прерывистой активизации эндогенных и экзогенных процессов на территории республики представлены неравномерно. В основном они

зафиксированы во фрагментарных, прерывистых осадочных комплексах пород. В особенности это относится к горным районам, подвергшимся интенсивным геотектоническим преобразованиям в период Тянь-Шаньского орогенного комплекса.

Исключительно редко встречаются последовательности слоев, отлагавшихся непрерывно. Среди подобных объектов заслуживают особого внимания разрезы Оркутсай (Тоичиев, 1982; Мавлянов, 1982) и Апартак (Тойчиев, 1982), Кумышкан, Заркент (Тойчиев, 1996), расположенные в Приташкентском районе.

На основе палеомагнитных исследований отложений Тянь-Шаньского орогенного комплекса разработана схема палеомагнитной стратиграфии четвертичных отложений и построена региональная шкала геомагнитной полярности (Тойчиев, 1977, 1982).

В заключение следует отметить, что в соответствии с данной схемой необходимо пересмотреть устаревшие, а порой ошибочные взгляды на историю развития четвертичного периода Центральной Азии.

Предложенная схема позволяет не только коррелировать между собой различные генетические типы четвертичных отложений региона, но и сопоставляет их с морскими и вулканическими осадками.

Главное достоинство шкалы заключается в ее возможности проводить не только межрегиональную, но и планетарную корреляцию.

Литература

1. Боуэн С. Четвертичная геология. М., 1981. 270 с.
2. Lyell R. Nouveaux elements de geologie. Paris, 1839.
3. Мавлянов Г.А. Цикличность формирования лессовых пород предгорной части приташкентского района. Узбекский геологический журнал. № 2. Ташкент. 1983. С 47-50.
4. Старик И.Е., Старик Ф.Е., Петряков Е.П., Лазарев К.Ф., Елизарова А.Н. Значение миграции радиоэлементов для определения их возраста свинцовым методом / Определение абсолютного возраста дочетвертичных формаций. М. 1960. С. 15-30.
5. Старик И.Е. Ядерная геохронология. М.-Л. 1961. 630 с.
6. Тойчиев Х.А. Результаты палеомагнитных исследований четвертичных отложений Узбекистана // Тезисы докладов II Всесоюзного съезда «Постоянное палеомагнитное поле, магнетизм горных пород и палеомагнетизм». Ч. I. Тбилиси, 1981.
7. Тойчиев Х.А. Сводный палеомагнитный разрез четвертичных отложений Узбекистана // Узбекский геологический журнал. № 3. Ташкент, 1982. С. 6-8.
8. Тойчиев Х.А. История геомагнитного поля четвертичного периода по результатам палеомагнитного изучения осадочных пород приташкентского региона // Узбекский геологический журнал № 5. Ташкент, 1976. С. 66-69.
9. Тойчиев Х.А. Палеомагнитная стратиграфия континентальных четвертичных отложений Узбекистана. Автореф. дисс... докт. геол.-минералогич. наук. Ташкент, 1996. 51 с.
10. Toichiev Kh. Guidebook for excursions A-11, C-11. XI Congress INQUA M., 1982. P. 9-16.
11. Чердынцев В.В. Определение абсолютного возраста палеолита // СА. № XXV. М., 1956. С. 64-86.

М. Жўрақулов

ЗАРАФШОН ВОҲАСИ ТАМАДДУНИ ИЛК ИЛДИЗЛАРИ САҲИФАСИДАН

Ўрта Осиёнинг Марказий қисмини ташкил этувчи мамлакатимиз худудлари антропогенез жараёни содир бўлган минтақалар қаторига киради ва жуда қадимги тарихга эга, унинг илк илдизлари 1 миллион 200 минг йилларга тенг. Сўнгги йилларда унинг жанубий воҳаларида бажарилган тадқиқотлар туфайли қадимги суғорма деҳқончилик билан боғлиқ маданият тарихимиз аввалги тасаввурларга нисбатан яна қарийб минг йилга чуқурлашди ва Қадимги Шарқ цивилизациясининг ривожда ажодларимизнинг муносиб ҳиссаси борлиги аниқланди.

Мамлакатимизнинг тарихан таркибий қисми бўлган Зарафшон воҳаси ажодларимиз тараққиёт тарихини ифодалаб берувчи хилма-хил манбаларга ниҳоятда сероблиги билан ҳам Марказий Осиёда алоҳида ўрин тутди.

Шимолий-ғарбий йўналишда 781 км, шундан, Ўзбекистон худудида 481 км масофани ташкил қилган бу воҳа тектоник ходисалар туфайли вужудга келган. Неоген давригача, яъни бундан 25-23 миллион йиллар аввал бу атрофда денгиз бўлиб, Алп орогенезида ҳавза қуриқликка айланган. Унинг ҳозирги рельефининг шаклланишида Зарафшон дарёсининг доимий ва вақтли ирмоқлари ҳамда шамол муҳим рол ўйнаган. Воҳа Зарафшон музлигидан бошланиб, (баландлиги 1775 м), ғарбда Сандикли қумлигича (185 м) бўлган худудларни ўз ичига олади. Ўзбекистон худудида унинг айрим жойлари 60-70 км гача кенгликка эга бўлиб, асосан текисликдан иборат. Иқлими континентал, турли ер ости бойликларига сероб. Водий ботиқда жойлашганлиги сабабли ер ости сувлари юзга яқин ва мўл. Бу табиий ҳодиса кейинчалик инсон, ўсимлик ва ҳайвонот дунёси ривож учун муайян қулайликлар туғдирди. Аммо, бу ерда табиий ва экологик шароит бир маромда кечмаган, аста-секин ўзгаришлар рўй берган, совуқ тушиб, қурғоқчилик туфайли ўсимлик ва тирик жон дунёси ўзгариб борган, қайсики бу жараён узок ўтмишни ўз ичига олади.

Кейинги йилларда Зарафшон воҳаси тарихини ўрганиш борасидаги тадқиқот ишлари кенг қулоч ёйди, муҳим ютуқлар қўлга киритилди. Жумладан, Қизилқум ва унинг ботиқлари атрофида бундан қарийб 500-350 минг йиллар муқаддам яшаган инсон гуруҳларининг маконларининг топилиши Зарафшон ҳавзаси тарихини эндиликда яна қарийб 400 минг йилларга чуқурлаштирди.

Воҳанинг энг қадимги тарихини ўрганишнинг дастлабки ташаббускорлари: академиклар Яхё Фуломов, А. Аскарлов, Ў. Исломов, Самарқанд университети олимларидан Д.Н. Лев, Н. Тошкенбоевлар бу ерда кишилиқ маданияти палеолит давридан эътиборан узлуксиз ривожланиб келганлигини асослаб бердилар.

Ўзбекистон ФА археология институтининг бир гуруҳ олимлари Қизилқум саҳроларида илк давр маданият изларини топиб, Зарафшон ҳавзаси тарихини деярли ярим миллион йилларга чуқурлаштиришга эришдилар.

Манбаларга эътибор қаратадиган бўлсак, воҳада бундан 100-40 минг йиллар аввал ҳаёт курган энг қадимги инсон гуруҳларининг 20 дан зиёд макону-манзилгоҳлари ҳамда алоҳида тарздаги топилмалар ўрганилиб, бу жамоаларнинг ҳаёти, турмуш тарзи, уларнинг маънавий дунёсини ифодалаб берувчи қимматли илмий маълумотлар тўпланди. Айниқса, Ургут, Нарпай туманлари, Навоий вилояти, Қизилқум саҳроларидан ўрганилган ёдгорликлар катта ҳажмда, қизиқарли манбалар берди. Хусусан, улар яратган меҳнат воситалари, уларни яратишда қўлланилган давр технологияси, меҳнат тақсимооти эса уларнинг ижтимоий тараққиётини ривожлантиришдаги муҳим омиллардан эди. Ана шу даврда абстракт тушунчаларнинг ва улар билан боғлиқ илк диний тасаввурларнинг вужудга келиши кузатилади.

Масала шундаки, бу даврда яшаган ажодларимиз ўз даврига нисбатан юксак маданият соҳиблари ҳам бўлганлар, қўшни ўлкалар маданиятига ҳам ижобий таъсир кўрсатганлар. Масалан, воҳада қўлланилган меҳнат воситаларининг анъаналарини, Ҳиндистон-

нинг Соан маданиятида, Обираҳмат, Қўлбулок, Марказий Қозоғистон, ҳамда Тожикистон палеолит ёдгорликларида кузатиш мумкин.

Хуллас, зикр этилган даврда яратилган технология, у билан боғлиқ юз берган сифат ўзгаришлар галдаги тараққиётга замин хо-зирлади. Бундан аввалги, 40-12 минг йиллар давридаги маданият тарихимизни ифодаловчи қатор ёдгорликлар ўрганилди. Фақат Самарқанд шаҳри ҳудудида жойлашган макондан 10 мингдан зиёд археологик ашёвий манбалар олинди. Кейинги йилларда Булунғур туманида, Қоратепа тоғи этакларида янги макон-манзилгоҳлар ўрганилиб, бой манбалар қўлга киритилди. Уларнинг аналитик таҳлилда, бу ерда содир бўлган сўнги палеолит маданияти жойли ўрта палеолит маданиятининг давоми эканлигини кўрсатди. Бу даврда инсон жамоалари ижтимоий тузумида, маънавий дунёсида, тафаккурида муайян ўзгаришлар юз берди, она уруғчилиги тизими шаклланди, жамоалараро маданий алоқаларнинг ривожини ижтимоий-иқтисодий тараққиётга муайян ижобий таъсир кўрсатди.

Масалан, Самарқанд маконидан топилган санъат намуналари ҳисобланган чиғаноқларнинг асл макони Қизил денгизи кўрфази Ҳинд уммони кирғоқлари ҳисобланади. Марказий Осиёда етакчи ёдгорлик бўлган Самарқанд маконида қўлланилган меҳнат куруллари намунавий анъаналари Ҳиндистон, Тожикистон, Афғонистон, Қозоғистон, Фарбий ва Шарқий Сибирда ўрганилган ёдгорликларда кузатилади. Демакки, Зарафшон воҳасида яшаган аجدодларимиз даврига нисбатан кенг миқёсли ва юксак маданий-ижтимоий турмушга эга бўлганлар. Сўнги йилларда қўлга киритилган манбалар ҳавзанинг деярли барча ҳудудларида палеолит жамоаларининг меросхўрлари тиғиз ва кенг қўламда яшаганлигини кўрсатди.

Милоддан аввалги 12-6 минг йилликлар даври тарихимизни намоён этувчи 100 дан зиёд маконлардан катта ҳажмда манбалар тўпланди. Хусусан, Қоратепа тоғи этакларида тарқалган Сазағон маданияти мажмуаси, Зарафшоннинг қадимги ўзанлари бўйлаб, шунингдек, Қизилқум даштларида кўплаб ёдгорликлар ўрганилди ва Қалтаминор маданияти номи билан фанга кирган тараққиёт босқичини кўхна илдизлари Самарқанд палеолит, сўнгра Сазағон неолит маданияти негизидан келиб чиққанлиги ойдинлаштирилди. Бу аждодларимиз ижтимоий, иқтисодий ва

маънавий соҳаларда муайян ютуқларга эришганлиги – хусусан, маҳсулот ишлаб чиқариш хўжалигини кашф қилиши, муқим яшашга ўтиши, жамоалараро маданий алоқаларнинг ривожланиши, кишилар тафаккури ва маънавий дунёсининг кенгайиши сингари омиллар эса тамаддун сари қўйилган муқим қадамлардан бўлиб, бу даврда эришган турмуш ва маданий ютуқлар жойли, маҳаллий ишлаб чиқариш маҳсули эканлигини кўрсатди.

Воҳада қадим замонлардан мавжуд бўлган иқлим ва экологик шарт-шароитлар тараққиётни таъминлашда маълум рол ўйнайди.

Зарафшон воҳасида кечган узлуксиз тарихий тараққиётнинг давомини энеолит, бронза ва илк темир даврлари ёдгорликларида кўриш мумкин. Бу даврлар жамиятнинг буюк кашфиётлари билан боғлиқ. Шулардан бири дастлабки металлнинг кашф қилиниши.

Ўрта Осиёда дастлаб металлдан фойдаланиш милоддан аввалги 5 минг йилликда маълум эди, 4 минг йилликда эса маҳаллий маданлардан фойдаланиб, 3 минг йиллик охири 2 минг йиллик бошларида маҳаллий усталар металлдан буюмлар тайёрлашга киришдилар. Бу даврда Евросиё микёсида Ўрта Осиё, Зарафшон воҳаси металлургияси алоҳида ўрин тутган. Металлургия жамиятнинг иқтисодий, ижтимоий тараққиётини ларзага келтирди, ўтроқ суғорма деҳқончилик кашф қилинди, цивилизациянинг илк асослари бўлган йирик уй-жой маконлари, шаҳар типидagi кишлоқлар қад кўтарди, урбанизация жараёнининг илк илдизлари томир отди. Хуллас, ишлаб чиқаришнинг жонланиши мулкий табақаланишга асос яратди, ижтимоий, маънавий тараққиётда ҳам кескин ўзгаришларга олиб келди ва кейинчалик дастлабки давлатчилик структурасини вужудга келишга асос бўлди. Демакки, бу жараённинг тобора ривожланиши эса Зарафшон воҳаси тамаддуни илдизларини ҳаракатга келтирувчи муқим омиллар эди.

Таҳлилий фикрларни билдирадиган бўлсак, сўнги 30-35 йил ичида ўлкада катта тадқиқот ишлари бажарилди ва маданият тарихимизни қатор муаммолари ойдинлаштирилди. Жумладан, аввалари фанда Зарафшон воҳасида ўтроқ деҳқончилик маданияти йўқ ўлка ҳисобланиб келинган бўлса, айни вақтда вазият ўзгарди. Бухоро вилоятида Замонбобо, Самарқанд шаҳридан 45 км, шарқда Саразм кишлоғи атрофида, сўнгра, бошқа бир неча

жойларда энеолит ва бронза даврига доир ўтроқ деҳқончилик билан боғлиқ жамоаларнинг манзилгоҳлари берган манбаалари ўрганилиб, бу маданият келгинди эмас, балки махаллий негизда ривожланганлигини кўрсатди. Демак, деҳқон бобокалонларимиз маданияти бошқа худудларидан кириб келган эмас, туб асосда ривожланганлиги аниқланди. Тўғри, маданий тараққиётдаги инновация, диффузия жараёнларини инкор қилиб бўлмайди, албатта.

Самарқанд Давлат университети олимлари Ургут тумани худудидаги Тўқайлитепани текшириб, бу ерда воҳанинг металлургия маркази бўлганлигини аниқладилар. Ҳамма

гап шундаки, Саразм, Тўқайтепа ёдгорликларида Сополли маданияти излари мавжуд. Саразм маданиятининг илк илдизларини Сазағон-Қоратепа тоғлари этақларида ўрганилган неолит маданияти заминидан излаш ҳақиқатга яқин. Бу манбалар Зарафшон хавзаси Ўрта Осиёнинг жанубий худудлари сингари энг қадимги деҳқончилик маданияти ривожланган марказларидан бири эканлигидан гувоҳлик беради. Хуллас, Ўзбекистонда Сополли маданиятининг кенг тарқалиши бронза даврида хавзанинг «Бақтрия-Марғиёна иркий-маданияти бирлиги»га кирганлигидан гувоҳлик беради.

Адабиётлар

- Аванесова Н.А. Эпохи бронзы Средней Азии. Самарқанд, 1989.
- Аскарлов А.А., Жўрақулов М. Энеолит ва бронза даврида Ўрта Осиё. Самарқанд, 1984.
- Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского Междуречья. М., 1981.
- Гулямов Я.Г., Исламов У.И., Аскарлов А.А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Джурақулов М.Д. Самарқандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Джурақулов М.Д., Коробкова Г.Ф. Новые данные о комплексном изучении материалов Самарқандской стоянки (по раскопкам 1961-1967 гг.) // АҚТЭ масалалари илмий тўплами. Самарқанд, 2001, 144-157 б.
- Джурақулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент, 1991.
- Джурақулов М.Д., Холматов Н.У. СамДУ археологик тадқиқотлари саҳифасидан (1995-2000) // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар, 2000 йил. Самарқанд, 2001. 62-68 б.
- Журақулов М. Самарқанднинг урбаник давригача бўлган маданият тарихи саҳифаларидан // АҚТЭ масалалари илмий тўплами. Самарқанд, 2001, 3-4 б.
- Журақулов М., Аванесова Н.А., Амиркулов Б.А. Зарафшон воҳасининг ибтидоий маданияти, Самарқанд, 1995.
- Лев Д.Н. Поселение древнекаменного века в Самарқанде // Труды СамГУ, вып. 135. Самарқанд, 1964.
- Лев Д.Н. Самарқандская палеолитическая стоянка // ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965.
- Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.
- Исаков А.И. Саразм. Душанбе, 1991.
- Ранов В.А. Самарқандская стоянка и ее место в каменном веке Средней Азии // Известия общ. наук Таджикистана. Душанбе, 1968, № 3/53.
- Исамиддинов М., Рапен К., Хасанов М. О двух разных традициях Согда на раннем этапе формирования городов // Сўғд Марказий Осиёнинг маданий алоқалари тизимида» мавзусидаги конференция материаллари. Самарқанд, 17 ноябр 1999, 39-40 б.
- Исамиддинов М.Х., Рапен К., Грене Ф. Раскопки на городище Коктепа // Археологические исследования в Узбекистане- 2000 год. Самарқанд 2001, 79-86 б.
- Хўжаназаров М., Сайфуллаев Б. Новые палеолитические памятники Кызылкума // Сўғд Марказий Осиёнинг маданий тизимида мавзусидаги конференция материаллари. Самарқанд, 17 ноябр, 1999, 28-29 б.

Н.У. Холматов

К ХРОНОЛОГИИ КЕЛЬТЕМИНАРСКИХ МАТЕРИАЛОВ СТАРОРЕЧИЙ ЗАРАФШАНА

В 1984 году Хорезмской экспедицией И.Э. АН России, историческим факультетом СамГУ и географическим факультетом ТашГУ были проведены совместные работы на староречьях Зарафшана (Виноградов, Мамедов, 1986, с.456; Джуракулов, Мамедов, 1986, с.457). Объектом работ была система древних протоков Зарафшана – Чорбактинская дельта, выделенная на территории между изученными ранее староречьями Дарьясай и Махандарья (Газлийский район, Бухарской области) (рис. 1). Первые рекогносцировочные работы были проведены здесь в 1978 году (Виноградов, Мамедов, 1979, с.547). В ходе исследований в 1984 г была открыта большая группа развешанных стоянок каменного века, которые четко делятся на две хронологические группы. Первая, характеризующаяся наличием в инвентаре значительного количества

ва нуклеидных скребков, относится, скорее всего, к раннему мезолиту (Холматов, 2000); вторая – это стоянки кельтеминарской культуры (Холматов, 1991, с.4-32) (рис.2).

В настоящей статье мы рассматриваем хронологию кельтеминарских материалов староречий Зарафшана на основе ранее известных и новых археологических данных.

Имеющаяся сейчас хронология кельтеминарских памятников базируется главным образом на наблюдениях эволюции форм каменного инвентаря стоянок и, отчасти, на керамическом материале (Коробкова, 1969, с.46-51; Виноградов, 1981, с.118-136). Последнее обстоятельство объясняется крайней редкостью находок керамики на развешанных стоянках и малым количеством стоянок со слоем (рис. 7).

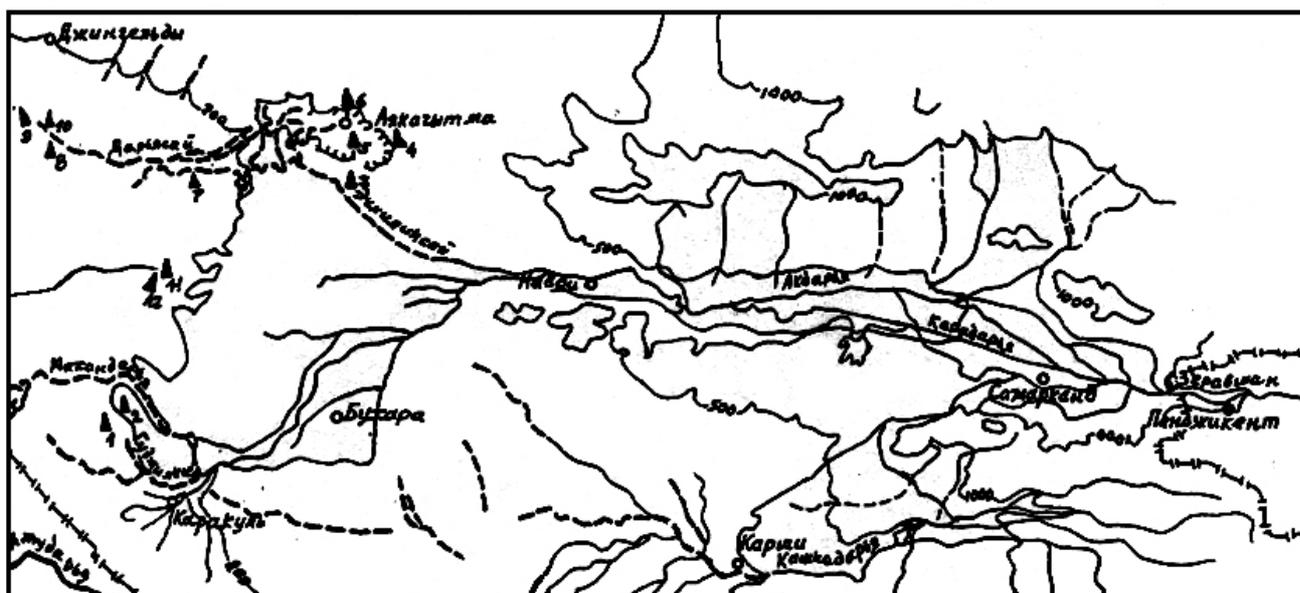

Рис. 1. Неолитические памятники в низовьях Зарафшана

1 - Дарбозакыр 1; 2 - Дарбозакыр 2; 3 - Эчкиликсой; 4-6 - стоянки Аякагитминской группы; 7 - Учаци 131; 8-10 - стоянки Дарьясайской группы; 11-12 - стоянки Чорбактинской группы

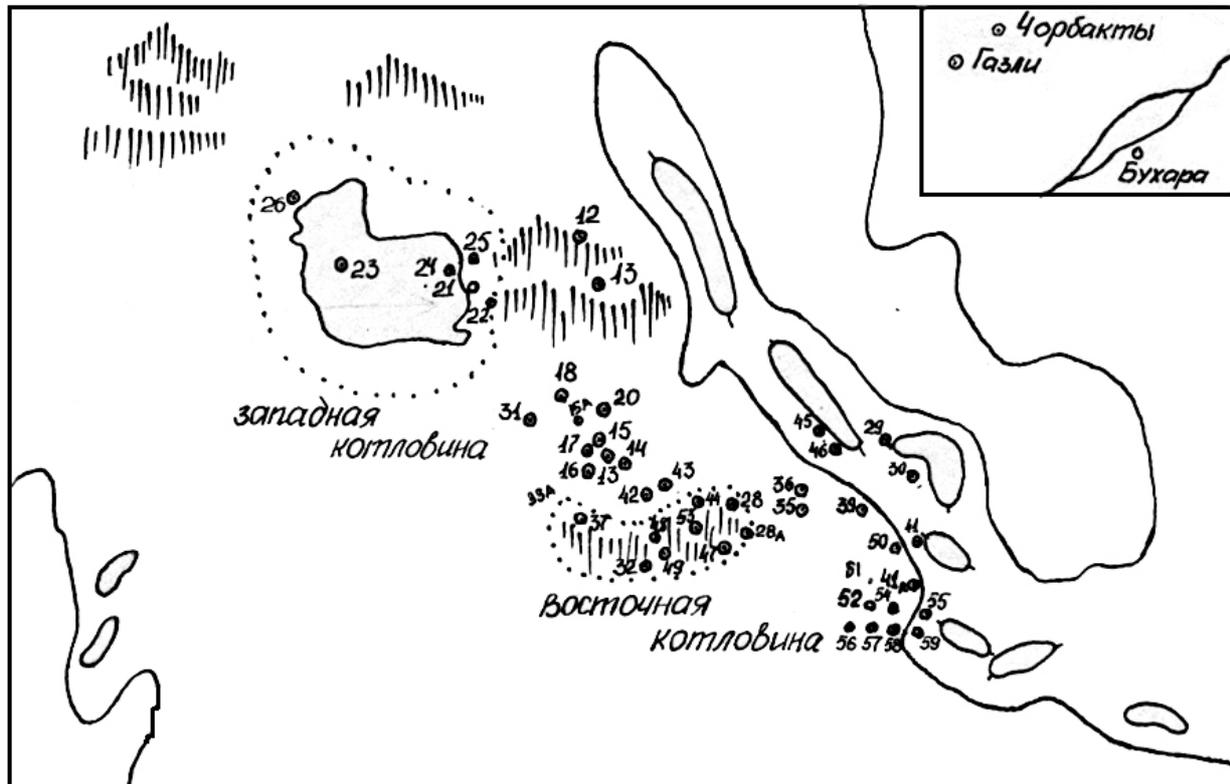

Рис. 2. Схематическая карта расположения неолитических памятников Чорбактинской группы

Выделены три группы кельтеминарских памятников и, соответственно, три этапа развития кельтеминарской культуры: ранний, средний и поздний. Ранний этап характеризуется широким появлением (или наследованием) таких геометрических, в основном с симметричными трапециями форм, как параллелограммы, трапециевидные остря, треугольники. Характерной особенностью техники обработки геометрических орудий этого этапа является полное отсутствие противоположающей ретуши: все они обработаны крутой ретушью со спинки.

Что касается керамики, то для раннего этапа свойственны некоторые реберчатые формы крупных сосудов, позже совершенно неизвестные. Эталонным памятником раннего этапа кельтеминарской культуры является нижнезарафшанская стоянка Учащи 131. В связи с этим пока не ясно, являются ли отмеченные выше особенности нижнезарафшанской керамической орнаментики локальным для данной территории явлением или, как свидетельствуют материалы этой стоянки, они свойственны раннему неолиту кельтеминарской общности.

Кроме стоянки Учащи 131, к ранней группе относится большая часть стоянок верхнего и среднего Дарьяса, отдельные стоянки западной Аякагитминской дельты, Эчкиликса и часть материалов из Чорбакты.

Как уже отмечалось выше, сделана попытка выделить группу материалов, занимающую хронологически промежуточное положение между стоянками раннего и среднего этапов. Здесь, при сохранении некоторого количества мелких трапеций, единично появляются наконечники стрел кельтеминарского типа. В низовьях Зарафшана это стоянки Аякагитма 86, 322, 342, 367, Чорбакты 35, 45, возможно, Дарбазакыр I и Большой Тузкан 30. Такого типа коллекции имеются и в других скоплениях кельтеминарских памятников на территории Кызылкумов. Однако все стоянки этой группы не сохранили культурного слоя и сделанные на их основе выводы не выходят пока за рамки предположения. Вторая группа – средний этап, характеризуется широким распространением наконечников стрел кельтеминарского типа (Виноградов, 1979, с.3-10.) и почти полным исчезновением трапеций (рис. 3, 4, 6). Сохраняются (до конца неолита) треугольники, параллелограммы, трапеции, остря, треугольники.

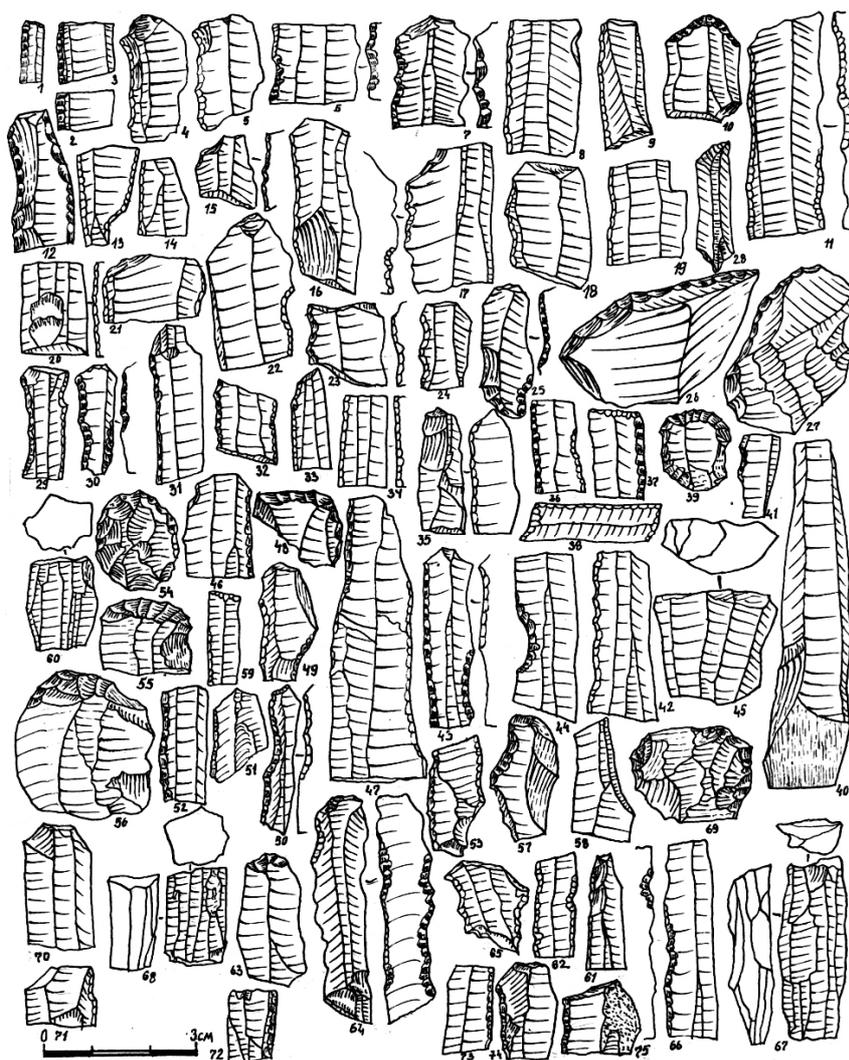

Рис. 3. Изделия из камня.

1-10 – ст. Чорбакты 40; 11-16 – ст. Чорбакты 41А;
17-19 – ст. Чорбакты 43; 20-28 – ст. Чорбакты 44;
29-40 – ст. Чорбакты 46; 41-45 – ст. Чорбакты 47А;
46-48 – ст. Чорбакты 48; 49-60 – ст. Чорбакты 49;
61-69 – ст. Чорбакты 50; 70-75 – ст. Чорбакты 52

лограммы и, изредка, низкие, асимметричные трапециевидные остря. Характерной особенностью техники обработки, в отличие от аналогичной формы орудий раннего этапа, является широкое распространение противоположащей ретуши. Даже трапеции, в том числе и рогатые, кое-где единично сохранившиеся, обработаны по боковым сторонам противоположащей ретушью. Такие трапеции найдены в культурном слое стоянки Толстова (Виноградов, 1981, с.84, рис. 31.23, 24). На этом этапе появляются двустороннеобработанные наконечники стрел.

В низовьях Зарафшана к среднему этапу относится большая группа стоянок Западной

и Восточной Аякагитминских дельт и часть стоянок Махандарьи и Тузканских солончаков, а также некоторые стоянки чорбактинской группы (Холматов, 1991, с.4-32, рис. 1-6.). Материалы Тузканских стоянок Дарбазакыр 1 и 2 следует охарактеризовать более подробно.

В свое время У.И. Исламов, анализируя материалы этих стоянок, пришел к выводу об их существенном типологическом и, как следствие, хронологическом соответствии с ранними (по нынешней периодизации - средний этап Кельтеминара) стоянками Южного Приаралья (Гулямов и др., 1966, с. 73-86). Это позже было признано А.В. Виноградовым (1981), причем он рассматривает стоянку Дарбазакыр 2 как несколько более раннюю, чем Дарбазакыр 1. Основанием для этого послужили находки на стоянке Дарбазакыр 1 наконечника стрелы кельтеминарского типа, а на стоянке Дарбазакыр 2 - маленькой асимметричной трапеции и сегмента (Гулямов и др., 1966, с.32, рис. 10, 28; с.42, рис.15, 15; Кобкова, 1969, с.117; Виноградов, 1981, с. 75).

Строго говоря, данные единичные находки сами по себе не являются бесспорным доказательством высказанного предположения, однако отнесение обеих стоянок к среднему этапу не вызывает сомнений, что подтверждается также некоторыми новыми материалами. Автором, при изучении коллекции каменных орудий, хранящихся в Музее истории народов Узбекистана (г. Ташкент), найдена еще одна небольшая серия изделий геометрических очертаний, не отмеченных ранее исследователями стоянки. Это четыре типичных кельтеминарских орудия в форме

параллелограмма (рис. 5). Существенной особенностью их является обработка одного основания и двух боковых сторон только со спинки. Как указывалось выше, эта особенность характерна в основном для раннего этапа и пять однотипных орудий на одной стоянке вряд ли можно рассматривать как случайность. Параллелограммы, сами по себе, более характерны для среднего, чем для раннего этапа, однако характер обработки находок со стоянки Дарбазакыр 1 дает основания для уточнения, высказанных А.В. Виноградным гипотез. Следует однако признать, что новые находки не противоречат отнесению обеих стоянок к среднему кельтеминару.

На среднем этапе кельтеминара низовьев Зарафшана отчетливо проявляются изменения в характере сырья. Практически все ранние - неолитические коллекции (Дарьяся, Эчкиликся, отчасти Западной Аякагитминской дельты и ряда других районов) не содержат изделий из кремня. В то же время, в среднем неолите широко используется кремнь, в том числе белый кремнь. У.И. Исламов отмечает ведущую роль белого и молочного кремня на стоянках Махандарья (Гулямов и др., 1966, с. 29, 30), то же самое наблюдается и на средне-неолитических стоянках из урочища Чорбакты. Так, на стоянке Чорбакты 15А изделия из кремня (в основном из белого кремня) составляют около 56% всей коллекции каменных изделий. Если добавить сюда изделия из кварцита (13,5%), также мало характерного для раннего неолита, то все это составит абсолютно большую часть коллекции (Холматов, 1991, с.4-5, рис.3).

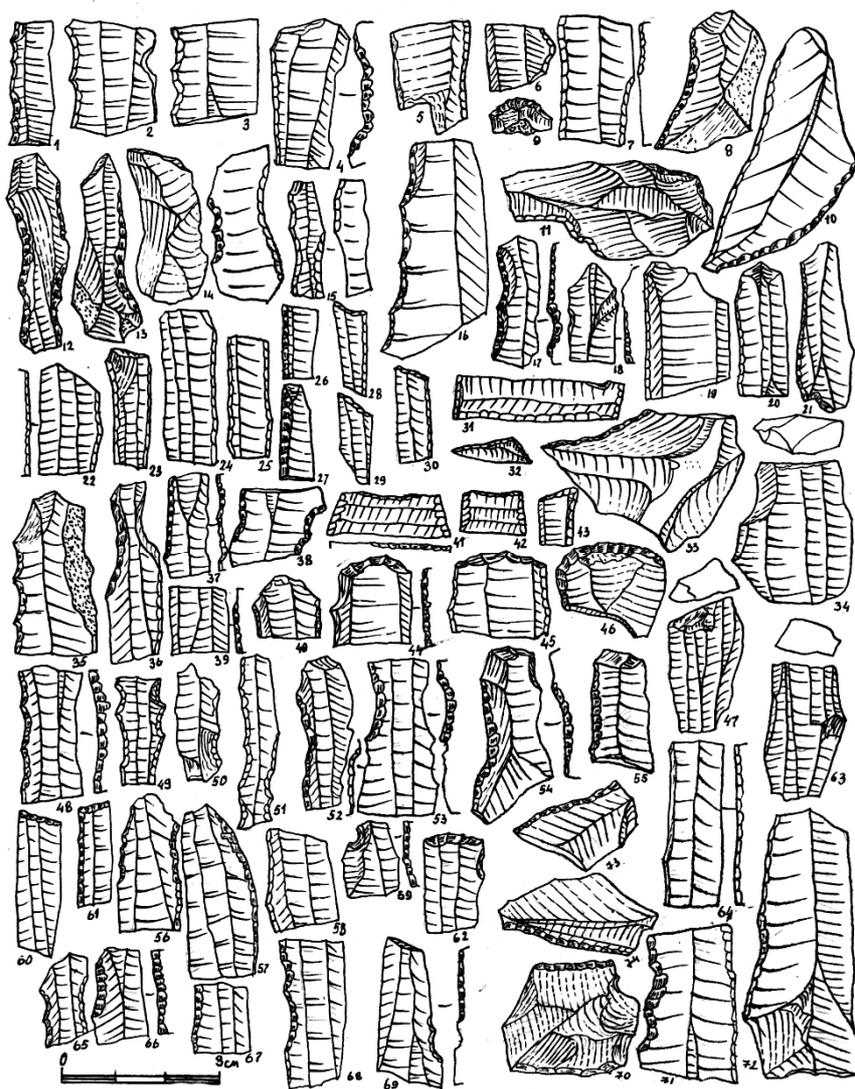

Рис. 4. Изделия из камня. 1-11 – ст. Чорбакты 20; 12-33 – ст. Чорбакты 22; 34-47 – ст. Чорбакты 28; 48-66 – ст. Чорбакты 30; 67-74 – ст. Чорбакты 31

Третья группа – поздняя – охарактеризована еще недостаточно четко. Это время связано с концом льявляканского плювиала, началом сокращения стока, постепенным редуцированием дельтовых протоков, изменением ландшафтно-климатических условий во внутренних, бессточных районах среднеазиатских пустынь. Сокращаются благоприятные для обитания человека районы, меняется характер расселения и образ жизни. Последнее обстоятельство выражено в резком сокращении долговременных поселений и, в частности, в уменьшении их площадей и сокращении объема полученных материалов. Преобладают небольшие, очевидно, временные стоянки. Другое немаловажное

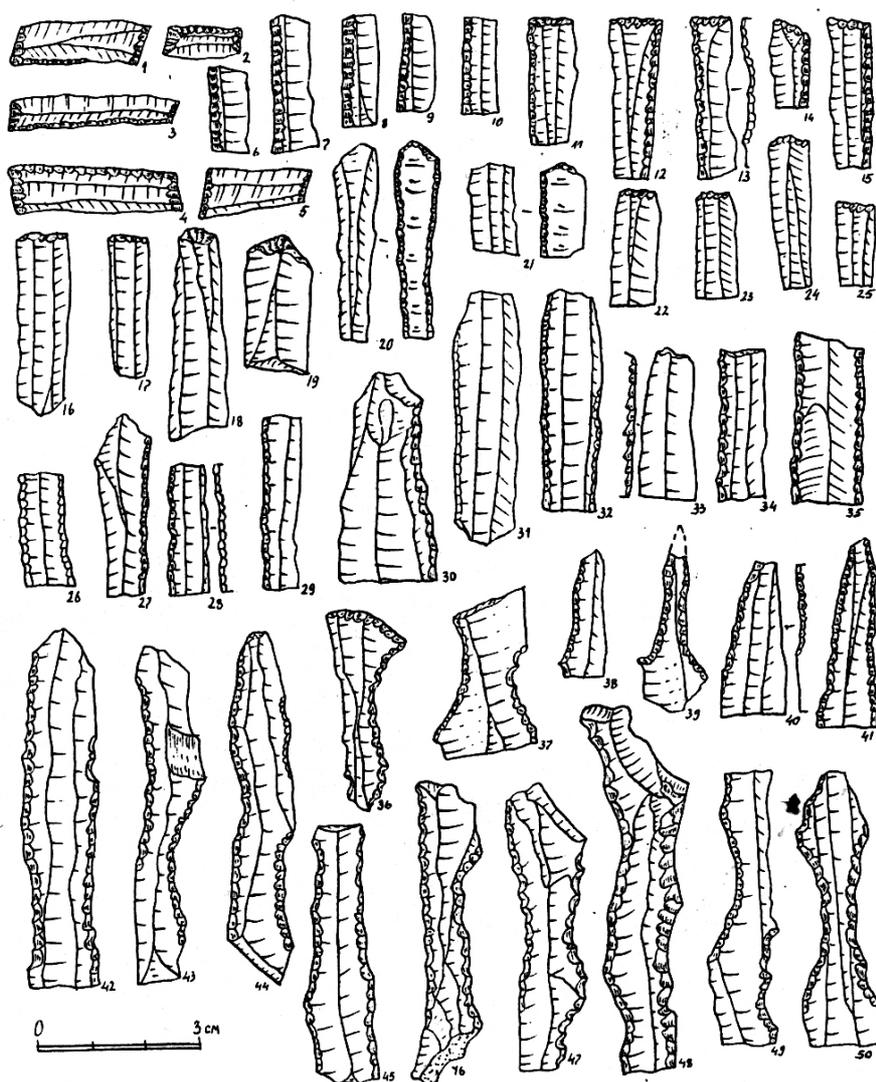

Рис. 5. Изделия из камня. Стоянка Дарбазакыр 1

обстоятельство заключается в том, что в процессе уменьшения удобных для поселения мест увеличиваются случаи повторного их использования. Большинство стоянок позднего этапа имеют примесь более поздних материалов. Это, в первую очередь, относится к стоянкам Восточной Аягаитминской дельты и Большого Тузкана. Здесь во многих случаях на поздненеолитических стоянках наблюдается явная примесь ранних и среднебронзовых материалов, в частности степной бронзы. Для них ещё свойственно наличие некоторого количества изделий из камня трудноотличимых, в отличие от керамики, от материалов позднего неолита. По материалам предположительно «чистых» стоянок позднего этапа можно реконструировать некоторые

закономерности развития поздненеолитической каменной индустрии. Многие неясности, связанные с выделением материалов позднего неолита, не дают сейчас возможности сколько-нибудь детально охарактеризовать материальную культуру этого времени. Однако установлено, что до конца неолита сохраняется ярко выраженный пластинчатый характер индустрии. Из характерных форм отметим переживание на этом этапе ряда геометрических форм, в первую очередь, в виде параллелограмма и низкого асимметричного треугольника. При этом характерна противоположащая обработка этих орудий. Изделия трапециевидной формы практически отсутствуют. Наконечники стрел кельтеминарского типа сохраняются до конца неолита, однако количественно уже

несколько уступают двусторонне обработанным формам (хотя часть последних, возможно, относится уже к эпохе бронзы).

В настоящее время имеется и абсолютная хронология материалов неолита и для равнинного междуречья в целом, и для староречий Зарафшана, в частности. Если ранее она базировалась в основном на данных сравнительного типологического анализа, то с появлением радиоуглеродных дат положение существенно улучшилось. Сейчас имеются две радиоуглеродные даты для стоянки Учащи 131 и большая серия для стоянки Толстова (Южное Приаралье). Следует сразу же оговориться, что образцы с Учащи 131 взяты не из культурного слоя стоянки (торфянистый пятый горизонт аллювиальных отложений микрорайона), а из шестого вышележащего торфянистого горизонта, отделенного от первого

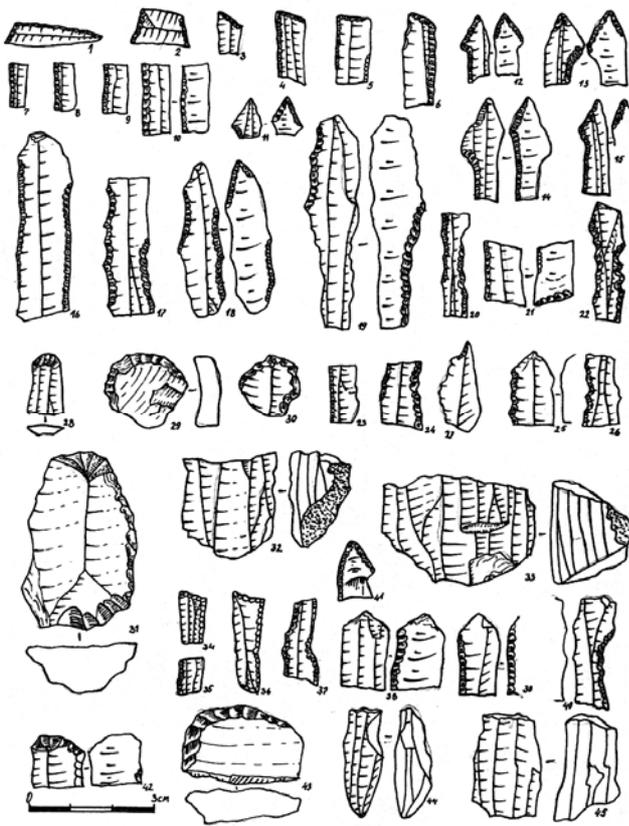

Рис. 6. Изделия из камня. Стоянка Чорбакты 26

более чем двух метровым слоем аллювия и являющегося, как и другие горизонты, погребенной почвой. Проведенные расчеты показывают, что пятый горизонт (культурной слой стоянки) может быть древнее шестого горизонта примерно на 300-500 лет, а может быть и несколько больше (Виноградов, Мамедов, Сулержицкий, 1977, с.267, 269). Таким образом, полученные даты (6630-100; 6590±130 л.н) можно удревнить до конца (или второй половины) VII-V тыс. до н.э.

Очень большой разброс дала серия радиоуглеродных дат со стоянки Толстова (более 10 образцов). Большинство из них приходится на IV тыс. до н.э., однако имеются результаты, выходящие за пределы этого периода. Так, одно из определений относится ко 2-й половине V тыс. до н.э. (рубеж третьей четверти), другое – к середине третьей четверти V тыс.¹

Следует сказать, что имеющиеся сейчас радиоуглеродные даты в целом соответству-

¹ Точные даты стоянки Толстова пока не опубликованы. Приведенные здесь данные сообщены лично А.В. Виноградовым.

ют выводом, полученным в свое время по результатам сравнительного типологического анализа.

Суммируя все эти данные (табл. 1, 2), а также материалы, приведенные в работах А.В. Виноградова (1981, с.131-133; 1981, А. с.88-97), можно предложить следующие абсолютные даты для неолита староречий За-рафшана.

Ранний этап (Учащи 131, большинство стоянок на Дарьясае, некоторые стоянки Западной Аякагитминской дельты, стоянки Чорбакты 33А, 47, 55) - конец седьмого, шестое, возможно, начало (или первая половина) пятого тыс. до н.э.

Средний этап (стоянки Дарбазакыр 1 и 2; группы стоянок Махандарьи, Западной Аякагитминской дельты, низовьев Дарьяса, Эчкиликсая, часть стоянок из урочища Чорбакты – Чорбакты 15А, 26, 29, 51) – конец пятого – четвертое тыс. до н.э. (скорее первая половина четвертого тыс. до н.э.).

Поздний этап (большая часть стоянок Восточной Аякагитминской дельты, небольшая группа стоянок из Махандарьи) – конец или вторая половина четвертого – третье тыс. до н.э.

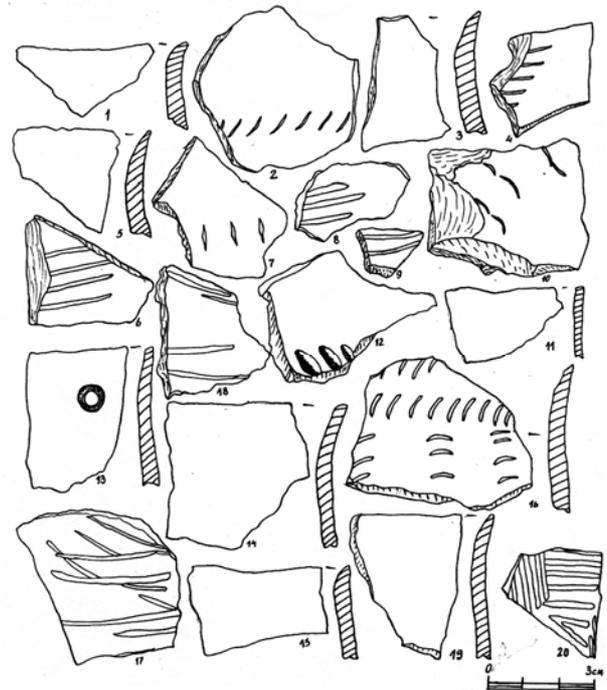

Рис. 7. Керамика. 1-2 – ст. Чорбакты 30; 3-7 – ст. Чорбакты 39; 8-10 - ст. Чорбакты 40; 11 - ст. Чорбакты 41А; 12-17 - ст. Чорбакты 46; 18-20 - ст. Чорбакты 48

Таблица 2. Распределение серий пластин, отщепов и каменных орудий по коллекциям некоторых стоянок староречий Зарафшана

Типы изделий	Учащи-131		Учащи-30		Учащи-57		Учащи-59-1		Учащи-70		Учащи-114		Учащи-129		Учащи-147		Учащи-159-1		Учащи-159-2		Учащи-159-3		Учащи-159-5		Учащи-159-9		Аякагитма-322		Аякагитма-367		Ходжагумбаз-6		Дарвазакыр-1		Дарвазакыр-2		Чарбакты-26		Чорбакты-28		Чорбакты-33А			
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%																		
Ножевидные пластины	9055	/67,4	174	/63,9	303	/73,5	2331	/63,3	208	/57,9	728	/56,7	251	/83,4	1603	/56,0	1095	/51,4	2345	/74,3	1412	/63,5	1889	/57,2	5714	/99,5	1323	/90,0	1114	/59,9	1114	/48,9	1135	/48,9	2036	/55,3	260	/74,1	1376	/66,7	251	/83,4	387	/60,8
Отщепы, обломки	4337	/32-6	103	/36,1	109	/36,5	1352	/36,7	151	/42,1	555	/43,3	50	/16,6	1258	/44,0	1035	/48,6	813	/25,7	809	/36,5	1410	/42,8	3882	/40,5	147	/10,0	747	/40,1	1185	/51,1	1643	/44,7	316	/54,9	688	/33,3	50	/16,4	249	/39,2		
Всего	13392	/100	277	/100	412	/100	3683	/100	359	/100	1283	/100	301	/100	2861	/100	2130	/100	3158	/100	2221	/100	3299	/100	9596	/100	1200	/100	1861	/100	2320	/100	3679	/100	576	/100	2064	/100	301	/100	636	/100		
Орудия из пластин	2684	/5,2	57	/8,38	91	/82,7	535	/790	91	/68,9	253	/79,0	91	/76,5	631	/87,4	323	/75,4	463	/76,4	347	/89,2	584	/80,9	2169	/82,3	420	/98,8	509	/75,6	170	/80,6	1255	/98,9	133	/96,4	746	/96,4	91	/76,5	77	/96,2		
Орудия из отщепов	135	/4,8	11	/16,1	19	/17,8	142	/21,0	41	/31,1	67	/21,0	28	/23,5	91	/12,6	105	/24,6	143	/23,6	42	/10,8	138	/19,1	467	/17,7	5	/1,2	164	/24,4	41	/19,4	14	/1,1	5	/3,6	26	/3,6	28	/23,5	3	/3,8		
Всего	2819	/100	68	/100	110	/100	677	/100	132	/100	320	/100	119	/100	722	/100	428	/100	606	/100	389	/100	722	/100	2636	/100	425	/100	673	/100	211	/100	1269	/100	138	/100	772	/100	119	/100	80	/100		

Таблица 3. Хронология неолита низовьев Зарафшана

Тыс.до н.э.	Период	Н и з о в ь я З а р а ф ш а н а
III	Поздний неолит	Большая часть стоянок Восточной Аякагитминской дельты, небольшая группа стоянок из Махандарьи
IV		Стоянки Дарбазакыр 1 и 2; группы стоянок Махандарьи, Западной Аякагитминской дельты, низовьев Дарьяса, Эчкиликса, часть стоянок из урочища Чорбакты – Чорбакты 15А, 26, 29, 51
V	Ранний этап	Участи 131, большинство стоянок на Дарьясае, некоторые стоянки Западной Аякагитминской дельты, стоянки Чорбакты 33А, 47, 55
VI		
VII		

В литературе уже указывалось (Виноградов, 1981, с.131-133), что эти даты могут быть уточнены, хотя на нынешнем этапе они представляются достаточно обоснованными.

Литература

- Виноградов А.В. О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья.// ТХАЭ. Вып. XIII, М., 1981.
- Виноградов А.В. Новые материалы по периодизации и хронологии неолита Кызылкумов // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981а.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., Сулержицкий Л.Д. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов // СА, № 4, М., 1977.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Комплексные археолого-геоморфологические работы в юго-западных Кызылкумах //АО, 1978. М., 1979.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Археолого-геоморфологические работы в юго-западных Кызылкумах в 1984 г. // АО 1984. М., 1986.
- Гулямов Я.Г., Исламов У.И., Аскарлов А.А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Джуракулов М.Ж., Мамедов Э.Д. Работы в низовьях Зарафшана // АО 1984. М., 1986.
- Коробкова Г.Ф. К вопросу о хронологии кельтеминарской культуры // ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969.
- Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА, № 158. Л., 1969.
- Холматов Н.У. Новые неолитические памятники на староречьях Зарафшана. Новые открытия в Приарале. Вып.1. М., 1991.
- Холматов Н.У. Мезолит низовьев Зарафшана // ИМКУ, № 31. Ташкент, 2000.

K. Szymczak, M. Khudzhanazarov, M. Fontugne, R. Michniak

14C DATING OF AYAKAGYTMA THE SITE, NEOLITHIC SETTLEMENT IN SOUTH-EASTERN KYZYL-KUMS, UZBEKISTAN

Ayakagytmá The Site /40°39'05"N; 64°37'06"E/ is located on the territory of Uzbek Republic, in the south-eastern part of the Kyzylkums lowland, some 150 km North of the city of Bukhara, and some 300 km West of the city of Samarkand (fig. 1). It is situated near an edge of a vast depression, called Ayakagytmá, on a small plateau cut from the South, West and North by steep gorges, and from the East by a slope of an island hill, about 18 m high (fig. 2). Nowadays the site is about 3 km from the present lake, which is fed today by losses of Zeravshan river and irrigation channels.

An archaeological material found in Ayakagytmá The Site is extremely rich — more than

60000 flint, stone and pottery artifacts, not counting animal bone remains, from 123. 5 m² excavated so far. Very important is that their stratigraphical situation was clear enough to differentiate two main cultural strata. The older one /lower settlement layer/ yielded a homogeneous assemblage attributed to an earlier, Dariasai phase of the local Neolithic, while in a younger /upper/ settlement layer we have identified a mechanically mixed up inventory composed of the elements belonging both to Dariasai and Middle Neolithic Dzhanbas phases (Vinogradov A.V., 1981). The older material was transported on an actual surface of the site from the East from the upper parts of an island hill, where it is

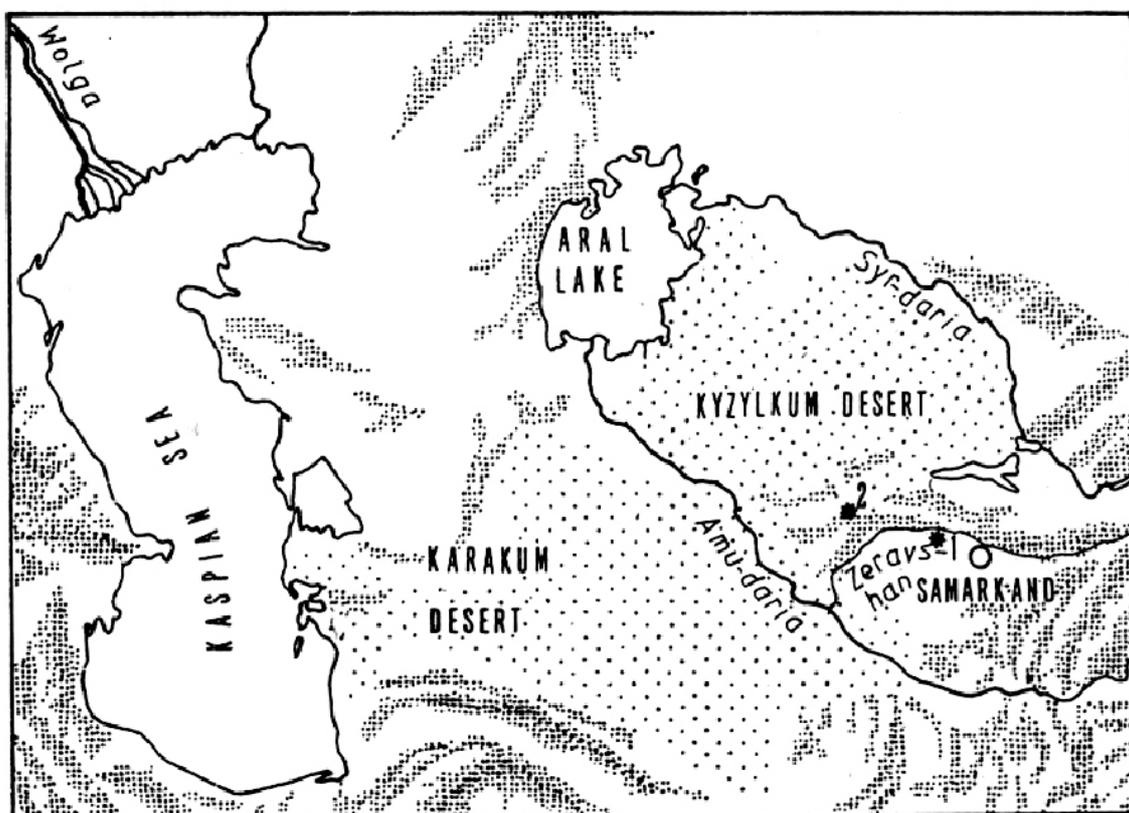

Fig. 1. General location of Ayakagytmá The Site /1/ and Utchashtchi 131 in Central Asia.
Drawn by M. Rozycka.

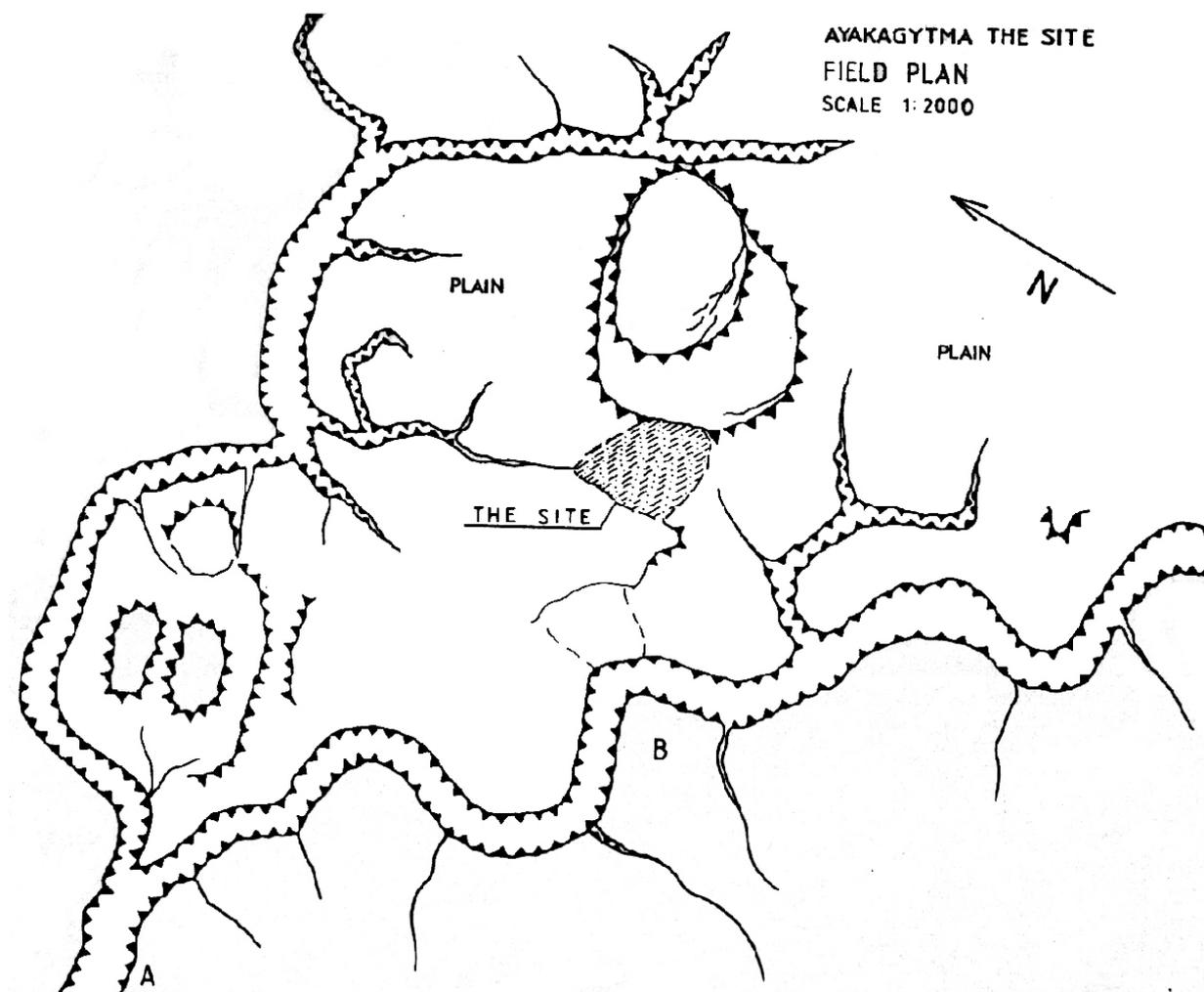

Fig. 2. Ayakagytmá The Site. Field plan of the settlement on the plateau with the surrounding system of gorges and island hills. Scale 1: 2000. Drawn by K. Szymczak and M. Rozycka.

still present on some depth.

During the excavation, conducted in the seasons 1995-1999 by Polish-Uzbek Archaeological Expedition, some samples of charcoal were taken by Dr. Michel Fontugne, who kindly visited our site, to make it possible to date the settlement. In that way, projecting the results on the field geological and stratigraphical documentation we were able not only to reconstruct some parts of the site's history, but also to define their absolute chronology.

Radiocarbon analysis has been performed by -counting /using conventional method employin C02 gas proportional counters/ at the L. S. C. E. At Gif-sur-Yvette and the Modane Underground Laboratory /French Alps/ and using 14C-AMS facilities at Gif. The results are presented on fig. 3, as well as in Table I - as conventional 14C ages and also as calibrated dates calculated using

Calib. 3. 0 program (Stuvier M. and Reimer P., 1993). The samples were prepared following to the standard procedure (Delibaris G., 1985).

Combining the results of 14C dating with the stratigraphical units differentiated during the excavation and shown on the main East-West cross-section, presented on fig. 3, we could describe the general history of the site. We divided seven main stratigraphic units. Their numbers used in the list presented below correspond with the numbers marking these units on fig. 3.

1. Very fine-grained, loose material of yellow-orange, mustard colour. The grain sizes are uniform and correspond with the range characteristic for silt. This eolian sediment consists of calcium carbonate particles /primeval element/ with a considerable amount of secondary gypsum. A number of little and tiny archaeological artifacts found, most probably transported here

Table I. 14 C dates from Ayakagytna The Site .Stratigraphic position shown on fig. 3. After M. Fontugne.

No. Lab.	Sample No.	Age/conv. BP/ 13C	Age/cal.BP/	Stratigraphical unit
Gif-11100/ 99147	GifA- 331	4460+/-80 nd	5294-4871	4d
Gif-11105	352	6640+/-55 -25, 28	7542-7394	4b-lowermost part
Gif-10660	224	6770+/-90 -10, 72	7644-7338	5-middle part
Gif/LSM-11102	339	6960+/-15 -11,29	7782-7683	5-lower part
Gif-11099/ 99131	GifA- 323	6970+/-80 nd	7913-7618	5-lower part
Gif-11101/ 99148	GifA- 336	6990+/-80 nd	7920-7632	5-lower part
Gif-11208/ 99181	GifA- 314	7030+/-90 nd	7959-7637	5-lower part
Gif-11207/GiFA- 99183	308	7100+/-9 0 nd	8068-7677	5-lower part
Gif/LSM-11104	345	7110+/-35 -11, 82	7953-7807	5-lower part
Gif-11206/ 99182	GifA- 307	7120/-110 nd	8114-7681	5-lower part
Gif/LSM-11103	342	7120+/-20 -11, 03	7939-7834	5-lower part
Gif/LSM-11205	295	7190+/-20 -12, 53	8051-7919	5-lower part

by wind or rain-water. No 14C dates available, but it should be calculated that this is the youngest unit on the site, formed later than ca 4400 conv. years BP.

2. Loose material of light grey colour - surface part of 4, thus, of the same geological nature. Not thicker than 5-8 cm. Thousands of archaeological artifacts present, forming a mechanically mixed Early and Middle Neolithic inventory.

3. Very fine-grained, loose material of light yellow colour, covering a slope of an island hill, which closes the plateau from the East. Probably similar to 1.

4. The evaporitic calcium carbonate sand - the terrigenous, mainly quartz particles are overgrown by a calcium carbonate cover in water conditions signifying the shore zone of a big, declining water reservoir with a rough sedimentation regime. It means that unit 4 marks the flood layer, which

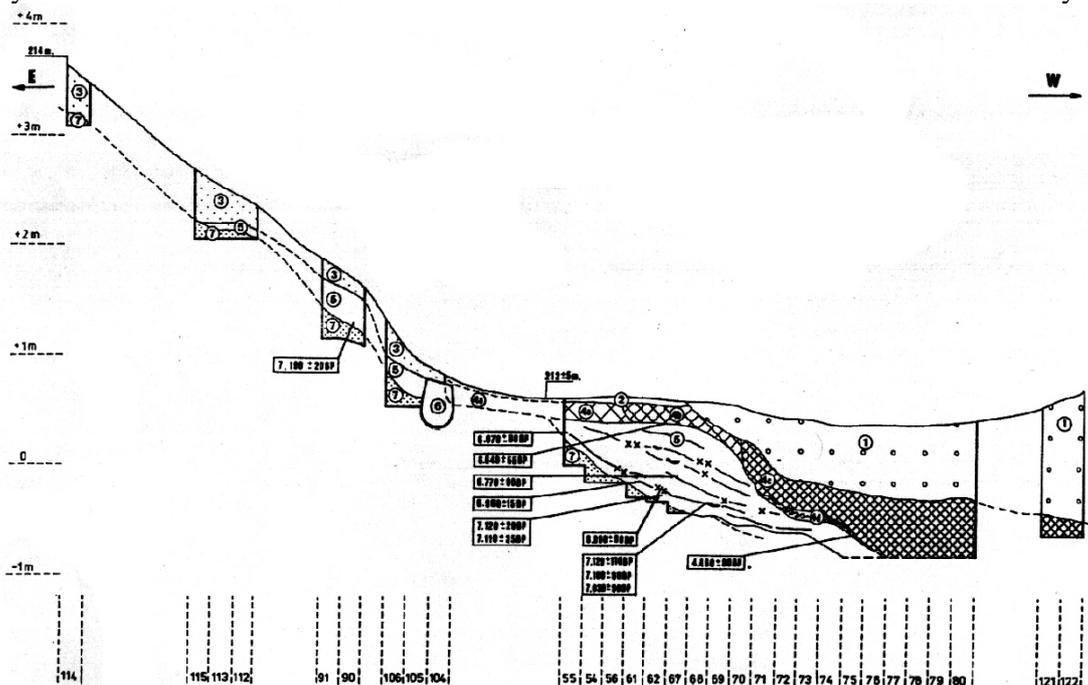

Fig. 3. Ayakagytna The Site. General cross-section along the E - W axis. Particular stratigraphical units, as well as concerning them 14C dates described in text. Drawn by K. Szmczak and M. Rozycka.

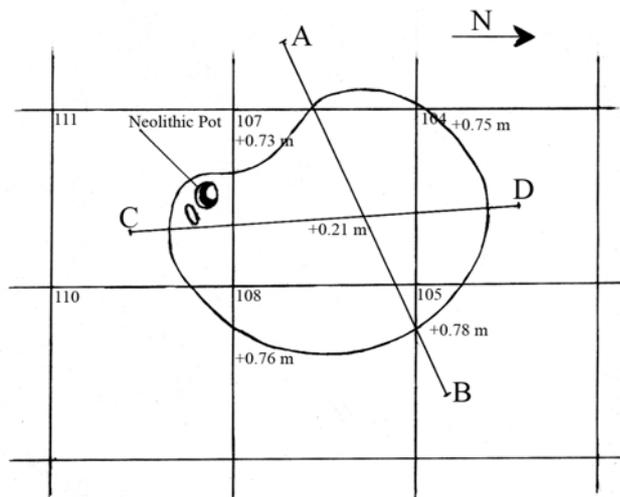

Fig. 4. Ayakagytna The Site. A field sketch of the E-W section of the late neolithic oven. Scale 1: 20. Drawn by K. Szymczak.

deluged the surface of the lower settlement layer. Subunits 4a, 4b and 4c most probably mark the successive edges of the reconstructed neolithic lake or sea: 4a - about 20-25 cm thick of light grey colour, 4b - about 25 cm thick of dark grey to black colour, 4c - maximum thickness not determined, dark, with light grey to white spots of secondary gypsum efflorescences, clayey and the most compact. The subunit 4d is not thicker than 10-12 cm and marks the lowermost part of 4c, seen as a deeply dark green to black trail with single lenses of lighter clay and loam together with ferroginous precipitations. Dark colour 4d is due to a considerable amount of water weeds remains rotting in the shore zone of water reservoir, which could be perfectly seen today on the shore of the present lake of Ayakagytna. An archaeological and osteological material identified /together with 2/ as an upper, mixed up, settlement layer, is present only in 4a and much less in 4b, especially in their upper parts; no finds in 4c, nor 4d. A 14C sample taken from the lowermost part of 4b gave 6640 \pm 55 conv. BP /7542-7394 cal. BP/, while a sample from 4d gave 4460 \pm 80 conv. BP /5294-4871 cal. BP/. The first result seems to indicate the very beginning of the water raise; the second one is most probably connected with the last phases of the reservoir and quick declining of water at the turn of the Neolithic and Early Bronze Age.

5. Very fine-grained material of light grey, yellowish colour, slightly beaten, identified as the lower settlement layer, containing exclu-

sively the materials representing the oldest, Dariasai phase of the Kyzyl-kums Neolithic. Some clayey-loamy, elongated whitc-yellow inlets present, most probably connected directly with the settlement. The sediment is horizontally cut by a number of burned sublayers and remains of hearths, visible as more or less conspicuous dark grey or black trails, which mark the particular subphases of Dariasai settlement /5a, 5b and 5c - not marked on the cross-section under discussion/. Unit very rich in archaeological and osteological finds. In the eastern parts of a cross-section, on a slope of an island hill, the material of the same deposit is more loose, but seems to have the same character, both from geological and archaeological point of view. 14C dates obtained from this layer close in a period 7190 \pm 20 conv. BP /8051 7919 cal. BP/ - 6960 \pm 15 conv. BP /7782 - 7683 cal. BP/ for its lowermost part - 5c, and 6770 \pm 90 conv. BP /7644 - 7338 cal. BP/ for its middle part - 5b /for details see: table V.

6. Remains of an neolithic oven, dug into the ground to the maximum preserved depth of about 60 cm, cutting 4a, hence representing the younger, most probably Dhanbas phase of the Ayakagytna settlement. The bottom of an oven was not flat, but slightly rounded (fig. 5). The lowermost part of its filling /some 20 - 25 cm/ contained a well burned, charcoal material /14C sample taken/, while the rest of it consisted of a loose, grey-yellow, fine-grained sand resembling unit 3 /and 5?/, as marked on a general cross-section. The walls of an oven, which had a thickness not exceeding 1-1.5 cm, were well burned black from the inside and turning red and orange towards the outside. In bottom part they are dug into unit 7 /virgin soil of the site/. As it

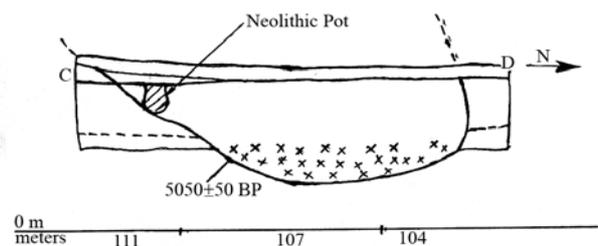

Fig. 5. Ayakagytna The Site. A field sketch of a plan of the late neolithic oven. Scale 1: 20.

Drawn by K. Szymczak.

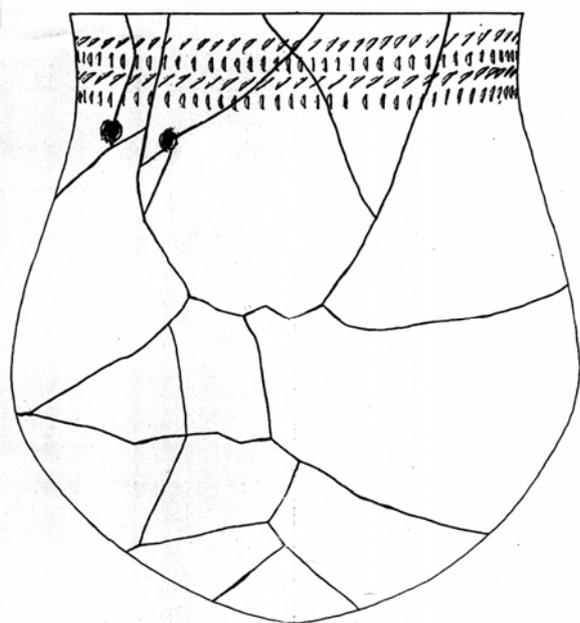

Fig. 6. Ayakagytna The Site. A pottery vessel from the inside of an oven dated to 5050 \pm 50 conv. years BP. Scale 1:1. Drawn by K. Szymczak

is shown on fig. 4, upwards the walls do not run exactly vertically, but they converge slightly to the center, forming some kind of an opened dome. A plan of an oven (fig. 5) has a shape of a kidney, with the main /Northern/ chamber deeper, and quite wide corridor, shallowing to the South. Inside this corridor a pottery vessel preserved in whole was found, accompanied by a big stone pestle with distinct traces of pounding on both poles. A vessel, presented on fig. 6 has relatively thin walls, rounded bottom and, below a brim, an ornament consisting of four rows of oblique incisions, resembling fir twigs. In two places the traces of repairing of the secondary cracks in a form of pairs of perforated holes could be observed. The central outside part of the belly of a vessel is irregularly smoked black. A 14C sample taken from the inside of an oven gave 5050 \pm 50 conv. BP/ no calibration available yet; note also that because we have obtained too late we could not include it in Table I, but we do mention it on fig. 3. This result, dating the vessel, the oven and the Dhanbas phase settlement in Ayakagytna The Site at one time, stays in perfect agreement with the stratigraphic observations and the other 14C dates obtained so far.

7. Very fine-grained, dusty, clearly laminated,

scaling limestone sediment of not uniform colour: mustard, beige-grey, in some places slightly rusty to white. This sea deposit could be described as pure, not lithified limestone rock with a small admixture of very fine-grained, terrigenous quartz particles. Maximum thickness has not been determined. From archaeological point of view the sediment is sterile-virgin soil of Ayakagytna The Site. We calculate that it should be dated to the Mesozoic or the Earliest Cenozoic.

On the base of the cross-section presented above we could try to reconstruct some important events connected with an ancient history of the area, and, having in our disposal a series of 14C dates, to state their absolute chronology.

In not determined times of the Mesozoic, with Early Cenozoic not excluded, the place was completely covered by the sea, on the bottom of which the initial limestone was formed /unit 7/. From that limes we have a very long sedimentation gap until about 7200 conv. years BP, when the first neolithic stock and camel breeders, representing the older, Dariasai phase of the settlement, inhabited the area of Ayakagytna The Site, the plateau together with a slope of the eastern island hill to a relative height of 5 - 6 m. These peoples survived here for about 500 years, till the moment, when about 6700 conv. years BP the raising water deluged their camp, as probably many similar camps in the Turanian Lowland (for example Utchashtchi 131 - Vinogradov A.V., 1981), and destroyed their culture. After reaching the maximum of 212 \pm 5m above msl, which was enough to cover all the plateau, the water retreated some dozen or so centimeters. After more than 1500 a belt of a shore could be inhabited again, and it really was by the peoples identified today as the Dzhanbas phase. Not earlier than about 4400 conv. years BP the water started to withdraw quickly, flowing most probably to the West, and finally leaving the land arid and, barren as it is today. The decline of water resources caused a great collapse of the settlement, noted in the area of whole Turanian Lowland at the turn of the Neolithic and Early Bronze Age.

Note: the works of Polish-Uzbek Archaeological Expedition were financed by Polish Committee for Scientific Research /KBN?. grant No. 1 H01G 011 12, Institute of Archaeology, Warsaw University and Institute of Archaeology, Uzbek Academy of Sciences in Samarkand. All 14C dates are due to Dr. Michel Fontugne from Laboratoire des Sciences du Climat et de l'Environnement in Gif-sur-Yvette, France, while mineralogical and sedimentological analysis were completed by Dr. Ryszard Michniak from an Institute of Geological Sciences, Polish Academy of Sciences in Warsaw, Poland.

Cited literature:

1. Delibarias G., 1985, Le carbone 14, /in:/ Methodes de datation par les phenomenes nucleaires naturels: applications, E. Roth, B. Poty /eds./. Collection CEJI, Masson, Paris, pp. 421 - 458.
2. Stuiver M., Reimer P., 1993, Extended 14C data base and revised Calib. 3. 0 14 C age calibration programme, Radiocarbon, No. 35, pp. 215 - 230.
3. Vinogradov A. V., 1981, Drevniye okhotniki i ribolovi Srednieazyatskogo Miezhduretchiya, Nauka, Moscow.

В.Д. Рузанов

МОРФОЛОГО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И ХИМИКО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ИНВЕНТАРЯ ЧУСТА И ДАЛЬВЕРЗИНА
(результаты сравнительного анализа)

В настоящее время металлообработку племен чустской культуры характеризуют главным образом металлические комплексы, происходящие с поселений Чуст и Дальверзин. Изделия из упомянутых памятников неоднократно разбирались исследователями с помощью различных методов анализа - типологического, спектроаналитического, сравнительного, статистико-математического и т.п. Полученные данные позволили решить ряд важных проблем исторического и историко-технологического характера, наметить контуры деятельности чустского очага металлургии и определить его место среди прочих очагов, функционировавших в Средней Азии в эпоху бронзы (Спришевский, 1954, 1957, 1958; Заднепровский, 1962, 1978; Богданова-Березовская, 1962; Кузьмина, 1966; Рузанов, 1980, 1982, 1994, 1996, 1999а,б, 2000, 2002). Однако при этом все-таки следует указать на предварительный характер, если не всех, то некоторых выводов, поскольку они базируются на комплексах лишь двух памятников. Поэтому необходимо продолжить исследования металла чустской культуры.

В настоящей статье мы вновь вернемся к металлу Чуста и Дальверзина и проведем сопоставление коллекций этих памятников. Сравнительный анализ будет дан на типологических и химико-металлургических материалах¹. Такого рода наблюдения весьма важны при выявлении своеобразных черт металла и позволят внести дополнения в картину развития металлургического производства племен чустской культуры. Полученные при типологическом и химико-металлургическом подразделении данные о типах

изделий, металлургических и химических группах, и их взаимовстречаемости в коллекциях памятников приведены в таблицах 1 и 2.

Типологические показатели комплексов. Металлические изделия Чуста и Дальверзина представлены орудиями труда и оружием, предметами конского снаряжения и украшениями. Кроме того, отсюда происходят каменные литейные формы для изготовления зеркал, орудий (серпы и шилья), украшений (подвески) и изделий конской упряжи (псалии)². Орудия и оружие Чуста расчленяются на 6 категорий - наконечники стрел, ножи, серпы, рыболовные крюки, шилья и проколки, иглы. Среди них относительно крупные серии находок выявлены в шильях, ножах, наконечниках стрел и иглах (от 5 до 9 экз.). На эти категории приходится 9 или 2/3 типов предметов, выделенных в инвентаре Чуста. Найденные здесь украшения крайне редки: этот вид представлен лишь одной находкой кольцевидной подвески, изготовленной из проволоки. Всего в коллекции Чуста удалось выделить 14 типов изделий (таблица 2).

Комплекс с Дальверзина богаче категориями предметов. Кроме чустских вещей, в него входят топор-тесло с уступом, втульчатые долота, желобчатый браслет, булавка с кольцевидной головкой и бляшка. Наиболее представительными и типологически вариabельными категориями изделий здесь также, как в Чусте, являются ножи, шилья и наконечники стрел (от 4 до 13 экз, 12 типов). В Дальверзине пока не найдены рыболовные крюки и иглы. Общее количество типов изделий, представленных в дальверзинском комплексе, больше, чем в чустском металле, и составляет 23 типа (табл. 2).

¹ В одной из наших предыдущих работ (Рузанов, 1999) мы уже проводили сопоставления металлических комплексов вышеуказанных памятников. Правда, там они были неполными и ограничивались наблюдениями за взаимовстречаемостью категорий и типов изделий в инвентаре Дальверзина и Чуста.

² В этот список мы не включили фрагменты матриц, в которых отливали изделия, чье функциональное назначение и тип остаются для нас неопределенными.

Таблица 1
Состав, типологические и химико-металлургические признаки металлического инвентаря
Чуста и Дальверзина

Инвентарь		Чуст	Дальверзин	Общие
Число находок		33+6x+88	41+6x+90	
Категория	Наконечники стрел	7 (2)	4 (3)	+
	Топоры	-	1 (1)	-
	Долота	-	2 (1)	-
	Ножи	7 (4)	13 (5)	+
	Серпы	1+1x (1)	1 (1)	+
	Рыболовные крюки	1 (1)	-	-
	Шилья, проколки	9+1x (2)	11 (4)	+
	Иглы	5(1)	-	-
	Удила и псалии	1 (1)	1+1x (2)	+
	Браслеты	-	1 (1)	-
	Подвески	1 (1)	2+2x (2)	+
	Бляшки	-	1 (1)	-
	Зеркала	1x (1)	3x (1)	+
	Булавки	-	1 (1)	-
Всего проанализировано		55	64	
Металлургическая группа	Cu	17	30	+
	Cu+Sn	25	19	+
	Cu+Pb	2	1	+
	Cu+As	-	2	-
	Cu+Sn+Pb	7	-	-
	Cu+Pb+As	1	-	-
	Cu+Sn+Sb+As	1	10	+
	Pb-основа	1	-	-
	Ag+Cu	1	-	-
	Cu+Ag	-	2	-
Химическая группа	ЧК I	33	-	-
	ЧК II	7	-	-
	ЧК III	-	39	-
	ЮС Iб (ВУ)	1	1	+
	ВЗ II	-	10	-
	КМ I	1	-	-
	КМ II	-	1	-

Примечание. Крестиком обозначены литейные формы, в скобках указано количество типов. В графе «Число находок» приведены данные о количестве типологически определенных предметов, литейных форм и бесформенных обломков с отходами литья

Металлургические показатели комплексов. Коллекции Чуста и Дальверзина металлургически разнообразны. В них можно наметить шесть рецептов на медной и по одному - на медно-серебряной (биллон), серебряно-медной и свинцовой основах. Данные о распределении образцов металлургических групп по коллекциям памятников приведены в таблице 1.

Исходя из соотношения типов сплавов видно, что в металле Чуста основными являются «чистая» медь, оловянистые и оловянно-свинцовистые бронзы. Среди них ведущую роль играют оловянистые сплавы (44%

от общего количества предметов). За ними следуют сплавы из металлургически «чистой» меди (30%) и оловянно-свинцовистые бронзы (12,7%). Всего в материале Чуста насчитывается 8 рецептов сплавов.

Картина употребления сплавов в Дальверзине несколько отличается от чустской. Здесь на роль основных металлургических групп претендуют «чистая» медь, оловянистые и сложные оловянно-сурьмяно-мышьяковистые сплавы. При этом главным рецептом является «чистая» медь (46,8%). Значительно ей уступают бинарные бронзы меди с оловом (29,6 %) и сложные медные сплавы с приме-

Таблица 2

Типологический состав инвентаря Чуста и Дальверзина

Типы														
Памятник														
Чуст														
Дальверзин														

Типы														
Памятник														
Чуст														
Дальверзин														

Примечание. Крестиком обозначены литейные формы

сями олова, сурьмы и мышьяка (15,6%). Общее количество типов сплавов в Дальверзине меньше чем в Чусте и включает 6 рецептов.

Химические показатели комплексов. В металле Чуста и Дальверзина представлены 7 химических групп, из которых 4 являются основными³. Для Чуста это группы ЧК I (62,2%) и ЧК II (13,2%), имеющие чаткало-кураминское происхождение. В Дальверзине ведущими были группа ЧК III (63%), связанная с другим рудным источником в

том же чаткало-кураминском горнорудном районе, и группа ВЗ II (16,1%), металл которой импортировался из металлургического центра, расположенного в верхнем бассейне Зерафшана. Медь и бронзы прочих химических групп, поступавшие в Фергану из Западного Узбекистана (Кызылкумы) и, видимо, Казахстана, играли незначительную роль в металлообработке Чуста и Дальверзина (доля каждой из этих групп не превышает 2%; табл. 1).

Подведем некоторые итоги изучения показателей металла Чуста и Дальверзина.

1. В типологическом составе инвентаря памятников наряду со сходными чертами наблюдаются весьма значительные различия. Последние выражены большим разнообразием категорий и типов изделий в коллекции Дальверзина, по сравнению с металлом Чуста. Некоторые формы дальверзинского комплекса, которые отсутствуют в Чусте, являются ранними: они относятся ко времени

³ В наших исследованиях химические группы имеют буквенное обозначение, которое определяет или районы производства или районы основного распространения металла. Например, группа ЧК - чаткало-кураминская, ЮС - южносреднеазиатская, ВЗ - верхнезерафшанская и КМ - кызылкумская. Группа ВУ (волго-уральская), выделенная Е.Н.Черныхом (1970, с. 15) в материале культур Урала и Поволжья эпохи бронзы, находит химические соответствия в металле группы ЮС 16. Это говорит о том, что данные группы могли иметь общие рудные источники, которые, на наш взгляд, находились либо в Западном Узбекистане (Кызылкумы), либо в Казахстане.

не позднее IX в. до н.э. и датируются в пределах XIII-IX вв. до н.э.

2. Заметны отличия и в технологии металлообработки. Они отражаются как в качественном составе типов сплавов, так и в соотношении образцов металлургических групп. При этом, судя по пропорциональному соотношению сплавов в металле Дальверзина, выраженным преобладанием «чистой» меди над бронзами (в том числе над оловянистыми), технология в данном памятнике выглядит более древней, нежели в Чусте и имеет определенную близость к металлообработке земледельческих культур.

3. Значительные отличия фиксируются в сфере химических групп, т.е. в характере рудной базы. Металлурги Чуста и Дальверзина преимущественно употребляли металл фергано-ташкентских источников сырья. Правда, данные источники были разными. Вместе с тем литейщики использовали импортный металл, который доставлялся в Фергану из горнорудных центров, функционировавших в Центральном Таджикистане

(верховья Зерафшана), Западном Узбекистане (Кызылкумы) и, возможно, Казахстане. Однако при этом следует отметить, что только сплавы, поступавшие из Центрального Таджикистана, играли заметную роль в металлообработке Дальверзина. Металл прочих зарубежных металлургических центров редко попадал чустским и дальверзинским литейщикам и существенного значения для их металлообрабатывающих производств не имел.

4. Как показывают материалы, различия между комплексами Чуста и Дальверзина обусловлены разницей в возрасте этих памятников. По типологическим и химическим аналогиям металлический комплекс Дальверзина относится к более раннему времени (середина XIV - конец IX - первая половина VIII вв. до н.э.), чем материалы Чуста (конец IX - первая половина VIII-VII вв. до н.э.). Вместе с тем существует другая точка зрения, по которой отличия между Дальверзином и Чустом могут быть связаны с локальными вариантами чустской культуры (Заднепровский, 1978, с.28; Матбабаев, 1985).

Литература

- Богданова-Березовская И.В. Химический состав металлических изделий Ферганы эпохи бронзы и железа // Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, №118. М.-Л., 1962.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, №118. М.-Л., 1962.
- Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии // Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1985.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. Вып. В4-9. М., 1966.
- Матбабаев Б. Локальные варианты чустской культуры Ферганы / Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1985.
- Рузанов В.Д. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры // СА, № 4, М., 1980.
- Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа // Автореф. дисс. канд. ист. наук. МГУ. М., 1982.
- Рузанов В.Д. О металле памятников эпохи бронзы северо-восточного Узбекистана и его источниках // Тезисы докладов международной конференции «История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии», посвященной 60-летию Таджикско-Памирской экспедиции. Худжанд, 1994.
- Рузанов В.Д. Новые данные о датировке Дальверзина и Чуста (по материалам типологического и химического исследования металлических изделий) // В сб.: Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Вып. 2. Бишкек, 1999 а.
- Рузанов В.Д. Ещё раз о хронологии чустской культуры Ферганы // РА, №4. М., 1999 б.
- Рузанов В.Д. Дальверзино-чустско-бургулюкский очаг в системе металлообрабатывающих и металлургических производств Средней Азии // История, культура и экономика юга Кыргызстана. Материалы международной конференции. Том I. Ош, 2000.
- Рузанов В.Д. Металлургия меди и бронзы чустской культуры Ферганы (новые данные о происхождении, хронологии, характере и особенностях развития производства) // Тезисы докладов международной научной конференции «Цивилизации Центральной Азии: Земледельцы и скотоводы, традиции и современность». Самарканд, 2000.
- Спришевский В.И. Чустская стоянка эпохи бронзы // СЭ, №3. М., 1954.
- Спришевский В.И. Чустское поселение эпохи бронзы // КСИИМК, вып. 69. М., 1957.
- Спришевский В.И. Чустское поселение эпохи бронзы // КСИИМК, вып. 71. М., 1958.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА, №172. М., 1970.

Б. Абдулгазиева

К ИЗУЧЕНИЮ СТРУКТУРЫ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ ФЕРГАНЫ

В эпоху ранней античности на территории Средней Азии появляются древние государства: Греко-Бактрия, Парфия, Канг, Давань (Фергана) (Аскарлов, 1994, Заднепровский, 1962, с. 86-90, 200; 1997, с. 109). В этот период отмечается экономический расцвет, дальнейшее развитие оседлоземледельческой культуры, строительство ирригационных сооружений, рост урбанизации, высокого уровня достигают разные виды ремесла, в частности, гончарство и ткачество.

Согласно китайских хроник (Шицзи, гл.123), восходящих ко II в. до н.э., Давань причислялась к крупным государствам, существовавшим тогда на территории Средней Азии: «... Давань, Дахя и Аньси суть большие государства, в которых много редкостных вещей» (Бичурин 1950, с. 153).

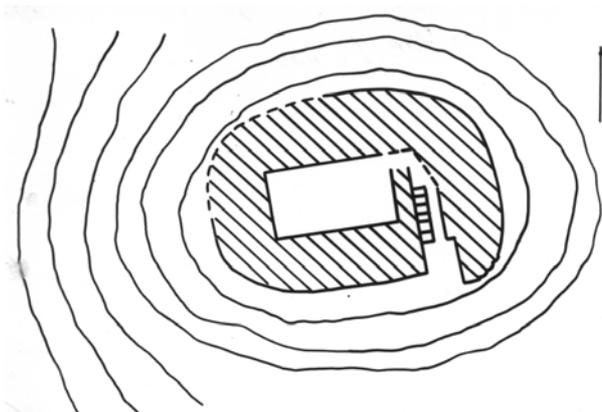
Истоки возникновения городов на территории Ферганской долины восходят к эпохе поздней бронзы. Зарождение ранних поселений городского типа относится к концу II - первой трети I тысячелетий до н.э. Сохранились два поселения, относящиеся к этому времени - это Дальверзин в к. Аим в Андижанской области и Чуст в Наманганской области, имевшие сложную систему оборонительных сооружений и цитадель (Заднепровский, 1997, с. 90-91). Большое количество находок, обнаруженных в них, говорит о том,

ткачеством, металлообработкой, гончарством и разными видами других ремесел (Заднепровский, 1997, с. 102; 1962, с. 86-90). К настоящему времени на территории Ферганской долины отмечено более 80 поселений.

Первые сведения о городах Ферганы приведены в китайских хрониках, восходящих ко II в. до н. э., свидетельствующих о том, что «... в Давани находится до 70 больших и малых городов» и приводится название трех из них: главного - столицы государства Эрши, расположенного около реки, Ючэн - пограничный город на востоке государства, Давань в конце II в. до н.э. и третий - Сигянь Гуйшуань (Бичурин, 1950. С. 149, 186, 162). Эти названия в топонимике к настоящему времени не сохранились. Эрши отождествляется А.Н. Бернштамом с городищем Мархамат (Мингтепа), расположенным на восточной окраине современного одноименного города в Андижанской области (Бернштам, 1952, с.228), а Ючэн локализуется на городище Шурабашат, находящимся недалеко от Узгена (Заднепровский, 1990, с.97). Эти сведения письменных источников являются показателем роста урбанистического процесса в Фергане, что находит подтверждение и на основе результатов археолого-топографических исследований. В VI-I вв. до н.э. - I-IV вв. н.э. в регионе происходит бурный рост градостроительной культуры, строительство крупных крепостей с развитой фортификацией.

В эпоху раннего средневековья государство Давань в китайских письменных источниках называется Лона, Полона (Бейши), Боханьна (Бохань) (Бейши, Суйшу) и Ниньюань (Бичурин, 1955. С. 260, 285, 319), отмечается, что «Местопробывание владетеля в городе Сигянь, на северной стороне реки Чжень Чжу» (Сырдарья). Указывается наличие шести больших и около ста малых городов (Бичурин, 1950, с. 319): а резиденция имеет 4 ли (2 км) в окружности (Бичурин, 1950, с.285) - по площади более 20 га.

К настоящему времени на территории Ферганы выявлено около 20 городищ разной

План Зартепы

что их население занималось земледелием,

величины, имеющие разную степень изученности. Многие из них расположены в восточной части долины.

Типичными были городища площадью 3-8 га, более крупные 12-20 га (Джанодил, Куба (Кува), Кайноват) и самое крупное Мархамат с двойным рядом стен и сохранившейся внутренней площадью около 40 га. В связи с этим важно классифицировать их по типам с целью определения функционального назначения.

Типологическая классификация памятников Ферганы разбиралась в работах ряда авторов. На основе внешних признаков - их величины и планировки - выделялись типы городских и сельских поселений (Козенкова, 1959, с.59; Бернштам, 1952, с. 217-218; Латынин, 1961, с. 146-147; Заднепровский, 1973, с. 89; 1985, с. 307-308, 312-313), а функциональное назначение некоторых типов - по данным археологических раскопок (Горбунова, 1977, с.109-114). В целом типология поселений Ферганы разработана недостаточно полно. Более значительные результаты получены при археологических исследованиях в других областях Средней Азии.

На основе результатов исследований памятников древней Бактрии Э.В. Ртвеладзе отмечает как основной признак города - трехчастное деление: цитадель, собственно город, «пригород» (Ртвеладзе, 1973, с.25), что было характерно и для средневекового города. По мнению В.И. Распоповой, цитадель в городе занимает незначительную площадь (Распопова, 1979, с.23), а по данным Ю.Ф. Бурякова в Шаше - не превышает 25% от общей площади (Буряков, 1982, с.11). Для сельских поселений, как считают исследователи, характерны замки и усадьбы (Пугаченкова, 1958, с.121-122, 132; Распопова, 1979, с.24).

Как свидетельствуют китайские письменные источники (Шицзи, гл. 123), города Давани по типу были такими же, как в других государствах Средней Азии этого же времени «... в Аньси (Парфия) такие же города, как в Давани» (Бичурин, 1950, с.151), что подтверждается и археологическими исследованиями (Пугаченкова, 1958. С.30; Ртвеладзе, 1973, с.25; Буряков, 1982, с.10).

Учитывая опыт археологов и свои наблюдения, исследованные городища по внешнему виду и размерам мной подразделяются на

четыре типа. Общим для них является трехчастное деление: цитадель, собственно город (шахристан), пригород - рабад. Планировка: правильной прямоугольной формы (встречаются и с изломанной линией стен), с четко выраженной системой фортификации.

К первому типу отнесены города небольших размеров - от 3,7 до 5 га. Большая часть их территории разрушена. Цитадель у одной из стен, либо в углу, характерна густая застройка внутри шахристана, ворота одни. О наличии рвов вокруг городищ судить трудно, так как сильно изменен рельеф. За пределами крепостных стен располагались одиночные тепа разной величины, большинство которых разрушено.

Характерна планировка городища Мазартепа. Оно расположено в Ассакинском районе Андижанской области, на территории колхоза им. Ленина, в махалле Кургантепа. Состоит из двух частей. Из них западная квадратной формы длиной сторон 130 м, со следами густой застройки и небольшой свободной площадкой в центре. Восточная часть примыкает к первой. Внутреннее пространство без видимых следов былых сооружений, на одном уровне с окружающей местностью и распаханно. На северной стене, в углу со смежной стеной западной части городища выделяется бугор - остатки башни. Датировка городища произведена на основе подъемного материала, состоящего из красноангобирванной керамики с блеском в пределах II-I вв. до н.э. - I-VI вв. н.э. Планировка его аналогична таким крупным городищам как Эйлантан.

Несколько иную внутреннюю планировку представляет городище Каламыштепа (Дарбазакумтепа), расположенное в 40 км западнее Андижана, на территории колхоза «Янги хаят». Оно состоит из трех частей, находящихся на расстоянии 20-40 м друг от друга. Наиболее крупный из них окружен прямоугольной стеной и рвом. Впервые зафиксировано отрядом археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала в 1939 г. под рук. М.Е. Массона (Массон, 1976, с.153); в 1956 году В.И. Козенковой дано краткое описание и собран подъемный материал (Козенкова, 1959); в 1968 г. Р.Г. Горбуновой заложен раскоп и датирован II-III вв. н.э. (Горбунова, 2000, с.172).

Безымянное городище расположено в Избасканском районе, в 20 км к северо-западу от Андижана, к востоку от к. Навджур, окружено валом прямоугольной формы длиной сторон 200 м, в центре выделяется возвышение - руины построек. Была и внешняя стена с башнями на прогонах и более крупными по углам диаметром 15 м, высотой 3 м. В настоящее время поселение полностью разрушено. Оно было обследовано Т.Г. Оболдуевой в 1939 г. и датировано V-VIII и X-XII вв. (Оболдуева. 1951, с.35).

Городище Дардак расположено в Кургантепинском районе Андижанской области, на землях совхоза «Аим», южнее одноименного кишлака. Оно прямоугольной формы 200x250 м. На середине западной стены возвышается удлиненной формы холм размерами 40x60 м, возможно, - руины цитадели. Возникновение его относится к эпохе раннего средневековья - V-VIII вв. н.э. и в IX-XII вв. жизнь в нем возрождается. Городище было обследовано А.Н. Бернштамом в 1952 г. и В.И. Козенковой в 1956 г.

Ко второму типу отнесены городища площадью 7,4-12 га; Султанабад, Кургантепа, Клычмазар-2, Турткуль, Ак-Буура, Кува (Куба) и др. Возникновение их относится к античному времени. Среди них выделяется Турткуль, профиль крепостных стен которого имеет изломанную линию. Цитадель городов этого типа эпохи античности, как показали археологические исследования на городище Кургантепа (в 35 км восточнее г. Андижана, на северной окраине современного одноименного города), прямоугольной формы, возведена на высокой, до 6 м, пахсовой платформе, с жилыми помещениями и стрелковой галереей вдоль внешних стен, с наклонными гранями под углом 70°, толщиной в основании более 5 м. Внутри города - компактная жилая застройка, разделенная главной улицей на две части. Валы крепостных стен поднимаются до 5-6 м. По углам и на стенах на определенном расстоянии возвышаются оборонительные башни. Крепостные стены толщиной 11-16 м в основании, возводились с внутрстенным коридором-галереей шириной 1,2 м на высоту 4 м. О наличии бойниц трудно судить из-за плохой сохранности стен над коридором-галереей. Ворота фланкировались башнями. Охрана ворот уси-

ливалась выносными башнями, отдельно стоявшими за пределами крепостных стен (Абдулгазиева. 1986). Кроме того, использовались сигнальные башни, вытянутые цепочкой на определенном расстоянии (500-700 м) от городища в сторону гор. О наличии рвов вокруг городищ судить трудно, поскольку рельеф давно сглажен. Сложно обрисовать пригород, так как он либо поглещен современной застройкой, либо снивилен на полях. Археологические раскопки в пригороде городища Султанабад (в 45-50 км восточнее г. Андижана, южнее к. Султанабад) показали, что здесь размещались отдельные усадьбы, замки, могильник, культовые сооружения, кварталы ремесленников. Возникновение их относится к античному времени и жизнь в них продолжалась и в эпоху раннего средневековья (Абдулгазиева, 1992; 1995; 2000).

Городище Ак-Буура расположено на левом берегу р. Ак-Бууры, юго-западнее современного города Ош. Городище подпрямоугольной формы площадью приблизительно 5-7 га, с цитаделью в юго-западной части, возвышающейся на 18 м над шахристаном. Цитадель состоит из двух частей - верхней и нижней. Городище имело три линии обороны - две на цитадели и одна - общегородская. В результате археологических раскопок в верхней части цитадели установлено, что восточная оборонительная стена несколько раз ремонтировалась и укреплялась, и в результате этого ее толщина увеличилась до 8 м к VII-VIII вв. Она имела стрелковую галерею шириной 2,3 м. В южной части цитадели, видимо, располагались здания дворцового назначения, окруженные оборонительной стеной, первоначальная толщина которой была 2,5 м. Она дважды укреплялась и толщина ее стала 4 м. Видимо, фасад оборонительных стен украшался фризом, о чем позволяет судить находка фрагмента глиняного фриза с орнаментом в виде сасанидских перлов. Подобное оформление стен было распространено в Средней Азии. Раскопки башни на стене показали, что она была прямоугольной формы шириной 2,2 м, в длину сохранилась на 3 м. Проход в западной стене вел в смежное помещение размером 7,5x5,7 м, примыкавшее с восточной стороны к крепостной стене. Вскрытые на цитадели стены возведены из

сырцового кирпича прямоугольной формы одинакового формата, обмазаны саманной штукатуркой. У северной стены находился очаг-алтарь подковообразной формы. Видимо, стены помещения были расписаны, о чем говорит находка фрагмента архитектурного декора размером: длиной 22 см, шириной 10 см с изображением полумесяца. Роспись была нанесена желтой краской по красному фону. На верхнем полу помещения у восточной стены, в один ряд, стояли три узкогорлых кувшина и хумча. Видимо, перекрытие было плоским - в завале и на полу было много обугленного дерева. Следы пожара отмечены и в башне.

Исследования на территории шахристана выявили зал прямоугольной формы с суфами вдоль трех стен, у северной стены вскрыт очаг-алтарь, аналогичный согдийским. Во всех проведенных раскопах обнаружены следы большого пожара. Исследователи склонны видеть в Ак-Бууринском городище доарабский Ош, который после арабского нашествия и антиарабской борьбы погиб в огне пожара и новый город - средневековый Ош, известный по сведениям арабских и персидских географов середина X в. располагался на месте современного города Ош (Аманбаева, Абдуллоев, 2000; Аманбаева, Абдуллоев, 2000а; Аманбаева, Абдуллоев, 2000б; Аманбаева, Грицина, Набоков, Абдуллоев, 2000).

Кува (Куба по средневековым источникам) расположен на восточной окраине современного города Кува. Городище подквадратной формы площадью 12 га, в северо-восточной части возвышается двухъярусная цитадель высотой 10 м, площадью 2 га. Шахристан высотой 7-8 м окружен обширными рабадами с трех сторон (север, юг, восток) радиусом до 1,5 км. По письменным источникам и археологическим данным хорошо известен средневековый город: в X в. он имел цитадель, шахристан и обширный рабад. В рабаде находились дворец правителя, тюрьма и базар. В разрушенной цитадели была мечеть (Бартольд, 1963. С. 214-217, 220). Имелся свой монетный двор (Давидович, 1960. С.256)

Археологические материалы свидетельствуют, что в рабаде располагались кварталы керамистов: на западной стороне выпускали высокохудожественную поливную керамику,

на восточной - неполивную керамику и симобкузача. Отмечается наличие кладбища (Булатова, 1972. С.7-8). Вскрыта городская стена в северной и южной частях. Разрез на северной стороне показал, что стена представляет собой пахсовый монолит толщиной в основании 10 м, с сохранившейся высотой 5 м. Внутри городища стена отвесная, внешняя сторона с уклоном (Булатова, 19972. С. 12). В этом отношении она аналогична стенам сельских поселений эпохи раннего средневековья (Абдулгазиева, 1986а). Стена несколько раз ремонтировалась и укреплялась наращением с внешней стороны, последний раз - в начале XIII в. сырцовым кирпичом. Стена возведена на остатках более ранней стены, под которой имелись культурные слои с керамикой I-III вв. н.э. Эта стена окружала город со всех сторон (Булатова, 1972. С.11-12). Археологические исследования в южной части стены (раскоп 7) выявили 4 последовательных стен общей толщиной более 14 м, высотой 5-7 м, первоначальная стена шириной 5-6 м, высотой 5 м. В основании она сделана из пахсы, а выше - из крупноформатного сырцового кирпича. Она предварительно датируется V-VI вв. н.э. Третья стена фундаментальная, толщиной 5 м. При ее сооружении применена ленточная пахса и сырцовый кирпич. Исследователи связывают укрепление крепостной стены с угрозой арабского нашествия и датируют VII-нач. VIII вв. Четвертая стена тоже возведена из пахсы и сырцового кирпича и относится ко второй половине XII в. и существовала она до начала XIII в. Жизнь на поселении возникла, видимо, в VI-V вв. до н.э., о чем свидетельствуют находки крашеной керамики под первоначальной стеной (Матбабаев, Грицина, 2000. С. 91, 92-94, 108-109). Толщина культурных наслоений на территории городища достигает 9 м. В западной и восточной частях шахристана вдоль городских стен были вскрыты жилые кварталы верхнего слоя. Выявлена четкая планировка помещений с определением их функционального назначения: жилые комнаты, коридоры, хозяйственные помещения с закромами для хранения зерновых продуктов, внутренний дворик. Стены помещений каркасные, полы некоторых помещений вымощены жженым кирпичом (Булатова, 1972. С. 12-13).

Раннесредневековый город исследован слабо, так как он находится под толщей позднего периода. Судя по результатам раскопок в южной части города, территория города и в этот период была очень плотно застроена. Вскрыты жилые комнаты с очагом в центре и суфами по периметру стен. Перекрытие плоское, опиралось на 4 деревянные колонны, украшенные резным орнаментом. У очага стояла столовая посуда. На одной суфе три хума. В городе был храм, связанный с поклонением священному огню. Святилище прямоугольной формы с очагом на прямоугольном подиуме в центре помещения и двойным рядом «П»-образной суфы вдоль стен. Перекрытие, видимо, было плоское, опиралось на 4 колонны (Ширинов, Матбабаев, Иванов, 1998, рис. 1, 6-8; Абдулгазиева, 1998).

Хорошо исследован раннесредневековый пригород Кувы, расположенный к северу от него. Здесь на холме, в заболоченной низине, исследовано поселение. Оно включает плотно застроенные кварталы, разделенные узкими улочками. В каждом квартале домовладения состояли из жилых комнат, помещений производственного назначения. Рядом с поселением находился буддийский храмовый комплекс. Оба эти памятника погибли одновременно в VII в. (Булатова, 1972. Рис. 2, 3).

К третьему типу отнесены городища площадью 13-20 га, укрепленные мощной системой фортификационных сооружений: цитаделью, крепостными стенами с оборонительными башнями. Внутри города выделялись крупные одиночные тепа - остатки отдельных домов. Количество ворот было разным в зависимости от величины городов.

К четвертому типу отнесены городища площадью свыше 20 га такие как Ахсикент, Мингтепа (Мархамат), Шурабашат, Эйлатан и др. Характерно, что они имеют два шахристана, однако второй не везде сохранился. Внутренний город в них имеет площадь 20 га (кроме Мингтепа, площадь которого около 40 га, внешний город не сохранился). Самым ранним из них является Эйлатан. В настоящее время оно почти полностью разрушено. Городище было сильно укреплено. Следы жилой застройки отмечены только на внутреннем городище (Латынин, 1935. С.120-158; 1961. С. 11-119). Возможно, внешнее исполь-

зовалось как загон для скота (Заднепровский, 1960а. С. 33). Ворота фланкированы прямоугольными башнями с камерой для стражи (Оболдуева, 1981. С. 192-194). Пригород представлял собой рассредоточенные тепа разной величины, которые ныне полностью разрушены. Возникновение города и его оборонительных сооружений относится к эпохе раннего железа. Они существовали и в эпоху античности до середины I тыс. н.э. (Оболдуева, 1981. С. 194). В подъемном материале городища в незначительном количестве встречена раннесредневековая керамика, однако с функционированием городища исследователи ее не связывают (Заднепровский, 1960а. С. 33).

Городище Мингтепа (Мархамат) расположено на северо-восточной окраине современного г. Мархамат, в 35 км южнее г. Андижана. Городище величественное, состояло из внутреннего и внешнего шахристанов (последний не сохранился), имело мощную фортификационную систему. В него вели четверо ворот, расположенные по четырем сторонам крепостной стены. Внутри городища имелось до 16 отдельных тепа разной величины, высотой свыше 10 м, и более низкие плоские, представлявшие собой остатки сооружений. Однако большая часть территории городища оставалась не застроенной (Бернштам, 1952. С. 228). Расцвет городища относится ко II в. до н.э. - II в.н.э. (Бернштам, 1952. С. 224-230), но начало обживания территории - к IV-III вв. до н.э. (Заднепровский, Матбабаев, 1991). Вокруг городища имелось много тепа - остатки отдельно стоявших домов. Подступы к Мингтепа и земледельческому оазису с южной стороны - со стороны гор, охранялись расположенными на адырах замками. Мингтепа было отождествлено А.Н. Берншамом с даваньской столицей Эршы, упоминаемой в китайских письменных источниках.

Ахсикент расположен в Туракурганском районе Наманганской области, в 25 км юго-западнее г. Намангана, на правом берегу р. Сырдарья. Возникновение жизни на городище А.Н. Бернштам относил к кушанскому времени, а расцвет - к VI-VIII вв. (Бернштам, 1952. С.244). Городище прямоугольной формы, сохранившаяся площадь 70 га. Как все большие города, состоит из трех частей: цитадели, шахристана (Ахси 1А, Ахси 1Б) и

обширного рабада. На основе археологических исследований А.А. Анарбаев считает, что территория Ахсикента начала обживаться не позднее начала II в. до н.э. Территория античного города захватывала площадь арка, двух шахристанов и западную часть средневекового рабада (Ахси II) (Анарбаев, 1988. С.184). Сложение городского организма со всеми элементами относится ко II-I вв. до н.э. Ахсикент, представлявший собой центр Касансайского земледельческого оазиса, расположен в экономически выгодной зоне, что способствовало развитию городской промышленности, международной торговле, быстрому развитию городской культуры. Археологически период V-VII вв. н.э. слабо выделен. Период VIII в. хорошо представлен только на одном объекте (II-VIII, в северо-западной части Ахси 1А), где вскрыты остатки жилой архитектуры, датируемые халифатскими монетами (Анарбаев, 1988. С.184). Письменные источники упоминают Ахсикент как местопребывание владетеля (Бичурин, 1950. С.319; Бартольд, 1965. С.529). В Ахсикенте лучше изучен период развитого средневековья. В горнорудной промышленности особое место занимало железоплавильное и железообрабатывающее ремесло (Анарбаев, 1988. С.184).

О сигнальных башнях дает представление поселение Зирктепа (V-VII вв. н.э.), расположенное в Ассакинском районе Андижанской области. Руины его представляют собой холм округлой формы размером по основанию 22x37 м, с относительно ровной верхней площадкой прямоугольной формы 12x15 м, высотой 7,5 м, с крутыми склонами, более пологими в западной стороне, откуда начи-

нался пандусный въезд. Зирктепа входит в цепочку таких же холмов, протянувшихся в сторону гор от укрепленных поселений Ниязбатырота и Учтепа. В результате археологических раскопок вскрыто здание замкового типа, возведенного на высоком стилобате (6 м), с толстой внешней стеной - 3,5 м. Здание состояло из одного большого помещения прямоугольной формы размером 5x6 м и узкого коридора (1,6 м) - лестничной клетки, откуда можно было попасть на второй этаж или площадку на крыше. Лестница построена из сырца, пристроена к западной стене коридора. Вход в помещение не установлен, возможно, он был в северо-западном конце коридора, где эта часть тепа была сильно разрушенной (рис.1). В северо-западной части помещения имелся напольный очаг прямоугольной формы. В завале у восточной стены найдены 12 страгалов мелкого рогатого скота, обломки двух зернотерок, фрагменты красноангобированных кувшинов, изготовленных на круге, и хумов.

Итак, выделено 4 типа древних городов. Они расположены в центре отдельных микрооазисов на расстоянии 20-30 км друг от друга, являлись административными центрами отдельных земледельческих районов. Городище Мингтепа, как было упомянуто, отождествлено со столицей государства Давань Эршы, а в эпоху раннего средневековья после Касана столицей Ферганы становится Ахсикент. Города были расположены на Великом шелковом пути, проходившем через Фергану, что способствовало развитию в них разных видов ремесла, экономическим и культурным связям с разными странами.

Литература:

1. Абдулгазиева Б. 1986. Раскопки на городище Кургантепе // ИМКУ, вып.20. Ташкент, 1986.
2. Абдулгазиева Б. Пригород в организации городской жизни (исследование поселений пригорода городища Султанабад) // Социально-пространственная структура в стадийной характеристике культурно-исторического процесса. ТД. М., 1992.
3. Абдулгазиева Б. Керамика поселения гончаров Камолтепа // ОНУ, № 5-8. Ташкент, 1995.
4. Абдулгазиева Б. Отчет об археологических раскопках в городе Куве на Р-4 в 1997 г. // Архив института археологии АН РУз. Самарканд, 1998.
5. Абдулгазиева Б. Исследование поселения Султанабад // Средняя Азия - археология, история, культура. Материалы Междунар. конф., посвящ. 50-лет. науч. деят. Г.В. Шишкиной. М., 2000.
6. Аманбаева Б., Абдуллоев Д. О последствиях арабского завоевания в истории городов Ферганы // Судьба ученого. СПб., 2000.
7. Аманбаева Б., Абдуллоев Д. Этапы урбанизации «Большого Оша» // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез. Вып.4. Бишкек, 2000.

8. Аманбаева Б., Грицина А., Набоков В., Абдуллоев Д. Работы на городище Ак-Буура в 1997-1998 гг. // Там же.
9. Анарбаев А.А. Ахсикент в древности и средневековье (итоги и перспективы исследований) // СА. №1. М., 1988
10. Аскарров А.А. 1994. Урта Осие кадимги дунесининг асосий хусусиятлари // УИФ. № 6. 1994.
11. Бартольд В.В. 1963. Географический очерк Мавераннахра // Собр. соч. Т.1., М.,1963.
12. Бартольд В.В. Статьи из энциклопедии ислама // Собр. соч. Т. 3. М., 1965.
13. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, 26. М.-Л., 1952.
14. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена // Т. II, М.-Л., 1950.
15. Булатова В.А. Древняя Кува. Ташкент, 1952.
16. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
17. Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков н.э. (некоторые итоги исследования).//СА. № 3. М., 1977.
18. Горбунова Н.Г. Городище Каламыштепе в Фергане // Судьба ученого. СПб., 2000.
19. Давидович Е.А. 1960. Саманидские монеты Кубы // СА, 1960, № 2.
20. Заднепровский Ю.А.. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе. 1960.
21. Заднепровский Ю.А. Городище Эйлатан (к вопросу о датировке памятника) // СА, № 3. М., 1960а.
22. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, 118. М.-Л., 1962.
23. Заднепровский Ю.А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы // Тезисы докладов сессии, посвящ. итогам полевых археол. исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
24. Заднепровский Ю.А. Фергана на Великом шелковом пути // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. ТД Междунар.семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990.
25. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997.
26. Заднепровский Ю.А., Матбабаев.Б.Х. Городище Мархамат // ИМКУ, вып.25. Ташкент, 1991.
27. Козенкова В.И. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. // КСИИМК, вып. 76. М., 1959.
28. Латынин Б.А. Работы в районе проектируемой электростанции на р.Нарын в Фергане // Известия ГАИМК, вып. 110. Археологические работы Академии на островах в 1932-1933 гг. Т.2. М., 1935.
29. Латынин Б.А. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г.//АСГЭ, вып. 3. Ташкент, 1961.
30. Массон М.Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент,1976.
31. Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. Археологические исследования в юго-западной части шахристана Кувы. // ИМКУ, вып.31. Самарканд, 2000.
32. Оболдуева Т.Г. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // ТИИА АН УзССР, т.4. Ташкент, 1951.
33. Оболдуева Т.Г. Раскопки 1960 года на городище Эйлатан // КСИА, вып.91. М., 1962.
34. Оболдуева Т.Г. О датировке стен Эйлатана // СА, № 4. М., 1981.
35. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // ТЮТАКЭ Т.6. М., 1958.
36. Ртвеладзе Э.В. К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сурхандарьинской области // Древний город Средней Азии. ТД. Л., 1973.
37. Распопова В.И. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового Согда // УСА, вып.4. М., 1979.

Б.М. Абдуллаев

К ИЗУЧЕНИЮ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА

Традиции возведения оборонительных сооружений в Фергане, как и по Узбекистану в целом, имеют глубокие корни. Самые ранние из них выявлены для периода поздней бронзы на памятниках чувствской культуры (XII-VIII вв. до н.э.). Их исследование и сравнительный анализ показали «самобытность начального этапа фортификации в Фергане» (Заднепровский, 1995).

Этот период характеризуется формированием фортификационного дела в долине, где оборонительными стенами обводились только крупные и средние по размеру поселения. Оборонительные стены еще не были укреплены фланкирующими башнями и повторяли контуры рельефа местности, что нарушало четкость планировки чувствских поселений. Однако оборонительные сооружения этого периода прошли длительный эволюционный путь, создавший благодатную почву для сложения развитой фортификации в последующих периодах.

В следующем эйлатанском периоде (VI-IV вв. до н.э.) происходят некоторые изменения в строительстве оборонительных сооружений - возникает прямоугольная планировка городища, появляются фланкирующие прямоугольные башни. Однако особый размах развитие фортификации получает в период античности (IV в. до н.э. - IV в. н.э.). Необходимо отметить, что на протяжении всего древнего периода Фергана не входила в состав таких античных государств как империя Александра Македонского, Селевкидов, Греко-Бактрии и Кушан, что привело к длительному и самостоятельному развитию ее оригинальной культуры.

Проблема периодизации античности данного региона все еще остается дискуссионной (Заднепровский, 1985а). В данной статье мы использовали периодизацию, предложенную Ю.А. Заднепровским, так как она хронологически соответствует общей периодизации Средней Азии и состоит из двух подпериодов: Шурабашатский IV-I вв. до н.э., обозначенный нами ранней античностью и Марха-

матский I-IV вв. н.э. - обозначенный поздней античностью.

Оборонительные сооружения Ферганы античного периода характеризуются переходом к развитой форме фортификации. Поселения приобретают значительное разнообразие по форме, характеру укреплений и функциональному назначению (Заднепровский, 1995). В этом периоде истории Ферганы были выявлены все основные фортификационные элементы: сильно укрепленная цитадель, мощные оборонительные стены со стрелковыми галереями, фланкирующими башнями и внутренними помещениями по периметру, снабженные бойницами, предвратные сооружения, рвы перед внешними стенами и сигнальные башни (Заднепровский, 1985а; Абдулгазиева, 1995). В настоящее время зафиксировано до 1000 памятников, из которых исследовано около 50 (Горбунова, 1977; Заднепровский, 1985а).

Еще археологическими исследованиями 30-40 годов XX века было установлено широкое распространение античных поселений, состоящих из нескольких десятков домов вокруг одного, иногда двух-трех более крупных сооружений (Оболдуева, 1951). Этот период также ознаменован созданием сложных ирригационных систем и, как следствие, здесь появлялись замки в начале речных выносов (Латынин, 1961). Вероятно, поэтому системе обороны уделялось особо важное значение: наряду с укрепленными поселениями создавались и оборонительные пояса вокруг крупных городов и оазисов (Матбабаев, 1995).

В раннеантичный период, наряду с использованием пахсы и сырцового кирпича, еще сохранялась традиция строить оборонительные стены городищ (Шурабашат) из утрамбованной земли и облицовывать их панцирной кладкой из сырцового кирпича (Заднепровский, 1985а). Однако уже со II в. до н.э. основным строительным материалом становится пахса и сырцовый кирпич. Последний начинает доминировать в строительстве со второй половины античного периода

(Заднепровский, 1962; Горбунова, 1995). Оборонительная система античного периода была настолько удачно и стратегически эффективно расположена на узловых точках оазисов, что в последующем средневековом периоде они просто «реконструировались» или на их месте возводились новые замки и крепости (Бернштам, 1952).

Несомненно, что именно исследование фортификационной архитектуры позволяет представить характер организации обороны города *и оазисов* (курсив автора) на разных этапах его истории, которая, в свою очередь, связана с социальной структурой населения (Семенов, 1996). Поэтому, при почти полном отсутствии письменных источников по данному периоду, особую значимость приобретают археологические раскопки.

Новые археологические исследования памятников античности Ферганы проводились в 2000-2004 годах Андижанским отрядом ИА АН РУз под руководством Б.Х. Матбабаева, где принимал участие и автор данной статьи. В фортификационном плане наиболее интересными являются результаты археологических работ на таких памятниках, как гордище Мингтепа (Мархамат), поселения Сарвонтепа и Чордонатепа (Матбабаев, 2002; Матбабаев, Абдуллаев, 2003).

Известно, что рубежи столичного города Даваньского царства Эрши - Мингтепа (ныне руины вблизи города Мархамат в Андижанской области¹) охранялись такими укрепленными поселениями, как Билувуртепа и мощными замками типа Караулататепа (Заднепровский, 1985б; Матбобоев, 1997). Однако и сам город Мингтепа имел хорошо организованную систему обороны - он был обнесен оборонительными стенами и имел мощную цитадель внутри городища. По периметру стен, на равных промежутках, были возведены башни с внутренними помещениями и бойницами (Заднепровский, Матбабаев, 1991; Матбобоев, 1995; Матбобоев, 1997).

Важные результаты дали последние исследования на западной оборонительной стене Мингтепа (Матбабаев, Абдуллаев, 2003). Стена была возведена из пахсы, а ремонтные пристройки сделаны из пахсы и частично из сырцового кирпича.

Стратиграфически она имела несколько этапов развития в виде последовательно построенных двух (ранней и поздней) мощных оборонительных стен и двух панцирных пристроек. Ранняя стена сохранилась в ширину у основания 2,5 м, по верху - 1,8 м и высоту 2,5 м. Очевидно, что при возведении второй стены ранняя стена была предварительно обработана - верхняя и восточная (внутренняя) часть были подрезаны. Поэтому в стыке между ранней и второй стенами не выявлены следы оплывов и натеков. Вторая стена возводилась с внутренней стороны и их общая ширина была доведена до 4 м у основания и 2,2 м поверху, при сохранившейся высоте 4,2 м. В более позднее время к стене с двух сторон были пристроены панцирные обкладки из пахсы и кирпича. К этому периоду ее суммарная толщина достигла у основания 7,3 м и поверху 3,4 м, при сохранившейся высоте 4,2 м.²

Материалы из разреза были получены в незначительном количестве, что несколько осложнило установление четких границ хронологических этапов развития оборонительной стены. Однако предшествовавшими исследователями здесь были отмечены три строительных горизонта у башни на западной стене и пять периодов на цитадели. Эти строительные горизонты хронологически охватывали период со II в. до н.э. по IV-V вв. н.э. Хотя были отмечены культурные слои под цитаделью, существовавшие до возникновения городища и относящиеся к IV-II вв. до н.э. (Заднепровский, Матбабаев, 1991). Несколько позже первые два строительных горизонта для башни на западной стене были датированы соответственно II-I вв. до н.э. и

¹ О локализации столицы Давани существуют различные мнения (Gorbunova, 1986, p. 66; Анарбаев, 2001. С. 9-10; Матбобоев, 2001. С. 35-36.). Однако сегодняшняя степень изученности этой проблемы позволяет нам придерживаться следующего мнения: Эрши-Мингтепа - столица Давани.

² Сложно судить о причинах столь большого увеличения толщины оборонительных стен из-за незначительности сведений о политических событиях в Фергане в этот период (Горбунова, Оболдуева, 1988. С. 95). Этот вопрос остается открытым до выявления более значимых результатов археологических исследований оборонительных сооружений городища Мингтепа.

первыми веками нашей эры (Матбобоев, 1997).

Учитывая необходимость дальнейшего исследования оборонительных сооружений городища, мы представляем лишь предварительную датировку этапов возведения оборонительной стены: первый период - II-I вв. до н.э.; второй период - I-II вв. н.э.; третий период, учитывая, что материалы IV-V вв. н.э. выявлены лишь на цитадели, с оговоркой, можно датировать III-IV (?) вв. н.э., так как цитадель могла обживаться и после прекращения оборонительных функций стенами.

Таким образом, городище Мингтепа имело мощную фортификационную систему, динамически развивавшуюся в течение трех периодов:

Первый период. (II-I вв. до н.э.). Были возведены оборонительные стены шириной 2,5 м, с фланкирующими прямоугольными башнями по периметру. Башни имели размеры с внешней стороны 10,5x5,5 м (определен по плану) (Заднепровский, Матбабаев, 1991), с внутренними помещениями размером 6x2,8 м. Они сохранились на высоту 8 м и выступали за линию стен на 3,2 м. Башни также, как и оборонительные стены, выложены из пахсы. Они снабжены щелевидными бойницами и имели, очевидно, плоское перекрытие, о чем говорят зафиксированные на верху гнезда для деревянных перекрытий (Матбобоев, 1997).

Второй период (I-II вв. н.э.). Оборонительная стена и башни усиливаются. Стена расширена до 4 м и наращена до высоты 4,2 м. Башня была обстроена дополнительно кирпичной кладкой, что сильно увеличило её внешние размеры - ширина по фасаду достигла 18 м и выступала за линию стен на 9 м у основания. Вероятно, башенное помещение еще функционировало.

Третий период (III-IV (?) вв. н.э.). Оборонительная стена укреплена (видимо, в несколько этапов) двумя панцирными обкладками с внешней стороны и одной с внутренней. Это увеличило толщину стены до 7,3 м у основания и до 3,4 м поверху, что делало её неприступной для стенобитных машин, а для защитников была создана достаточная ширина поверху стены, дававшая свободу передвижения. К этому периоду внутрибашенное помещение было забутовано и высота башни

достигла более 8 м, а защита производилась с верхнего яруса. Несомненно, что стены и башни в этот период были снабжены пилястрами или парапетом, защищавших воинов от стрел осаждающих.

Такая сильная фортификационная система также указывает на столичный статус городища Мингтепа, в котором обоснованно локализуется столица Даванского царства - Эрши. В этом отношении система обороны Ферганы имела близкие соответствия с хорошо изученной системой обороны Парфии (Кошеленко, 1963). Некоторая схожесть планировки городов отмечена с ближайшим к Фергане Чачским регионом. Однако основная система укреплений последнего состояла из ординарных стен, усиленных округлыми башнями (Буряков, Кошеленко, 1985).

Дальнейшими нашими исследованиями выявлено, что подобная система в упрощенном виде имела и в земледельческих оазисах. Исследования в старогородской части Андижана показали, что подступы к ее рубежам еще в древности охранялись укрепленными замками и крепостями, возведенными вокруг оазиса. В этом плане на западной и северо-западной окраинах города были исследованы памятники Сарвонтепа и Чордона-тепа.

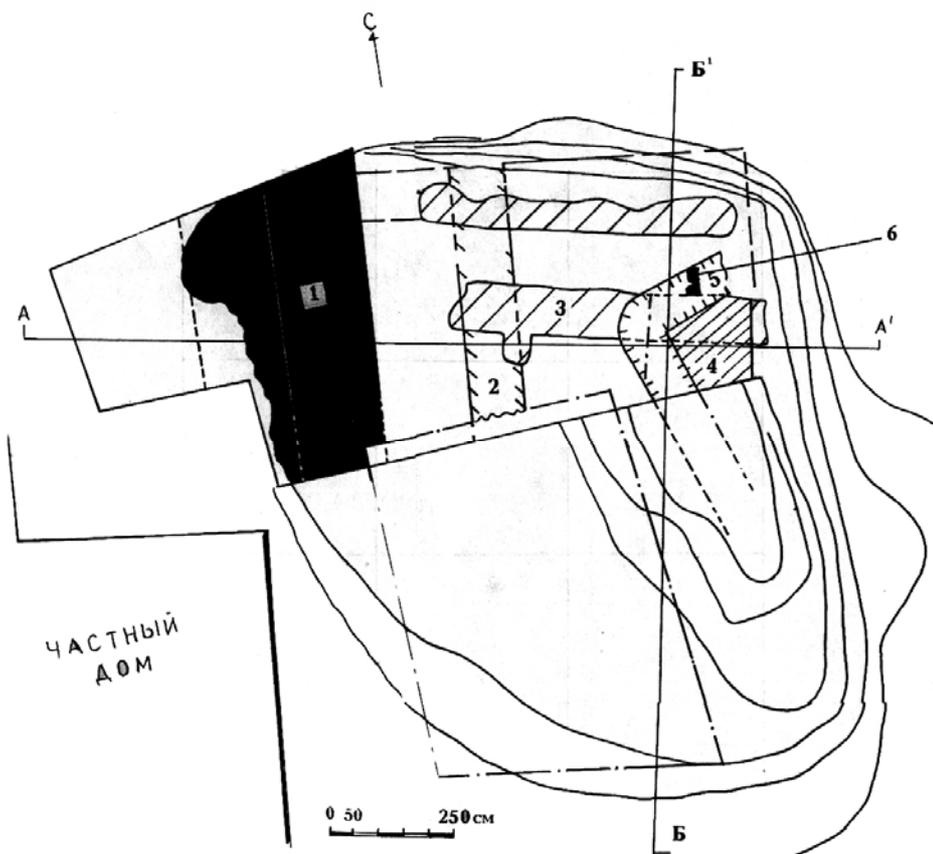
Памятник Сарвонтепа находится в северо-западной части города Андижан. Остатки памятника представляет собой холм трапециевидной формы у основания, размером у основания 30x20 м, а поверху - 13x6 м, при высоте 6 м. Памятник впервые исследован в 1976 г. Б. Абдулгазиевой и был определен как замок с площадкой (с западной стороны). Материалы раскопок не опубликованы.

Сарвонтепа является многослойным памятником, где ранние крепостные стены возведены над мощным культурным слоем раннежелезного века (VI-IV вв. до н.э.). В результате раскопок выявлено шесть строительных горизонтов, возводившихся после разрушения ранних крепостных стен на Сарвонтепа (рис. 2). Анализ керамики строительных горизонтов показал, что первые три нижние горизонта предварительно можно датировать последними вв. до н.э. - V в. н.э., верхние три - поздним средневековьем - XVII-XIX вв. (Матбабаев, Иванов, Абдуллаев, 2003).

Ранняя крепостная стена³ на Сарвонтепа имела ширину 5,7 м, при сохранившейся высоте 4,7 м. Она состояла из трех, разновременных и последовательно построенных стен, возведенных на общей кирпичной платформе толщиной до 1 м. Первая стена шириной 2,15 м и высотой 3 м была возведена из пахсовых блоков. Вторая стена сделана из пахсы и сырцового кирпича, при этом общая ширина достигла 3,5 м, а высота - 4,7 м. Третья стена была выложена из ленточной пахсы толщиной по 18-19 см, а суммарная толщина крепостной стены стала 5,7 м, при сохранившейся высоте 4,7 м.

Позже на руинах ранней стены (рис. 1, 1) было возведено здание (VI строительный горизонт), от которого сохранились - пол с очагом (рис. 1, 6), стена шириной 1,1 м, длиной около 2 м и высотой 40 см (рис. 1, 2). Значительно лучше выявлены строительные остатки последующего периода (V строительный горизонт), представленные в виде обводного коридора или стрелковой галереи (с ориентацией запад-восток), а также двух помещений за южной стеной коридора и пола (рис. 1, 3). Длина коридора сохранилась на 6 м, при ширине 1,2 м. Толщина внутренней стены составляла 1,1 м, при высоте 1 м. Внешняя стена сохранилась лишь с внутренней стороны, а ее фасад был разрушен.

Южная (внутренняя) стена коридора являлась одновременно северной стеной двух

помещений или центрального помещения с западным обводным коридором. В плане здание этого периода имело сходство с распространенными в античный и раннесредневековый периоды сооружениями, с «коридорно-гребенчатой планировкой» (Давидович, 1954; Негматов, Хмельницкий, 1966; Нильсен, 1966), а также с планировкой, состоящей из центрального помещения с обводными коридорами или боковыми помещениями (Горбунова, Оболдуева, 1988; Заднепровский, 1985; Козенкова, 1964).

Архитектурные остатки IV строительного горизонта (рис. 1, 4) сохранились незначительно и мы можем лишь констатировать факт интенсивного обживания Сарвонтепа (в виде замка) в течение античного периода и начала раннего средневековья.

Исследованиями на Чордонатепа в настоящее время вскрыто шесть строительных горизонтов. Обследование памятника пока не завершено и будет продолжено. В этой связи нумерация строительных горизонтов отмечена сверху вниз. Первые два строительных горизонта были вскрыты в 1983-1984 годах (Абдулгазиева, 1991). Наиболее полно изуче-

³ Исследование ранней крепостной стены еще незавершено. Поэтому мы ограничимся лишь общими сведениями о ней, а строительные горизонты представлены сверху вниз.

ны архитектурные остатки III, IV, V строительных горизонтов. Кирпичи из стен этих периодов и платформы раннего замка близки друг другу по размерам. Платформу подстилал культурный слой датируемый I-III вв. (Абдуллаев, Матбабаев, Машрабов, 2003) Раннее здание предварительно датировано позднеантичным периодом. Между III, IV и V строительными горизонтами отмечены следы пожара и запустения, зафиксированные толстыми зольными слоями и обожженными докрасна стенами (Абдулгазиева, Абдуллаев, Матбабаев, 2002; Абдуллаев, Матбабаев, Машрабов, 2003). Все это говорит, вероятно, о стратегическом положении замка и неоднократном поджоге его штурмующими, при захвате данного оазиса.

Позже в период III строительного горизонта (VII в. н.э.) произошла кардинальная перестройка здания. Все внутренние помещения были забутованы, а пришедшая в негодность внешняя стена была вырублена до платформы и затем была произведена пахсовая панцирная обкладка всего здания. В результате подготовлен мощный стилобат высотой около 6 м для нового замка (Абдуллаев, Матбабаев, Машрабов, 2003; Абдуллаев, 2003).

Таким образом, исследования указанных выше памятников подтверждают и дополняют мнение, что античные города и оазисы имели мощную систему обороны и сохранили свое стратегическое положение в последующих периодах. Если подступы оазисов охранялись мощными замками и крепостями, то система обороны столичного городища Мингтепа состояла: из замков и укреплен-

ных поселений, расположенных на его подступах; вероятно, сигнальных башен; двух оборонительных стен, усиленных башнями по периметру; и цитаделью во внутреннем городище. Все это указывает на то, что в Фергане античного периода наблюдается наличие мощной фортификации с совершенной системой обороны, характеризующейся:

1. Глубоко эшелонированной обороны;
2. Наличием высоких фланкирующих башен, позволяющих перенести центр обороны со стен на башни;
3. Наличием значительной свободной площади внутри городища для размещения конных воинов и, вероятно, фуража.

Сопоставление ферганской фортификации с укреплениями других историко-культурных областей Средней Азии, при несомненном ее своеобразии, выявило и общие черты в их эволюции. Это: наличие городищ с правильной планировкой и неправильной конфигурацией; города с мощными, в два ряда, оборонительными стенами, усиленными башнями и обведенным рвом; схожие планировки замков; использование рельефа местности.

Исследования ферганской фортификации в некоторой степени также позволяют интерпретировать и социально-экономические вопросы данного периода. Так как постоянное увеличение оборонительных стен и создание глубоко эшелонированной системы обороны связаны с большими трудовыми затратами и свидетельствуют о широких экономических возможностях городов и оазисов Ферганы античного периода.

Литература

1. Абдулгазиева Б. К исследованию фортификационных сооружений городов Ферганы эпохи античности // Марказий Осиёда урбанизация жараёнининг пайдо булиши ва ривожланиш боскичлари. Самарканд, 1995. С. 44-45.
2. Абдулгазиева Б. Исследование поселения Чордонатепа // ИМКУ, вып. 25, 1991, с. 132-137.
3. Абдулгазиева Б., Абдуллаев Б.М., Матбабаев Б.Х. Археологические раскопки в Андижане // Археологические исследования в Узбекистане- 2001. Ташкент, 2002. С. 4-12.
4. Абдуллаев Б.М. К изучению раннесредневековых замков в Ферганской долине // Узбекистон тарихи ва археология фанларининг долзарб муаммолари (республика илмий конференцияси материаллари). Самарканд, 2003. С. 43-46.
5. Абдуллаев Б.М., Иванов Г.П., Матбабаев Б.Х. Раскопки в Андижане // Археологические исследования в Узбекистане - 2000, Самарканд, 2001. С. 18-25.
6. Абдуллаев Б.М., Матбабаев Б.Х., Машрабов З.З. Десятый сезон археологических раскопок в Андижане // Археологические исследования в Узбекистане-2002. Ташкент, 2003. С. 4-15.
7. Анарбаев А.А. Касан город-ставка, крепость-лагерь // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, 1994.

8. Анорбоев А.А. // Узбек Давлатчилиги тарихида Фаргона ва Ахсикент // Узбек Давлатчилиги тарихида Фаргона. Я. Фуломов номидаги «Узбек халк ва давлатчилиги тарихи» Республика семинари. Самарканд, 2001. 5-22 бетлар.
9. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, 1952, № 26.
10. Буряков Ю.Ф., Кошеленко Г.А. Ташкентский оазис (Чач) // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С.297-299.
11. Горбунова Н.Г. Оборонительные сооружения на поселениях древней Ферганы // Марказий Осиёда урбанизация жараёнининг пайдо булиши ва ривожланиш боскичлари. Самарканд, 1995. С. 61-62.
12. Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) // СА, 1977, № 3. С. 107-120.
13. Горбунова Н.Г., Оболдуева Т.Г. Поселение Арал-тепе в Фергане // АСГЭ, М., 1988, вып. 29. С. 82-96.
14. Давидович Е.А. Раскопки на крепости Калаи-боло // МИА, № 66. М., 1954. С. 72-103.
15. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, № 118. М., 1962.
16. Заднепровский Ю.А. Фергана (в раннежелезном веке и античную эпоху) // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985а. С. 193-198; 304-317.
17. Заднепровский Ю.А. Гордище Билувур-тепе // КСИА, вып. 184. М., 1985б. С. 88-95.
18. Заднепровский Ю.А. Развитие фортификации в Фергане (I тыс. до н.э. - сер. I тыс н.э.) // Фортификация в древности и в средневековье. СПб., 1995. С. 21-23.
19. Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Гордище Мархамат (некоторые итоги изучения) // ИМКУ, вып. 25, Ташкент, 1991. С. 62-72.
20. Козенкова В.И. Гайрат-тепе (К истории поселений Ферганы I половины I тыс. н.э.) // СА, № 3. М., 1964. С. 218-237.
21. Кошеленко Г.А. Парфянская фортификация // СА, № 2. М., 1963. С. 57-73.
22. Латынин Б.А. Некоторые итоги работы Ферганской экспедиции 1934 г. // АСГЭ, вып. 3. М., 1961. С. 30-110.
23. Матбабаев Б.Х. К вопросу изучения укреплений городских центров Ферганы // Марказий Осиёда урбанизация жараёнининг пайдо бўлиши ва ривожланиш боскичлари. Самарканд, 1995. С. 78-79.
24. Матбабаев Б.Х. К открытию древнего поселения Эйлатанской культуры на территории г. Андижана // ТД Международной конференции «Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы» Самарканд, 2002. С. 28-29.
25. Матбабаев Б.Х., Абдуллаев Б.М. Исследования на западной оборонительной стене городища Мингтепа // Археологические исследования в Узбекистане - 2001. Ташкент, 2002. С. 101-104.
26. Матбабаев Б.Х., Иванов Г.П., Абдуллаев Б.М. Отчет об археологических работах на городище Далварзин (с. Аим) и Сарвонтепа (г. Андижан) в Андижанской области // Архив ИА АН РУз, Самарканд, 2003. Ф. 8. О. 1. Д. 180.
27. Матбобоев Б.Х. Фаргона кадимий шахарларининг жойлашган урни // ОНУ, № 9. Ташкент, 1995. 78-79 бетлар.
28. Матбобоев Б.Х. Кадимги Фаргона мудофаа иншоатларининг ривожланиш боскичлари // ОНУ, № 1-2. Ташкент, 1997. 45-49 бетлар.
29. Матбобоев Б.Х. Узбек Давлатчилигининг илк боскичларида Фаргона // Узбек Давлатчилиги тарихида Фаргона. Я. Фуломов номидаги «Узбек халк ва давлатчилиги тарихи» Республика семинари. Самарканд, 2001. 23-40 бетлар.
30. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый шахристан. Душанбе, 1966.
31. Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Ташкент, 1966.
32. Оболдуева Т.Г. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. Сталина // ТИАИ АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951. С. 3-40.
33. Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V-VIII века. СПб., 1996.
34. Gorbunova N.G. The culture of ancient Ferghana. B.A.R.-S281, 1986.

И.Д. Иваницкий

НАУСЫ ТУСУНСАЯ

Северные районы Самаркандского Согда с первых веков до н.э. испытывали сильнейшее влияние кочевой культуры присырдарьинского бассейна (3, с. 80). Традиция каунчинского этнокультурного пласта сохранилась здесь вплоть до раннего средневековья (8, с. 119-120). В период становления феодальных отношений, вызванный им процесс взаимовлияния культур Чача и Согда, выразившийся не только в единстве керамических комплексов (1, с. 64), но и, видимо, в определенной унификации духовной сферы жизни общества, захлестнул отдаленные горные провинции, одной из которых, в то время, являлась долина Тусунсая.

Долина Тусунсая, вытянутая почти в меридиальном направлении между грядами Актау, входящими в систему Нуратинских гор, с юга имеет выход в долину Зарафшана, а на северо-востоке, через межгорные проходы, связана через Джизак с присырдарьинскими областями.

Крупнейшим археологическим памятником долины является городище Саильтепе. В его округе сохранились многочисленные наусы с оссуарными погребениями (4, с. 53-59). Менее значительные по размерам поселения - Сафартепе и Кургантепе, расположенные ниже по течению рек, на примерно одинаковых расстояниях друг от друга, также имели свои некрополи с наземными мавзолеями.

В 1983 году на высоком левом берегу сая, близ селения Бешкаль, метрах в 500 к северу от поселения Кургантепе была обнаружена группа наусов, состоящая из трех холмов,¹ два из которых были раскопаны в 1986 г.

Наус I. До раскопок представлял собой округлый в плане холм, диаметром по подошве 8 м, высотой до 1,8 м. В результате раскопок вскрыто пахсовое сооружение на глинобитном стилобате (рис. 1.1.2). Высота стилобата 1 м. Наружные размеры здания 5,7x5,2 м. Внутренняя камера: 2,7x2,4 м. Сохранившаяся высота стен до 0,65 м. В западной стене, обращенной к реке, врезан входной проём шириной 0,7 м.

По фасаду наус фланкирован пилонами, образующими неглубокую (до 0,6 м) порталную нишу. Пилоны сооружены без перевязки с основным телом науса, этим, видимо, объясняется их плохая сохранность. Конструктивного устройства для подъема в наус не обнаружено.

Сразу же под дёрном попадались фрагменты оссуариев. Фиксировались они по всей поверхности оплывших стен, отдельные фрагменты встречались и у основания науса.

У восточной стены камеры, в натёке на полу, стояло раздавленное основание шаровидного горшка, в котором находилось несколько обломков длинных костей человека. Верхняя часть горшка лежала в непосредственной близости, часть венчика близ центра камеры. У южной стены в беспорядке лежали фрагменты оссуария (рис. 1,5). Повсеместно на полу встречались фрагменты оссуариев и бытовых сосудов, перемешанных с разбитыми костями.

Судя по всему, наус в древности подвергся разгрому. Впоследствии содержимое науса неоднократно перекапывалось кладоискателями, в результате чего фрагменты оссуариев оказались выше пола на всю высоту заполнения камеры.

Все оссуарии из науса I, как и уже известные саильтепинские, представляют собой характерный тип костехранилища с неотделенным от корпуса сводом и вырезанной в боковом скате крышкой - заслонкой. По технологическим признакам внутри типа оссуарии из науса можно подразделить на два основных варианта.

Первый вариант. Характеризуется объемным зубчатым парапетом, вырезанным по верху стенок, с последующей подлепкой изнутри сводчатой части (рис. 1.3). Под мерлонами проходит фриз ромбической сетки, по основанию - горизонтально расположенная ветвь со спирально закрученными листьями. Аналогичная ветвь, но расположенная вертикально, является центром осевой композиции на фронте оссуария. По обеим сторонам от ветви расположены солярные символы - круг с вписанным в него крестом, оконтуренным

¹ Наусы обнаружены археологом К. Алимовым

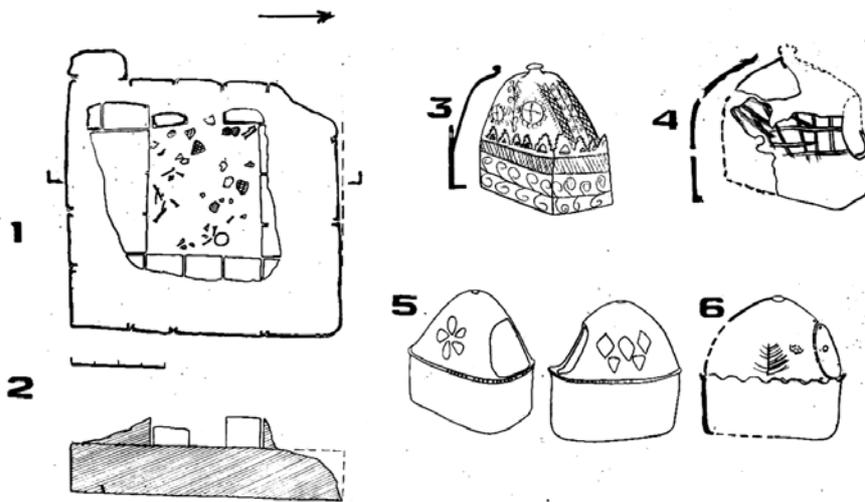

Рис. 1. Беишкаль. Наус. 1-2 – План и разрез. 3-6 – Типы оссуариев

точками. По периметру нанесены одиннадцать мелких полукружий также в точечном обрамлении. В оформлении боковых скатов использованы те же мотивы орнамента: в центре ветвь со спирально закрученными листьями в обрамлении двух полос ромбической сетки.

Верх сводчатой части оссуария не сохранился, но, по аналогии с сайльтепинскими оссуариями, можно полагать, что его венчала грибовидная ручка. Размеры оссуария: длина боковых стенок 58 см, торцовых 32 см, высота 38 см.

Второй вариант. Характеризуется цельной лепкой корпуса в один приём. Оссуарий на овальном основании (рис. 1.4) с плавно расширяющимися стенками, переходящими в купольно-сводчатое перекрытие, увенчанное ручкой (не сохранилась). В средней части корпуса прорезаны сквозные отверстия ($d=3$ см), выше которых стенки покрыты небрежно прочерченной ромбической сеткой. В нижней части боковой стенки вырезано отверстие для крышки. Оссуарий массивный, толщина стенок до 3 см. В тесто обильно добавлен сланец, обжиг неравномерный, что привело к расслаиванию и крохкости черепка.

Другой оссуарий можно охарактеризовать как купольный на овальном основании. Вертикальные стенки плавно переходят в купол, в вершине которого вырезано отверстие диаметром 5 см (рис. 1.5). Переход от стенок к куполу подчеркнут узким накладным жгутом с вертикальными насечками. В узкой части купола вырезана заслонка.

По широким, противоположным сторонам купола вырезан сквозной орнамент в виде пятилепестковой розетки и геометрических фигур. Орнамент вырезан по предварительной разметке.

Черепок коричневый, обжиг слабый, стенки расслаиваются и крошатся. Длина оссуария 45 см, ширина - 27, высота 40 см.

По фрагментам реконструируется аналогичный оссуарий (рис. 1.6), но переход к куполу выделен трапецевидными налипными мерлонами.

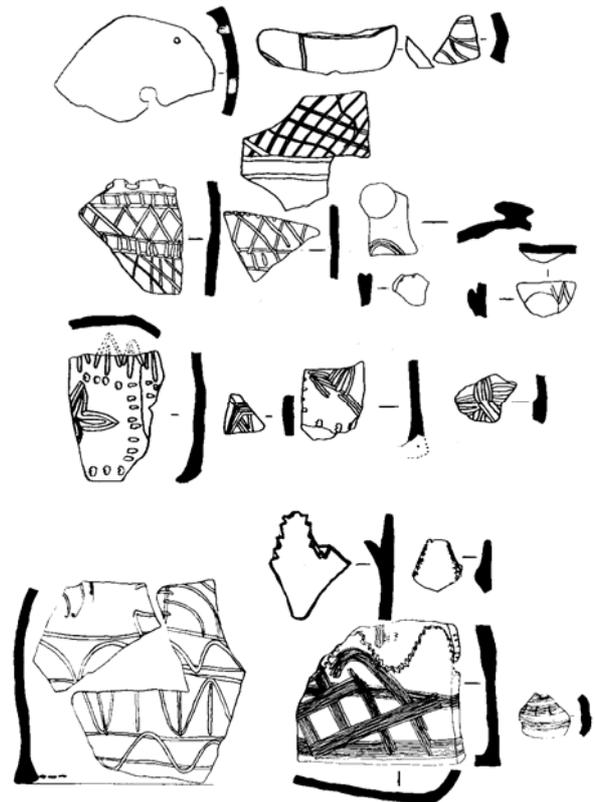

Рис. 2. Беишкаль. Варианты орнаментальных мотивов оссуариев

В вершине свода также вырезано отверстие. Крышка крепилась к оссуарию при помощи отверстий в корпусе и в заслонке. В центре крышки расположено круглое отверстие, служившее, видимо, своеобразной ручкой. В основании купола до обжига про-

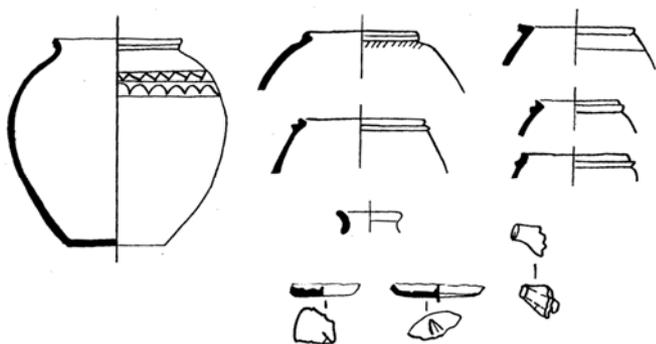

Рис. 3. Керамика из Науса 1

колоты отверстия для установки балдахина. На фрагменте свода, видимо, от этого же оссуария нанесён небрежно процарапанный орнамент: схематично передающий аналогичную композицию, изображенную на первом оссуарии, в центре узколистая ветвь, рядом - круг заполненный точками.

Здесь несобранные фрагменты различных частей аналогичных по форме оссуариев, отделка которых дополняет набор орнаментальных мотивов (рис. 4). Это трехлепестковая розетка в зубчатом обрамлении, выполненного штампом; вариант мотива «древа жизни» с опущенными вниз ветвями; различного вида мерлоны.

Судя по особенностям орнамента, а также по цвету и структуре черепка, в наусе было не менее 14 оссуариев. Помимо них в наусе собраны фрагменты пяти хумчей, использовавшихся в качестве костехранилищ. Таким образом, количество погребений в наусе I должно приближаться к 20.

Бытовая керамика из науса характеризуется обильным добавлением в формовочную массу толченого сланца, поверхность сосудов чаще всего шероховатая, черепок в изломе всех оттенков коричневого. Внутренняя поверхность дна сосудов со следами заглаженности ветошью. Распространенным типом керамики являются сосуды горшковидной формы (рис. 1.7), с характерным приострѐнным выступом ниже венчика. Диаметры горловины 16, 20, 23 см. Сосуд с отверстием под венчиком и полочкой для крышки, диаметр 21 см. Горшковидная хумча с утолщенным, отогнутым наружу, венчиком. По плечу характерный врезной волнистый орнамент в сочетании с параллельными линиями. Аналогичный орнамент, как и перечисленные формы, является характерным для

периода Пенджикента-II (вторая половина VII-VIII вв.) (1, с. 52-54).

Помимо этой керамики, встречено небольшое количество лепной красноангобированной. К ним относятся три мелких фрагмента сосудов неопределенной формы под красным и бурым ангобом с лошением. Фрагмент толстостенной чаши с двухсторонним покрытием красным ангобом. В изломе черепка широкая полоса черно-серого цвета.

На внешней стороне фрагментов дна двух сосудов до обжига прочерчен стреловидный знак.

Носик сосуда под бурым ангобом. Характерна следующая технологическая особенность. Сформированный отдельно трубчатый носик, вставленный в стенку сосуда, значительно выступает внутрь.

Лепные сосуды, в сочетании с красно-бурым ангобом и лошением, характерны для керамики каунчинского круга, как и технология формовки носика сосуда (8, с. 110).

Количество этого типа керамики в наусе невелико, в подавляющем большинстве представлена керамика верхнего Пенджикента, на основании чего весь комплекс находок из науса I следует датировать второй половиной VII-VIII вв.

Наус 2. До раскопок представлял собой круглый в плане холм, диаметром по подошве 6 м и высотой до 1,5 м. Поверхность задернована. В результате раскопок открыто пахсовое сооружение (4x4 м) с прямоугольной внутренней камерой (2,25x150м) (рис. 2). Вход в наус ориентирован на север, ширина проѐма 0,7 м. Толщина стен от 1 до 1,2 м. Сохранившаяся высота стен до 1 м. Стены внутри камеры имеют скосы. Входной проѐм имел арочное перекрытие, опиравшееся на наклонные пяты, расположенные на высоте 0,6 м от пола. Здание стоит на древней дневной поверхности, не имея, таким образом, ни стилобата, ни фундамента. Пол в наусе представлял собой ту же дневную поверхность, без какого-либо дополнительного покрытия. Сохранились остатки заклада входа сырцовым кирпичом со сторонами 25, и не менее 30, при толщине 10 см. Заклад этот был разобран еще в древности и наус стоял длительное время открытым, о чем свидетельствуют сильно заплывшие остатки

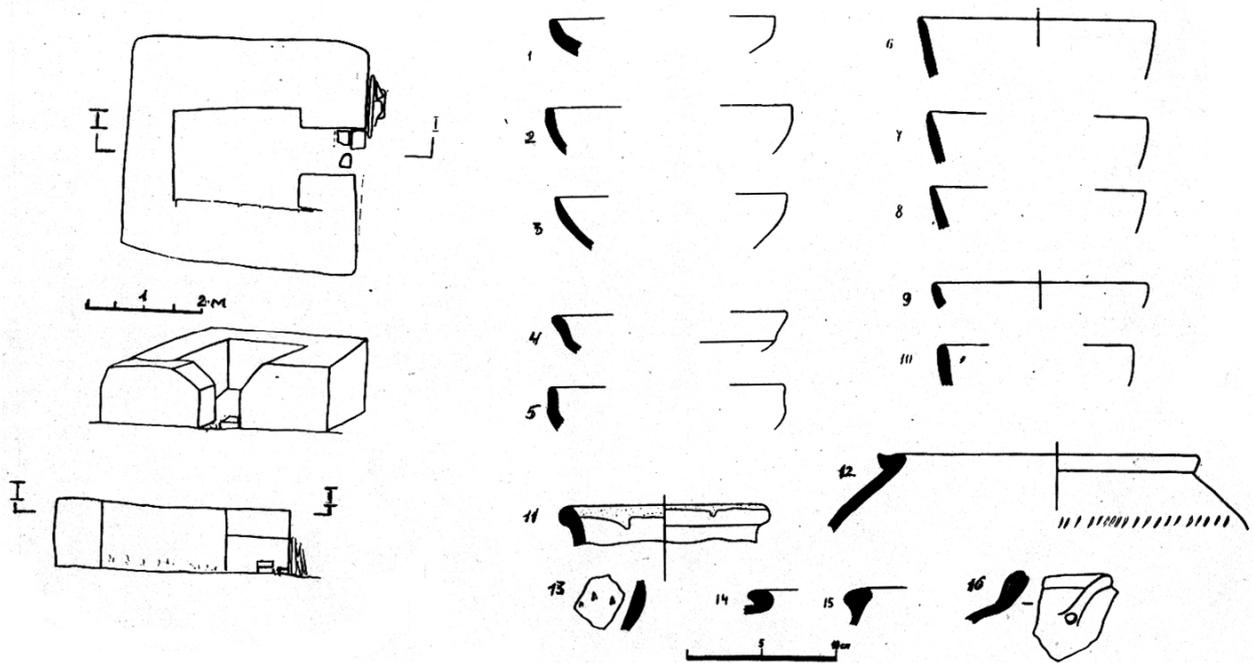

Рис. 4. Бешкаль. Наус 2. План и разрез. Керамика из науса

кирпичей. Второй заклад из крупных и мелких сланцевых плит, поставленных вертикально, прикрывал вход снаружи. Последний заклад был преднамеренно нарушен и из камеры выброшена часть костных останков. Вместе с ними на том же уровне собраны фрагменты котлов. К моменту разорения науса перекрытие еще существовало. Впоследствии содержимое науса было частично перекопано кладоискателями, но несмотря на это, удалось восстановить погребальный обряд.

Внутри камеры на полу лежали человеческие кости, собранные в кучки. Наблюдается определенная последовательность в их укладке - внизу располагались длинные кости скелета, кости таза, а сверху помещался череп. В северо-западном углу камеры, в рыхлом грунте перекрывшем черепа, найдена керамическая плитка (27x28x02 см). Близкие по размерам плитки, предположительно использовавшиеся как подставки для погребальных сосудов, известны в наусах Пенджикента (10, с. 80-83).

При вскрытии камеры было обнаружено всего несколько мелких фрагментов лепной красноангобирванной керамики. Среди них фрагменты конической чаши (рис. 2. 8). Основное скопление керамики встречено снаружи, возле северо-восточного угла близ входа,

а также близ стен вокруг науса. Керамика представлена преимущественно фрагментами столовой посуды. Это в основном чаши тщательной ручной выделки, с двухсторонним покрытием красным и красновато-бурым ангобом, в большинстве случаев с залощенной до блеска поверхностью. В тесто сосудов добавлен размолотый сланец, иногда песок.

Среди керамики выделяются группы посуды - чашки, кружки, кувшины, сковороды, назначение которых в наусах может быть объяснено сообщением Бируни о днях траура, когда жители «... плачут по своим древним покойникам ... и ставят для умерших кушанья и напитки» (9, с. 81, 115). С этим обрядом, видимо, связаны и фрагменты столовой посуды, найденной возле науса 2.

Характерно, что посуда с пищей ставилась не внутри науса, а снаружи у входа и, возможно, на крыше, о чем могут свидетельствовать фрагменты керамики, обнаруженной вокруг науса, смытые со временем к подножию.

Исходя из датировки керамического материала, найденного в наусах, можно предположить, что проникновение в Тусунсай обряда погребения предварительно очищенных костей на открытой поверхности происходит в IV-VI вв. К середине VII в. наблюдается переход к новой форме погребения - в оссуари-

ях и хозяйственных сосудах. При обеих формах погребения захоронения производились в специальных сооружениях - наусах. Наусы, как особый тип архитектурных сооружений, свойственен городскому населению (1, с. 46). В Согде этот тип сооружений известен достаточно широко по некрополям Пенджикента, Пайкента, Кафыркалы.

В Тусунсае наусы расположены не только вокруг городского пункта Саильтепе, но и близ поселений, занимающих относительно городища подчинённое положение в типологическом ряду памятников долины. Эта закономерность, видимо, определяет не только статус данных поселений в иерархической системе городской округи, но и определяет уровень урбанизации периферии.

Архитектурно-планировочный облик наусов - однокамерные сооружения на стилобате или поставленные на грунт генетически, видимо, связаны с бактрийскими (5, с. 88-60). Как рано этот тип сооружений появляется в Согде - неизвестно, т.к. для периода античности погребальной архитектуры типа наусов не обнаружено. Отнесение науса 2 к IV-VII вв. позволяет считать его наиболее ранним для Согда типом мавзолея, демонстрирующим безоссуарный обряд, с предварительным выставлением. Ни в Чаче, ни в равнинном Согде этот обряд в чистом виде до сих пор не выявлен. Учитывая генетическое единство материальной культуры Тусунсае, с одной стороны, с Чачем, а с другой стороны, с Согдом, небезосновательно предположить, что в Ташкентском оазисе и в Согде безоссуарный обряд предшествовал оссуарному в хронологически близкое к тусунсайским погребениям время.

Таким образом, погребальные памятники Тусунсае демонстрируют этапы постепенного проникновения зороастрийской погребальной обрядности в среду носителей каунчинской культуры. В то же время, демонстрируя стадиальность общих для Согда и Чача культурно-идеологических процессов в период раннего средневековья, процесс этот, вероятно, охватил более значительные пределы среднеазиатских областей. На наш взгляд, общность погребального обряда прослеживается и в некоторых памятниках Хорезма. В частности в погребениях, обнаруженных в 1952-1953 гг. на городищах Куняуаз и Кангкакала (6, с.381; 11, с.230-231). Оба городища гибнут от пожара в начале IV в. В

составе, видимо, дворцовых комплексов на обоих городищах раскопаны однотипные помещения с очагами-выкладками в центре. Помещения украшали росписи, алебастровые расписные статуи, выполненные на металлическом каркасе (именно обломки скульптур были приняты за оссуарий). Полы помещений были выстланы циновками, травяными подстилками и камышом. На обгоревших при пожаре подстилках обнаружены, сложенные кучками, кости конечностей и черепа.

Назначение раскопанных помещений интерпретировалось как погребальные святилища правителей города. В погребальном обряде усматривалось смешение местной (оссуарий) и восточной - таштыкской (маски, черепа уложенные на травяной подстилке) традиций, что объяснялось появлением новых этнических групп (9, с. 76-79, рис. 38, 41). В дальнейшем Б.Е. Неразик предположила, что обнаруженные обломки расписного предмета, скорее всего, являются остатками статуи, а не оссуария.

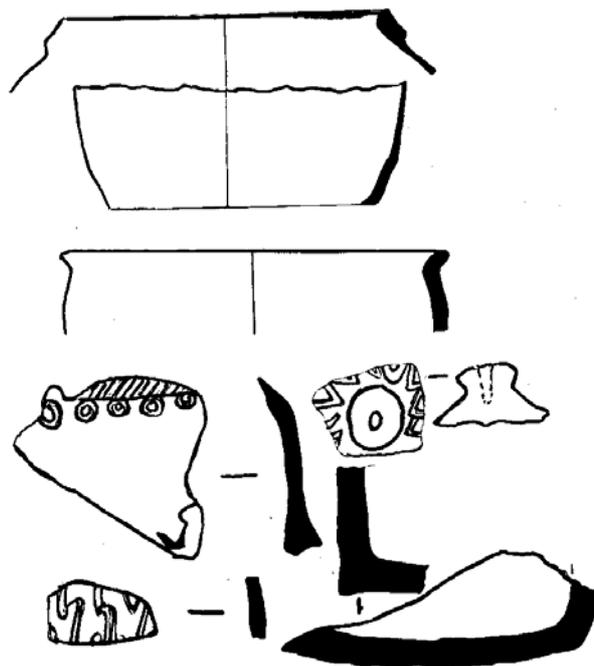

Рис. 5. Находки из науса 3

Проведённый исследовательницей детальный сравнительный анализ куняуазского и кангкакалинского обряда с таштыкским погребальным обрядом (7, с.198-199) позволяет, на наш взгляд, предположить, что кости из помещений Куняуаза и Кунгкакала не были обожжены. Нет упоминания о следах огня на костях и в ранней публикации материалов по Куняуазу (6,

с.381-382). Невозможно допустить, что пожар, при котором обгорели стены и карнизы, сгорели камышовые и травяные выстилки, обгорели фрагменты скульптуры, не задел кости на полу. Отсутствие следов огня на костях прямо указывает на отсутствие связи погребений с инвентарём сгоревших помещений. Набор костных останков черепа и кости конечностей, а также укладка их кучками, ассоциируется с зороастрийской погребальной обрядностью, предписывающей очищение костей с предварительным выставлением. Расположение кучек костей у входа, а не в глубине пустующего помещения, не допускает возможности отправления каких-либо ритуальных действий в "погребальном святилище". Следовательно, захоронения очищенных костей могли появиться в помещениях только после пожара, причем довольно скоро, т.к. значительных слоев заустения на сводах не обнаружено. Перекрытия помещений продолжали существовать ещё довольно длительное время.

Если бы они рухнули при пожаре (9, с.77), то располагавшиеся внутри кости неминуемо были бы раздавлены и обгорели. Но на Кангкакале погребения были обнаружены именно по выходу целых черепов на поверхность, обнажившихся в результате смывов. Таким образом, погребения на Куняуазе и Кангкакале демонстрируют безоссуарный обряд захоронения предварительно очищенных костей на изолированной поверхности, практиковавшийся в Хорезме не ранее начала IV в. и, возможно, и в IV-V вв., т.к. для этого периода на Куняуазе зафиксированы следы эпизодического обживания.

Общность погребального обряда Согда и Хорезма, а также, видимо, и Чача на начальных этапах раннесредневекового периода, позволяет предположить не только определённое единство идеологических воззрений, но и допускает хронологическую близость этапов развития зороастрийской погребальной обрядности в этих регионах.

Литература

1. Беленицкий Б.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
2. Буряков Ю.Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.
3. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
4. Иваиницкий И.Д. Оссуарий из округи Саильтепе // ОНУ, № 6, Ташкент, 1989.
5. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах. М., 1983.
6. Неразик Е.Е. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г. // ТХАЭ, т. II, М., 1958.
7. Неразик Е.Е. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV-VIII вв. // История, археология, этнография Средней Азии. М., 1966.
8. Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент. 1989.
9. Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пенджикентский некрополь // МИА, № 37. М.-Л., 1953.
10. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

М.Исамиддинов, Н.Курбанова

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА БАГАРА

Река Зарафшан после выхода в долину как на левом, так и на правом берегу образует относительно узкую, плоскую террасу, (шириной от 10 до 20 км и длиной около 150 км), где эти земли с древнейших времен до настоящего времени используются под орошаемое земледелие.

В отличие от этого в северной части долины, ближе к горам в адырных районах и дальше к степной зоне, развивалось совсем другое хозяйство. Климат здесь весьма благоприятствовал развитию скотоводства. В этих регионах весной появляются достаточно много травянистых полей для развития мелкого и крупного рогатого скота. Однако после окончания короткой весенней погоды животноводы всегда двигались в поисках новых полей на север, северо-восток или к горным регионам. Ведению такого хозяйства и образа жизни диктовали сами географические и климатические условия Зарафшанской долины и Средней Азии в целом.

До начала шестидесятых годов предгорная и адырная зоны вдоль Нуратинских и Зарафшанских гор были густо покрыты курганными могильниками. Однако в семидесятые и восьмидесятые годы, в процессе поиска новых для хлопководства земель, началось массовое освоение богарных участков, что привело к уничтожению многих курганных могильников, расположенных в предгорных районах долины р. Зарафшан. Об этих освоительных работах археологи чаще всего ничего не знали.

К одному из таких пунктов, где были начаты освоительные работы, можно отнести территорию адырных зон недалеко от кишлака Зарбулак, местное население называло эти земли «Багара» (Бахора). В 1986 году Пайарыкским отрядом Института археологии АН РУз было обследовано всё правобережье канала Пай и предгорные районы Ну-

ратау. На этой полосе было зафиксировано несколько групп курганов, попадавших в зону освоения новых земель. Они расположены на расстоянии 4-5 км к северу от селения Зарбулак.

В зону освоения новых земель попало несколько курганных погребений, составляющих однорядовую цепочку. Вся цепочка курганов расположена на вершине холма, и попадала в водораздел, где должны были проводить новый магистральный канал. В ряду насчитывалось шесть курганных захоронений (рис. 1), которые находились друг от друга на

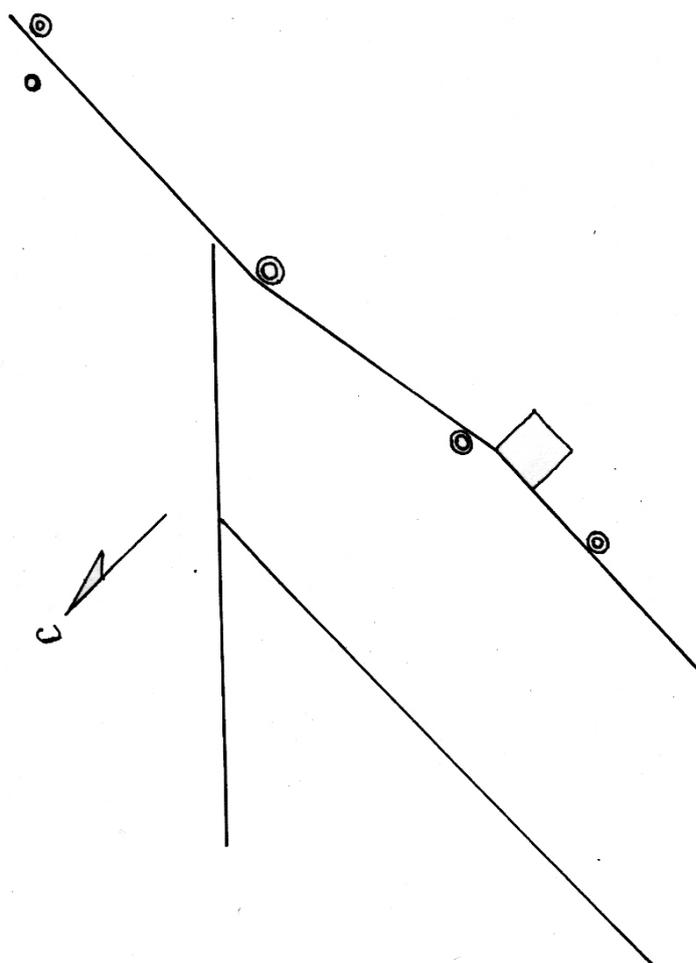

Рис. 1. Проектируемый канал и расположение курганов

расстояние 100-150 м. Насыпи курганных могил земляные, имели диаметр 20-30 м и высоту около 3-4 м. Параллельно с археологами экскаваторы, бульдозеры и скрепера проводили освоение новых земель. В момент начала археологических работ оставались целыми три, из шести, курганных захоронений. Один курган ранее попал на трассу канала и при рытье был снесен наполовину. Вторая половина холма сохранилась благодаря триангуляционной точке, что вместе с тем не позволило провести археологическое обследование кургана.

В двух сохранившихся холмах под названием Коштепа I и Коштепа II произведены археологические раскопки¹.

Коштепа I представляет собой тепа в виде грунтовой насыпи округлой формы, диаметром около 30 м, высотой 4,5 м. На поверхности холма следов какого-либо строительства не замечено, не было и следов разрушений, которые могли остаться после древнего ограбления. Холм имел овальную форму (рис. 2 а).

В целях выявления конструкции верхней грунтовой насыпи нами произведены раскопки на западной половине холма, где была заложена траншея, прорезывающая поперек всю западную половину холма по линии север-юг. Ширина траншеи доходила до 3 м.

Раскопками установлено, что верхняя насыпь высотой более 4,5 м состоит из довольно твердого лесса, без каких-либо строительных, мусорных или иных примесей. Почти вся западная половина холма снесена. На этой стороне тепа траншеей спустились до уровня древней дневной поверхности, однако могильное пятно выявить не удалось (рис. 2 б). В этой связи на данном участке раскопки были приостановлены.

Раскопки были продолжены на восточной половине холма. Здесь же оставлен контрольный останец шириной более 4 м и длиной равняющейся длине холма.

На глубине 4,3 м выявлены древняя поверхность и следы могильного пятна прямоугольной формы, длиной по направлению запад-восток около 6,3 м и шириной 3,5 м. Мо-

гильная яма была заполнена рыхлой, комковатой землей. По краям ямы можно было проследить натечные слои, образовавшиеся во время дождей. При раскопках верхних слоев был замечен грабительский лаз на северо-западной половине раскопа. Он имел округлую форму диаметром около 1,5 м. Лаз спускался с северо-западного угла ямы в камеру (рис. 2 в, г). На глубине 6 м от дневной поверхности шел только лессовый грунт. Ниже этого уровня было замечено несколько фрагментов костей животных. Среди них оказались кости лисицы и грызунов.

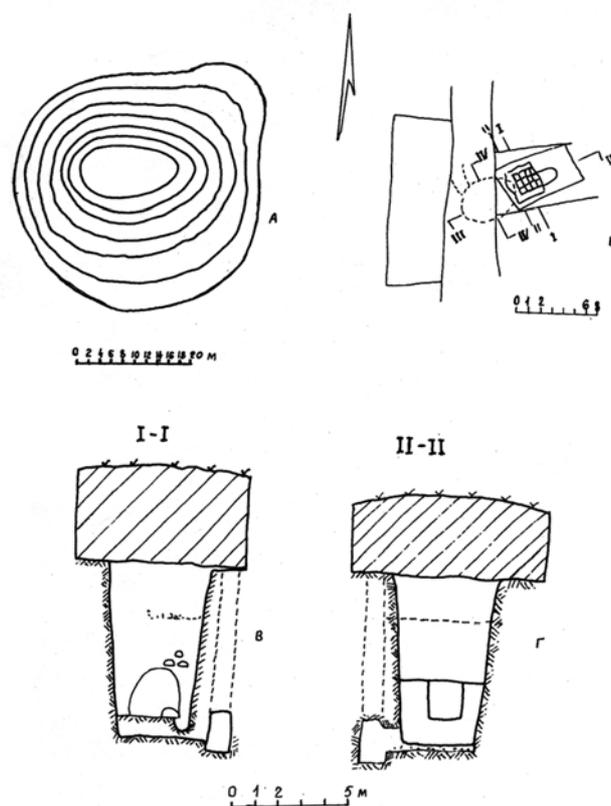

Рис. 2. План и разрезы Коштепа I: а) Глазомерный план холма; б) Общий план Коштепа I после раскопа; в) Разрез по линии I-I; г) Разрез по линии II-II

На глубине 7,5 м от вершины холма обнаружен скелет человека, лежавший на спине головой на юго-восток, лицом вверх. Видимо, погребение позднее и относится к вторичному захоронению. Из-за наличия этого вторичного захоронения на верху не сохранилось могильное пятно первого захоронения. Возможно, что вторичное захоронение было простым ямным захоронением. Возле головы расчищены разбитые обломки миниатюрного сосуда, возможно, небольшой курительницы. Сосуд изготовлен ручным спосо-

¹Этот район местное население называет «Багара», т.е. весной эти адырные и предгорные районы становятся цветущими лугами, богарные культуры в благополучные, в климатическом отношении, годы здесь давали неплохой урожай (Бартольд, 1963, с. 144).

бом из глины желтоватого цвета. Его поверхность украшена орнаментом, составленным ручным вдавливанием. Подобные сосуды известны в курганах Акджартепа (Обельченко, 1962, рис.7). В тесте черепка имеются включения мелко толченной дровсы и извести. Диаметр донца 5,5 см.

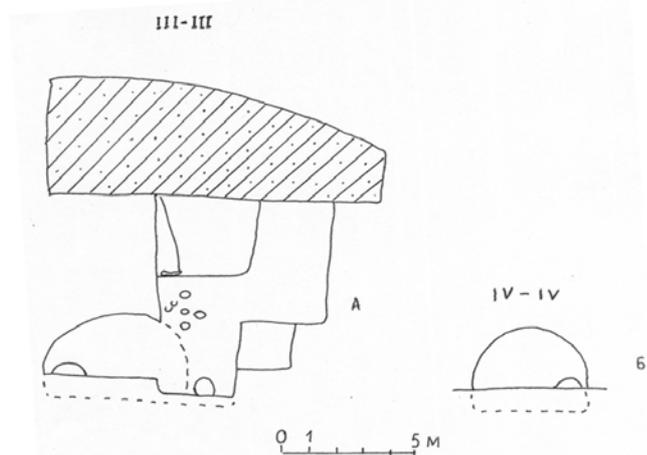

Рис. 3. а) Разрез по линии III-III; б) Разрез по линии IV-IV

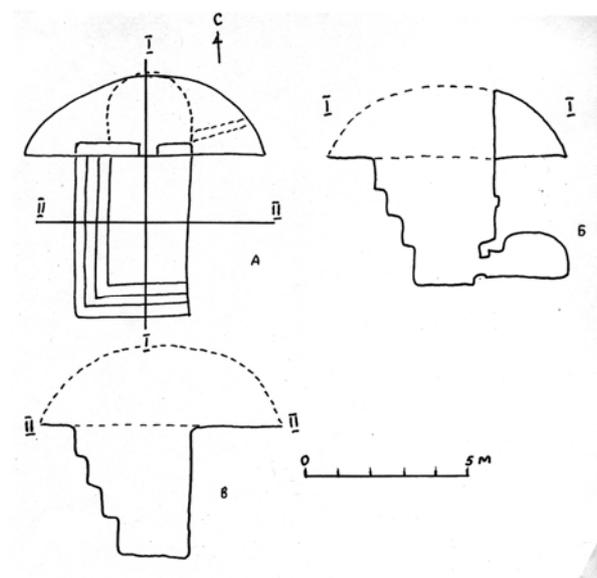

Рис. 4. а) Общий план Коштеня II; б) Разрез по линии II-II

Вокруг скелета обнаружены обломки венчика и часть донца хума. Плечики хума пологие, хум имеет короткую горловину с отогнутым наружу венчиком и плоское донце. Диаметр горловины хума 27 см, толщина стенок 1,3 см. Стенки с внешней стороны темно-серого цвета, с внутренней - желтого. Донце сосуда изготовлено отдельно и слеплено со стенками толщиной 1,4 см. Диаметр дна 30 см, высота сосуда около 50 см (рис. 5,3). Других предметов, связанных с этим погребением, не обнаружено. На глубине 8,5 м от ре-

перной точки в южной стене могильной ямы зафиксирована небольшая ниша шириной 0,35 м, высотой 37 см и глубиной 10 см (рис. 4в). Стенки ниши покрыты сажей. Вышеописанное позднее, явное захоронение, вместе с обломками хума, было спущено сверху почти до уровня ниши, поэтому ниша не имеет никакого отношения к вышеописанному скелету.

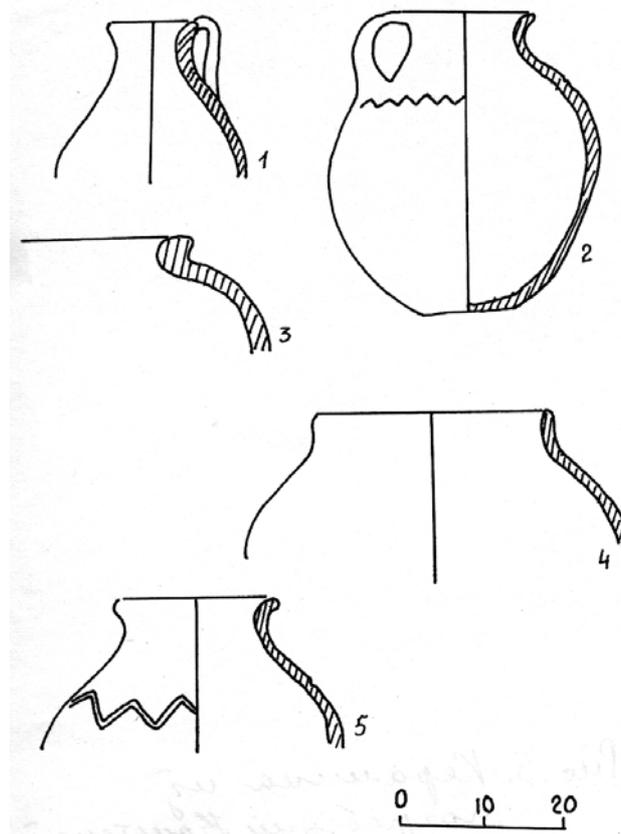

Рис. 5. Керамика из погребений Коштеня I и II

Ниже этой ниши в стенке могильной ямы были расчищены еще две такие же ниши, у которых также имеются следы сажи, оставленные, видимо, в процессе воскурения.

В дальнейшем, в целях вскрытия нижней могилы, раскоп был углублен. В северной части ямы на глубине 4,5 м была выявлена II – образная ступенька. Верхняя плоскость ее находится на глубине 5,5 м от уровня древней дневной поверхности. Высота первой ступеньки 2 м, второй 1,2 м. Ширина первой ступеньки около 1 м, второй около 2 м. Общая глубина от верхней части насыпи до вскрытого участка около 12 м. Такая глубокая яма, со ступеньками на западе, вела к довольно большой катакомбе размером по линии В-3 около 4 м, шириной около 3,5 м.

Расстояние между катакомбой и концом ступени около 2,3 м. Потолок катакомбы сводчатый, ее высота около 2,2 м. Уровень пола земляной, плотно утрамбованный. В северо-западном углу катакомбы на уровне пола обнаружен грабительский лаз, ориентированный в северном направлении (лаз №2).

В нижней части дромоса, в его северной стенке, обнаружен третий грабительский лаз, ориентированный также в северном направлении. Лаз расчищен на уровне дромоса, выявленного на глубине около 7,35 м от древней дневной поверхности. Этот уровень выложен сырцовыми кирпичами размером 45х45х9-10; 40х44х11 см. В западном углу дромоса на полу расчищено пятно с остатками кострища диаметром около 1,25 м. Размеры дромоса 5,5х3,7 м. В грабительском лазе обнаружен фрагмент венчика диаметром 17 см и часть тулова красноангобировавшего кувшина, который датируется первыми веками н.э. (рис. 5,5).

Вход в катакомбу, видимо, был прикрыт стенкой, сложенной из сырцового кирпича, которая еще в древности частично рухнула вовнутрь катакомбы. Нижняя сохранившаяся часть ее имеет восемь рядов кирпичей (рис. 2 б). Размеры кирпичей 46х46х10; 45х45х9-10; 40х44х11 см.

Катакомба имеет яйцевидную форму. Вход в нее оформлен в виде сводчатого перекрытия. Пол катакомбы плотно утрамбован чистой глиной и на его поверхности не обнаружено никаких находок. Поскольку в грабительском лазе был найден фрагмент красноангобировавшего кувшина, то можно предположить, что могила была ограблена, когда труп был свежим и извлечен вместе с сопровождающим инвентарём.

В настоящее время мы можем отметить следующую последовательность обряда захоронения произведенного на этом объекте. Первоначально рыли дромос, с очень хорошо оформленной ступенькой. Потом была вырыта большая катакомба яйцевидной формы. В передней стенке этой катакомбы были выкопаны несколько небольших ниш, служивших в процессе захоронения местом для возжигания огня. Очищение огнем производилось, видимо, как до захоронения покойного, так и после внесения трупа в катакомбу. После захоронения покойника катакомба была окончательно замурована стеной из сырцового кирпича. Пол дромоса выложен кирпичной

кладкой. Для этой цели использовали обычные стандартные кирпичи существовавшие у оседлого населения. После этого дромос заполняли землей, видимо, проводили какие-то культовые обряды с использованием огня и затем засыпали верхнюю часть могилы до громадного земляного холма.

Как отмечено выше, дата первоначального захоронения определяется фрагментами, обнаруженного в грабительском лазе, красноангобировавшего кувшина, относящегося к первым векам н.э.

Вторичное захоронение на этом объекте произведено в конце позднеантичного времени. Причем древние грабители давно уже успели ограбить первое захоронение и два первых грабительских лаза были оставлены именно этими грабителями.

Во время вторичного захоронения в древности был снят верхний земляной холм, поднятый над первым погребением. Затем выкопали яму небольшого размера, в которой похоронили тела двух покойных. Судя по сопровождающему инвентарю, покойники были бедными.

В процессе раскопок установлено, что из-за грабителей была целиком разрушена конструкция вторичного захоронения. Поэтому очень трудно восстановить обряд захоронения №2. Возможно, он был таким же как в погребении №3 кургана Сирлибайтепа, расположенного на территории Кошрабадского района (Иваницкий, Иневаткина, 1988, с. 44-59).

Важные результаты дало изучение черепов из данного захоронения. Все дело в том, что на глубине около 4 м от дневной поверхности было выявлено повторное захоронение с остатками определимого скелета. В отличие от предыдущих захоронений это обычное захоронение ямного типа и попало в дромос первого захоронения. Из-за этого следы самой могилы не сохранились.

Судя по стратиграфии, последовательность обряда захоронений на этом кургане была следующей. Вначале была снята насыпь древнего кургана. Потом выкопали яму, теперь уже небольшого размера, и туда поместили тела покойных.

При попытке вторичного ограбления был нарушен скелет захоронения второго погребения. Но несмотря на это удалось установить два черепа мужского пола, зрелого возраста (определение антрополога С. Мустафа-

кулова). Их продольный диаметр очень маленький, поперечный - средний. Черепной указатель - гипербрахикранный.

Второй черепной указатель – мезокранный. Длина основания черепа - средняя. Этот череп по важным признакам существенно отличается от черепа №1. Последний несет монголоидную примесь и относится к брахикранному европеоидному типу среднеазиатского междуречья. Попытки повторного захоронения прослежены во многих курганах, в том числе в Орлатском могильнике (Пугаченкова, 1989), и особенно в кургане №3 Сирлибойтепа, расположенного на территории Кошрабадского района (Иваницкий, Иневаткина, 1988, с. 44-66).

Коштета II расположен западнее от предыдущего кургана и имеет относительно небольшой размер: диаметр насыпи около 8 м и высота не более 3 м. Поскольку трасса сооружаемого канала попадала и на этот объект, то было решено провести раскопки кургана.

Первоначально восточная половина насыпи была снесена техникой по линии восток-запад, после чего выявилась древняя дневная поверхность с явными следами могильного пятна. На северной половине могильного пятна видны следы огня, оставленные в результате горения костра.

Зачисткой установлено наличие дромоса размером 5х3,5 м и глубиной около 4 м. Дромос тянулся по линии север-юг и имел ступеньки вдоль западной и южной стенок. Восточная стенка дромоса этого не имеет и спущена вниз строго вертикально. На глубине 1,2 м от дневной поверхности была встречена слегка углубленная ниша квадратной формы размером 30х35 см. Стенки ниши несут следы копти.

В северной части дромоса выявлена катакомба округлой формы диаметром около 2,5 м. Дромос от катакомбы отделен узкой стеной с проходом в центре по оси дромоса. Ширина и высота прохода 90-100 см. Проход был заложен сырцовым кирпичом размером 45х44х9 см.

И в этом случае курган оказалась ограбленным. Лишь обнаруженный здесь фрагмент керамики, позволил датировать курган первыми веками н.э., скорее всего, III-IV вв. н.э. В погребении была обнаружена верхняя часть одного вытянутого кувшина, лепного изготовления (рис. 5, 1). Второй кувшин был

археологически целым. Он имеет несколько округлую форму и петлевидную ручку с прорезанным волнистым орнаментом на плечике (рис. 5, 2). Этот кувшин находит полную аналогию в керамике Акджартепе (Обельченко, 1962, рис.6). Обнаружен также фрагмент котла шаровидной формы с вытянутыми вверх стенками (рис. 5, 4).

Таким образом, оба раскопанные курганы оказались курганами катакомбного типа. Вместе с тем, последние два кургана отличались друг от друга дромосами, т.е. впускными ямами. Если в кургане I (Коштета I) дромос был оформлен в виде П-образной двухступенчатой лестницы, расположенной на восточной половине, то дромос кургана 2 (Коштета II) оформили только с двух сторон в виде трехступенчатой лестницы.

Раскопки курганных погребений Коштета I и II, разграбленных в древности, дали незначительный археологический материал. Однако сохранность захоронений хорошая. Как было уже отмечено выше, они оказались курганами катакомбного типа.

В отличие от них перезахоронение, произведенное в Коштета I, видимо, было ямным или грунтовым захоронением.

Как известно, в середине I тысячелетия до н.э. в древнем Согде преобладали могильники с погребениями на древней дневной поверхности или в грунтовых могилах как, например, Калкансайском или Шахривайронском некрополях (Обельченко, 1992, с. 133-134). Такие могильники были характерными особенно для низовьев Амударьи и Сырдарьи (Вайнберг, 1979, с. 7-76; Вишневская, 1973, 159 с.).

Вместе с этим на территории среднего течения реки Зарафшан, в долинах Кашкадарьи, Мургаба и Сурхана (территории Маргианы, Бактрии и Согда) погребения эпохи раннего железа не обнаружены. Это является важным фактом и позволяет сделать вывод о религиозном представлении местного населения (Сагдуллаев, 2001, с. 78-81).

На следующем этапе исторического развития в Средней Азии появляются погребения подбойного и катакомбного типа. Об этом имеется много информации в обобщающих работах (Обельченко, 1964; его же, 1965; Литвинский, 1972; Вайнберг, Горбунова, Мошкова, 1990; Сорокин, 1956).

Несмотря на то, что подбойные и катакомбные погребения распространены по всей

Средней Азии, однако здесь встречаются отдельные районы, где такие погребения практически отсутствуют или они единичны. К такому относится Устюрт.

Вместе с тем в этих районах традиционно широко распространены грунтовые могилы или погребения на поверхности земли (Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта, 1978).

В среднеазиатской литературе подбойным и катакомбным погребениям уделялось много внимания. Существуют две точки зрения по поводу их появления в данном регионе: одни ученые считают, что подбойные и катакомбные погребения привнесены в Среднюю Азию извне, другие полагают, что они появились здесь самостоятельно.

Ю.А.Заднепровский, изучая погребальные сооружения кочевников Средней Азии, делает попытку территориального и типологического распределения. По нему выделяются несколько типов погребения как катакомбного, так и подбойного типа (Заднепровский, 1975, с. 85-97).

Из них на территории Согда имеются первые два типа (Иваницкий, Иневаткина, 1988, с. 44-59; Пугаченкова, 1989, с. 122-154). Рассматривая погребальные сооружения Средней Азии он отмечает наличие аналогичных погребений в Ферганской долине, в каунчинской культуре Ташкентского оазиса и кенкольской культуре (Заднепровский, 1975, с. 85-97).

Внимательно изучая подбойно-катакомбные погребения Средней Азии, Н.Г. Горбунова отмечает их повсеместное наличие (Горбунова, 1991, с. 20-30). Правда, надо заметить, что могильники расположены в основном в окрестностях земледельческих оазисов, в предгорных районах или на границах между степью и оазисами.

Анализ курганных могильников древнего Согда позволяет сделать следующие предварительные выводы:

а) В курганных могильниках древнего Согда отсутствует единообразие в устройстве могил. Из-за этого пока преждевременно говорить окончательно и твердо об установлен-

ных типах могил. Сегодня можно отметить только наличие дромоса и катакомбы. Другие признаки – это направление могил, ориентация скелетов, наличие постоянных лестниц в дромосах выражены недостаточно ясно. Также мало сведений мы имеем о внутреннем оформлении могил. В настоящее время на территории Согда только в одном случае (Коштета I) пол катакомбы обложен квадратными кирпичами.

Оформление пола квадратными кирпичами, как в богатых городских жилищах, использование посуды, украшений, оружия, палас сходных земледельческим все это говорит о тесных связях кочевого и земледельческого населения. Видимо, здесь речь может идти о постоянном скотоводческом населении, живущим в предгорных или ближе к степным районам.

а) Подбойные могильники на территории Согда встречаются параллельно с погребениями катакомбного типа. Возможно, и это тоже связано с отсутствием единообразия в устройстве могил.

Но, вместе с тем, наличие подбойного захоронения (напоминающего, конечно, формы катакомбы) в Хазаринском могильнике с материалами середины I тысячелетия до н.э. (Обельченко, 1995, курганы 21, 25, 27) говорит о появлении вначале подбойных захоронений и позднее катакомбных.

в) Как было отмечено выше, в середине I тысячелетия до н.э. во многих районах Средней Азии, в том числе на территории Бухарского Согда, были широко распространены погребения на поверхности земли или просто грунтовые могилы. Позднее в IV-III вв. до н.э. появляются подбойные и катакомбные погребения.

Вместе с тем, как показывает стратиграфия Орлатского могильника (Пугаченкова, 1989, курганы 1, 8), Сирлибайтепа (Иваницкий, Иневаткина, 1988, с. 44-59) и могильника Багара (Коштета I), в Средней Азии возрождается традиция ямного захоронения. Погребения такого типа вновь появляются в раннем средневековье.

Литература

Бартольд В.В. Географический очерк Мавераннахра. Т. I, М., 1963, с. 114-237.

Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры. Кочевники на границах Хорезма // ТХАЭ. Т. XI. М., 1979, с.7-76.

Вайнберг Б.И., Горбунова Н.Г., Мошкова М.Г. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1990.

- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. // ТХАЭ. Т. VIII, М., 1973 - 160 с.
- Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н.э. - первая половина I тысячелетия н.э.) // СА, № 3. М., 1991. С. 20-30.
- Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
- Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. - IV в. н.э.) // Страницы истории материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975, с. 85-97.
- Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н. Раскопки кургана Сирлибайтепа // ИМКУ. Вып. 22, Ташкент, 1988. С. 44-59.
- Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
- Обельченко О.В. Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии // ИМКУ. Вып. 4, Ташкент, 1964.
- Обельченко О.В. Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии // ИМКУ. Вып. 6, Ташкент, 1965.
- Обельченко О.В. Культура античного Согда (по археологическим данным VII в. до н.э. - VII в. н.э. М., 1992 - 255 с.
- Сагдуллаев А.С. Археологические данные к изучению ранних культовых обрядов нашедших отражение в Авесте // «Авесто» ва унинг инсоният тараккиётидаги урни. Тошкент-Урганч, 2000, с. 78-83.
- Сорокин С.С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА, XXVI. М., 1956.
- Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989 - 204 с.

А.В. Омельченко

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ ДОЛИНЫ КАШКАДАРЬИ)

В 1963 году на кафедре археологии исторического факультета ТашГУ была создана КАТЭ – Кешская (Кашкадарьинская) археолого-топографическая экспедиция. Одним из результатов ее работ стало обнаружение отрядом под руководством Н.И. Крашенинниковой в Шуробсайском оазисе (Китабский район) поселений эпохи РЖВ - ранней античности в районе городища Узункыр. Изучение этой крепости (70 га) с мощной фортификацией, а также расположенных рядом Сангиртепа, Подаятака и ряда поселений сельского типа позволило исследователям сделать вывод о том, что именно здесь располагался давший свое название всей области древний центр долины - упоминаемая в греко-римских исторических источниках Наутака /1/. Дальнейшее изучение оазиса, проведенное в 80-х годах и в ходе совместных работ кафедры археологии НУУз со специалистами музея истории г.Шахрисабза, института археологии АН РУз и университета Беркли (Калифорния) во второй половине 90-х гг., позволило составить представление об этапах обживания Подаятактепа, его фортификации и внутренней застройке. Археологические комплексы, полученные в ходе раскопок, показывают, что его верхние слои датируются раннеэллинистическим временем. Отметим, что синхронные напластования других известных городищ Средней Азии, например, Афрасиаба, Старого Термеза, Гяур-калы, Еркургана, в настоящее время находятся под многометровыми толщами последующих периодов обживания. Это делает Подаятактепа уникальным в плане изучения самых первых этапов взаимодействия греческой и местной культур, приведшего к сложению такого исторического феномена как «восточный эллинизм».

Подаятак представляет собой подпрямоугольное в плане тепа современной площадью около 1,4 га. Судя по рельефу и разрезу северной внешней стены, это была крепость с башнями, окруженная рвом и обрывами сая. Внутри вели двое ворот – восточные и север-

ные, которые являлись главными и защищались двумя башнями. К югу, на другой стороне рва выделяется крупный низкий холм, бывший пригородом. В целом Подаятак, по-видимому, представлял собой мощный северо-западный форпост или цитадель общей узункырской системы обороны.

Рельеф внутри городища ровный, с небольшим понижением - площадью в центре, к которой от северных ворот вела широкая улица. Неподалеку от площади, ближе к южной стене, был заложен раскоп 4 (12x7 м). На этом участке на поверхности находилось большое количество фрагментов обработанных каменных глыб, что, возможно, свидетельствовало о наличии строительных остатков.

Во II строительном горизонте шурфа (пол 2) на глубине 1,1-1,4 м от современной дневной поверхности по всей площади раскопа был открыт жилищно-хозяйственный комплекс (рис. 1). Он состоял из двадцати одной ямы, трех крупных закрепленных в пахсовые основания хумов, двух специальных ваннообразных углублений, проходов между ними, двух очагов и восемнадцати ямок диаметром 10-20 см от расположенных в определенном порядке столбов крыши жилища. Судя по заполнению ям, в котором встречались и целые квадратные кирпичи (40x40x12-14 см), в большинстве из них хранилось зерно. Яма №6 была культовой, а яма №1 (1,9x1,4 м) с полукруглой приступкой, по всей вероятности, являлась жилой.

Постройки можно реконструировать следующим образом. Комплекс состоял из двух участков, расположенных под легкими, связанными между собой, навесами. Круговое расположение ямок от столбов (на расстоянии 2-2,3 и 4-5 м от центра) позволяет считать, что кровля имела концентрическую форму с центральной опорой из нескольких столбов, поставленных рядом. Вероятно, существовали и следующие ряды, не попавшие в раскоп. Судя по верхнему заполнению ям в виде рыхлых отложений и кусков глины, и

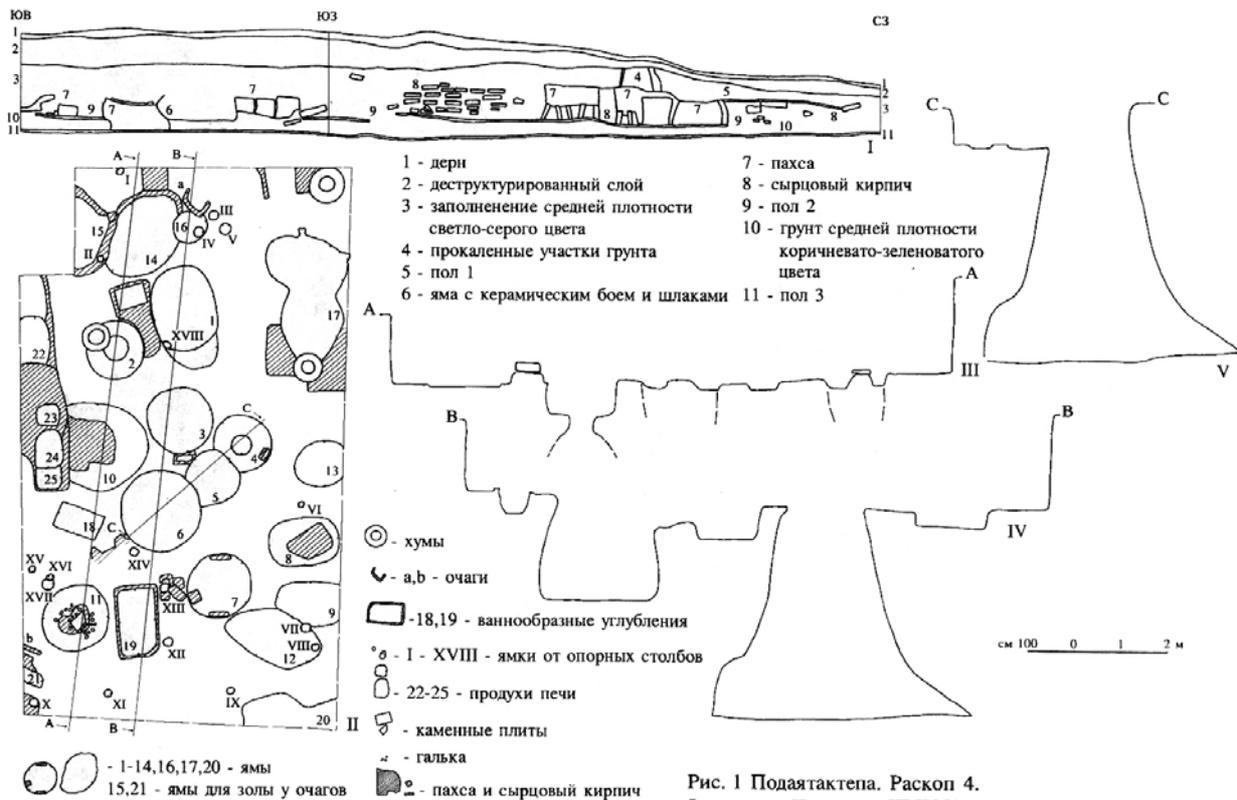
зеленоватым натекам на полу, перекрытия были выполнены из органических материалов, по-видимому, веток и камыша. Очаги из пахсы располагались рядом с центральными столбами, что указывает на наличие специальных дымовых отверстий в зените крыши. Основания ряда опор были дополнительно укреплены галькой, пахсой и кусками сырца. Сырцовый кирпич использовался как вспомогательный материал, из которого выводили небольшие разграничительные стеночки. Кирпич без клейм, что характерно для наиболее ранних эллинистических построек Бактрии, в том числе, для Айханума /2/. Дугообразное клеймо отмечено на фрагменте жженого кирпича, найденного в раскопе. И хотя он встречается на Среднем Востоке еще с ахеменидского времени, более широко жженный кирпич используется, начиная с эллинистического периода /3/. Широкое применение имел и камень. У ямы 1 была обнаружена подквадратная доработанная плита (0,5x0,6x0,25 м), а на раскопе - множество более мелких фрагментов чаще всего галечниковых пород.

Комплекс, открытый на раскопе 4, функционировал достаточно интенсивно - толщина культурного слоя над полом II строительного горизонта достигает 30 см. Хозяйственные ямы, хумы, фрагменты зернотерок, терочников, два каменных серпа-ножа указывают на то, что под навесом, защищенным с юга внутренней гранью крепостной стены, жители окрестных селений обрабатывали и хранили сельхозпродукцию. Хранящееся в ямах зерно растиралось в специальных углублениях-«ваннах» и сыпалось в расположенные рядом хумы емкостью 150-300 литров. Подобное «ваннообразное» углубление с лежащей рядом зернотеркой было выявлено и на более позднем городище Сарайтепа этого оазиса. Определенные аналогии можно найти в античном Мерве. В одном из дворишков «квартала мукомолов» была обнаружена керамическая ванна (115x52 см) со ступкой внутри, а в соседних помещениях - вкопанные в суфы хумы с широкой горловиной для хранения муки /4/. В Хорезме в усадьбах синхронного «кангуйского периода», в ряде комнат отмечаются крупные неглубокие ямы, некоторые в виде «ванн» /5/.

Заложенные в других частях Подаятактепа шурфы показали, что подобные комплексы на раскопе 4 сооружения занимали большую его часть. Характерное сочетание: наличие достаточно мощных укреплений при отсутствии кирпично-пахсовых жилых построек, указывает на назначение Подаятактепа. Скорее всего, это была своего рода крепость-хранилище. Через такие крепости в эпоху эллинизма и ранее, по-видимому, осуществлялись и социально-регулятивные функции - в них собиралось зерно для администрации и военных частей. Отметим, что в исторических источниках в ряде эпизодов, связанных с боевыми действиями армии Александра Македонского в Согде и Бактрии, упоминаются так называемые «скалы» - горные убежища, запас продовольствия в которых мог обеспечить многотысячный гарнизон в течение нескольких лет /6/.

В эллинистический период подобные крепости также были достаточно распространены. В Гузарском оазисе Южного Согда сочетание укреплений и ям-землянок с низкой глинобитной оградой и расположенными рядом гнездами от опорных столбов и очагом было отмечено в нижних слоях раннеантичной крепости Киндыктепа /7/, а среди раннекангуйских крепостей Хорезма пример такой внутренней застройки дает Кургашин-кала /8/.

Небольшие землянки и полуземлянки внутри навесов типа ямы 1 на раскопе 4, по-видимому, предназначались для зимнего времени. Жилища земляночного типа были расчищены также в разрезе северной стены первыми исследователями Подаятактепа /9/. Изучение раннеэллинистических поселений Южного Согда показывает достаточно широкое распространение полуземляночных жилищ в этот период. В самом древнем слое (II в. до н.э.) цитадели поселения Сарайтепа в 3 км вниз по течению сая, была расчищена огороженная бортиком «жилая яма» диаметром до 2 м с остатками очага. Хозяйственные ямы диаметром 1,5-2 м, среди которых часть могла являться и жилыми, были обнаружены на поселении Курганча в Гульдарьинском оазисе и датированы эллинистическим временем /10/. Также этим временем датирован в Южном Согде целый комплекс крупных по-

луземлянок на поселении Курганча в Гузарском районе /11/.

Однако накопленный за последние десятилетия материал указывает на развитие земляночного и полужемляночного домостроительства, а также каркасных конструкций на центральных городищах и сельских поселениях в конце IV-II вв. до н.э. В Северной Бактрии очень близкие аналогии подаяктаепинскому дает комплекс, выявленный в горизонте IV-III вв. до н.э. поселения Тамошатапа в Яване. Здесь на специальных уплотненных площадках были сгруппированы помещения и хозяйственные ямы (в среднем 1,2-2,5x0,8x0,75-1 м), вырытые в материке и иногда надстроенные блоками пахсы /12/. План вскрытого участка показывает, что эти сооружения вполне могли находиться под легкими перекрытиями на деревянных столбах. Площадки с крупными жилами и хозяйственными ямами были выявлены в ходе раскопок на поселении III-II вв. до н.э. Байтудашт II в Пяндже /13/. В нижнем слое Гиссарской крепости землянка и хозяйственная яма были вырыты в утрамбованной поверхности первоначального обживания /14/. Существование помещений из легких конструкций, перекрытых конической крышей, отме-

чается исследователями для эллинистических слоев Афрасиаба в Центральном Согде /15/, на ряде памятников Северного Согда /16/ и Хорезма /17/. Точно же такая полукруглая ступенька, как у ямы №1 на Р-4 Подаяктаепа, была у одной из ям в хорезмийской Кургашин-кале и на Афрасиабе, в слоях с материалом III в. до н.э. /18/. Подобный уступ ступенька могла служить для крепления дополнительного перекрытия /19/.

В Северном Согде на городище Нуртепа (Ура-Тюбинский район) было обнаружено большое количество заглубленных в лёсс сооружений с надстройкой из сырцового кирпича /20/. Полуземлянки, подправленные сырцом, известны здесь и по раскопкам поселения Хантепа /21/. На городище Шаштепа в Ташкентском оазисе в слоях Шаш I (VI-IV вв. до н.э.) и Шаш II (III-II вв. до н.э.) были расчищены земляночные жилища, некоторые из них лежали в разных уровнях. Размеры их колеблются от 2x3,3 м до 1,1x1,5 м при глубине до 1 м, что свидетельствует о существовании надстройки из легких конструкций. Исследователи подчеркивают, что, судя по заполнению и наличию соединяющих их проходов, даже небольшие ямы могли быть жилами /22/. Нижний строительный гори-

зонт поселения Султанабад I шурбашатской культуры Ферганы (IV-III вв. до н.э.) также был представлен комплексом крупных ям /23/.

Длительное время сохранялась традиция возведения земляночных и полуземляночных жилищ на севере Средней Азии. Дома носителей чирикратской культуры Средней Сырдарьи, датируемой исследователями в широких рамках (X в. до н.э.- IX в. н.э.) заглублялись в землю, а плоские перекрытия опирались на деревянные столбы /24/. Наряду с крупными овальными землянками, дома легкой каркасной конструкции с поддерживающими кровлю столбами были характерны для куюсайской культуры Присарыкамьшской дельты Амударьи /25/.

Несомненно, генезис жилищ в виде землянок или полуземлянок в сочетании с легкими надстройками в среднеазиатском Междуречье имеет древние корни и восходит еще к эпохе камня. В неолите такими были дома носителей кельтеминарской культуры. В эпоху бронзы большие и более легкие заглубленные и наземные конструкции каркасного типа были характерны для тазабагьябской, кайраккумской и заманбабинской культур, тесно связанными со скотоводческим населением Евразийской степи. В поздней бронзе – РЖВ полуземлянки известны в северных районах Средней Азии – на территории распространения амирабадской культуры Хорезма, бургулюкской и чустской – Ташкентского и Ферганского оазисов. На чустских поселениях они сочетались с монументальными оборонительными постройками с использованием лесса, пахсы и сырца. На юге региона в этот период прерывается традиция сырцового домостроительства, наряду с изменением всего культурного комплекса. Давно было подмечено, что техника домостроительства, как и лепная керамика домашнего производства, является зачастую этноопределяющим признаком. Поэтому было высказано предположение, что полуземлянки характеризуют этнические традиции оседлых иранцев /26/. Через определенный хронологический промежуток традиции монументального жилищного строительства на юге Средней Азии возрождаются, о чем свидетельствуют постройки усадеб Кызылча 6 и Кучуктепа. В восточной части Южного Согда

в этот период земляночные постройки и легкие конструкции, по-видимому, сосуществовали с более основательными (Чимкурганское поселение, Турткультепа, Даратепа, Сангыртепа). На Турткультепа по Тырнасаю были расчищены ямы диаметром 1,5 м и 1,7 м /27/, возможно, представлявшие собой основания полуземлянок. В свою очередь, жилой комплекс Даратепа дает пример самых первых шагов в направлении перехода к пахсовым конструкциям в восточной части Южного Согда в период первоначального освоения его территории земледельцами. Основные стены и перегородки здания в северо-восточной части Даратепа были возведены отдельными отрезками. На III строительном этапе, верхняя граница которого датируется IV в. до н.э., широко использовались формованный лёсс и прием забутовки внутренней части стен строительными фрагментами /28/.

Что касается использования полуземляночной техники домостроительства в эллинистический период, то здесь ситуация более сложная. По археологическим раскопкам известно, что на ряде поселений Ближнего и Среднего Востока под влиянием колонистов-эллинов распространяются постройки, возведенные в греческих традициях. В Средней Азии ярким примером этому является Айханум в левобережной Бактрии. Здесь, наряду с монументальными постройками типа театра и гимнасия, были исследованы крупные и средние жилые дома, построенные по типично греческому образцу /29/. Отметим однако, что Айханум представляет собой уникальный пример столичного города, построенного по продуманному плану греческими архитекторами и при наличии, по-видимому, значительного объема рабочей силы, да и датируются эти постройки большей частью второй половиной III в. до н.э. Другое направление градостроительства на начальных этапах демонстрируют ранние греческие поселения-колонии Северного Причерноморья. Важно, что здесь практически на всех городищах в нижних слоях выявлены следы земляночного строительства. Так, в Ольвии в слоях VI в. до н.э., а в предместьях V в. до н.э. были расчищены однокамерные грушевидной формы землянки и полуземлянки площадью 6-14 м² и глубиной от 0,3 м до 2 м, выше надстроенные легкими плетнями, покрытыми глиной.

Нередко они имели ступенчатый спуск и центральный опорный столб, опирающийся на специальный камень, что указывает на наличие конусовидной крыши, по-видимому, из камыша, обмазанного глиной. Вокруг располагались «жилые площадки» с несколькими хозяйственными ямами. Исследователи подчеркивают, что земляночное строительство не характерно для метрополии, а его появление связано с влиянием древних домостроительных традиций местного населения. Здесь землянки известны, начиная с эпохи бронзы, и часто встречались на синхронных греческим скифских поселениях. Заимствование этой техники связано с первоначальной экономической слабостью переселяющихся греческих общин /30/. На ряде поселений были обнаружены также небольшие «жилые ямы», предназначенные для зимнего времени /31/. В некоторых полуземлянках зафиксированы специальные глинобитные возвышения, укрепленные каменными плитами и сырцом, возле которых в глубоких ямках помещались крупные тарные сосуды /32/. Сходство с материалами раскопок греческих городов-колоний и раннеэллинистических слоев на поселениях Средней Азии отмечают и другие исследователи /33/. Очень интересен в плане сравнения с постройками раскопа 4 на Подаятактепа жилищно-хозяйственный комплекс нижних слоев поселения греческих колонистов Надлиманское III в Нижнем Поднестровье (VI-V вв. до н.э.). Здесь на специальной площадке располагалась подпрямоугольная землянка и комплекс из 12 хозяйственных трапецевидных в разрезе ям диаметром от 0,7 м до 4 м и глубиной 1,2 м. В комплексе отмечена одна яма, связанная с культом. В ней был расчищен слой из золы и обожженной глины, а выше – глиняный завал, как предполагают, от купольного перекрытия. Исследователь памятника считает, что это остатки святилища, связанного с поклонением Деметре, что определялось сельскохозяйственной направленностью поселения /34/.

В целом, ближайшие аналогии архитектура II строительного горизонта раскопа 4 Подаятактепа находит на памятниках Центрального (Коктепа) и Северного (Нуртепа, Хантепа) Согда. Это сходство объясняется, скорее всего, близкой исторической ситуацией: все упомянутые поселения были оставлены оби-

тателями в начале античного периода (в III - нач. II вв. до н.э.). В этой связи важным является вывод исследователей Хантепа в Северной Уструшане о появлении жилищ полуземляночного типа на поселении позднее, чем из сырца. Причем, отмечается некоторый хронологический разрыв (период запустения), по всей видимости, явившийся следствием греко-македонского нашествия /35/. Комплекс находок на Подаятактепа, прежде всего керамика, характеризует ранние следы эллинистического воздействия на местную культуру, что определялось, по всей вероятности, и присутствием какого-то количества греческих переселенцев или выходцев из эллинизированных областей Передней Азии. (Свидетельством этого может служить греческая надпись-граффити на одной из чаш из раскопа 4 Подаятактепа, читаемая как «фи». Судя по граффити Северного Причерноморья, это сокращенное от «филос»-«другу»). Здесь также можно вспомнить быстрое строительство новых городов – Александрий во время похода греко-македонцев на Восток. Так, об Александрии Эсхате сообщается, что она была построена за 17 дней, а вместе со стенами за 20; затем сюда были переселены жители окрестных городов и ветераны /36/. Даже с учетом работы всех воинов вряд ли за такое время мог быть построен город, отвечающий требованиям классической греческой архитектуры. По мнению В.Тарна, это были скорее не города, а специальные военные колонии-катойкийи. Вполне возможно, что под влиянием местных строительных традиций на начальных этапах вырабатывается «переходный» тип жилой архитектуры. С учетом климатических условий и экономии трудовых затрат дома возводились в виде заглубленных в землю каркасно-столбовых сооружений или «жилых ям», используемых в наиболее холодное или жаркое время года. Отметим, что использование наземных и заглубленных глиняно-каркасных конструкций при строительстве домов известно и позднее – после рубежа н.э. /37/, а по историческим и этнографическим источникам – в период средневековья и в начале XX в.

Необходимо коснуться еще одного направления связей в технике домостроительства раннеэллинистического времени. В синхронных Подаятактепа индийских городах,

например, Таксиле и Пушкалавати не было четкой планировки во внутренней застройке. В Таксиле в ряде домов выявлены опоры столбов из булыжника, а в Паталипутре отмечены крупные хижины с дощатыми стенами и тростниковой крышей /38/. Под влиянием строительного искусства Индии дома и хозяйственные постройки каркасно-столбовой конструкции распространяются в Восточном Туркестане. В частности, сооружения, сочетающие пахсу в основании и ветки и камыш в стенах и крышах, были исследованы в Нийе /39/.

Для III-II вв. до н.э. в восточной части Южного Согда известны и более массивные постройки внутри городищ. Исследователи отмечают жилые дома на территории Китаба, как правило, размещенные на специальных платформах /40/. По-видимому, II в. до н.э. является последним этапом развития массового земляночного строительства внутри крупных городищ и поселений Южных и Центральных районов Средней Азии. Легкие конструкции и полуземлянки с этого времени выполняют роль скорее временных жилищ на период возведения более фундаментальных сооружений или используются в качестве сезонных построек, как в низовьях Зерафшана /41/. На поселениях эпохи античности, в том числе восточной части Южного Согда (Верхний Сарай и Безымьянная тепа), в нижних слоях присутствуют ямки от столбов, свиде-

тельствующие о существовании первоначально легких построек. Исследователи видят в таких конструкциях, стоящих на уровне лесса, жилища первых строителей поселений /42/. Затем достаточно скоро они сменяются более основательными домами из пахсы и сырца.

Анализ земляночной техники домостроительства показывает, что длительное время она развивалась параллельно с пахсово-сырцовою наземной. В Средней Азии это объясняется и достаточно сильными этническими традициями населения. Однако позднее в эпоху, предшествующую античной, землянки постепенно вытесняются характерными для юга глинобитными постройками. В то же время, в отдельные периоды, связанные, например, с освоением небольшими экономически еще слабыми общинами новых территорий или перемещениями крупных масс людей и социально-экономическими изменениями, вызванными иноземными вторжениями, эта техника в ряде регионов становилась ведущей. Ближе к рубежу нашей эры, в условиях стабилизации и роста экономического потенциала среднеазиатского общества, происходит повсеместный переход к сырцовому строительству. Большую роль в этом, несомненно, сыграло и развитие урбанистических тенденций, когда города задавали высокую «планку» во всех сферах жизни и для сельской местности.

Литература

1. Крашенинникова Н.И. Раскопки в Китабском районе // АО. 1983. М., 1985. С. 533-534; Сагдуллаев А.С., Лушпенко О.Н. Новые данные к изучению древнесогдийских поселений // ОНУ. № 12 Ташкент, 1989. С.40-42.
2. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С.35.
3. Пугаченкова Г.А. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана // СА. № 4. М., 1963. С.77.
4. Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы // ЮТАКЭ. Ашхабад, 1963. Т.ХII. С.132, 141.
5. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.) // ТХАЭЭ. Т. IX. М., 1976. С.45.
6. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Под. Ред. В.С. Соколова. М., 1963. Кн. VII. гл. XI; Арриан. Походы Александра. Пер. М.Е. Сергеев. М.-Л., 1962. Кн. IV, гл. 21.10.
7. Хасанов М. Античные сельские поселения Южного Согда. Дис. канд. ист. наук. Самарканд, 1990. С.123.
8. Коляков С.М. Раскопки крепости Кургашин-кала // Новые открытия в Приаралье (материалы к археологической карте). Вып. 1. М., 1991. С.116.
9. Крашенинникова Н.И. Древнеземледельческий оазис Южного Согда // АО. 1984. М., 1986. С.461.
10. Сагдуллаев А.С., Усманова З.И. Разведки в Южном Согде // АО. 1977. М., 1978. С.537-538.
11. Хасанов М. Античные сельские поселения... указ. соч. С. 123.
12. Абдуллаев А.А., Бубнова М.А., Пьянкова Л.Т. Отчет о работах Яванского отряда в 1971 г. // АРТ. Вып. XII Душанбе, 1976. С.40.
13. Абдуллаев А.А. Археологические разведки и раскопки в Пянджском районе в 1977 г. // АРТ. Вып. XVII. Душанбе, 1983. С.74-77.
14. Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Археологические работы в Гиссаре в 1981 г. // АРТ. Вып. XXI. Душанбе, 1988.

15. Исамиддинов М.Х. Генезис городской культуры Самаркандского Согда. Автореф. дис... док. ист. наук. Самарканд, 2000. С.23.
16. Грицина А.А. Археологические памятники Сырдарьинской области. Ташкент, 1982. С.21-22.
17. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985. С.321.
18. Кабанов С.К. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981. С.34-35.
19. Охотников С.Б. Археологический комплекс из поселения Надлиманское III в Нижнем Поднестровье // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С.124-126.
20. Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Исследование Нуртепа в 1981 г. // АРТ. Вып. XXI. Душанбе, 1988. С.20,31.
21. Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. Античные памятники Северной Уструшаны // ОНУ. Ташкент, 1989. №7. С.43.
22. Филанович М.И., Дуке Х. О древнейшем поселении на Шаштепа в Ташкенте // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990. С.42.
23. Абдулгазиева Б. Стратиграфическое исследование памятников шурбашатской культуры // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, 1994. С.27.
24. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). М., 1986. С.24-25.
25. Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма // ТХАЭЭ. Т.ХI. М., 1979. С.10-12.
26. Хасанов М. Античные сельские поселения ... указ. соч. С.96.
27. Раимкулов А., Исамиддинов М. Турткультепе – новый памятник эпохи финальной бронзы // Археологические раскопки на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990. С.32.
28. Сагдуллаев А.С. Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи // СА. №3. М., 1984. С.57.
29. Лекойо Г. Айханум. Жилищное строительство // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С.59-67.
30. Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э.-IV в. н.э.). Киев, 1982. С.11-13, 28-29, 151.
31. Копейкина Л.В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период // СА. №1. М., 1981. С.193-201, 207.
32. Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. Березанская археологическая экспедиция в 1982 г. (предварительные итоги) // Древние памятники на территории СССР. Гос. Эрмитаж. Л., 1986. С.28.
33. Кабанов С.К. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981. С.34-35.
34. Охотников С.Б. Археологический комплекс..., указ. соч. С. 129.
35. Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. Античные памятники..., указ. соч. С.43.
36. Квинт Курций Руф. Указ. соч. VII.6.25-26; Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога. «Historiae Philippicae». Кн. XXXVI, гл.6, 1-5. Пер. А.А. Деконского и М.Ц. Рижского // ВДИ. М., 1954.
37. Пугаченкова Г.А. Бактрийский жилой дом (к вопросу об архитектурной типологии) // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С.38.
38. Моргимер Уиллер. Пламя над Персеполем. М., 1972. С. 79, 98.
39. Литвинский Б.А. Древнее и раннесредневековое архитектурно-строительное дело в Восточном Туркестане (в свете археологических открытий в Средней Азии) // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С.191-193.
40. Крашенинникова Н.И. Разрез крепостной стены древнего Кеша // ОНУ. №8. Ташкент, 1968. С. 61.
41. Мухамеджанов А.Р., Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Культура Древнебухарского оазиса III-VI вв. Ташкент, 1983. С.42.
42. Массон В.М. Кушанские поселения и кушанская археология // БД. Л., 1976. С.5.

Т.И. Лебедева

ДИНАМИКА ОСВОЕНИЯ ПРИДАРГОМСКОЙ И ЗАДАРГОМСКОЙ СТЕПИ В АНТИЧНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СВОДА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ САМАРКАНД - СЕЛЬСКОГО РАЙОНА)

В 1987 г. Самаркандским археологическим отрядом под руководством нач. отряда Буряковой Э.Ю. были проведены работы по своду археологических памятников Самарканд - сельского района (Бурякова, Лебедева, 1987). Результаты этой работы позволили выявить динамику расселения в полуторатысячный период времени на участке придаргомской и задаргомской степи в пределах современного Самарканд - сельского района. Процесс исторического развития г. Самарканда проходил в тесной взаимосвязи с развитием и расширением его сельской округи. От освоения степной зоны зависело обеспечение сельскохозяйственными продуктами не только сельского населения, но и города. Интенсивность заселения и освоения придаргомской и задаргомской степи влияла на наличие реальных возможностей населения города и степи провести работы по искусственному орошению сельскохозяйственных площадей. По мере освоения незаселенных ранее площадей изменялось расположение и направление оборонительных стен сельской округи города, а также сложение и направление международных и местных торговых путей.

Исследование этих вопросов требовало, в первую очередь, определения темпов заселения территории вокруг г. Самарканда начиная с IV в. до н.э. и до раннего средневековья включительно. Основание сельских поселений и замков было разделено нами на четыре временных отрезка в 2-3 столетия каждый. Первый этап освоения степи ограничен VI-IV вв. до н.э. (рис.1), второй III-I вв. до н.э. (рис. 2), третий I-III вв. н.э. (рис. 3) и четвертый IV-VIII вв. н.э. (рис. 4).

1 этап. Поселения ахеменидского времени в придаргомской степи обнаружены только в шести местах - на городище Афрасиаб (Тереножкин, 1950; Кабанов, Шишкина, 1968; Немцева, 1969; Филанович, 1969; Кабанов, 1973; Лебедева, 1986; Иваницкий, Иневатки-

на, 1999), на берегу Оби Рахмата¹, на Регистане (Вафаев, Иваницкий, 1991), канале Лолазор (Бурякова, 1981), в жилом массиве Саттепо (Саратепа II, Иваницкий, 1988) и на окраине селения Дульта близ водного источника Аксу (Бурякова, Лебедева, 1987). В Задаргомье - всего лишь одно сельское поселение Чоштепа VI-IV вв. до н.э., основанное на западной стороне старого русла Агалыксая. В ахеменидский период заселение территории происходило, в основном, вблизи Афрасиаба - к северо-западу и к юго-западу от него (рис.1). Земли к северу от Афрасиаба были наиболее близки и удобны для формирования сельской округи города на его раннем этапе развития. Искусственное орошение этих земель базировалось на значительном дебите р. Сиаб и выведенного из него ар.Оби Рахмат (Мухамеджанов, 1969, с.295). Сельская округа была оконтурена внешней оборонительной стеной в «70 стадий длиной», которую засвидетельствовали войска А. Македонского перед взятием г. Самарканда. Параллельно, с развитием города и его округи, начинается освоение придаргомской степи - закладываются поселения и каналы (на Регистане, Лолазоре, Саратепа II). Задаргомская степь на этот момент остается неосвоенной, лишь в горах возникает поселение, возможно, связанное с горными выработками или охотой. Количество археологически выявленных поселений и каналов ахеменидского времени на настоящий момент очень незначительно и говорит о слабой заселенности территории к югу от Самарканда и практическому его отсутствию в Задаргомье (рис.1). С полной уверенностью можно сказать, что количество находок остатков поселений и каналов ахеменидского времени в будущем процессе археологических работ увеличится, но общей картины заселенности придаргомской и за-

¹ Скопление сосудов обнаружено на берегу Оби Рахмата в к. Курганча. Материал не опубликован.

даргомской степи, скорее всего, значительно не изменит. Ко времени завоевания Средней Азии А. Македонским практически все объекты ахеменидского времени (кроме гор. Афрасиаб) прекратили свое существование. Были заброшены и более не возродились поселения на берегу Оби Рахмат и тепа Дульта, на Регистане остатки поселения перекрываются перемещенным лессом (Вафаев, Иваницкий, 1991), заброшено поселение Лолазор, обезлюдело поселение Чоштепа на берегу Агалькская. Возрождение двух из них приходится на первые века нашей эры (Лолазор) и IV в. н.э. (Чоштепа), т.е. через 300-700 лет. Можно сказать, что в ахеменидский период обозначилась попытка освоения тех мест, на которых в последующее время выросли орошаемые микрооазисы, кроме придаргомской степи. Именно здесь в VI-IV вв. до н.э. к югу от Афрасиаба обнаружена наибольшая обживаемость (Регистан, Лолазор, Саратепа II), но уже в раннеантичный период перспектива освоения этой части придаргомской степи утрачивает свое значение.

II этап. После завоевания Средней Азии А.Македонским, несмотря на разрушения в городе и заброс освоенных в ахеменидское время земель, в очень короткий срок город не только возрождается, но и к рубежу нашей эры создает широко разветвленную городскую систему каналов и застройку в пределах четвертой оборонительной стены (Мухамеджанов, 1969; Немцева, 1969; Шишкина, 1969; Кабанов, 1973; Филанович, 1973; Туребеков, 1981; Лебедева, 1985, 1986). Но степь к югу от Самарканда до линии современного Даргома в III-I вв. до н.э. так и осталась в большей части неосвоенной. Лишь на Регистане обнаружен канал первых веков до н.э. (Бурякова, Буряков, 1973), направление которого (с ю-в на с-з) предполагает вывод его из Шаарарыка или Оби Машхада. К рубежу нашей эры поселение на этом канале оказывается заброшенным и возрождается лишь в V-VIII вв. н.э. Незначительное количество керамики в заполнении канала также говорит об очень слабом заселении прилегающих к нему земельных площадей (Бурякова, Буряков, 1973). В III-I вв. до н.э. наиболее пер-

Рис. 1

спективными для заселения оказались земли на естественных водных источниках - Сиабе, Аксу и Карасу, берущих начало из родников, и на предгорной равнине меж рукавов саев, снабжавших поселения сезонной водой (рис.2). В Придаргомье начинает интенсивно обживаться территория к востоку от Самарканда. На водных артериях Аксу и Карасу вырастают поселения и два крупных городища Суичкинтепа и Ходжа Газор. Основой зарождения микрооазиса, безусловно, стало наличие водных источников Аксу и Карасу с круглогодичным током воды, дававших возможность орошаемого земледелия. Весьма интенсивно стала осваиваться в III-I вв. до н.э. и задаргомская степь. Здесь возникают два микрооазиса на базе сезонного орошаемого земледелия. Для этого население весьма эффективно использовало воды горных саев Миранкуля, Агалыка, Акбуйрасая и Илансая. Первый оазис отмечен на разветвлении рукавов Миранкульсая (рис.2). В основном, это мелкие сельские усадьбы или поселения, так и не переросшие никогда в городища (Бурякова, Лебедева, 1987). Этот микрооазис пол-

ностью нами не приводится, т.к. в пределы обследованной территории Самарканд - сельского района вошла лишь часть античных населенных пунктов, другая часть оазиса располагается в Пастдаргомском районе. Второй орошаемый оазис в Задаргомье сформировался на базе вод горных саев Агалыка, Акбуйрасая и Илансая (рис.2). Здесь в III-I вв. до н.э. выросло несколько сельских поселений и два городища. Оазис обильно снабжался водой, преимущественно, сезонно. Несколько выше от оазиса рукава русел саев имеют поперечные, искусственно созданные водосборники (водохранилища), на данный момент археологически не обследованные и, соответственно, не датированные. Они позволяли продлить сроки использования воды для орошения полей, возможно, уже в античное время.

III этап. В I-III вв н.э. ситуация на землях вблизи городища Афрасиаб почти не изменяется. Продолжается обживание, в основном, тех же земель, что и в ранней античности.

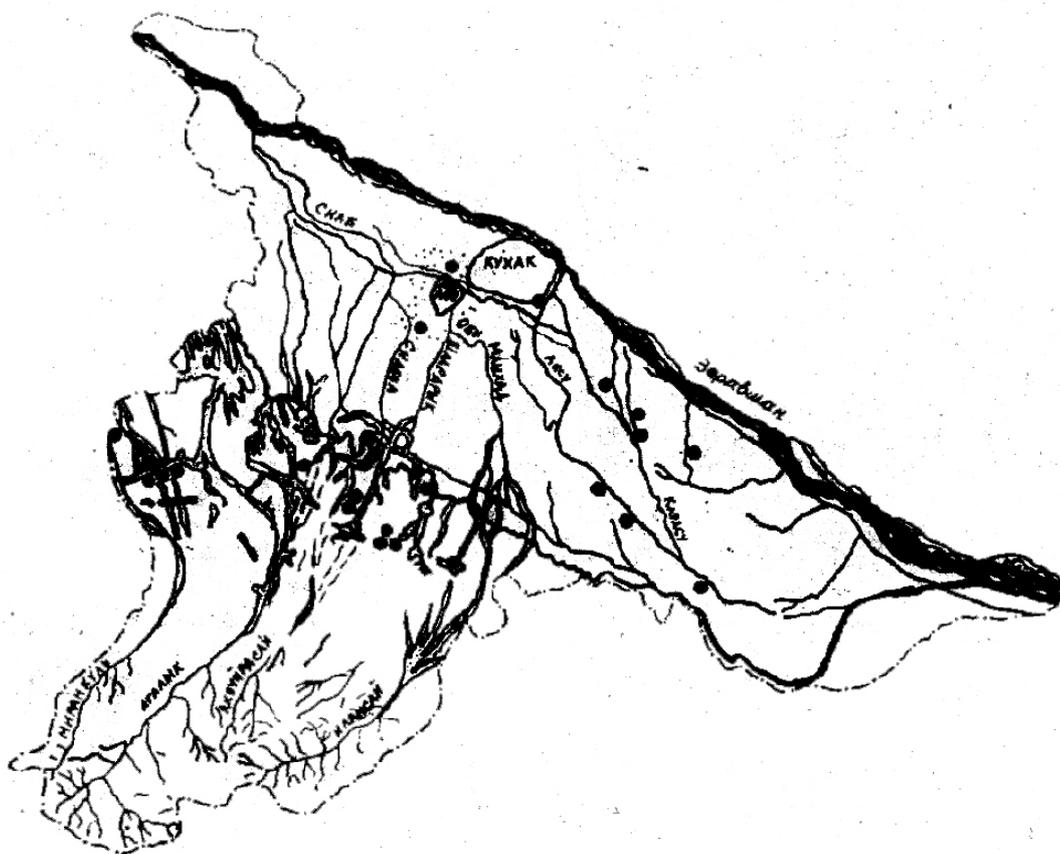

Рис. 2

Лишь поселение Лолазор, заброшенное более чем на три столетия, вновь начинает функционировать, вводя в эксплуатацию земли этой территории. Отсутствие крупных жилых сооружений к югу от Афрасиаба объясняется, вероятно, характером освоения этих земель. В этом направлении росла сельская округа г. Самарканда, обнесенная к IV в. н.э. внешней оборонительной стеной Кундалянг. Очевидно, земли обрабатывались непосредственно горожанами, т.е. обеспечение города сельхозпродуктами носило, видимо, дачный характер. Совершенно иная ситуация складывается к юго-востоку от Самарканда и в задаргомской степи. Наиболее интенсивный процесс обживания и освоения земель наблюдается на водных источниках Аксу и Карасу. К IV в. н.э. здесь уже насчитывается 17 поселений вместо восьми в раннеантичный отрезок времени. Большинство из них представляют собой сельские поселения и до-

вольно крупные замки, выросшие на месте раннее заложенных поселений, в оазисе также увеличивается вдвое количество городищ - их насчитывается уже четыре (Суичкинтепа, Ходжа Газор, Наузандак и Суюнкальтепа). К востоку от Карасу растет число поселений вдоль каналов, выведенных из Зарафшана (рис. 3). Не менее интенсивно заселяется и территория задаргомской степи, где ранее разделенные два микрооазиса почти сливаются в один, идущий полосой параллельно линии современного Даргома. Количество поселений увеличилось по сравнению с раннеантичным периодом в среднем в два раза, составив 24 вместо 14 ранее основанных. Заселение шло, преимущественно, в равнинной части между, разветвляющихся на многочисленные рукава, саев Агалык, Акбуйра и Илансая. Одновременно начинается освоение горных ущелий Агалыка и Илансая. Преобладают сельские поселения и усадьбы и лишь

Рис. 3

один памятник Задаргомья можно классифицировать как крупный античный замок или мелкий городок, окруженный двойным кольцом оборонительных стен. Развитию сельскохозяйственных задаргомских оазисов способствовала густо разветвленная сеть рукавов саев, сводившая к минимуму трудовые затраты по созданию оросительной сети.

IV этап. В раннем средневековье, начиная со второй половины IV в. и до VIII в. н.э., земли вокруг Самарканда как в придаргомской степи, так и на Сиабе и в Задаргомье были практически освоены (рис.4). Микрооазисы в задаргомской степи в нижнем течении Миранкульская, Агалыкская и Иланская имеют такое количество поселений и замков, что создается впечатление перенаселенности оазисов. Подобная картина наблюдается на Аксу и Карасу. Здесь число поселений и замков выросло в 2,4 раза по сравнению с поздней античностью, а количество поселений и замков к востоку от Карасу на каналах, выведенных

из Зарафшана, более чем в 4 раза. Перенаселенность этих оазисов, вероятно, продиктовала необходимость более интенсивного освоения придаргомской степи к югу от Самарканда. Началось заселение земель вдоль русел каналов, выведенных из Даргома. Между Сиабом, Даргомом и Аксу, где долгие столетия не наблюдалось значительного обживания (не считая освоенных земель сельской округи г.Самарканда в пределах внешней оборонительной стены Кундалянг), вдоль каналов, выведенных из Даргома, появилось 25 поселений и замков. Количество их по сравнению с другими, более ранними микрооазисами, не столь велико, но в сравнении с количеством памятников античного периода, в раннем средневековье их стало в 10 раз больше. Эта же причина обусловила активное заселение земель за Сиабом и Зарафшаном (рис.4. Лебедева, 1995), где выросло 7 поселений, а затем, на их месте - феодальных замков. Вокруг части замков с крестьянскими

Рис. 4

поселениями, работавшими на обеспечение г. Самарканда сельскохозяйственной продукцией в сер. VIII в. н.э., замкнулась новая внешняя оборонительная стена Дивори Кыямат.

Значительную роль в наблюдаемом демографическом процессе сыграл приток населения извне. В раннем средневековье по территории Средней Азии прошла волна завоеваний многочисленными кочевыми и скотоводческими племенами, которые не просто, совершив набеги, уходили на свои земли или шли транзитом далее, а стали оседать на завоеванных землях, образуя крупные государства-империи (хиониты, кидариты, эфталиты, тюрки). В основном эти племена, являясь скотоводческими, активно осваивали степные зоны Средней Азии и быстро стали сочетать скотоводство с земледелием. В земледельческих районах, каковым являлся и современный Самарканд - сельский район, на плодородных землях с резким увеличением количества населения, очень быстро стала расти сеть искусственных оросительных каналов, позволившая охватить орошаемым земледелием почти все земли Самарканд - сельского района, начиная от Зарафшана и до предгорий.

Расклад на карте археологических памятников по отдельным временным промежуткам позволил выявить интересные моменты в истории развития г. Самарканда и прилежащих к нему степных территориях. Как уже упоминалось выше, в ахеменидский период началось освоение земель к юго-западу от Афрасиаба, резко прерванное в III в. до н.э. С этого момента проявляется очень важный фактор в освоении степной зоны вокруг Афрасиаба - античные стационарные поселения и замки вырастают только на естественных, природных источниках воды - Сиабе, Аксу, Карасу и между рукавов горных саев, не выходя за их пределы вплоть до IV-V вв. н.э. При этом, на самом Афрасиабе в пределах IV оборонительной стены в III-I вв. до н.э. появляется высокопродуктивная сеть каналов, снабжавших город водой. Высказанное ранее мнение о том, что Лолазорский канал и Новадон могли являться основой водоснабжения гор. Афрасиаб (Мухамеджанов, 1969; Бурякова, 1981) не подтверждается реальными условиями. Естественный уклон Самаркандской равнины с юго-востока на север-

запад просто не мог этого позволить. Канал Лолазор, выведенный из Сиабчи, снабжал водой земли к юго-западу от Афрасиаба. Сама Сиабча при подходе к Афрасиабу делала резкий изгиб в северо-западном направлении и впадала в Сиаб. Единственным источником, снабжавшим город водой в любые отрезки времени, являлся Оби Машхад и подключенный к нему Шаарарык. Тот факт, что между Афрасиабом и нижним течением горных саев не появилось ни одного стационарного поселения или замка начиная с III в. до н.э. и вплоть до IV в. н.э., говорит о том, что вся вода, поступавшая с юга в сторону города, предназначалась только для водоснабжения самого города и его округа. В первых веках до н.э. сельская округа города начала продвигаться в южном направлении, на что указывает появление оросительного канала, выведенного из Шаарарыка в районе современного Регистана. Безусловно, начиная с III в. до н.э. город осуществлял жесткий контроль над территорией к югу от него, исключая возможность стационарного заселения её на значительном пространстве. Связать этот факт можно только с ограниченным количеством воды, поступавшим с юга в сторону города. Планово и подконтрольно, вероятно, шло и развитие сельской округа. Это подтверждается возобновлением жизни в поселении Лолазор только в первых веках нашей эры, когда оно вошло в состав сельской округа в пределах оборонительной стены Кундалянга. Наглядная картина освоения придаргомской степи к югу от Самарканда ставит под большое сомнение выводы ученых о прокладке Даргома уже в VI в. до н.э. (Шишкина, 1987, с.165; Иваницкий, Иневаткина, 1999, с.103; Исамиддинов, 2000, с.8-9). Вплоть до IV-V вв. н.э. упорно продолжается заселение микрооазисов на естественных источниках воды и только в IV-V вв. н.э. на каналах, выведенных из Даргома, почти одновременно, вырастают многочисленные поселения и замки, часть которых в VIII в. н.э. вошла в пределы внешней оборонительной стены Кыямат. В случае функционирования Даргома с VI в. до н.э. и даже с III в. до н.э. - III в. н.э., в первую очередь, были бы освоены и плотно заселены земли к югу от Самарканда, чего мы не наблюдаем до второй половины IV-V вв. н.э. Наиболее вероятно, на наш взгляд, что снабжение водой г. Самар-

канда и его округа с VI в. до н.э. и до V в. н.э. осуществлялось из соединяющихся на равнине рукавов Акбуйрасая и Илансая через

подключенные к ним Оби Машхад и Шаарык (рис. 1).

Литература

1. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Соч., т. 3, Ташкент, 1965, с. 97-232.
2. Бурякова Э.Ю. Поселение Лолазор - предшественник города на Афрасиабе // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
3. Бурякова Э.Ю., Буряков Ю.Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистан в 1969-71 гг.) // «Афрасиаб», вып. II. Ташкент, 1973.
4. Бурякова Э.Ю., Лебедева Т.И. Научный отчет по своду археологических памятников Самарканд-сельского района и г. Самарканда // Архив ИА АН РУз, Ф.4, О.1, Д.170. Самарканд, 1987.
5. Вафаев Г., Иваницкий И.Д. Научный отчет об археологических исследованиях в зоне строительства нового здания Бюро путешествий и экскурсий на площади Регистан // Архив ИА АН РУз, Ф.4, О.1, Д.212. Самарканд, 1991.
6. Гулямов Я.Г., Буряков Ю.Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967-68 гг. // «Афрасиаб», вып. 1. Ташкент, 1969.
7. Иваницкий И.Д. Научный отчет по археологическим раскопкам на поселении керамистов Саратепа II за 1988 г. // Архив ИА АН РУз, Ф.4, О.1, Д.182. Самарканд, 1988.
8. Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н. Периодизация и этапы развития водоснабжения Афрасиаба (по материалам раскопок магистрального канала в 1996-1997 гг. // ИМКУ, №30. Самарканд, 1999.
9. Иневаткина О.Н. Цитадель Афрасиаба (работы 1977-1979 гг.) // ИМКУ, №18. Ташкент, 1983.
10. Иневаткина О.Н. Северное укрепление древнего Самарканда // Тез. докл. советско-франц. коллоквиума, посвящ. культуре древнего и средневекового Самарканда и историческим связям Согда. 25-30 сент. 1990 г. Ташкент, 1990.
11. Исамидинов М.Х. Генезис городской культуры Самаркандского Согда // Автореф. дисс. докт. ист. наук. Самарканд, 2000.
12. Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // «Афрасиаб», вып. II. Ташкент, 1973.
13. Кабанов С.К., Шишкина Г.В. Древнейшие наслоения городища Афрасиаб // ОНУ, №3. Ташкент, 1968.
14. Лебедева Т.И. Отчет по полевым работам на раскопе №ба на севере городища Афрасиаб // Архив ИА АН РУз, Ф.4, О.1, Д.130. Самарканд, 1985.
15. Лебедева Т.И. Отчет по полевым работам на раскопе №ба на севере городища Афрасиаб // Архив ИА АН РУз, Ф.4, О.1, Д.154а. Самарканд, 1986.
16. Лебедева Т.И. Сельская округа и её роль в формировании раннесредневекового Самарканда. Канд. дисс. Ташкент, 1995.
17. Мухамеджанов А.Р. К вопросу о водоснабжении Афрасиаба // «Афрасиаб», вып. 1. Ташкент, 1969.
18. Мухамеджанов А.Р. К истории орошения Северной Бактрии и Древнего Согда // Тез. докл. симпозиума, посвящ. древнейшим культурам Бактрии (среда, развитие, связи). Душанбе, 1982.
19. Немцева Н.Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб // «Афрасиаб», вып.1. Ташкент, 1969.
20. Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК, вып. 33. М., 1950.
21. Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда (VII-VI вв. до н.э. - VII в. н.э.) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1981.
22. Филанович М.И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе // «Афрасиаб», вып. 1. Ташкент, 1969.
23. Филанович М.И. К истории сложения городских укреплений Афрасиаба // «Афрасиаб», вып. II. Ташкент, 1973.
24. Шишкина Г.В. Материалы первых веков до н.э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба // «Афрасиаб», вып. I. Ташкент, 1969.
25. Шишкина Г.В. Древний Самарканд и его округа // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.

М. Мусакаева

МОНЕТЫ ГИРКОДА

Со второй четверти XIX века в нумизматической литературе стали известны монеты Кодеса (Kodes) – Гиркода с профилем правителя вправо на лицевой стороне и с фигурой воина или божества с пламенем, вьющимся из плеч или протомой коня на их оборотной стороне X. Принсеп предложил чтение легенды: “(A) PΛHΘPοY MAKAPοΣ”.

Слово “AP?HΘPοY” соотнесено было исследователем со словом “AθPο”, которое передает иранское имя божества огня (Lassen, с. 104).

В 1858 г. Кристиан Лассен опубликовал восемь монет этой серии, в числе которых несколько монет с изображением головы лошади. Лассен выделяет районы, где встречаются находки монет этой серии: Кабул, Западная Индия, Бухара, Россия. Исследователь предполагает, что Гиркод был тем царем, который “пройдя южным путем через Кавказ, основал государство от Кабула до Индии”. Отметив при этом, что изображение лошади, встречающееся только с греческими буквами и божеством огня, указывают на Бактрию (Lassen, p. 186).

В 1841 г. Вильсон опубликовал пять монет этой серии. Он первым из исследователей связал монеты Гиркода с индо-скифскими правителями, но и не отрицал их связи с монетами Индо-Парфии, Аршакидов. На л.ст. он читает имя “Гиркод”, на о.с. – “основатель” ... “MAKAPο...” “οPΔZCoY”. Вильсон принимает оба чтения имени правителя: Кодес или Гиркодес. Автор считает, что это имя ближе “варварскому” региону, а характер монеты ближе – греческому, монеты поздние – период “вырождающийся”. Выделяет номиналы: оболы и хемидрахмы.

Регион обращения монет – Кабул и дальше на север. Некоторые монеты, найденные по дороге в Европу через Россию, были привнесены туда варварскими племенами через северную границу Каспия.

Вильсон дает несколько иное чтение первого слова на об. ст. монет: “...PΛHΘPοY” “MAKAP” и связывает его со словом “Aθpο” или “Ardokro” на монетах Канишки. В легенде третья буква первого слова (на об.ст.) не

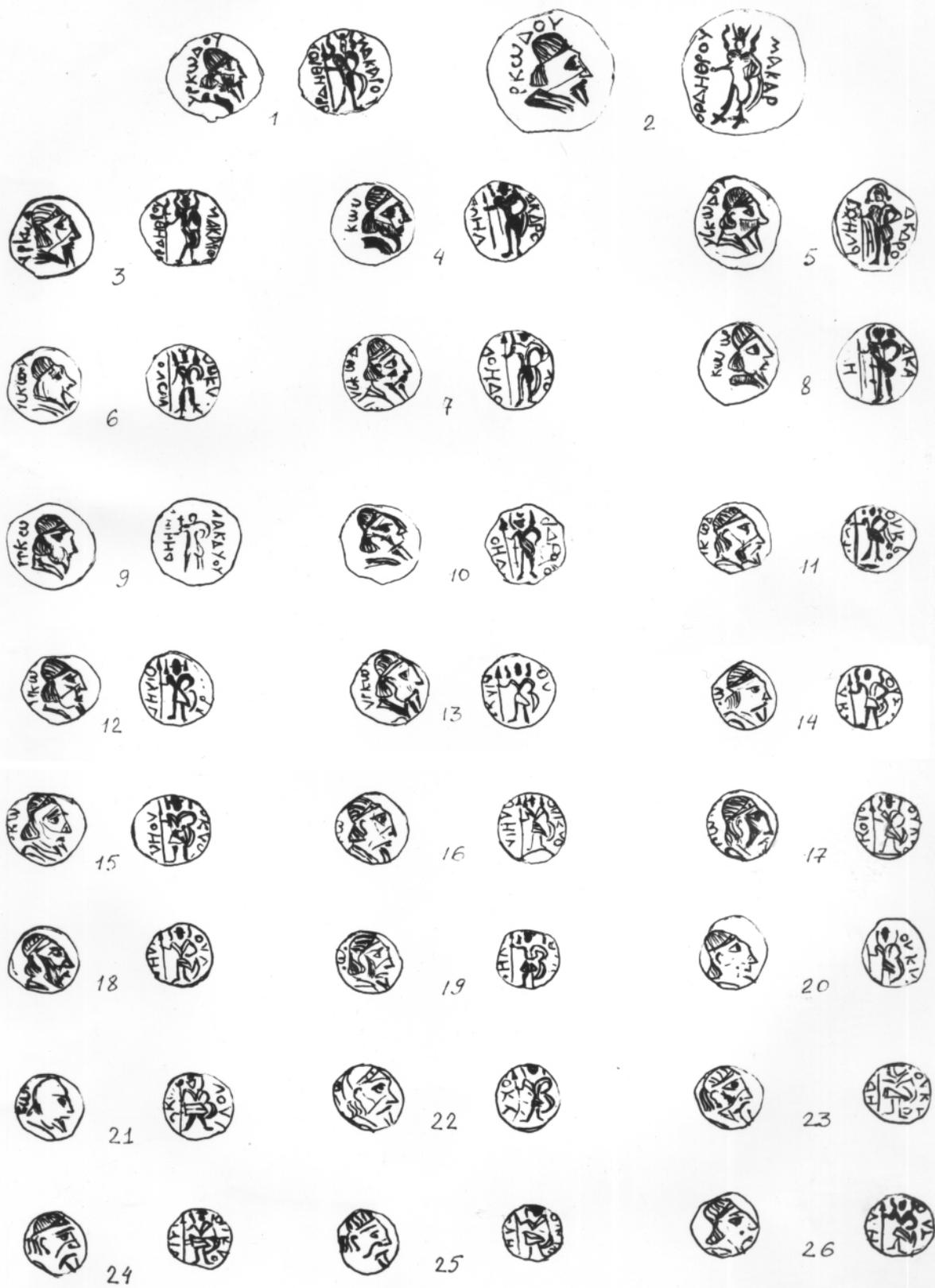
дельта, а алиф. На уникальных монетах из частной коллекции “Baron de Ghaudoir” 1-ая буква омикрон, а 3-ья – дельта. Впервые он связал эти монеты с подражаниями драхам Антиоха (Wilson, p. 344-346).

В 1858 г. Эдвард Томас определяет надписи как близкие греческим, но сами монеты бактрийскими не считает. Он приводит фото 4 экз., из которых 2 монеты с конем. Головной убор на монетах этой серии считает аналогичным головным уборам на монетах Аршакидов. К серии монет Гиркода он относит и подражания драхам Антиоха, считая, что изображение лошади изменяется так, что его нельзя узнать без ранних экземпляров (Thomas, с. 188, 400).

А. Каннингхем в 1872 г. опубликовал две монеты Гиркода с пламенем и конем (Gunningham, Pl. 9, 15, 14).

Альфред Саллет в 1879 г., исследовав описываемую серию монет, пришел к выводу, что это монеты очень поздние. Монеты этого правителя, по его наблюдениям, часто встречаются среди индо-бактрийских находок. Лицевая сторона монет Гиркода, по мнению исследователя, находит аналогии в изображениях лицевых сторон монет Аршакидов. Монеты Гиркода – сакская династия. А. Саллет впервые обращает внимание на плохое качество серебра монет Гиркода, приводит колебания весовых данных, монеты определяет как драхмы (от 2,72 г, 2,37 г до 1,87 г...). Чтение легенды дает следующее: “PΛHΘPοY MAKAPο”. Он считает невозможным сравнивать Гиркода с “сакским правителем” Гераем потому, что Герай – это имя божества на местном языке. А. Саллет, выделяя монеты весом в 1,65 г, 1,27 г, 0,79 г, считает, что они из плохого серебра. Слово “YPKщDoY” А. Саллет предлагает считать названием долго правившей династии, которое стоит в родительном падеже (Sallet, p. 54, 178).

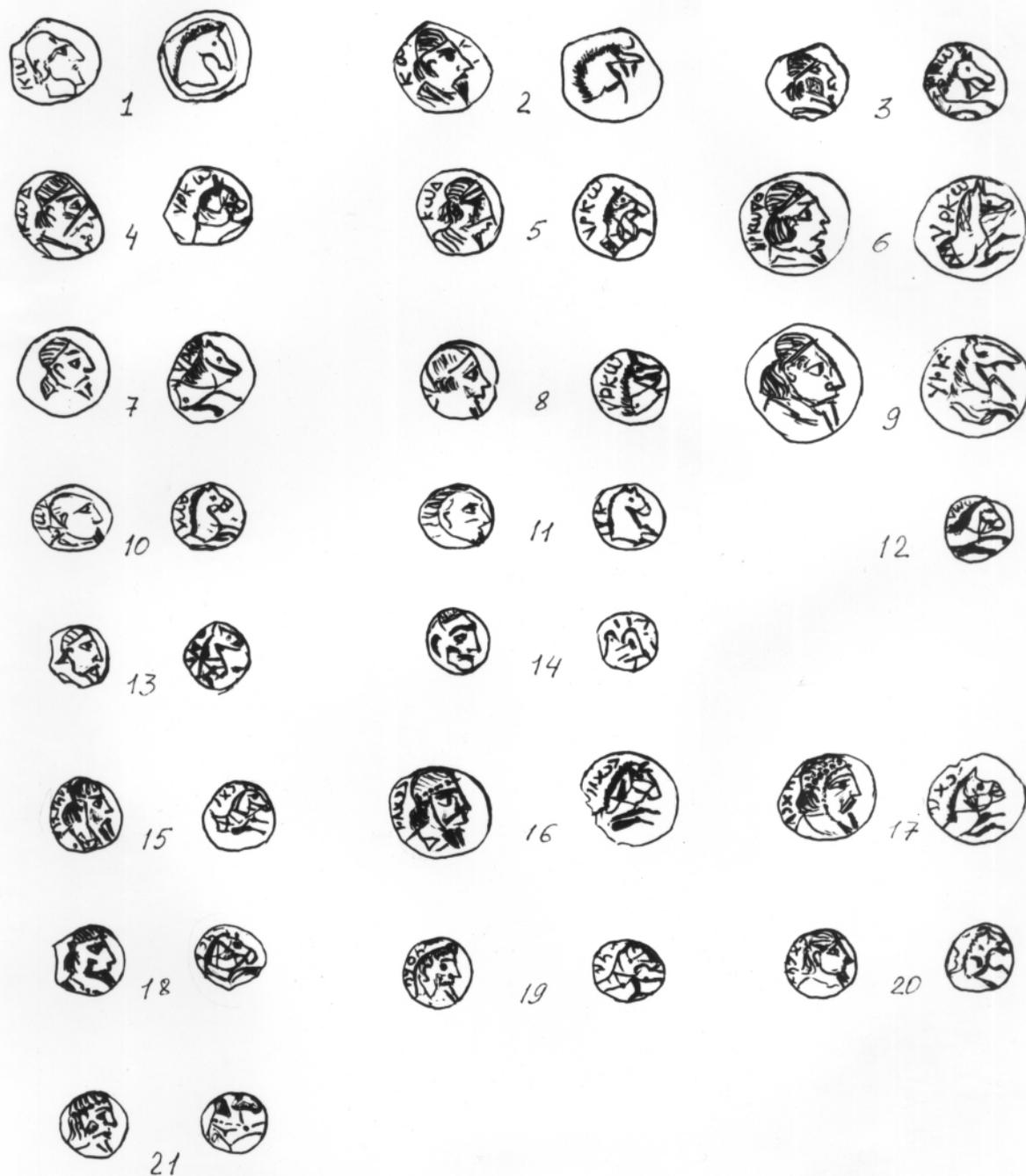
Перси Гарднер в 1886 г. в составе монет Британского музея опубликовал пять монет Гиркода, одна из которых с конем, им так же приведено фото монеты с конем и правителем “парфянского” облика (Gardner, Pl. XXIV, 8-12; 13).

В 1906 г. Винцент А. Шмит опубликовал монеты Гиркода из Калькуттской коллекции. Девять монет из этой коллекции с изображением воина с пламенем и две из группы с изображением лошади. В. Шмит датирует серию монет Гиркода в пределах между 1 в. до н.э. и 50 г. н.э. Чтение легенды:

“ΥΡΚΩΔΟΥ ΜΑΚΑΡΟΥ ΑΡΔΗΘΡΟΥ”, (Smith, p. 93-94).

В 1914 г. Р.Б. Уайтхейд опубликовал одиннадцать монет из Пенджабского музея. Четыре из них из группы с изображением лошади. Он считает одновременными монеты

Герая, Фсейгохариса и Гиркода, а также видит их и однотипными (Whitehead, p. 164). В 1925 г. Аллот де ла Фью опубликовал восемь монет Гиркода, четыре из них с изображением воина с пламенем из плеч. Монеты разделены им на три группы: “α – с изображением воина, “β” – с легендой “Рκω“, “γ” – с протомой лошади. За ними следуют монеты Фсейгохариса. Слово “Гиркод” считает именем, этимологически близким названию страны Гиркании “γρκανία“. Слово “γρκωδοУ” – греческое. Он предполагает, что арамейская легенда в восточной форме передается как “ur-koD”, где “КО” – “КАВАТ” (Династия Кавианидов). Слова “ΑΡΔΗΘΡΟΥ”

“ΜΑΚΑΡΟΥ”: корень “ΑθΡο” означает слово “AtUR”, “AtESH”, “AdHER” – “FEU” – огонь (слово иранского происхождения). Легенда на оборотной стороне монет с изображением лошади передает имя: ARtAUi, ARtAVi, ARtAWi – ARtAVAG, ARtAUG, ARtOG, ORtOk (Allotte de la Fuye, p. 144-149).

Исследователь выделяет следующие номиналы монет: драхма от 3,80 г до 3 г. Считает, что это кратные от тетрадрахмы весом в 12-15,55 г, хемидрахмы весом от 1,3 до 1,8 г, оболы весом 0,4-0,56 г. (Allete de la Fuye, p. 144-145).

В 1958 г. Вальтер Хеннинг занялся чтением легенд на одной из групп монет Гиркода. Он считает, что монеты с согдийскими ле-

гендами немного позднее легенд на монетах с изображением воина. На аверсе монет с изображением коня выписана легенда, означающая имя собственное “nt ’wy”, на реверсе может быть титул, “указывающий на сердце Согдианы” – “gw’zn (gw’zn) – Gava, +vzn (Henning, p. 326).

В.А. Лившиц предлагает следующее чтение этого же слова: “Rt’w gw’zn”, где “Rt’w”, вероятно, имя собственное, “gw” означает Гава (Согд) или часть Согда, “zn” – знатный. В целом легенда звучит: “Артав – знатный в Гаве” (Лившиц В.А., устные консультации).

Е.В. Зеймаль, вслед за предыдущими исследователями, разделил монеты Гиркода на две ветви, различия между которыми в типе оборотной стороны 1. Божество с пламенем. (УРΚΩΔου / ΑΡΔΗΘΡου ΜΑΚΑΡοУ). 2. Протома лошади (УРΚΩου ? УРΚЦ?оУ).

Типологически они во многом, по мнению исследователя, параллельны монетам с лучником. Считает, что с появлением на монетном дворе новых резчиков штемпелей меняется иконография, потерявшую смысл греческую легенду пытаются заменить согдийской. В отличие от предшествующих исследователей Е.В. Зеймаль считает, что монеты Гиркода безымянный чекан – на них не обозначено ни имен, ни титулов. Однако условно все монеты им названы монетами “династии Гиркода”. Локализует их в южных и юго-западных районах Трансоксианы (юго-западная часть Бухарского оазиса и район Амуля) (Зеймаль, 1978, с. 209). Датировка монет Гиркода связывается исследователем на основании уникального экземпляра монет этой серии т.н. “гибридного” экз. из коллекции Британского музея с серией монет с лучником. Датируется III-IV периодами монет с изображением лучника (I в. до н.э. – I в. н.э.) (Зеймаль, 1983, с. 88).

Г.А. Пугаченкова в 1987 г. высказала предположение о том, что портрет на лицевой стороне монет Гиркода передает “образ кангюйца”, причем не столько конкретного правителя, сколько государя вообще или чтимого предка, основателя царствующего дома. Г.А. Пугаченкова не согласна с датировкой предыдущего исследователя и считает, что монеты Гиркода можно датировать и более ранним временем. Аналогичные портреты она видит в изображениях на пластинах Орлатского могильника (Самаркандская

обл.), на которых передан тип “представитель ветви Кангюя”, овладевшей в конце II в. до н.э. “Фумо-Иштыхан-Кушанией” (Пугаченкова, 1987, с. 59).

М. Митчинером было опубликовано 44 экз. монет Гиркода, из которых 4 монеты с изображением лошади. Он считает, что монеты были выпущены племенами дахов в Хорезме в 130 г. до н.э. – рубеж н.э. (Mitchiner, 1973, Pl.III, 30-39).

Так, на протяжении почти двух столетий в литературе известны около 100 экз. монет группы Гиркода. У исследователей нет единого мнения относительно даты появления и периода обращения этих монет. Расшифровка монет приведена лишь частично. Монеты разделены на две группы, подробная их классификация отсутствует, так же как и иконографический анализ. Загадочным остается божество с пламенем у плеч. Не приводится данных топографии находок, учтены далеко не все имеющиеся на сегодняшний день экземпляры монет, хранящихся в музейных собраниях и опубликованных в отдельных работах.

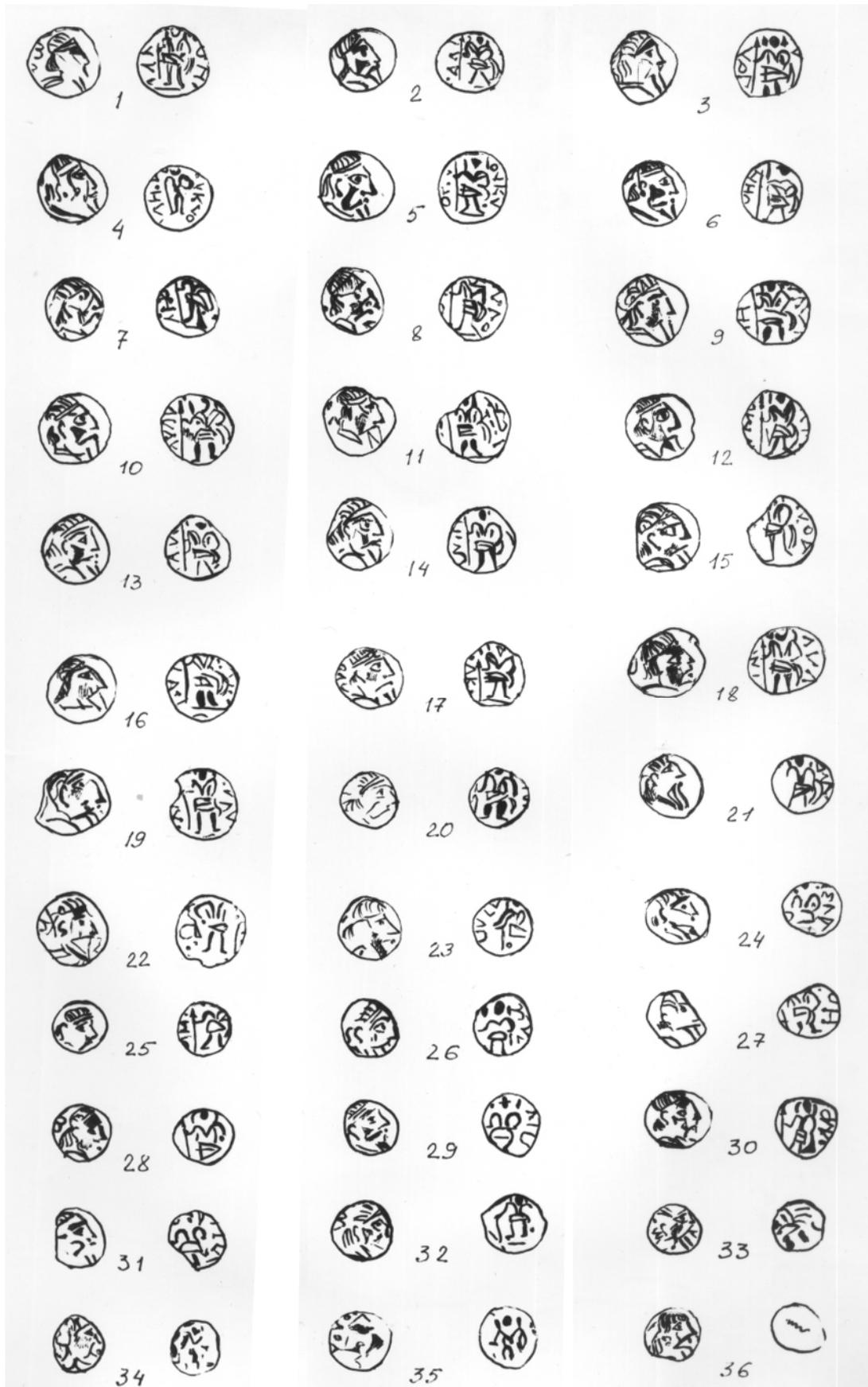
Автором статьи учтено 320 экз. монет исследуемой серии, из них 30 экземпляров монет с изображением коня, среди которых 20 с арамео-согдийской легендой. В основном это монеты из собраний Государственного Эрмитажа, Гос.музея истории Узбекистана АН РУз, Государственного исторического музея (г. Москва), Самаркандского музея, Института археологии АН РУз. Более 45 экз. монет известно из публикаций авторов XIX - нач. XX вв., из коллекций Британского музея, Калькуттского и Пенджабского музеев, а также из частных коллекций.

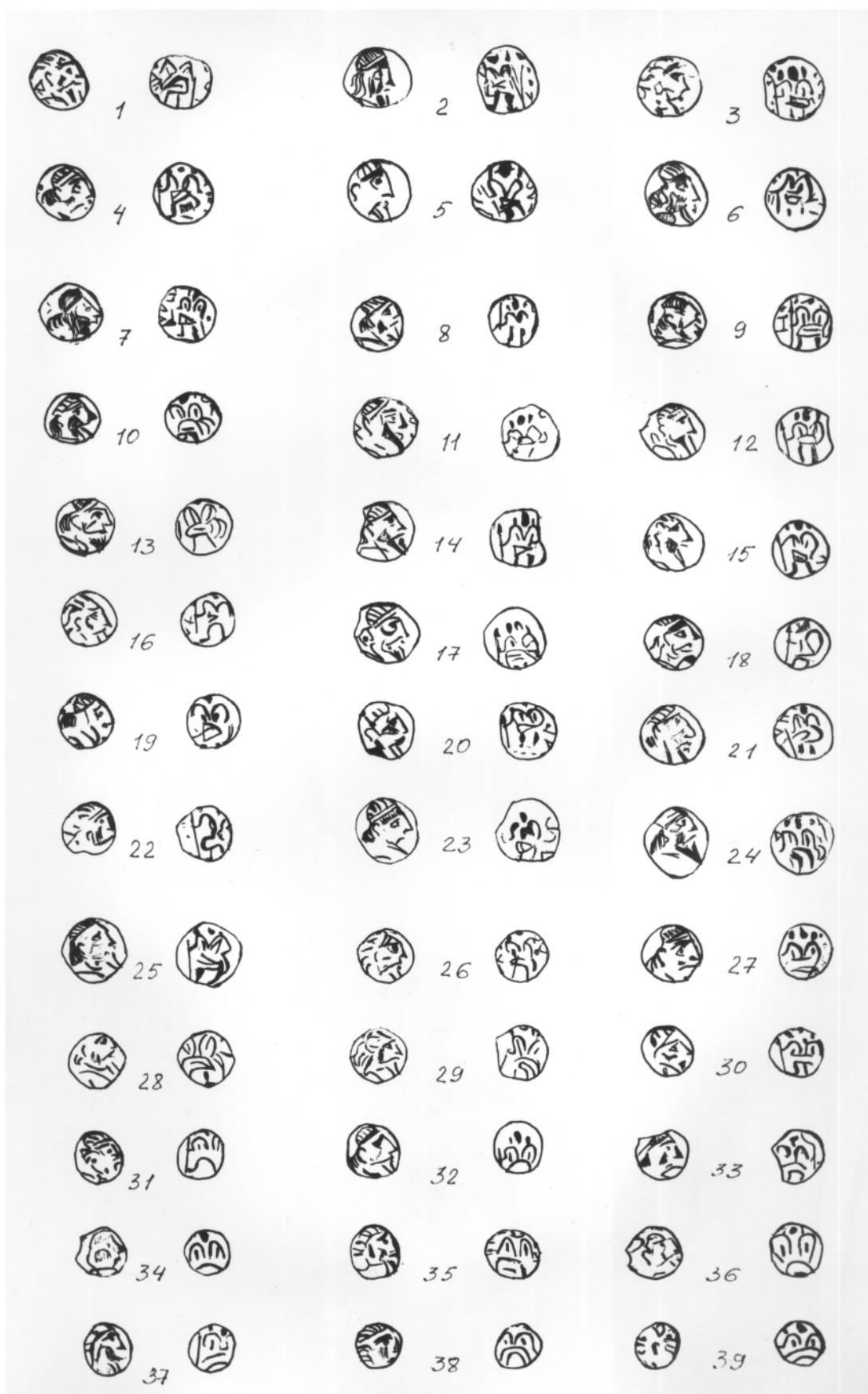
Из более чем 300 экз. монет удалось выявить 22 экз. с данными о местах их находок. Наиболее ранние экземпляры находок концентрируются в районе Варахши и ее окрестностей – 6 экз. (подъемный материал), 2 экз. найдено на Сеталак-тепа. На городище Ромиш – слой 2, на полу, гл. 2,5. Наиболее поздние типы найдены на городище Кум-Совтан – 11 экз, среди которых самые поздние типы без серебряного покрытия. Один экз. найден на Талли-тепа Сурхандарьинской обл.

В Институте археологии АН РУз, кроме уже названных 6 экз. монет с Варахши, хранятся еще 4 экз. монет без указания места находок, которые, судя по инвентарным номерам, могут происходить из Варахши.

В Сурхандарьинской обл. Л.И. Альбаумом найдена монета Гиркода на городище Зангтепа (В – 1,2 г, Д – 8 мм) (Альбаум, 1960, с. 37).

Так, 22 экз. монет серии Гиркода – это находки, происходящие в основном к северо-западу от Бухары, а также южнее – 2 экз.

Южное направление указывает на торговые связи, основной круг их обращения – северо-западные районы бухарского Согда.

Данные о месте находок монет с изображением коня отсутствуют.

1. Варакша и ее окрестности: 4/117, инв. 687, В – 1,62 г.

2. Окрестности Варахши, весна 1951 г., Барат-худжун в Свердловском районе (А.Ф. Бурмистров): 1/88, инв. 1015, В – 0,92 г, Д – 13 мм.

3. Варахша и ее окрестности, 1937-39 гг.: 1/89, В – 0,84 г, Д – 11 мм.

4. Варахша и ее окрестности: 4/116, В–0,84 г.

5. Варахша и ее окрестности, 1937-39гг.: 1/171, В – 0,52 г, Д – П. (1937-39)

6. Варахша и ее окрестности, 1937-39 гг.: 1/107, В – 0,85 г.

7. ИА без м/н: 1/126, В – 0,39 г.

8. ИА без м/н: 1/172, В – 0,94 г.

9. ИА без м/н: 7/484, инв. № 1557, В – 0,50 г.

10. ИА без м/н: инв. 2041, 7/958, В – 0,44 г.

11. Сеталак-тепа: К. 102/1, инв. № 5330, В – 0,81 г, Д – 12мм.

12. Сеталак-тепа: К. 101/1, инв. № 5329, В – 0,642 г, Д – 12 мм.

13. Рамиш, 6/№, слой 1, на полу, гл. 2,5м.

14. Талли-тепа Сурхандарьинской обл, 1937-39 гг.: 1/216.

15. Музей восточных культур г. Москва, Кум-Совтан: 11 экз. 1987 г. В–0,42, 0,22, 0,85 г.

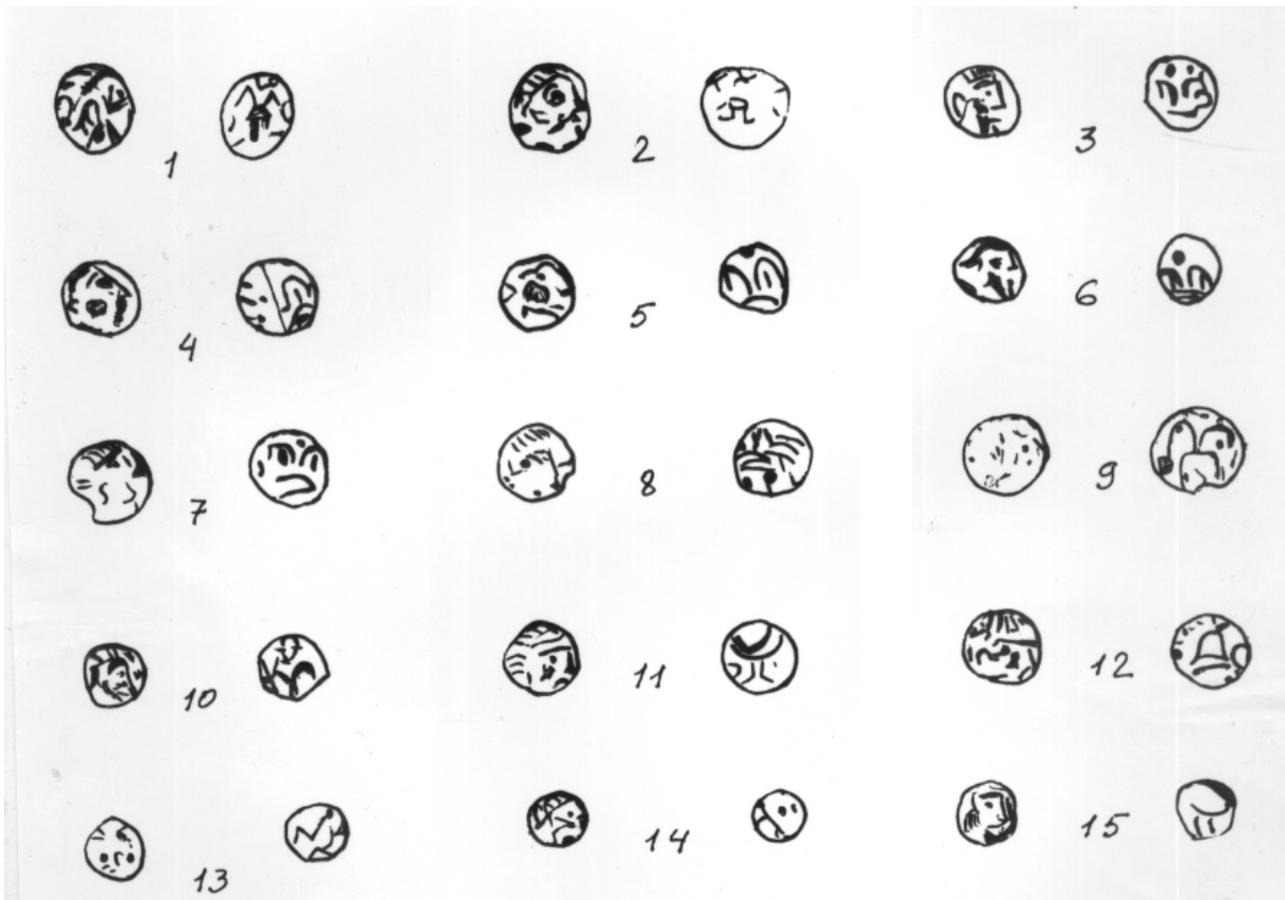
Типологически выделяются две группы среди исследуемых монет: I группа – монеты с божеством с пламенем, вьющимся из плеч и II группа – монеты с изображением коня.

Группа – I

Тип-1

Вариант-1

Л.ст. Изображение правителя в диадеме вправо. За головой легенда греческими буквами: “УРΚΩΔΟΥ”. Кольцевая деформация головы. Об.ст. с изображением божества, стоящего в фас. Из плеч персонажа вырывается пламя, вьющееся выше его головы. Волосы собраны в пучок над головой. Одет персонаж в мускульную кирасу, поножи не просматриваются. В правой руке его длинный шест, на вершине которого курильница с конусовидным стволом. Левая рука у пояса сжимает стрелы, выступающие из горита овальной формы, но резко суженного слева. За левой рукой лук со спущенной тетивой. Справа на уровне пояса (у бедра), а также у голени укреплен длинный меч, опущенный до уровня ступней. На ногах, вероятно, высокие сапоги со “шпорами”? (“шпоры” – эта деталь расположена на уровне ступней и имеет лунообразную форму). Справа легенда греческими буквами: “[Φ]ΡΑΝΘΡΟΥ”, расположенная вертикально снизу вверх. Слева легенда греческими буквами также расположенная вертикально, но сверху вниз

“МАКАРоУ”. Под ногами персонажа горизонтальная черта. Ободок отсутствует.

Вариант-2

Л.ст. То же, как вариант-1, но более ярко выражена деформация головы. От середины носа и через всю щеку появляется полоса, расположенная волной, условно названная нами “шрамом”.

Об.ст. То же, но отсутствует лук. Иной формы горит - овальный, чуть суженный внизу. Легенда: “[o?]PДЗӨPoУ”. В первом слове (справа) иная первая и третья буквы.

Вариант-3

Л.ст. То же, как вариант-2, но отсутствует шрам.

Об.ст. То же, как вариант-2, имеется лук, но отсутствует меч. Не просматриваются “шпоры”.

Вариант-4

Л.ст. То же, но присутствует шрам.

Об.ст. То же, но появляются шпоры, буквы выписаны иначе, более удлиненные, заметна некоторая стилизация всего изображения в целом. Всего монет первого типа зафиксировано 12 экземпляров.

ГЭ – 4 экз., ГИМ – 2 экз., Х. Вильсон – 2 экз. (Р1 IX, 2,3), Э. Томас – 2 экз. (Р1 XIII, 11, 12), А. Каннингхэм – 1 экз. (Р1. 9, 11), П. Гарднер – 1 экз. (Р1. XXIV, 8).

Тип-2

Основной признак по которому монеты выделены в этот тип - искажение легенды.

Вариант-1

Л. ст. То же. Имеется шрам, в легенде вторая буква “L”, “J”.

Об.ст. То же. Стилизация деталей и всего изображения в целом. Значительно укорочен меч, несколько меньше горит, иная форма пламени – отсутствуют волны, оно передано в форме треугольников вершиной вверх. Более явно проступают детали торса, переданные более утяжеленными. В легенде искажается первое слово, буква “А” перевернута, начальные буквы не попали на монетный кружок вовсе.

Вариант-2

Л.ст. То же, но отсутствует шрам. Количество букв уменьшается (3-4).

Об.ст. Еще более заметная стилизация изображения, кираса передана двумя полосами, меч превращается в кинжал, укрепленный дважды. Легенда не читаема, частично за краем монетного кружка.

Вариант-3

Л.ст. То же, но присутствует шрам. Буквы легенды отсутствуют или имеется – 2,1 “К”, “Кщ”.

Об.ст. Стилизация изображений еще более заметная, количество букв уменьшается, все чаще они за краем монетного кружка. Кирасу трудно распознать, кинжал передан условно.

Вариант-4

Л.ст. То же, буквы за головой отсутствуют. Шрам стилизован.

Об.ст. Еще более заметная стилизация изображений. Кираса передана в виде двух, соединенных внизу (на уровне пояса), полос, горит и меч стилизованы до такой степени, что становятся деталями одежды - частью “юбки”. Шест с алтарем превращается в пикку. Количество букв в легенде уменьшается до 3-4 справа и слева.

Всего выявлено монет этого типа 69 экземпляров ГЭ – 26 экз., ГМИУ АН РУ – 3 экз., ИА – Варахша и окрестности (4/117) – 1 экз., А. Каннингхэм – 1 экз. (Р1. 9, 12), М. Митчинер – 27 экз. (Р1. III, 31), П. Гарднер – 2 экз., (Р1. XXIV 9, 10). Х. Вильсон – 2 экз. (Р1. IX, 1, 5), Э. Томас – 1 экз. (Р1XIII, 13), ГИМ – 6 экз.

Тип-3

Основной признак выделения монет в этот тип – “варваризированное” изображения лица правителя, греческие буквы едва узнаваемы.

Лишь на двух экз. удалось рассмотреть стилизованное изображение шрама. В целом лицо правителя все более стилизуется и становится почти неузнаваемым, штемпель крупнее кружка – изображение частично за его краем. Более заметные изменения происходят на об.ст.; удалось выделить четыре варианта: В-1. Меч теряет свое назначение, переходя в деталь одежды или отвлеченный предмет (также как в Т-2). Кираса переходит в портупею. Фигура воина еще более схематична.

Варианты стилизации кирасы и “юбки”: В-1,
В- 2. ; ;

На одних экз. варианта - 4 фигура воина неузнаваемо искажена, на отдельных экземплярах фрагментарна. Всего монет третьего типа выявлено 172 экземпляра. ГЭ - 49 экз., Самаркандский музей - 4 экз., Кум-Совтан – 3 экз., Сеталак-тепа - 1 экз., Талли-тепа Сурхандарьинская обл. - 1 экз., Варахша и ее окрестности - 2 экз. (1/216 и 1/89), М. Митчинер - 13 экз., (Р1. III, 33), Аллот де ла Фюи - 1 экз. (Р1 X(YI), № 15), ГМИУ АН РУз - 11 экз., ГИМ - 2 экз.

Тип-4

Для монет этого типа характерны самые сильные искажения для лицевой и оборотной сторон, монеты приобретают форму небольших по размеру скифатных кружочков. Они теряют серебряное покрытие, иногда оно отсутствует вовсе.

Ввиду плохой сохранности трудно выявить варианты для лицевых сторон. Можно отметить лишь, что штемпель гораздо больше монетного кружка, детали лица схематичны. Ухо передано таким образом, что его мочка напоминает круглую серьгу, в целом ухо неестественно укрупнено. Губы более крупные, полные. Легенда отсутствует.

Для об.ст. - еще более заметна стилизация фигуры, португепя принимает вид двух овалов с штрихами в центре, далее штрихи превращаются в крупные точки.

Ноги персонажа трансформируются в фигуру в виде буквы "П", а далее она превращается в лунку.

Всего монет этого типа выделено 68 экз. ГЭ - 43 экз., Сеталак-тепа - 1 экз. (Инв. № 5329), ИА - 9 экз. (Варахша и ее окрестности), Кум-Совтан - 5 экз., ГМИУ АН РУз - 8 экз., Аллот де ла Фюи - 1 экз., (РІ. X (YI), № 16), П. Гарднер - 1 экз., (РІ. XXIV, II).

Тип-5

Для монет этого типа характерны самые сильные искажения для лицевой и оборотной сторон - полная их деградация, монеты приобретают форму небольших по размеру медных скифатных кружочков.

Вариант-1

Л.ст. Крупно передан нос, усы, брови правителя, портретное сходство не просматривается - стилизация предельна. Волосы переданы крупными толстыми штрихами, усы очерчены резко вниз, губы не просматриваются, борода за краем монетного кружка.

Об.ст. - фигура воина почти неузнаваема, он превращен в схему, состоящую из лунок, точек, штрихов.

Вариант-2

Л.ст. - едва узнаваемое изображение головы, все детали схематичны: глаза в виде точек, нос-скобка, остальное передано в виде штрихов.

Об.ст. - от изображения воина остались только точки, лунки, палочки - иногда без изображения головы.

Всего удалось зафиксировать 20 экз. монет этого типа: ГЭ - 9 экз., ГМИУ АН РУз - 5

экз., ИА - 3 экз. (7/958, 7/484, 1/171), Кум-Совтан - 3 экз.

Группа-II

Монеты с изображением протомы лошади.

Тип-1

Вариант-1

Л.ст. Гиркод вправо, шрам отсутствует, за головой две буквы "Кω".

Об.ст. - изображение головы коня с коротко остриженной, уши выставлены вперед в обресе шеи едва приметный треугольный вырез, вокруг неровный ободок? (Каннингхэм, РІ.9, 14.)

Тип-2

Л.ст. То же, но буквы на половину за краем монетного кружка: "Кω". Едва заметен шрам у носа, частично у скулы.

Об.ст. Искаженное изображение головы коня, аналогичное поздним типам Антиоха, ободок отсутствует (Зеймаль, 1978, таб. III, 13).

Тип-3

Вариант-1

Л.ст. - Портрет вправо, за головой почти полная легенда "VJKwU", шрам отсутствует.

Об.ст. Изображение протомы лошади с выставленными вперед ногами, имеется уздечка, едва заметно седло, грива передана иначе - более длинные пряди, лежащие наискосок (Зеймаль, 1978, таб. III, 14).

Легенда: "УРКw..."

Вариант-2

Л.ст. Гиркод со шрамом, легенда частично за краем монетного кружка: "КwД".

Об.ст. То же, но иначе передано изображение лошади в деталях: уши более длинные, заостренные, непропорционально вытянута морда животного просматривается крупный глаз. В легенде пять букв, пропущена дельта: "УРКwo..." (Гарднер, РІ. XXIV, 12), ГМИУ АН РУз - Н-17/1 ГЭ - 522 (?) Митчинер, (РІ. III, 37).

Вариант-3

Л.ст. То же, но более крупный портрет.

Об.ст. То же, но иначе выписаны буквы легенды и третья буква передана в виде вертикального штриха и трех точек. (ГИМ № 3393).

Вариант-4

Л.ст. Портрет Гиркода передан в иной технике изображения - точечной, возможно, это новый резчик штемпеля. Усы, уши, часть бороды переданы частыми мелкими точками, за головой четыре буквы, первая просматри-

вается лишь частично. Шрам отсутствует “I Kω?”.

Об.ст. То же изображение коня, но несколько более схематично, глаз передан иначе – лишь точкой, без обвода, более крупно переданы ноги, четко просматривается одна из деталей седла, украшенная мелкими треугольниками (ГИМ, № 3395). Легенда за краем?

Вариант-5

Л.ст. Более стилизованно передан портрет Гиркода.

Об.ст. Более стилизованно передано изображение коня, легенда искажена - нечитаема “ГУК 3”. Грива передана шариками (Томас, Pl. XXXII, 16), (Вильсон, Pl. 9, 4).

Вариант-6

Л.ст. Стилизованный портрет Гиркода, легенда отсутствует.

Об.ст. Иначе передан конь: грива в виде коротких частых штришков, уши короткие, поставлены вертикально, легенда за краем.

Тип-3

Л.ст. Иной портрет - новый правитель, “парфянского” облика, имеется точечная диадема, голова без признаков деформации, борода клинышком.

Легенда арамео-согдийскими буквами: “Rt'w fw [ʹzn]”.

Об.ст. То же, конь с уздечкой и седлом передан более пропорционально в деталях, но в целом изображение более схематичное. Легенда: “ ”?

ГЭ - 525, Аллот де ла Фью (Pl. X(U1), 18 B, 19 B, 20 B), Гарднер (Pl. XXIV, 13), Митчинер, (Pl. III, 34).

Тип-4

Л.ст. Иной портрет – напоминает черты лица Гиркода (по фото трудно рассмотреть). Легенда за головой не ясная.

Об.ст. То же как тип-3. (Митчинер, Pl. III, 35, 36).

Тип-5

Л.ст. Иной правитель в точечной диадеме, несколько напоминает портреты ранне-чачских правителей, на шее ряд бус, переданных мелкими точками. Легенда отсутствует.

Об.ст. Искаженное изображение коня, легенда искажена, (ГЭ – 526).

Тип-6

Л.ст. Иной правитель. Волосы надо лбом собраны в виде круглого пучка (?). Легенда искажена, буквы распознаются.

Об.ст. Еще более схематичный конь, чем на типе - 5. Легенда неузнаваема (ГЭ – 528, 529).

Тип-7.

Л.ст. Иной правитель, прическа разделена так, что остается полоса для диадемы, но она не просматривается, борода в виде двух штрихов. Легенда отсутствует.

Об.ст. Еще более схематичный конь, чем на типе У1, более крупный, детали изображения частично вышли за край монетного кружка. Легенда отсутствует (ГЭ – 527).

Так, согласно проделанному типологическому анализу имеющихся монет Гиркода 1-ой группы, можно заключить, что наиболее ранние монеты имеют иную, чем принято считать легенду. Монеты 1 группы, первого типа – (наиболее ранние экземпляры) имеют легенду, содержащую 8 букв. Первая буква хорошо не просматривается однако, на наш взгляд, – это не альфа. А омикрон, либо буква “Ф”, от которой видны только часть ее ножки и один ее овалов. Сомнения возникают и в отношении третьей буквы, на отдельных экземплярах это не дельта, а алиф. Тогда слово в целом выглядит следующим образом: “ФРАН θ ΡοУ” (возможно, “фраэтр”), либо “ФР?Н θ ΡοУ” (вероятно, фрдетр.). В этой связи, любопытно, что для селевкидского времени Э. Бикерман отмечает т.н. “феодалных” вождей, предводителей отрядов кочевников, именуемых “фратедара” – “хранители священного огня”. При Селевкидах, по данным исследователя, они выпускали даже свою монету. Отдельные святилища в Азии представляли собой в то же время населенные пункты, управлявшиеся жрецами. Вокруг храмов возникали населенные пункты, “трансформировавшиеся царями в города” (Бикерман, с. 160-161). Эпитеты царей, властителей носили боги Сирии и Лидии (Бикерман, с. 161).

Близкий в сущности по смыслу титул отмечен М.А. Дандамаевым и В.Г. Лукониным для ахеменидского времени (V-IV вв. до н.э.) Наместник округа, более мелкого в административном делении, чем сатрапия, носил персидский титул “фратарак” (Fratataka). Он осуществлял судебную и административную власть и подчинялся сатрапу. Отдельные храмы, “храмовые общины” чеканили собственную монету (Дандамаев, Луконин, с. 115).

Из чего следует, что титул “фратарак” (V-IV вв. до н.э.) и “фратедар” (III в. до н.э.) пе-

редают государственную должность наместника небольших округов, подчиненных сатрапу. В их руках была сосредоточена военная, судебная власть, они являлись одновременно и жрецами – “хранителями священного огня”, т.е. исполняли и духовное управление.

Вероятно, титул близкий вышеописанным представлен и на монетах Гиркода – “ФРА^А/НӨРоУ” (фраэтр, фратар или фрдетр). Слово имеет иранскую основу, корнями уходящую в ахеменидское время, но переданное греческими буквами в Р.п. Сам персонаж, изображенный на монетах Гиркода 1-ой группы, соответствует этому титулу – это воин, из плеч вьется пламя, в руках шест с алтарем на вершине (он жрец). Фраматар (Framatara) - древне-персидский титул, означающий “повелитель” (Дьяконов, с. 369). В ахеменидское время – распорядитель царского хозяйства, затем в эпоху Сасанидов (подавивших самостоятельность отдельных владений) – это первый министр государства. Фраматар играл ведущую роль в государстве Сасанидов (Луконин, с. 143). Так, на монетах Гиркода обозначен титул, передающий государственную должность чиновника, сосредоточившего в своих руках административную, духовную, военную власть.

Второе слово на об.ст. монет “МАКАРоУ”, вероятно, состоит из двух корней: “ма” и “кара”. Корень “кара” часто встречается в словах, передающих административные должности: “hvmvkvkv” – счетоводы, “azdvkara” – глашатаи, “bazikara” – сборщики налогов, “tamkara” – профессиональные купцы (Дандамаев, Луконин, с. 123, 225). По мнению исследователей, корень “кара” – очень древний, означающий “профессиональных воинов”, “народ – войско” (Дьяконов, с. 334). Существовали также военные руководители топархий, которым были подчинены военачальники нескольких сатрапий, их называли “karan” (Дандамаев, Луконин, с. 228-229). Так, возможно, словом “Макар” на монетах Гиркода было передано слово, означающее один из рангов военных предводителей. Так, титул “фраэтр, фратар или фрдетр”, вероятнее “фрдетр” означал главного жреца (“хранителя огня”), управлявшего небольшим владением и нужен был второй титул “макар”, передававший его военные функции, уточнявший его ранг. Известно, что титулы “фратарак” и “фратедара”, созвучные перво-

му титулу на монетах Гиркода, означали кроме иных функций и военные должности. Ее подтверждал, уточнял второй титул “макар”. Должности эти иллюстрированы изображением божества огня с пламенем из плеч, облаченного в военные доспехи, передающего его военные функции. Шест (жезл) с пламенем на вершине означал, что это главный жрец – обожествленный правитель. Любопытно, что на монетах отсутствуют иные традиционные для Бухарского Согда титулы: “MR’У” или более поздний “gw’v”. Возможно, что до появления титула “MR’У” существовали те, что присутствуют на монетах Гиркода. Они фиксируют один из этапов сложения системы государственного управления, его истоки в Согде.

Полагают, что слово “УРКwDoУ” передает наименование долгоправящей династии в родит. падеже. И.М. Дьяконов, анализируя этимологию наименования страны Гиркании, известной в античных источниках, считает, что Гиркания от древнеперсидского слова “Varqvana”, авестийское “Vdhrkana” – “волчья страна”, возможно, если слово Гиркод передает имя правителя или наименование династии также имеет в корне слово “волк”. Можно предположить, что здесь существовала легенда о происхождении правителей от волка, он являлся в более древние времена их тотемом.

Типологический анализ имеющихся экз. монет Гиркода показал, что начало чеканки монет – время существования греческих легенд. Это период зависимости или вхождения Западного Согда в состав империй Селевкидов, Греко-Бактрии (III-II вв. до н.э.). Е.В. Зеймаль датирует начальный этап появления монет Гиркода, ссылаясь на В.М. Массона, серединой I в. до н.э. (Зеймаль, 1983, с. 88). Начало чеканки монет он связывает с “гибридным” экземпляром Британского музея. На наш взгляд, монеты с конем и портретом Гиркода не начальный этап этой серии. Судя по иконографии, л. ст. – это монеты близкие типу-2, вариант-3. Это этап уменьшения количества букв за головой правителя. На “гибридном” экземпляре количество просматриваемых букв – 3, частично они за краем монетного кружка. Штемпель больше монетного кружка. Кроме того, присутствие на монетах Гиркода 1-го типа частично, вероятно, и 1-го типа (вариант-1) читаемых легенд (без искажений) говорит о ранней дате их суще-

ствования. Появление самых ранних согдийских легенд на монетах Бухарского Согда датируется II в. до н.э. по монетам подражающим чекану Евтидема. Должно было пройти время и искажения легенд на монетах по типу тетрадрахм Евтидема. Так, ранние экз. монет Гиркода с читаемыми греческими легендами, вероятно, можно датировать III – началом II в. до н.э., выпуски монет с искаженными греческими легендами связаны с приходом новой династии, утратой этими владениями эллинистического влияния. Иконографический анализ об.ст. показал также, что это монеты раннего периода (Мусакаева, 1992, с. 152-153, 159).

Для более восточных владений появление местных легенд связано с чеканом Андрагора III в. до н.э. в Парфии и Гиркании. Тогда при Антиохе II (261-246 гг. до н.э.) происходит отпадение восточных сатрапий. Появляется Греко-Бактрия, возможно, тогда же отпадает и Согд, в одной из частей которого начинается чеканка подражаний монетам Селевкидов. А в другой его части начинается чеканка монет Гиркода. Наличие греческих легенд говорит о более длительном влиянии, зависимости западных владений Согда. Типологический анализ исследуемого материала показал,

что развитие монет всей серии происходило в пределах пяти хронологических отрезков времени. Тип-1-к. III-II вв. до н.э., тип-2 соответствует II-I вв. до н.э., тип-3 представлен большим количеством монет и соответствует I в. до н.э. – I в. н.э., поздние экземпляры до II в. н.э. Тип-4 также представлен большим количеством монет и соответствует II-III вв., самые поздние экземпляры IV в.

Тип-1 содержит монеты с читаемыми легендами, далее типы-2-5 – подражания монетам типа-1. Чеканка монет с искаженными легендами связана с приходом кочевых племен, тех которые проставили надчекан в виде тамги на подражаниях монетам Евтидема. Так, монеты второго типа (самые ранние из них) синхронны указанным типам подражаний монетам Евтидема. В целом чеканка монет в государствах среднеазиатского Междуречья с читаемыми легендами (независимо от того греческие они или согдийские) перекрывается подражаниями. Политически это связано с периодическими наплывами кочевых племен, происходившими от III в. до н.э. до VI в. н.э. Выявлены они не для всех чеканов, что является задачей дальнейших исследований.

Литература:

1. Альбаум Л.И. Балалык-тепа. К истории материальной культуры и истории Тохаристана. Ташкент. 1960.
2. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
3. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
4. Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.-Л., 1956.
5. Зеймаль Е.В. Политическая история Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и ранее средневековье. Л., 1978.
6. Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
7. Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.
8. Мусакаева А. О воинственном божестве с пламенем // Времен связующая нить (по материалам музейных фондов). Ташкент, 1992.
9. Пугаченкова Г.А. Образ кангюйца в согдийском искусстве // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.
10. Gunningham. The Coins of Alexander's Successors in the East. Communicated to the Numismatic Society of London. London, 1872.
11. Allot de la Fuye. Monnaies Incertaines de la Sogdiane et des contrees voisines // Revue Numismatique. T.XXVIII. Paris, 1925, s-4.
12. Gardner P. The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886.
13. Henning W. Handbuch der Orientalistik. I Abteilung, IV Band Iranistik, I Abschnitt Linguistik. Leiden-Koln, 1958.
14. Lassen Christian. Zur Geschichte der Griechischen und Indoskythischen Konige in Baktrien, Kabul und Indien durch Entzifferung der Altkabulischen legenden auf ihren Munzen, Bonn, 1838.
15. Mitchiner M. The early coinage of Central Asia. London. 1973.
16. Sallet A. Die Nachfolger Alexanders des Grossen in Baktrien und Indian. Berlin, 1879.
17. Smith V. Catalogue of the Coins in the Indian Museum Calcutta. Including the Cabinet of the Asiatic Society of Bengal. Volume 1. Oxford, 1906.
18. Thomas E. Essais on Indian Antiquities, historic, numismatic and Paleographic, of Late James Prinsep. London. 1858.
19. Whitehead R.B. Catalogue of coins in the Panjab Museum, Lahore. Volume 1. Indo-Greek Coins. Oxford, 1914.
20. Wilson H.H. Ariana Antiqua. A Descriptive account of the Antiquities and Coins of Afghanistan. London, 1841.

К. Сабилов, Р. Абдиримов, Б. Саъдуллаев

ТИПОЛОГИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПОСЕЛЕНИЙ И ГОРОДОВ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА ХОРЕЗМСКОГО ОАЗИСА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ХОРЕЗМСКОГО ВИЛОЯТА)

Проблемы структуры древних поселений и городских центров, процессов урбанизации в античных обществах всегда являлись одной из сугубо важных задач узбекской археологии. В последнем десятилетии развернулись широкие археологические раскопки на территории Узбекистана. В результате накопилось огромное количество материалов о структуре сельских поселений и городов, ремесле, быте, культурах, которые помогают изучать типологию поселений и городов древнего периода.

В Ферганском регионе разработана структура и типология сельских поселений и городских центров (1, с.17-20; 2, с.44-45; 3, с.112-114; 4, с. 47-49). В Бактрии они были детально анализированы по материалам сельских и городских центров В.М. Массоном, Э. Ртвеладзе, Ш. Пидаевым, К. Сабировым (5, с.3-12; 6, с. 10-34; 7, с.74-85; 8, с.15-28; 9, с.3-15). Классификация и типология поселений и городов Согда также рассматривалась археологами (10, 11, с.7-10; 12, с.37-74). В Ташкентском регионе типология и структура поселений и городов разработана Ю.Ф. Буряковым и М.И. Филанович (13, 14).

Учеными Каракалпакского филиала АН РУз также разработана структура и планировка поселений и городов древнего Хорезма, благодаря раскопкам Хорезмской археолого-этнографической комплексной экспедиции. В трудах С.П. Толстова дана стройная концепция о структуре, типологии древних поселений и городов Хорезма, которая была до настоящего времени единым эталоном в процессе определения структуры и планировки поселений и городов (15, 16, 17). Важное значение представляют работы Е.Е. Неразик, где анализирована типология сельских поселений Хорезма (18). Большой научный интерес представляют работы М.М. Мамбетуллаева, Г. Хужаниязова, которые посвящены типологии городского центра древнего

Хорезма. По структуре и типологии поселений и городов можно судить о этапах развития, экономических связях между городами и сельскими поселениями, между оазисами и степью. Этот процесс прослежен довольно четко на материалах Хорезма, лежащего на севере Центральной Азии и связанного с кочевыми племенами. Систематические исследования Хорезма дают нам представление о развитии типологии сельских и городских населенных пунктов, а также показывают не только их развитие, но и количественный рост, изменение топографии и внутренней структуры в эпоху античности.

В связи с этим, авторами были предприняты исследования памятников Хорезмского вилоята, с целью выяснения функционального назначения различных типов поселений и городов и их взаимосвязи в целой реконструкции общей картины социально-экономической жизни в эпоху античности. На территориях Хорезмского вилоята в настоящее время в общей сложности выявлено около 20 памятников, содержащих слои античности. Исследованные районы сведены нами в следующие историко-географические и этнокультурные регионы, в частности:

1. Хивинский (Хива, Топраккала).
2. Янгиарыкский (Топраккала, Алматышган 1, 2).
3. Багатский (Калажик, Каратепа).
4. Шаватский (Торпаккала, Каткала, Военган).
5. Хазараспский (Хазарасп, Кырккызтепа, Хумбузтепа, Чингизтепа, Сандиклитепа).
6. Кушкупирский (Кунакала).

Представленный перечень археологических памятников даже в пределах уже обследованных районов далеко незавершен и безусловно будет дополнен новыми памятниками, обнаруженными в процессе исследовательских работ. В настоящее время назрела необходимость введения в научный обиход

материалы памятников, выявленных во время археологических исследований на территории Хорезмского вилоята. Описание их дается по регионам. Сначала приводятся лаконичные данные о местонахождении, планировке, датировке памятников.

Хивинский туман: Хива (Ичан-кала) – крупный город в Хорезмском вилоята. Расположен на границе пустыни в 25 км к югу от г. Ургенча, в конечной части канала Палваньяп. Общая площадь 26 га.

В 1993-1996 годах М. Мамбетуллаевым было установлено, что строительство города относится к V в. до н.э. В исторической топографии Ичанкала четко выражена частями: арк (цитадель), шахристан - город. Ичанкала обнесена двойными крепостными стенами, высотой 7-8 м, в свою очередь, имеющими круглые башни, расстояние между которыми 30 м. Башня выступает из стен на 3-8 м. В западной части Ичанкалы расположена цитадель, охваченная крепостными стенами, имеющие единственные ворота. Высота крепостных стен около 7-8 м. Город в плане прямоугольный, вытянут с юга на север, его общая площадь 650-400 м, внутри расчленена на четыре части пересекающимися магистралями, соединяющими все ворота. Ворота фланкировались с двух сторон квадратными башнями, но не усилены предвратными лабиринтами (19, с.170-171).

Топраккала расположен в 16 км к северо-западу от Хивы. Городище прямоугольное в плане, общей площадью 167х170 м (около 3 га). Памятник охвачен крепостными стенами с коридором, усилен прямоугольными башнями, выступающими из стен на 5,2 метра, шириной 5-7 метров. Расстояние между ними 17-36 м. Ворота защищены предвратным сооружением с прямоугольной башней. Городище исследовалось М. Мамбетуллаевым и датировано IV в. до н.э. (20, с.65-73).

Янгиарыкский туман. Алмаатышган - 1. Расположен в 16 км к востоку от Хивы. В плане поселение представлено неправильным четырёхугольником (170х101 м), площадью около 2 га.

Исследовалось Я.Г. Гулямовым, по определению которого памятник возник в IV в. до н.э. и конец существования поселения отнесен к XIII в. н.э. (с.89). В последние годы здесь проводилась расчистка стен. М. Мамбетуллаев датирует III в. до н.э., а финал VII-VIII вв. н.э. (22, с.13).

Алмаатышган - 2. Расположен в 200 м к востоку от Алмаатышган-1. Памятник исследовался Я.Г. Гулямовым и датирован I-XIII в. н.э. (23, с.89-90). Он охвачен двойными крепостными стенами, прослежены следы башни.

В 1995-1996 гг. проводил раскопки на крепостных стенах археологический отряд Ургенчского Государственного университета под руководством К. Сабирова. В результате выяснилось, что строительство крепостных стен проходило в три строительных периода. По археологическим данным возникновение памятника падает на I в. н.э. и жизнь продолжалась в нем до XIII в. н.э. Крепостные стены поселения фланкировались овальными башнями, расстояние между ними 27 м.

Топраккала. Памятник расположен в 28 км к востоку от Хивы и имеет прямоугольное очертание, общая площадь 3,6 га. Памятник охвачен двойными стенами, толщина внешних стен 2,4 м, внутренних 2-2,5 м, ширина коридора 2 м. Крепостные стены имеют башни прямоугольной формы, расстояние между ними 22-24 м, вынос из стен 6-7 м, при ширине 7,5-9 м. Вокруг городища проходит ров шириной 17-20 м. Городище исследовано М. Мамбетуллаевым и датировано IV в. до н.э.

Багатский туман. Калажик. Расположен в 21 км к западу от Багата, имеет форму неправильного четырехугольника (213х170х56 м). Памятник окружен двойными стенами, ширина между ними 2,45-2,76 м. Внешняя стена сохранилась на высоту 1,21 м, толщина 1.76-2 м. Она снабжена стреловидными бойницами, находящимися на расстоянии 1-1,1 м друг от друга. Памятник исследован Я.Г. Гулямовым (с. 88) и М. Мамбетуллаевым (25, с.15) и датирован IV в. до н.э.

Каратепа. Расположен в Багатском тумане, в плане прямоугольный, общая площадь 5 га. Сохранился на высоту 3-5 м, видны следы крепостных стен. Археологические раскопки не проводились.

Шаватский туман. Топраккала. Расположен в 40 км к северо-западу от г. Ургенча. В 1979-1980 гг. памятник обследовался Шаватским отрядом Института истории, языка и литературы им. Давкараева под руководством М. Мамбетуллаева. Город имеет круглую форму, диаметр около 260 м, общая площадь 4,2 га. Памятник охвачен двойными стенами, при высоте 0,7-3 м. Крепостные стены имеют полукруглую башню, расстоя-

ние между ними 22 м. Памятник датирован IV в. до н.э. (26, с.12-49).

Военган. Расположен в 1,5 км к юго-востоку от пос. Манак в Шаватском тумане. Памятник состоит из 2-х частей: западная часть, прямоугольная в плане, имеет площадь 280x360 м; площадь восточной части 320x220 м. Общая площадь в античное время - 10 га. Памятник охвачен двойными стенами. В 1949-1950 гг. проведены исследования Я.Г. Гулямовым, который выделил в его развитии два этапа: Кушанский (I-IV вв. н.э.) и Средневековый (IX-XIII вв.) (27, с.91).

Каткала находится в 21 км к западу от г. Ургенча в Шаватском тумане. В плане имеет форму трапеции, общая площадь 8,5 га. Памятник охвачен крепостными стенами, прослеживаются башни. В середине восточной стены находятся ворота с предворотными лабиринтами. Крепостные стены сохранились на высоту 3-8 м. В 1993 г. на памятнике был заложен шурф для выяснения времени возникновения и этапов развития городища. В результате установлены три строительных периода: IV-III вв. до н.э., II-III вв. н.э., IX-XI вв. н.э. (28, с. 10).

В 1995 г. археологический отряд Ургенчского Государственного университета под руководством К. Сабирава произвел археологические работы на южной крепостной стене, в результате чего выяснилось, что строительство крепостных стен имеет три строительных периода и датировано IV в. до н.э.

Кушкупирский туман. Кунакала. Расположен в 20 км к юго-западу Кушкупира. В плане прямоугольный, общая площадь 0,71 га, опоясан крепостными стенами и усилен башнями, выступающими из стен на 4-5 м. Археологические работы не проводились.

Хазараспский туман. Харарасп. Расположен в 65 км к югу от г. Ургенча. Квадратный в плане, площадью 340x320 м. Общая площадь 10,2 га. В юго-восточном углу расположена квадратная в плане цитадель 40x40 м. Памятник опоясан высокими крепостными стенами высотой от 8-15 м. В 1936 г. Я.Г. Гулямов осмотрел город и датировал его IV в. до н.э. (29, с.88). В 1958-1960 гг. город был обследован сотрудниками ХАЭЭ и датирован IV в. до н.э. Археологические работы не завершены (30, с.157-200).

В 1997-1998 гг. на территории мечети был заложен археологический шурф Хазараспским отрядом Хивинского филиала Институ-

та археологии им. Я.Г. Гулямова, были выяснены несколько культурных периодов. По полученным материалам возникновение города можно датировать IV в. до н.э.

Кырккызтепе находится в 8 км к северо-западу от Хазараспа. В плане прямоугольный, общая площадь 75x95 м, 0,6 га. Археологические работы здесь не проводились.

Маржонбобо расположен в 3 км к югу от Питняка. Памятник состоит из двух частей. Площадь первой части 80x60 м, 0,5 га. Вторая часть прямоугольная в плане, общая площадь 430x180 м. Археологические работы здесь не проводились.

Чингизтепе 1 расположен в 18 км к востоку от Хазараспа, круглый в плане, диаметр 120 м, высота 14 м. Археологические работы здесь не проводились.

Чингизтепе 2 расположен в 300 м от Чингизтепе 1, круглый в плане, диаметр 21 м, высота 2,5 м. Археологические работы здесь не проводились.

Обследование древних поселений и городов Хорезмского вилоята показывает, что данная территория интенсивно обживалась в античный период, чему способствовали благоприятные географические условия и относительно стабильная политическая ситуация. Все изученные памятники располагались вдоль крупных ирригационных каналов и являлись городскими центрами данной территории.

Учитывая имеющиеся археологические материалы мы считаем возможным предложить деление памятников на следующие группы:

1. Крупные города.
2. Средние города.
3. Сельские поселения.

Первая группа при исследовании не обнаружена.

Средние города.

1 вариант. Города средних размеров, площадь 10-26 га, с цитаделью, прямоугольные, квадратные в плане, с развитой фортификацией окружены рвом (Ичанкала - 26 га, Военган - 10 га, Хазарасп - 10 га).

2 вариант. Города площадью от 5 до 10 га с цитаделью, прямоугольной, трапециевидной формы, обнесены крепостными стенами, которые усилены башнями, окружены рвом (Каткала - 8,5 га, в отдельных случаях без башен - Калажик - 8 га).

Сельские поселения площадью от 1 до 5 га.

1 тип - прямоугольные, квадратные и овальные в плане, обнесены крепостными стенами с башнями, без цитаделей, иногда охвачены рвом (Топраккала Хивинский) - около 3 га, Топраккала (Янгиарыкский) - 3,6 га, Топраккала (Шаватский) - 4,2 га, Алмаатышган - 1-2 га, Алмаатышган - 1 - 4,5 га).

2 тип - поселения мелкого размера, площадь превышает 1 га. Прямоугольные, круглые, квадратные в плане, обнесены крепостными стенами, иногда без них, цитадель отсутствует (Кунакала - 0,71 га, Кырккызтепа - 0,6 га, Маржонбототепа - 0,5 га, Чингизтепа-1 - 0,1 га, Чингизтепа-3 - 0,2 га).

Важную роль в определении функционального назначения поселений имеют типологические исследования. Картографический учёт древних памятников указывает, что городские и сельские пункты античной эпохи количественно и качественно занимают одно из ведущих мест в системе расселения древнего Хорезма.

Основные принципы типологического подразделения памятников включают следующие признаки: группировка по размерам поселений, планировка, наличие фортификационных сооружений, укрепленного ядра, общественно-культурные и хозяйственные здания и др. Типологические изучения древних и сельских поселений античной эпохи Хорезма на базе известных материалов даёт возможность выделить общие черты фортификации, цитадели и др.

Разработке типологии памятников археологи уделили большое внимание. В связи с изучением исторической топографии Ферганы Ю.А. Заднепровский, в качестве верхней грани сельского поселения, предложил размер в 4 га и отнес поселение Чуст к среднему городу (4 га) (31).

Э.В. Ртвеладзе при систематизации поселений античной эпохи юга Узбекистана также считает возможным относить к разряду небольших городов поселения площадью 1-3 га и имеющие 3-х частную структуру (32, с.25).

Большую работу провел в области типологии городов и поселений древнего Хорезма провел М. Мамбетуллаев. На основе изучения поселений и городов Хорезмского оазиса можно выделить на следующие типы:

поселение городского типа - древние города: определяют городские и сельские поселения в пределах 2,5 га - 4 га. 1 тип - городища с цитаделью прямоугольной формы, имеющие оборонительные стены с башнями: Хива (26 га), Хазарасп (10 га). 2 тип - городища с рассредоточенной планировкой без цитадели с оборонительной стеной, укрепленные башнями, окруженные рвом: Каткала (8,5 га), Топраккала Янгиарыкский (3,6 га), Военган (17 га). 3 тип - городища обнесенные оборонительной стеной, без башен: Большая Айбуйиркала (10 га). 4 тип - городища круглые в плане, обнесенные оборонительной стеной с башнями и окруженные рвом: Топраккала Шаватская (4,2 га).

Выделены 2 типа крепостей: 1 тип - крепость имеющая мощные оборонительные стены, но без башен (Калажик - 8 га). 2 тип - крепость, оборонительные стены которой усилены башнями. Перед входом расположены предвратные сооружения прямоугольной формы (Топраккала Хивинский - 3 га). Поселения разделены на 2 типа, различающиеся между собой размерами, планировкой и фортификацией. 1 тип - поселения площадью 4,5 га, у которых отсутствуют оборонительные сооружения, с нерегулярной планировкой (Хумбузтепе). 2 тип - сельские усадьбы, стоящие отдельно и имеющие прямоугольную или овальную формы, площадью 0,5-1,2 га (Кырккыз, Кунакала).

Г. Ходжаниязов в процессе изучения фортификации древних городов Хорезма (IV в. до н.э. - IV в. н.э.) предложил следующие типологические классификации городов и поселений античной эпохи: укрепленные поселения городского типа - это крупные поселения площадью от 5 га до 70 га. В свою очередь, разделены на следующие типы: 1 тип - город с цитаделью и оборонительной стеной (Кюзелигыр - 25 га, Ичанкала - 26 га, Калалигыр - 70 га, Казаклижатган - 42 га, Хазарасп 10 га, Топраккала - 17 га, Аязкала-3 - 5 га). 2 тип - город обнесенный стеной без цитадели (Большая Айбуйиркала -10 га, Кят (Шават) - 8,5 га, Венган - 17 га, Большая Гульдурсун - 5,6 га, Большая Кырккызкала - 5,37 га, Эрескала - 7 га).

Крепости по фортификации и планировке разделяются на 3 типа: 1 тип - крепость с двумя мощными стенами, со стрелковым коридором, башнями по фасадам (Калалигыр-2, Аязкала-1, Гяуркала-1, Шорча, Курганкала,

Гяуркала (Султануиздагская), Кургашинкала, Топраккала (Хивинская), Капарас и др.). 2 тип - крепости с двумя крепостными стенами с бойницами, но без башен (Джанбаскала, Калажик, Малая Кырккыз, Гяуркала-2. Бурликала, Каратепе и др.). 3 тип - крепость с одной оборонительной стеной, без башен (Акчагелин, Акчунгуль) (33,с.10-11).

Таким образом, изучение и разработки типологической классификации поселений и городов Хорезмского вилоята указывают на рост их количества и различное функциональное назначение, что, в свою очередь, расширяет наши знания о динамике развития древних поселений и городов античной эпохи на данной территории.

Литература:

- Заднепровский Ю.А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы. Тезисы докладов. Л., 1973.
- Абдулгазиева Б.К. Исследование фортификационных сооружений городов Ферганы эпохи античности (Маъруза матни. Марказий Осиёда урбанизация жараёнининг пайдо бўлиши ва ривожланиш боскичлари). Самарканд, 1995.
- Шамсутдинов Р., Матбабаев Б.Х. Фарғона водийсида шаҳар маданиятининг шаклланиши ва тарихий ривожланиш боскичлари (Маъруза матни. Марказий Осиёда урбанизация жараёнининг пайдо бўлиши ва ривожланиш боскичлари). Самарканд, 1995.
- Анарбаев А. Ферганский феномен урбанизации (Маъруза матни. Марказий Осиёда урбанизация жараёнининг пайдо бўлиши ва ривожланиш боскичлари). Самарканд, 1995.
- Массон В.М. Проблемы древнего города и археологические памятники Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Ртвеладзе Э.В. Разведочные изучения Бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Пидаев Ш.Р. Поселение Кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
- Сабиров К. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Средней Азии. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1979.
- Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Нукус, 1990.
- Адилов Ш., Мухамеджанов А.Р. О формировании и развитии городской культуры в низовьях Зарафшана (IV в. до н.э. - IV в. н.э.) Маъруза матни // Городская среда и культура Бактрии - Тохаристана и Согда IV в. до н.э. - VIII в. н.э. Самарканд, 1986.
- Лупшенко О.Н. Районирование и типы поселений южного Согда первой половины I тыс. до н.э. // Тезисы докладов конф. "Археология и художественная культура Центральной Азии". Ташкент, 1995.
- Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Филанович М.И. Шаштепа - древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента // У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмской цивилизации. М., 1948.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.) М., 1976.
- Мамбетуллаев М. Хива антик даврда // Инсониятнинг илмий мероси - учинчи минг йилликка. Ташкент, 1997.
- Мамбетуллаев М. Тапраккала Хивинская // Археология Приаралья. Вып. III. Ташкент, 1986.
- Гулямов Я.Г. Хоразмнинг суғорилиш тарихи. Ташкент, 1957.
- Мамбетуллаев М. История и культура Южного Хорезма античной эпохи. Автореф. дис. докт. ист. наук. Ташкент, 1994.
- Топраккала Шаватская // Археология Приаралья. Вып. III. Ташкент, 1986.
- Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. // МХЭ, вып. 6. М., 1963.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. Л., 1962.
- Ртвеладзе Э.В. К вопросу типологии городских поселений Кушанского времени на территории Сурхандарьинской области. Древний город Средней Азии. Л., 1973.
- Хожаниязов Г. Фортификация древнего Хорезма (IV в. до н.э. - IV в. н.э.) Автореф. дис. канд. ист. наук. Нукус, 1996.

Е.А. Смагулов

КАТАКОМБНЫЙ МОГИЛЬНИК ЧООН-КАПКА I В ДОЛИНЕ Р. ТАЛАС

Более шестидесяти лет в археологии Центральной Азии существует так называемая «проблема Кенкола», являющаяся, на наш взгляд, частью более широкой и многоплановой проблемы происхождения катакомбных культур. Изучение этой проблемы в последнее время переходит от стадии малообоснованных этнокультурных интерпретаций к стадии детальной проработки источниковедческой базы (Заднепровский, 1976, с.159-167; Горбунова, 1991, с.20-30; Берлизов, Каминский, 1993; Кожомбердыева, 1997, с.44-49). При этом считаем вполне справедливой такую оценку уровня изученности кенкольской культуры: «Она до сих пор не имеет полного описания, не разработана периодизация, не установлен точный ареал культуры, ее территориальные особенности, дискуссионным остается вопрос о происхождении культуры и этносе населения, оставившего ее памятники» (Кожомбердыева, 1997а, с.12). Поэтому как никогда актуально расширение фонда исходных данных, ввод в научный оборот сведений обо всех раскопанных памятниках этого типа. Ниже мы предлагаем вниманию читателей результаты первого года исследования катакомбного могильника Чоон-Капка I, расположенного в северо-западной оконечности межгорной долины р.Талас¹.

Могильник расположен в верхней части восточного склона мыса, скалистые подножия которого омываются с северо-восточной стороны р. Талас, а с западной – ее притоком р. Кара-Суу. Мыс расположен напротив южного входа в ущелье Чоон-Капка, через которое р. Талас, прорезая

Киргизский хребет, вырывается на степные просторы и течет к городу Таразу.

Река Талас, перегороженная в ущелье мощной плотиной водохранилища, регулярно в осенне-зимний период заливают обширные просторы горно-долинной части своего течения. При этом разрушаются и оказываются под водой разнообразные археологические объекты. Среди них наиболее выдающимся является городище Садыр-Курган (VIII-XV вв.), отождествляемое с центром округа Шельджи (Бернштам, 1963, с.115). Прекрасный вид на это городище открывается с площадки могильника Чоон-Капка. Лишь летом, со спуском воды из водохранилища, обнажаются горные склоны и пойма р. Талас. Археологические памятники при этом становятся доступны обследованию. При полном заполнении водохранилища под водой оказывается около двух третей площади могильника, который занимал приблизительно 3500-4000 кв.м. Нами вскрывались только те погребальные сооружения, которым грозило быстрое исчезновение под воздействием эрозии от прибойных волн и регулярного колебания уровня водной поверхности.

Раскопки разрушаемых водой погребений, проведенные нами в 1989 г., показали, что здесь расположен крупный катакомбный могильник². Площадь его только размываемой части около 2000 кв.м (рис.1).

Могильник Чоон-Капка I является по счету одиннадцатым, частично обследованным катакомбным могильником в Таласской долине. Двенадцатый могильник - Кара-бура, был открыт в этой же части долины р. Талас несколько позже (Байпаков, Тур, 1992, с.26-33).

Внешние признаки могильных сооружений отсутствовали до тех пор, пока прибой-

¹ Работы проводились Таласским отрядом Археологической экспедиции по изучению городов. Начальник экспедиции К.М. Байпаков. В 1989 г. было вскрыто 26 погребальных сооружений, в следующем сезоне еще 20. Могильник был обнаружен местным краеведом М.Ф. Тур. Выражаем ему искреннюю благодарность за неравнодушие к памятникам прошлого, за помощь и участие в работе археологического отряда.

² Строго говоря, могильник можно считать преимущественно катакомбным, т.к. в одном случае есть основания полагать, что здесь было погребение в подбое (погребение №17).

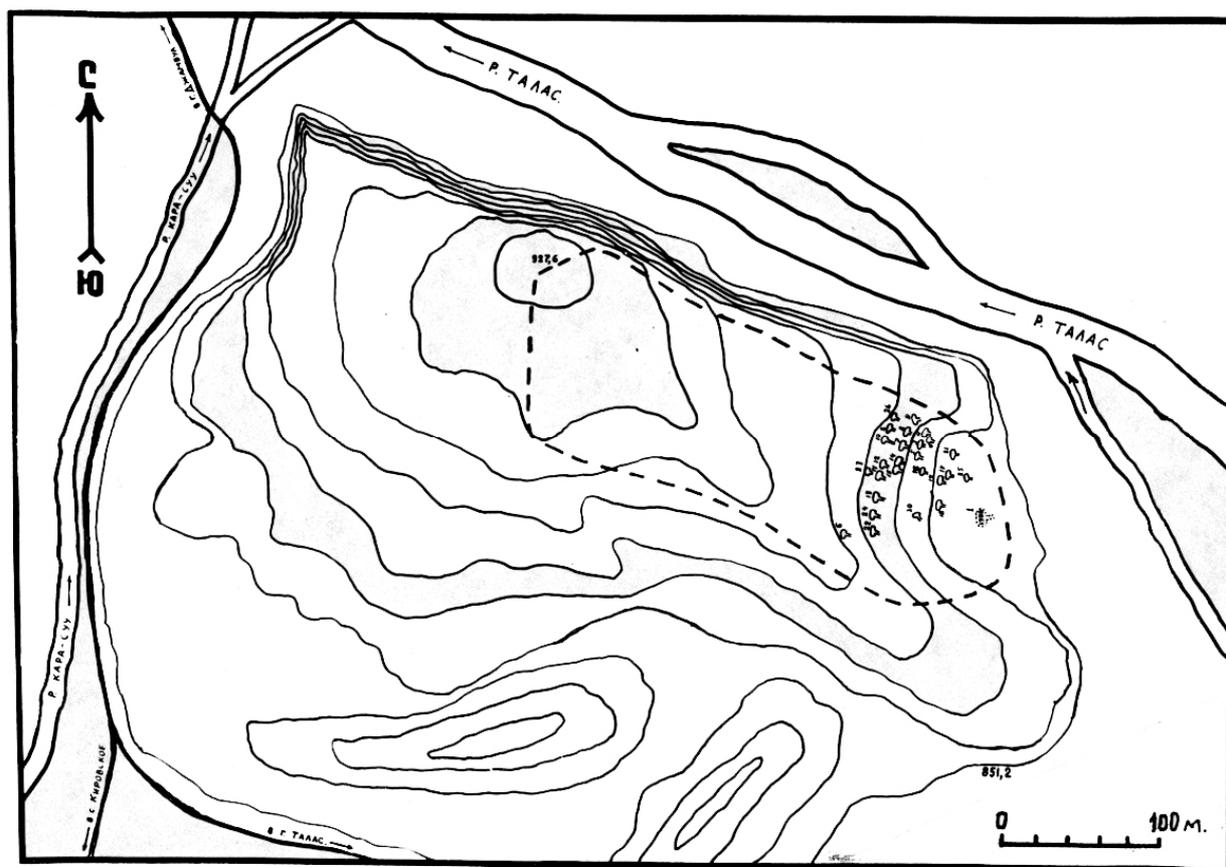

Рис. 1. План могильника Чоон-Капка 1

ные волны не разрушили дерновый и частично не смыли лессовый слой. В результате местами обнажились западины дромосов, каменные плиты, стоящие на ребре и перекрывавшие входы в катакомбы; образовались провалы грунта на месте обрушившихся катакомб. При этом погребения, расположенные в южной нижней части склона, разрушены сильнее. Здесь дно катакомбы расположено на глубине 30-40 см от современной дневной поверхности, так что удавалось фиксировать лишь контур погребальной камеры и вход в нее из дромоса по стоящим вертикально гранитным плитам.

Судя по не ограбленным погребениям, они сопровождалась богатым инвентарем. Захоронения осуществлялись в одежде с личными вещами, керамической посудой с заупокойной пищей и питьем.

Погребение № 1. Могильная камера, дно которой имело прямоугольные очертания в плане, располагалась поперек склона по направлению север-юг. Размеры ее: 2,1x1,45 м,

глубина от уровня размытой поверхности - 0,8 м. В восточной части ее, закрывая вход из дромоса, в вертикальном положении находились две каменные плиты размерами примерно 0,3x0,7 м (рис. 2).

У входа в камеру лежал скелет ребенка 8-10 лет. За ним скелет пожилого мужчины и у стенки - скелет молодой женщины. Погребенные лежали на спине, руки вытянуты вдоль туловища, головами ориентированы на юг. Черепа всех трех скелетов имеют кольцевую деформацию.

В южной части камеры, ближе к головам ребенка и мужчины стояли три керамические кувшина, три кружки и одна чаша (рис.3). Сосуды ручной лепки, хорошего обжига, в тесте заметны примеси мелкого песка и дресвы.

На голове ребенка реконструируется по расположению нашивных украшений головной убор конусовидной формы. На нем были нашиты бусины из стекла, полудрагоценных камней, коралла и кости. Всего - 254 штуки.

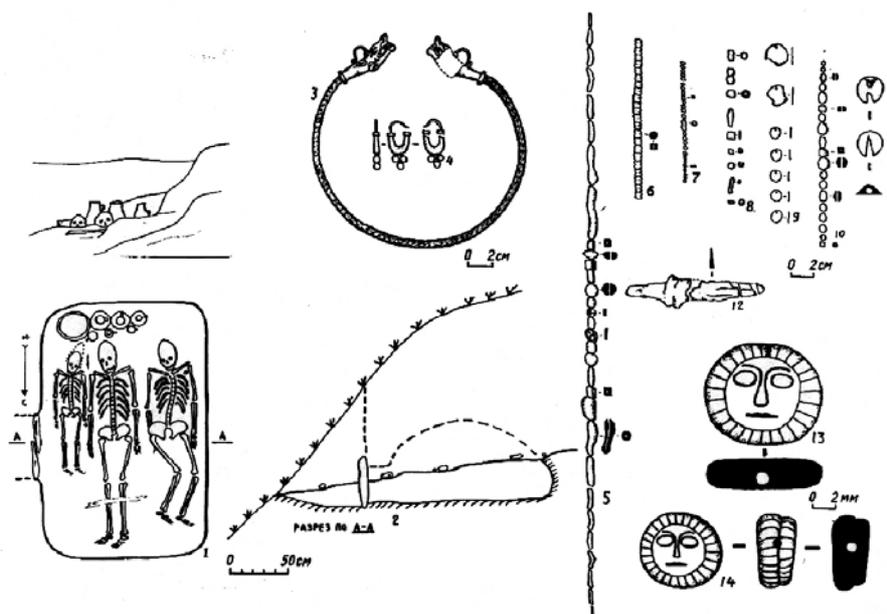

Рис. 2. План, разрез и находки из катакомбы № 1

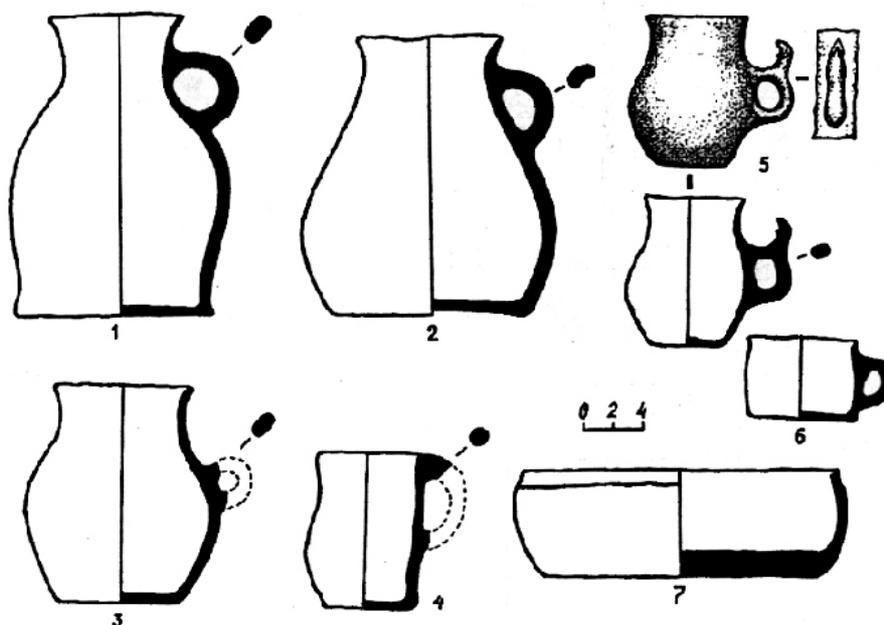

Рис. 3. Керамика из катакомбы № 1

А также, круглые гладкие медные бляшки диаметром от 10 до 18 мм (11 экз.).

На правом плече ребенка лежала в свернутом виде гривна, сплетенная из медных проволочек. Концы ее украшали головки дракона с оскаленной пастью. Сделаны они из двух отштампованных и спаянных половинок из тонкой листовой меди. Головки крепятся к гривне с помощью маленького колечка (рис. 2,3). Здесь же находились две подковообразной формы, выпуклые медные серьги, внутри заполненные белой пастой (рис. 2, 4).

В области шеи детского костяка обнаружены бусины от ожерелья (коралл, стекло, полудрагоценные камни, 34 экз.). Среди них две плакетки из полихромного стекла с изображением человеческого лица (рис. 2,13-14). На запястьях обеих рук расчищены бусины из камня, стекла и трубчатых косточек. Вероятно, были нашиты на рукава или одевались в виде браслетов. На полу между головами ребенка и мужчины, ближе к чаше, лежал небольшой однолезвийный нож.

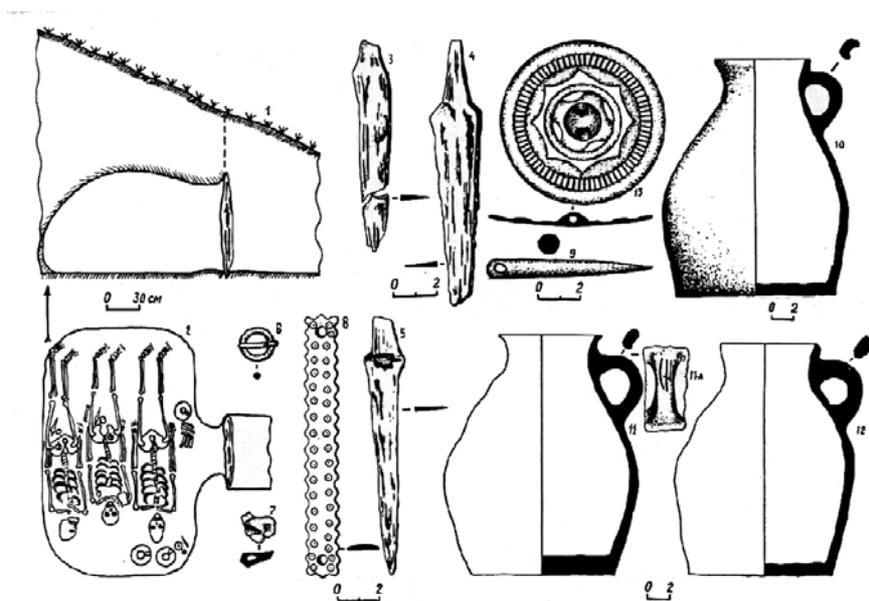

Рис. 4. План, разрез и находки из катакомбы № 2

На женском скелете в области шейных позвонков и ключиц находились крупные бусы из стекла и полудрагоценных камней. На левом плече лежала часть медной заколки.

Дно камеры в районе костяков и под ними было покрыто светло серым слоем в 1-1,5 см, видимо, тленом подстилки и одежды.

Погребение №2. Могильная яма имела под квадратную в плане форму с закругленными углами, размером 2,3 м и шириной 1,4 м. Высота камеры – 0,9 м, глубина – 2,3 м от размытой дневной поверхности. Дромос просматривался на 4,7 м. Ширина дромоса – 0,4 м, а у входа в катакомбу – 0,95 м. Вход, высотой – 0,85 м, был закрыт двумя каменными плитами.

В катакомбе расчищено три костяка (рис. 4, 1-2). Ориентировка - головами на юг. У скелета, расположенного у дальней стены катакомбы и принадлежащего мужчине средних лет, с левой стороны таза найден однолезвийный нож длиной 10 см и вероятные остатки железного наконечника стрелы. В области таза - круглая железная пряжка с язычком и кусок спекшегося от коррозии черного металла. Череп с искусственной кольцевой деформацией.

У второго костяка, лежащего посередине, череп без видимой искусственной деформации. Длина скелета – 1,65 м. У левой части таза найден железный нож, однолезвийный, длиной – 13 см. Под ножом находилась кос-

таянная пластинка, видимо, украшение для ножен. Длина пластинки – 11 см, ширина - 1,5 см, с процарапанным рисунком из кружков с точкой посередине (рис. 4, 5-8).

Третий костяк находился у дромоса, длина его - 1,65 м, череп также с искусственной деформацией; принадлежал он женщине средних лет. В области шеи найдена одна большая бусина из кости и две бусины в виде колец из стекла. На левом плече сильно коррозированное изделие из железа. В области таза обнаружена круглая железная пряжка.

У изголовья стояли два кувшина и сильно закопченная кружка, лежавшая на правом плече 2-го костяка. У правой руки 3-го костяка стоял еще один кувшин. Около него было положено литое бронзовое зеркальце диаметром 8 см. В центре оно имеет шишечку с отверстием для подвешивания, переходящую как бы в четыре лепестка и обрамленную кольцевым валиком. Дальше идет восьмигранник с полукруглыми гранями, потом по кругу, полоска с параллельными линиями-насечками, и обрамляется зеркало бортиком шириной 7-8 мм (рис. 4, 13).

Под зеркальцем находился слой красной краски толщиной до 2 мм. Рядом с ним лежали, с одной стороны, сурьматаш – каменная палочка с отверстием для подвешивания, - и кусочек сурьмы, тоже с отверстием и следами выработки палочкой. С другой стороны

зеркальца лежал однолезвийный нож длиной 10 см без ручки, шириной 1,5 см (рис. 4, 4).

Погребение №3. Камера подквадратной формы с скругленными углами. Размеры: 2,0x1,3 м. Ориентировка по оси север-юг. Ширина дромоса, который примыкает к середине восточной стороны камеры 0,5 м. Плиты, закрывавшие вход, лежали на полу дромоса. Погребение ограблено. Кости в беспорядке лежали в северо-западном углу камеры. Очень плохой сохранности, так что определить наличие деформации черепа, пол погребенного невозможно.

В юго-восточном углу погребальной камеры обнаружены плоскодонные кувшин и чаша, ручной лепки, хорошего обжига, из светло-красной глины с примесью мелкого песка и дресвы. Дно камеры усыпано древесными углями (рис. 5, I).

В погребении № 4 камера имела под квадратную форму с закругленными углами. Длина по оси север-юг - 2,3 м, ширина - 1,35 м. Высота до размытой поверхности - 0,6 м. Дромос прослежен в длину на 2 м. В устье его ширина по дну - 0,45 м, у входа в камеру - 0,75 м. Камни плиточные, закрывавшие вход в камеру-катакомбу, частично стояли вертикально, а часть лежала у входа (рис. 5, II).

По остаткам сильно разрушенных костей, находившихся в северо-западном углу, можно заключить, что захоронение было одинарное. Пол покойника установить невозможно. Остаток черепной коробки указывает на искусственную деформацию. Камера подвергалась ограблению.

В юго-восточном углу на полу камеры стоял кувшин с ручкой, плоскодонный, ручной лепки, из светло-красной глины с примесью дресвы.

Погребение № 5 ориентировано по оси северо-запад - юго-восток. Дромос одной стенкой имел продолжение юго-восточной стены камеры и был направлен на северо-восток, прослежен на 1,7 м. Размеры камеры 1,6x1,3 м. Дромос у входа в камеру имел ширину 0,7 м. Вход был заложен четырьмя каменными плитами.

В камере четыре костяка. У задней стенки костяк женщины средних лет. Положение традиционное. У левой руки, головой на плече женского костяка, лежал скелет ребенка 1-

1,5 лет. С правой стороны - скелет ребенка 3-4 лет. С края у входа находился костяк ребенка 10-12 лет. Черепа имеют искусственную деформацию. Головой ориентировка на юго-восток (рис. 6, I).

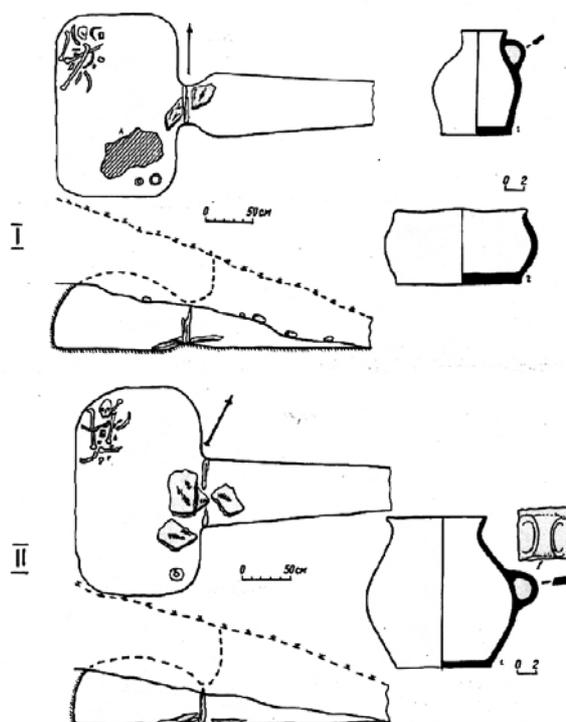

Рис. 5. I – катакомба № 3.; II – катакомба № 4

Следов ограбления не обнаружено, но сопутствующий материал беден. На женском костяке на правом плече, ближе к шее, лежала большая керамическая кружка, сильно закопченная, с отбитой ручкой, крепившейся к верхнему краю венчика и другим концом к плечу. В головах лежала керамическая чаша.

Погребение № 6 находилось у верхнего края размываемой части могильника. Камера катакомбы ориентирована на северо-запад - юго-запад. Размеры камеры 1,9x1,0 м. Высота - 0,85 м. Дромос примыкает с востока к средней части. Вход - 0,55x0,85 м заложен плитами зеленоватого песчаника. Одна из плит камня образовала порог-ступеньку в камеру высотой в 25 см. Дромос прослежен на 6 м. Он сужается у устья до 0,4 м. Глубина дна камеры от современной дневной поверхности - 2,4 м.

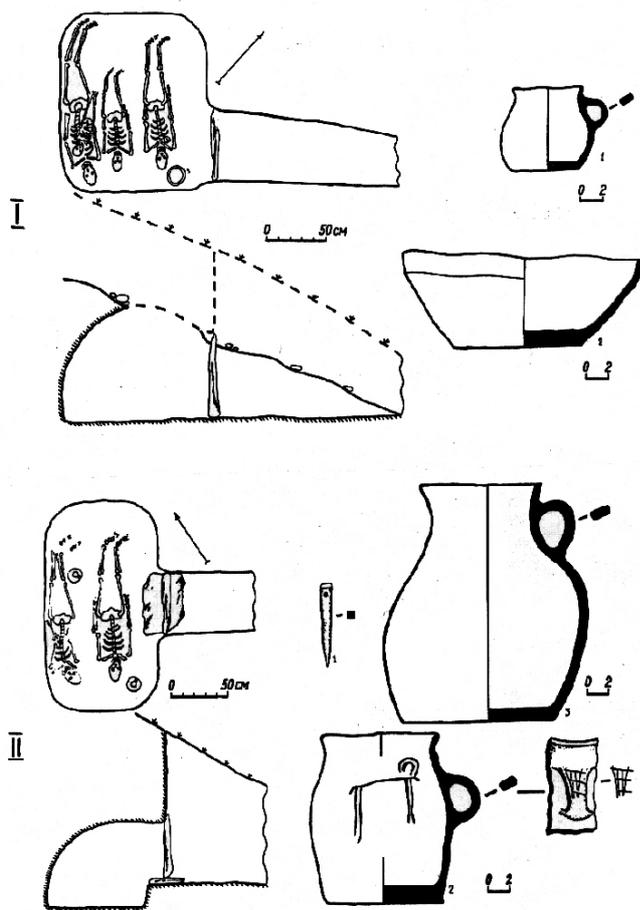

Рис. 6. I – катакомба № 5; II – катакомба № 6

Захоронение парное. Два костяка, принадлежавшие людям средних лет. Пол установить не удалось из-за плохой сохранности костяков. Первый костяк сдвинут к дальней стенке, а второй – в анатомическом порядке. Костяки находились в вытянутом положении. На полу была обнаружена прослойка серого тлена до 1,5 см.

В районе колен первого костяка обнаружен керамический плоскодонный кувшин с ручкой. У второго костяка – большая кружка-кувшин, на ручке которого процарапан знак в виде «решетки», а на тулове нарисован острым предметом по еще сырому тесту горный козел. Форма и стиль рисунка подобны изображению этого животного на наскальных рисунках (рис. 6, II-12).

На полу в северо-западной части камеры куча длинных костей и череп со следами искусственной деформации человека средних лет. В юго-восточной части камеры в куче другие части скелета. На полу найдена круг-

лая железная пряжка. Налицо явные следы ограбления.

Погребение № 7 находилось в нижней части склона на глубине 35 см от современной дневной поверхности. Камера катакомбы ориентирована север-юг. Размеры ее составляли 2,1x1,8 м, дромос прослежен в длину на 4 м. Вход в камеру был завален каменными плитами.

Ближе к дальней стене – костяк мужчины в анатомическом порядке, головой ориентирован на юг, поза традиционная. На правой тазовой кости находилась круглая железная пряжка, у левой – такая же пряжка и маленький железный нож. С правой стороны головы керамический кувшин с ручкой. На тулове кувшина процарапанный до обжига тамгообразный знак в виде «круга с хвостиком». У левого плеча – ребра барана. Под скелетом прослойка серого тлена. Череп с искусственной деформацией. Следов ограбления не обнаружено.

Погребение № 8 находилось к северу от погребения № 7, ориентировано по оси север-юг. Размеры камеры 2,2x1,9 м. Дромос, начиная от средней части камеры, ориентирован на восток. Прослежен на 1,5 м. Ширина у входа в камеру 0,75 м, сужается к устью.

На полу в северо-западной части камеры кучка длинных костей и череп со следами искусственной деформации. В юго-восточной части камеры собраны в кучку другие части скелета. На полу найдена круглая железная пряжка. Присутствуют следы явного ограбления.

В погребении № 9 камера была ориентирована по оси северо-запад – юго-запад. Размеры ее 2x1,5 м. Дромос начинается посередине юго-восточной стенки и прослежен на 3 м. на юго-восток от камеры. Сама камера овальной формы, пол в 1,2 м от современной дневной поверхности. Высоту камеры катакомбы проследить не удалось из-за размыва.

Ближе к северо-западной стенке лежал костяк мужчины (рост 1,72 м), ориентированный головой на юго-запад, в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища. На полу серый тлен в 1,5 см. Череп со следами искусственной деформации.

С правой стороны головы находился керамический плоскодонный кувшин с ручкой.

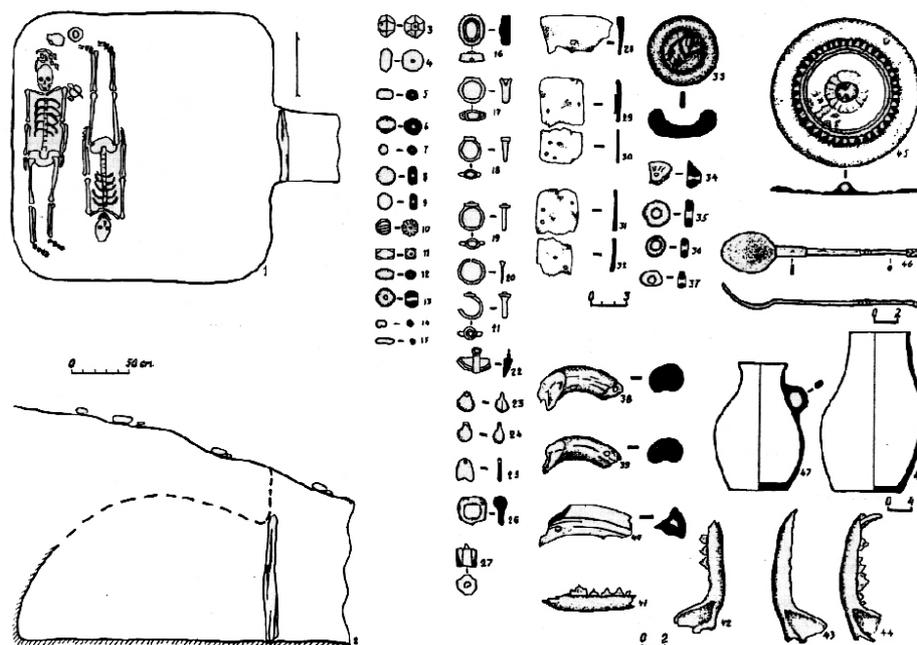

Рис. 7. План, разрез и находки из катакомбы № 10

В области таза две круглые железные пряжки с язычками. С левой стороны маленький однолезвийный железный ножичек.

Дромос закрыт двумя каменными плитами. Следов ограбления не обнаружено.

Погребение № 10 расположено в средней части могильника, рядом с погребением № 2. До раскопок на поверхности был прослежен дромос длиной 7 м. и лицевая стенка катакомбы. Камера ориентирована по оси север-юг и имеет размеры 2,2 x 2,3 м. Свод обвалился. Глубина от пола камеры до современной дневной поверхности равна 2 м. На полу прослежена прослойка черного тлена и глинистый натечный слой толщиной до 20 см. Вход из дромоса в камеру перекрыт вертикально поставленной каменной плитой размером 0,6x1,1 м.

В метре от входа в катакомбу лежал слегка потревоженный скелет мужчины ориентированный головой на юг. В ногах у стенки лежали два керамических кувшина: один с ручкой, другой без ручки (рис. 7, 47-48).

Ближе к задней стенке головой на север лежал скелет женщины средних лет. Оба костяка в вытянутом традиционном положении. На женском скелете выше запястий рук находились браслеты из бусин цветной пасты и розового коралла. Среди них по одному

бронзовому бубенчику (рис. 7, 23-24). На пальцах кисти левой руки два бронзовых перстня с каменными вставками в серебряной оправе и один полностью серебряный (рис. 7, 17-19).

У левого плеча было обнаружено зеркало из бронзы с шишечкой-петлей в центре, с широким бортиком. Диаметр - 12,6 см. На зеркале лежала бронзовая туалетная ложечка (длина 16,5 см), покрытая тонким слоем серебра (возможно, посеребрение способом амальгамирования). Под зеркалом обнаружена гипсовая толстостенная чашечка диаметром 5,8 см с остатками румян (киновари) внутри. Эти вещи находились, видимо, в деревянном футляре (шкатулке), окрашенном в красный цвет (рис. 7, 33, 45, 46).

В области шеи крупные бусы из горного хрусталя, агата, керамики. Здесь же обнаружена подвеска из мутно-красного камня (сердолик?) серповидной формы, в середине охваченная медной обоймочкой с петлей для подвешивания (рис. 9; 7, 3-13, 22).

Под черепом найдены две подвески-монеты - серебряная и медная. Они, по всей видимости, входили в нагрудное ожерелье (рис. 8).

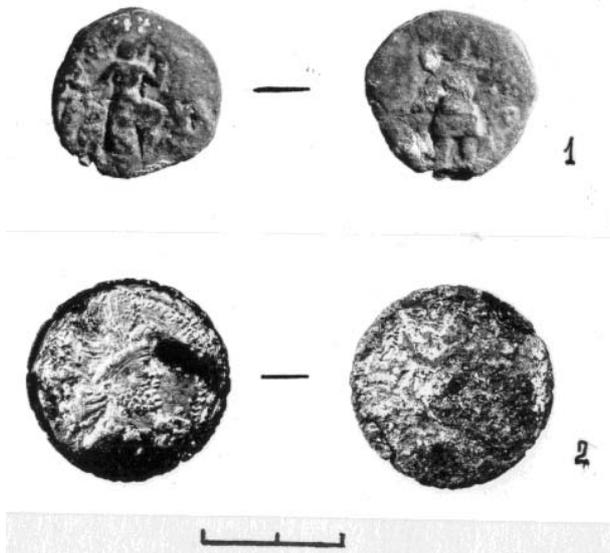

Рис. 8. Монеты из катакомбы № 10

Рис. 9. Украшения из катакомбы № 10

На пальцах правой руки обнаружены два серебряных перстня; вставка одного, вероятно, утеряна в древности, а в другом – вставка из сердолика. Третий перстень из железа, без вставки, сильно корродирован (рис. 7, 20, 21). Под черепом лежали пять железных панцирных пластин с отверстиями для крепления. У головы рядом с панцирными пластинками находились три обрезанных клыка кабана с отверстиями для подвешивания, нижняя че-

люсть лисицы и фрагмент бронзового зеркала большого диаметра (рис. 7, 29-32, 42-44, 28).

Погребение № 11 располагалось юго-восточнее погребений № 2 и № 10. Камера погребения подквадратная с закругленными углами, вытянута по оси север-юг. Имеет размеры 2,2x1,4 м. Высота камеры - 0,9 м, глубина - 2,6 м от уровня современной дневной поверхности. Дромос прослеживается на протяжении 6 м. У входа в катакомбу его ширина – 0,75 м, к выходу сужается до 0,35 м.

Захоронение парное. Черепа имеют признаки кольцевой деформации. Вплотную к западной стенке катакомбы придвинут скелет мужчины средних лет. У ног находился лепной кувшин с ручкой, у таза обнаружена железная пряжка. На дне камеры серая прослойка тлена

Второй скелет принадлежит женщине, положение костяка традиционное, головой ориентирован на юг (рис. 10). Справа от головы женщины находилась кружка. В ней и рядом обнаружены крупные бусины из позвонков рыб, из агата и одна из бирюзы. Здесь же сломанное еще в древности на части медное зеркало (видны отверстия для скрепления частей). Зеркало имеет диаметр 12 см, по краю проходит загнутый маленький (3 мм) бортик. Само зеркало плоское, без ручек и петель (рис. 10, 23).

На шейных позвонках лежали крупные граненые бусы из сердолика и мелкие бусины из стекла и пасты (рис. 10, 17-22). На груди, ближе к шее, обнаружена пуговица из серебра со вставкой из камня, обрамленная зернью из золота. Еще одна подвеска размерами 10x14 мм имела вставку из граната овальной формы. Она держалась на короткой цепочке. Вторая медная подвеска диаметром 15 мм имела вставку из стекла (рис. 11, 5-7). Интересна золотая подвеска, обнаруженная также в верхней части груди (рис. 10, 4). Основа - плоское листовое золото. По краю напаяна золотая полоска, выступающая в виде узких бортиков на лицевую и обратную стороны.

На лицевой стороне вплотную к бортику припаяны два ряда витых проволоочек. В трех гнездах гранатовые вставки. Гнезда обведены зернью. Свободное пространство заполнено треугольниками из той же мелкой зерни. На

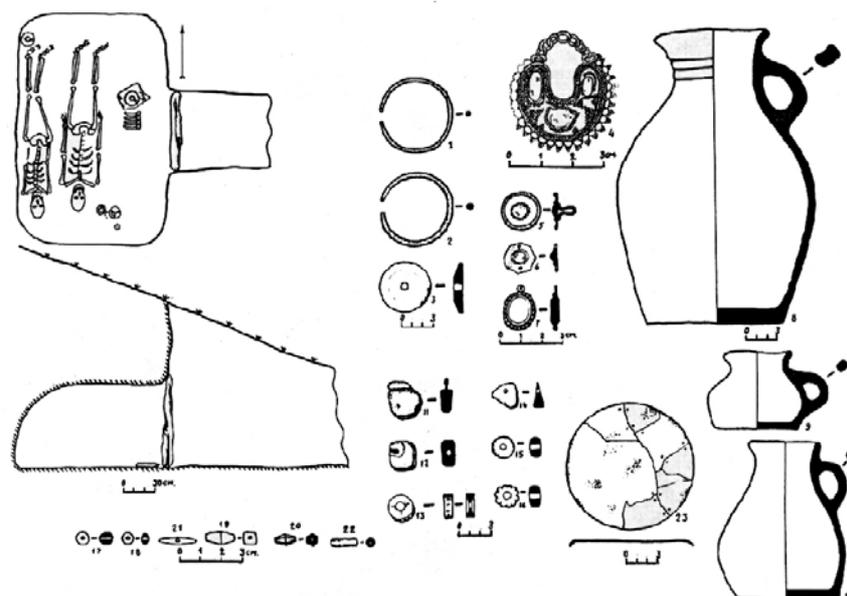

Рис. 10. План, разрез и находки из катакомбы № 11

вершинах подвески серебряные колечки, к которым крепилась короткая серебряная цепочка. По краю подвески напаяны вплотную золотые колечки, а на них гроздь из сплава золота и серебра. На оборотной стороне декор полностью отсутствует. Вещица, видимо, долго находилась в пользовании: имеет дефекты, помятости.

По конструкции и технике изготовления подвеску можно отнести к первой группе золотых полихромных изделий гунского времени, выделяемой И.П. Засецкой (Засецкая, 1975, с.11). По морфологическим признакам она близка изделиям типа котлов. Отличает ее от аналогичных изделий эрмитажного собрания замена во внешнем обводе рифленых трубочек на колечки; использование сплава типа электр; несколько иной общий контур изделия. Ближайшие аналогии чонкапкинскому котлу находим в кетменьтобинских памятниках кенкольской культуры (Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время, 1992, таб. 30-14, 15).

На руках выше запястий обнаружены браслеты из медного прута (рис. 10, 1-2).

В юго-западном углу могилы, рядом с глиняной кружкой, лежало мраморное пряслице. У входного проема найдены кувшин с ручкой и кости барана (ребра).

Погребение № 12. Погребальная камера ориентирована по оси север-юг. Подпрямоугольной формы, размером 2,1x1,6 м. Дромос

примыкает к середине южной стенки; у входа в камеру, шириной 0,7 м, к выходу сужается. Прослежен в длину 1,2 м. Глубина пола камеры от современной дневной поверхности 0,4 м.

На полу в беспорядке разбросаны кости трех скелетов. Черепа имели искусственную деформацию. Сопутствующего погребального инвентаря не обнаружено. На полу редкие древесные угольки. Погребение явно основательно ограблено.

Погребение № 13. Погребальная камера овальной формы размером 2,2x1,5 м. Ориентирована традиционно длинной осью север-юг. Дромос примыкает к центру восточной стенки. На полу дромоса у входа в камеру каменные плиты, закрывавшие вход. В погребальной камере пол усыпан щебнем и угольками. Кости одного скелета раскиданы по всей камере. Сопутствующих материалов не обнаружено.

Погребения № 14 и 15. Пол погребальной камеры катакомбы №14 находился на глубине 1,3 м от современной (размытой) поверхности. Пол катакомбы №15 на уровне 0,9 м. Последняя камера на 1/3 площади перекрывает камеру №14. Размеры камер почти идентичны: 2x1,4-1,5 м.

В катакомбе №14 разрозненные кости мужчины преклонного возраста. Череп с искусственной деформацией. В юго-западном

углу камеры лежали два фрагмента керамической плоскодонной чаши.

В погребении №15 кости двух скелетов также разбросаны по всей камере. На черепах следы явной искусственной деформации. На полу погребальной камеры обнаружены керамические кувшин с ручкой и кружка, фрагменты железой круглой пряжки и небольшого ножа.

Погребение № 16. Камера катакомбы овальной формы (2х1,6 м). Ориентирована по оси север-юг. Дромос от средней части восточной стенки прослежен по направлению к востоку на 2,5 м. Глубина пола камеры - 0,5 м. Захоронение парное, головами ориентированы на юг, вытянуты на спине, руки вдоль тела. Черепа с искусственной деформацией. У скелета, лежавшего у западной стенки голени ног перекрещены. У правого плеча другого погребенного стоял керамический кувшин без ручки. Рядом каменное пряслице и бараньи кости (ребра). Вход перегорожен мелкими каменными плитами. Следов ограбления не наблюдалось.

Погребение №17 расположено у самого нижнего, наиболее размытого, края могильника. Конструкцию погребального сооружения проследить не удалось из-за сильной размытости и сырости грунта. Но по характеру каменной закладки с восточной стороны от погребения можно предположить наличие подбоя. Закладка каменными плитами имеет длину 1,4 м и высотой - 0,7-0,8 м.

К западу от этого ряда, поставленных на ребро, плит расчищен скелет на спине, руки вдоль туловища. Головой ориентировка на юг. На черепе прослеживалась явная искусственная деформация. На среднем пальце правой руки крупный бронзовый перстень с круглым щитком и пастовой вставкой. Следы ограбления отсутствуют.

Погребение №18 находится в самом нижнем ряду зафиксированного края могильника. Из-за сырой почвы и размыва конструкция погребальной ямы не прослеживалась. Обнаружен костяк подростка (до 14 лет), лежал на спине в вытянутом положении. Головой на север. На полу тонкий слой черного тлена. Дромос на восток и вход в камеру был заложен плоскими каменными плитами.

На правом плече была обнаружена агатовая бусина. На поясе находился железный

кинжал, повернутый острием к левой руке. Общая длина кинжала – 21 см; лезвия – 16 см. Ширина лезвия в середине кинжала 2,3 см и у рукоятки расширяется до 4 см. На правой тазовой кости маленькая круглая железная пряжка.

Длина костяка 1,14 м. Череп со следами искусственной деформации. Следов ограбления не наблюдалось.

Погребение № 19 находилось также в нижней части могильника. Камера по оси север-юг, подквадратной формы со скругленными углами. Размер: 1,9х1,5 м. Дромос находился в середине восточной стенки. Закладка входа из плиточного камня была обнаружена на полу дромоса и камеры. На полу в беспорядочной кучке кости двух скелетов, вероятно, ориентированных первоначально головой на юг. Черепа со следами искусственной деформации. Среди костей найдены две сердоликовые бусины и две стеклянные. У меньшего по размерам черепа были найдены две «калачиковидные» бронзовые сережки. Камера со следами явного ограбления.

Погребение № 20 находилось в этом же ряду на глубине 0,3 м. В ней обнаружен разрушенный костяк с черепом, ориентированным на юго-запад. Контуры конструкции катакомбы не прослеживались. С северо-западной стороны костяка находились, стоящие вертикально, два плиточных камня, закрывавших вход в дромос.

У правого плеча скелета стоял маленький плоскодонный кувшинчик ручной лепки. Других материалов не обнаружено. Погребение ограблено.

Погребение № 21 находилось в среднем ряду размытого склона. Камера была овальной формы, размером 2х1,2, ориентирована по оси север-юг. Дно камеры от современной дневной поверхности на глубине 0,75 м.

Дромос имеет вход в камеру посередине восточной ее стенки и закрыт двумя плоскими каменными плитами – 0,6х0,4 м; у входа шириной 0,75 м и к устью сужается. Прослежен на 1,3 м.

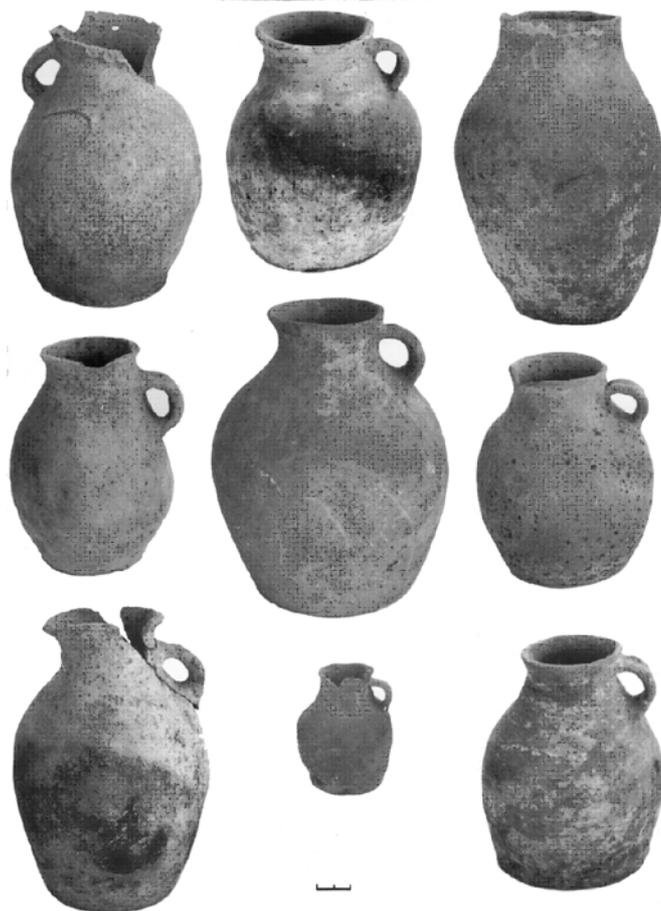

Рис. 11. Керамика могильника Чоон-Капка. Кувшины

На полу камеры были обнаружены два костяка, ориентированных головами на юг. Положение скелетов традиционное. У западной стенки находился скелет женщины средних лет, длина его около 1,5 м. На левой тазовой кости была обнаружена круглая железная пряжка. У левой руки у стенки находилась керамическая кружка. Возле левого колена - плоскодонный керамический кувшин с ручкой.

Ближе к дромосу в анатомическом порядке располагался костяк мужчины (длина около 1,65 м). На правой тазовой кости лежала круглая железная пряжка с язычком, а под левой тазовой костью – маленький железный нож. У кисти правой руки на плоском камне стоял керамический кувшин, на ручке которого до обжига по сырому еще тесту острым предметом процарапан знак. Рядом с кувшином лежали кости барана.

Второй костяк лежал на полу, сплошь усыпанным мелкими угольками, а под черепом находился ровный угольный слой до 4

см. Череп с искусственной деформацией. Следов ограбления нет.

Погребение № 22 находилось в средней части размытого склона. Камера ориентирована по оси север-юг. Контуры камеры плохо просматривались из-за сырости почвы. Дромос ориентирован на восток, прослежен на протяжении 2,5 м. Вход был закрыт плитой размерами 0,6х0,8 м.

На глубине 1,5 м от размытой дневной поверхности обнаружены были части плохо сохранившегося детского костяка. Сопроводительного инвентаря нет.

Катакомба № 23 также находилась в средней части размытого склона. Погребальная камера с закругленными углами, размером 2,0х1,4 м, ориентирована, как обычно, север-юг. Вход из дромоса в середине восточной стенки заложен двумя плитами размерами примерно 0,8х0,4 м. Дромос имеет ширину 0,75 м, прослежен в длину на 7 м, к устью сужается до 0,4 м.

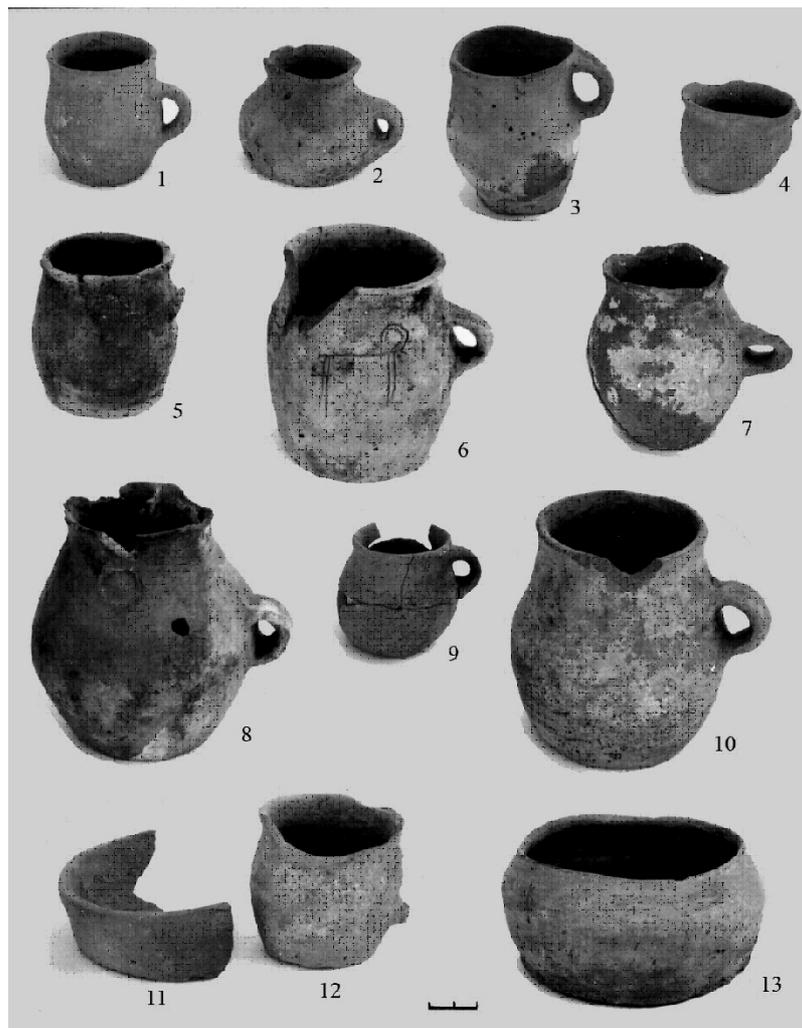

Рис. 12. Кружки и чаши

Пол погребальной камеры от уровня дневной поверхности на глубине 3 м.

В середине камеры разрушенный скелет взрослого человека. По расположению бедренных костей, сохранившихся в первоначальном положении, можно определить, что погребенный был ориентирован головой на север. У западной стенки камеры стояла керамическая кружка с геометрическим рисунком, нанесенным наколами острым инструментом. В ногах, у южной стенки, стоял кувшин с ручкой.

Ближе к входу в камеру, между двумя рядами булыжников средних размеров, расчищен скелет ребенка 3-4 лет, находившийся в скорченном положении на левом боку головой на север. В области шеи ребенка найдена одна мелкая бусина из черного стекла и две - из зеленого. Детский и взрослый черепа имеют признаки искусственной деформации.

Погребение № 24 расположено в средней части могильника, рядом с погребением №22. Контуры сооружения не прослеживаются из-за сильной увлажненности грунта. Дно камеры на глубине 2,1 м. На полу расчищен скелет мужчины средних лет, лежит на боку, головой ориентирован на юго-восток. У правого плеча керамическая кружка; справа у ног два кувшина с ручкой. У одного из них характерное ребро на горловине (рис. № 11, 7).

Рядом с черепом найдена бронзовая обоймица с древесным тленом внутри. Череп лежал на левом виске и имел искусственную деформацию.

Погребение № 25 в нижней части склона. Детали плана сооружения не зафиксированы, но ясно, что это была «стандартная» катакомба. Пол погребальной камеры на глубине 0,4 м. Скелет в средней части камеры, на спине с вытянутыми вдоль руками, головой

на юг. У левого виска найдена бронзовая серьга в виде простого колечка. На черепе явные признаки искусственной деформации и прижизненной травмы. С восточной стороны две каменные плиты перекрывавшие, надо полагать, лаз в камеру.

Погребение № 26 в верхней размываемой части могильника, к северу от погребения №2. Погребальная камера подквадратной формы (2,2x1,6 м). Глубина пола 1,2 м, ниже пола дромоса на 0,3 м. Вход в камеру из дромоса в средней части восточной стенки. Ширина дромоса у входа в камеру 0,7 м, прослеживается на длину 1,2 м. Каменные плиты, обычно закрывавшие вход в камеру, отсутствуют.

В камере, ближе к западной стенке, разбросаны кости подростка. В кучке костей найден четырехгранный железный наконечник с длинным черешком. Общая длина наконечника - 13 см.

У входа в камеру на ступеньке в скорченном положении скелет взрослого мужчины. Длинные кости ног свисают со ступеньки в камеру. Череп этого скелета отсутствует. Ниже тазовых костей - круглая железная пряжка, в камере у входа однолезвийный железный нож.

Таким образом, нами зафиксировано 26 погребальных сооружений, в них 42 погребенных. Количество погребенных в одной катакомбе колеблется от 1 до 4. Четыре скелета обнаружены лишь в одном погребении (№ 5). Здесь была похоронена женщина и три ребенка от 2 до 12 лет. По три скелета обнаружено в трех погребениях (№№ 1, 2, 12), по два - в девяти погребениях и по одному - в тринадцати. Так как наиболее типичны одинарные и парные погребения и характер расположения скелетов и вещей в парных и тройных погребениях не свидетельствует о подзахоронениях, то можно заключить, что погребальный обряд предусматривал одновременное и однократное захоронение в одну катакомбу, после чего она засыпалась. Однако из этого правила были и исключения. В катакомбах № 6 и 11 мы вправе предполагать, что расположенные ближе к входу мертвецы были внесены в катакомбу некоторое время спустя, после первых. Раскопки в следующем полевом сезоне на этом же могильнике вскрыли несколько катакомб рас-

положение косных останков, в которых также говорит о существовавшей практике подзахоронения. Через некоторое время после первых похорон в ту же катакомбу помещали еще одного покойника, видимо, родственного первому. При этом первый скелет сдвигался к задней стенке камеры.

Явные следы разграбления имеют двенадцать катакомб (№№ 3, 4, 6, 8, 12, 13, 14, 15, 19, 20, 22, 26). В них нарушен анатомический порядок костей скелета, отсутствуют обычные вещи погребального инвентаря.

Все расчищенные погребальные сооружения, за исключением погребения №17, представляют собой типично кенкольские катакомбы I типа, варианты 1,6,8 (по классификации Э.И. Кожомбердыевой) (Кожомбердыева, 1997, с.45). Состоят из двух основных конструктивных частей: длинного дромоса и погребальной камеры. К сожалению, состояние грунта (переувлажненность) не позволяло с достаточной четкостью фиксировать некоторые конструктивные детали. Однако имеющиеся данные и наблюдения позволяют с достаточной долей уверенности реконструировать общий характер погребального сооружения.

Погребальные конструкции однообразны и состоят из дромоса и катакомбы. Дромос имеет горизонтальное (или чуть наклонное к западу, в сторону катакомбы) дно и расширяющиеся вверх стенки. Длина дромоса чаще 3-4 м., но в некоторых случаях - до 7-8 м. Ширина по основанию от 0,4 м (в восточном конце) до 0,9 м (в западном). В западном конце траншейного дромоса в его нижней части выдалбливалась погребальная камера-катакомба с длинной осью поперек оси дромоса. Размеры камеры варьируют в зависимости от количества погребенных. Входы в камеру имеют размеры: высота - 0,8 - 0,9 м; ширина - 0,5 - 0,65 м. Уровень пола камеры обычно несколько ниже уровня пола дромоса и при входе получалась ступенька высотой 0,2-0,3 м. Камера обычно подпрямоугольных очертаний со скругленными углами, иногда - овальная в плане. Размеры: 2,3-2,0x1,3-2,2 м. Вероятно, верхней части камеры придавался вид свода.

Ориентировка погребальных сооружений обусловлена чисто топографическими особенностями местности. Так как склон, на ко-

тором размещается могильник, обращен к востоку, то, естественно, дромосы ориентированы по направлению с востока на запад. Погребальная камера ориентирована длинной осью перпендикулярно направлению дромоса, т.е. с севера на юг. Погребенные ориентированы головой преимущественно на юг. В одном случае (катакомба №10) в парном захоронении один скелет ориентирован головой на юг, другой - на север. Это свидетельствует, видимо, о том, что для погребального обряда социума, оставившего этот некрополь, ориентировка погребаемого не была столь существенна. Зависимость ориентации погребальных сооружений и погребенных лишь от направления склона, на котором размещается могильник, вообще характерна для кенкольской культуры (Кожомбердыева, 1995). Такое же явление наблюдается, кстати, в катакомбных захоронениях начала нашей эры на Северном Кавказе (Абрамова, 1987, с.119). После помещения покойника в камеру, вход закрывался каменными плитами, а дромос, видимо, засыпался вынутым ранее грунтом. В наиболее глубоких катакомбах в верхней части могильника в заполнении дромоса не отмечено присутствие древесного тлена или каменных плит от перекрытия. Признаков наземных конструкций нет даже в верхней не разрушающейся части могильника. Очевидно, наклонный характер древней дневной поверхности способствовал их быстрому исчезновению. Однако во время функционирования некрополя, какие-то внешние признаки погребальных конструкций существовали. Иначе нельзя объяснить тот факт, что при достаточно тесном размещении катакомб зафиксирован лишь один случай, когда поздняя катакомба частично нарушила конструкцию более ранней (катакомбы № 14 и 15).

Расположение катакомб на склоне, длительная водная эрозия не позволяют проследить наличия надмогильных сооружений. Однако на вершине склона, где поверхность несколько уплощается, заметны кольцевые выкладки из рваного камня. Возможно, что такие выкладки и небольшие курганные насыпи маркировали и катакомбы расположенные ниже по склону.

Катакомбные могильники, насчитывающие сотни погребальных сооружений, из-

вестны в Таласской долине давно. Век назад, в 1898 г. Х. Хайкемем были раскопаны первые катакомбы могильников Коен-Токой, Карбус, Джоон-Тобе, Чик-Тюе. С тех пор количество исследованных памятников неизменно расширилось, но проблем в их изучении и интерпретации от этого не стало меньше (Кожомбердыева, 1997а, с.12-17). У всех таласских катакомбных погребений отмечено «типовое» устройство погребальных сооружений в виде взаимно перпендикулярных дромоса и катакомбы. Катакомбы с параллельным расположением дромоса и погребальной камеры составляют около 2% от числа всех известных катакомб кенкольской культуры (Кожомбердыева, 1997, с.44-49).

Длина дромосов достигала от 2 до 8 м, вход в погребальную камеру закладывался каменными плитами, сырцовыми кирпичами, деревянными плахами. Погребаемый чаще всего укладывался на пол камеры, на какую то подстилку из органического материала - доски, камыш, войлок и пр. Положение на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Впрочем, в положении конечностей могут быть различные вариации.

Таким образом, могильник Чоон-Капка I - типичный памятник так называемой кенкольской культуры и является, наряду с могильником Кара-бура, самым северо-западным из катакомбных некрополей горной части Таласской долины.

Наиболее актуальной проблемой в изучении кенкольской культуры, помимо систематизации и издания свода ее памятников, является в настоящее время разработка их дробной периодизации. Эту задачу ставил еще И. Кожомбердыев (Кожомбердыев, 1963, с.75-77). Находки в могильнике Чоон-Капка позволяют усилить аргументацию ранее обоснованных хронологических рамок культуры и предложить узкую датировку самого этого некрополя. Информативны в этом плане неограбленные погребения № 1, 10, 11. В катакомбе №1 среди стеклянных, одна из которых с позолотой, и каменных бус, составивших ожерелье, была обнаружена полихромная стеклянная плакетка с изображением лица. Характерные особенности этих специфических украшений позволяют отнести их к александрийскому импорту I-II вв. н.э. (Алексеева, 1982, с.47, 49).

В среднеазиатской археологии небольшие цилиндрические бусины из розового коралла служат хронологическим индикатором для периода I-IV вв. н.э. (Левина, 1976, с.54). Такие бусины встречены в нескольких катакомбах могильника Чоон-Капка.

В катакомбе №10 в ожерелье входили, наряду с бусами из агата, сердолика, хрусталя, в виде подвесок, две монеты – серебряная и медная. На аверсе серебряной изображен профильный портрет правителя лицом вправо. На голове кулах в виде птицы, вокруг легенда: mzy [sn bgy] 'whrmzdy ML [k'n] MLK ['...].

Перевод: «Поклоняющийся Мазде господин Хормизд, царь царей...»³. Чтение оборотной стороны невозможно из-за сильной коррозии.

Монеты недолго правившего сасанидского царя Хормизда II (302-309 гг. н.э.), к которым относится данный экземпляр, хорошо известны. Однако точного соответствия типам монет Хормизда II, приведенным у В.Г. Луконина нет, что, видимо, объясняется его замечанием о неоднородности стиля и манеры изображения на монетах этого правителя (Луконин, 1969, с.183-184). Серебряные сасанидские монеты, более позднего времени, не редкость в катакомбных погребениях могильника Астана в Восточном Туркестане (Лубо-Лесниченко, 1984). Одна серебряная сасанидская монета V в. известна в могильнике Шаушукум (Максимова, 1968, с. 238). По ней собственно и была определена верхняя хронологическая граница этого могильника.

Медная монета относится к чекану одного из последних кушанских царей - Васудевы. На ее лицевой стороне изображен правитель перед алтарем огня, а на оборотной - богиня Виша/Шива около священного быка⁴. Правление Васудевы в зависимости от начальной даты Канишки приходится на 142-176 гг. или на 342-376 гг. н.э. Этот редкий случай обнаружения в одном закрытом комплексе сасанидской и кушанской монет уточняет датировку данного комплекса последней четвертью IV в., а также может служить кос-

венным аргументом в пользу позднего варианта начальной даты Канишки.

Наконечники гривны в виде головок драконов известны среди «гуннских» древностей, также как и другие ювелирные изделия из могильника (золотая подвеска, серебряный кулон и пр.) (Засецкая, 1975; Памятники искусства и культуры Киргизии, 1983). Костяные пластинки оклада деревянной шкатулки из могильника Кайрагач аналогичны пластинке оклада ножен из могильника Чоон-Капка (Заднепровский, 1960, с.100).

В расчищенных катакомбах найдены один фрагмент и три экземпляра бронзовых зеркал. Два из них можно отнести к типу ханьских зеркал. Вопросы хронологии и семантики зеркал в погребальном обряде подробно рассмотрены Б.А. Литвинским (Литвинский, 1978, с.75-118). Отметим лишь, что зеркала из могильника Чоон-капка по ряду признаков очень близки привозным зеркалам из Кенкольского могильника верховьев р. Талас и Карабулакского могильника в Фергане (Баруздин, 1961, с.65; Степная полоса Азиатской части СССР..., 1992, с.90-95).

В 26 катакомбах обнаружено 37 керамических сосудов. Из них 21 кувшин, 12 кружек, 4 чаши (рис. 11, 12). Сосуды изготовлены без применения гончарного круга, в тесте примеси шамота. Лишены декоративных элементов, за исключением рифленого горла на одном экземпляре кувшина; псевдо рифления тулова на другом, а также изображения козла, прочерченного по сырой глине на тулове кружки. Имеются два «тамгообразных» знака на кувшинах.

Сравнение с керамикой этого периода из соседних регионов позволяет отметить ее близость не только с посудой каунчинской, но и отарско-каратауской культур средней Сырдарьи первой половины I тыс. н.э. (Байпаков, Подушкин, 1989, с.110).

Аналогии отдельным вещам, деталям погребальных сооружений и погребального обряда могильника Чоон-Капка I можно обнаружить в широком ареале распространения кочевых и полукочевых культур первой половины I тыс. н.э. от Восточного Туркестана до Кавказа. Сопоставление хронологических рамок бытования этих элементов убеждает в том, что наиболее вероятная датировка этого некрополя: III-V вв. н.э.

³ Чтение и перевод В. Шуховцова.

⁴ Определение Д.Давутова.

Из 42 скелетов в 26 погребениях явные признаки кольцевой деформации черепов фиксируются в 36 случаях. В одном случае (катакомба № 2) отмечен череп без деформации. В остальных случаях определить наличие деформации невозможно из-за плохой сохранности костей черепа.

По предварительному определению антрополога О.И. Исмагулова, в осмотренной им случайной выборке (12 экз.) представлены смешанный и европеоидные антропологические типы. Смешанный тип несколько преобладает (60%) и характеризуется различной степенью выраженности монголоидных черт,

которые более ярко выражены на женских черепах.

Таким образом, полученный комплекс артефактов в определенной мере дополняет фонд источников изучения весьма актуальных и во многом до сих пор спорных вопросов истории и истории культуры Средней Азии и Казахстана первой половины 1 тыс. н.э. (Заднепровский, 1989, с.181-183). Расширение источниковедческой базы важно не только для изучения таких проблем как кенкольская и кангюйская, но и изучения взаимодействия культур в Центральной Азии в смутный период ее истории.

Литература:

- Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1987.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. САИ, вып. 1-12, М., 1982.
- Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989.
- Байпаков К.М., Тур М.Ф. Раскопки могильника Карабура в Таласской долине // Археологические исследования в Казахстане. Алматы, 1992.
- Баруздин Ю.Д. Карабулакский могильник // Известия АН Кир. ССР, сер.общ.наук, т. III, в.3, Фрунзе, 1961.
- Бернштам А.Н. Городище Садыр-курган // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
- Берлизов Н.И., Каминский В.Н. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник, №7. СПб., 1993.
- Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии // СА, №3. М., 1991.
- Заднепровский А.Ю. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.
- Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (III в. до н.э. - VI в. н.э.) // Страницы истории материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1976.
- Заднепровский А.Ю. Проблема Кенкола // Маргулановские чтения (сборник материалов конференции), Алма-Ата, 1989.
- Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.
- Кожомбердыев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
- Кожомбердыева Э.И. Об ориентировке погребальных сооружений кенкольской культуры // Вестник Московского университета, сер.8. История, №1, М., 1995.
- Кожомбердыева Э.И. Классификация погребальных сооружений кенкольской культуры // Древности Евразии. М., 1997.
- Кожомбердыева Э.И. История изучения кенкольской культуры // Древности Евразии. М., 1997а.
- Левина Л.М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыясарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1976.
- Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников западной Ферганы. М., 1978.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
- Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
- Максимова А.Г. и др. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
- Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. М., 1983.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

КОЙ-КРЫЛГАН-КАЛА КАК ИСТОЧНИК СОМНЕНИЙ

Одна из самых необычайных древних построек Средней Азии, именуемая Кой-Крылган-кала („крепость погибших баранов“), была возведена в 4 в. до н.э. в правобережном Хорезме, на некогда орошаемых землях, со временем превратившихся в пустыню со следами высохших каналов и многочисленными руинами времён античности и раннего средневековья. Раскопки Кой-Крылган-калы велись непрерывно с 1951 по 1957 г. археологами Хорезмской археологической экспедиции, руководимой С.П. Толстовым, - за это время здание было фактически полностью раскопано и исследовано, результаты работ нашли отражение во множестве публикаций разного времени (1). Историческое значение и уникальность здания были изначально настолько очевидны, что оно - ещё на ранней стадии исследований - удостоилось специальной статьи в советской энциклопедии (2).

Действительно, необычность Кой-Крылган-калы выражена в её древности (это одно из старейших сравнительно неплохо сохранившихся монументальных зданий Средней Азии), в своеобразной планировочной схеме, основанной на нескольких окружностях, как бы вписанных одна в другую, в геометрической чёткости внутреннего устройства и некоторых его особенностях, - например, в форме и расположении лестниц, - и, не в последнюю очередь, в приёмах фортификации, которые превращали монументальное сооружение в неприступную по тем временам крепость. Археологи установили, что Кой-Крылган-кала прожила долгую, но беспокойную жизнь: построенная в 4 в. в „кангюйский“ период истории Хорезма, она во 2 в. до н.э. (а может быть и раньше) была опустошена и частично сожжена, но позже обрела новых хозяев, была восстановлена, достроена, и только в конце 3-4 вв. н.э. жизнь из неё окончательно ушла. Эта схема в целом находит археологическое подтверждение, но некоторые её детали (например, ранняя окончательная гибель центральной части здания и одновременное развитие периферийных частей) не доказаны и вызывают сомнения.

Раскопки были выполнены с тщательностью, характерной для Хорезмской экспедиции, а добытый материал - разнообразные бытовые и художественные находки - досконально изучен. Особое внимание при исследовании постройки было уделено её архитектурным характеристикам - принципам и приёмам планировки, особенностям композиции, реконструкции несохранившихся и плохо сохранившихся частей, проблемам классификации, конструкциям и т.п. - эту важнейшую часть работы выполнил постоянный архитектор экспедиции М.С. Лапиров-Скобло. После завершения и публикации исследовательских работ Кой-Крылган-кала заняла заслуженно заметное место в корпусе памятников древней архитектуры Центральной Азии.

И всё же есть веские основания утверждать, что при определении назначения необыкновенной постройки и отдельных её частей исследователи совершили ошибку принципиального, а не частного характера, - ошибку, благодаря которой древнее здание было неверно атрибутировано и попало, так сказать, в неорганичное для него окружение. Причиной ошибки было, по-моему, неверное представление о соотношении функционального и духовного (сакрального) в мышлении античных и средневековых строителей, и косвенно связанное с этим стремление видеть в древних зданиях с малопонятными на первый взгляд особенностями устройства и облика сооружения сакрального назначения - храмы или гробницы, или то и другое вместе.

В первых публикациях (в том числе в упомянутой статье энциклопедии) оборонно-крепостное назначение Кой-Крылган-калы не подвергалось сомнению. Впоследствии оно почему-то было отвергнуто, но и много позже исследователи, словно в забывчивости, время от времени называли постройку крепостью, оборонительным сооружением и укреплением (3). Если такое определение подтверждается всей совокупностью архитектурных и конструктивно-строительных признаков сооружения, то для обоснования его культово-погребального назначения (да ещё

и с добавлением функций обсерватории) исследователям пришлось прибегнуть к помощи замысловатых, противоречивых, а иногда и просто неверных соображений. Б.Я. Ставицкий со свойственным ему тактом обрисовал это положение так: „Назначение центрального здания (и всего комплекса Кой-Крылган-калы) с достаточной уверенностью ещё не определено. На основании ряда косвенных данных и цепи остроумных гипотез сотрудники Хорезмской экспедиции полагают, что помещения нижнего этажа центрального здания предназначались для захоронения останков хорезмийского царя и его супруги, а площадка на втором этаже - для размещения погребального инвентаря, сожженного на погребальном костре (или во время пожара). Исследователи полагают, что основное здание было не только гробницей, но и храмом, посвящённым культу обожествлённого умершего царя (или царей); в храме производились также астрономические наблюдения... Исследователи сопоставляют Кой-Крылган-калу с круглыми в плане сырцовыми мавзолеями сакских племён, открытыми Хорезмской экспедицией в низовьях Сырдарьи. К сожалению, датировку этих погребальных сооружений пока нельзя ещё признать твёрдо установленной, а поэтому не ясно, возникла ли Кой-Крылган-кала под влиянием сакских традиций или, наоборот, повлияла на строителей их мавзолеев" (4). Разумное сомнение известного археолога в культово-погребальных функциях Кой-Крылган-калы я постараюсь подкрепить своими наблюдениями и соображениями.

Описание. Кой-Крылган-кала была построена из пахсы и квадратного (в некоторых сводах трапециевидного) сырца. Её центральное здание представляет собой в плане геометрически правильный круг диаметром 44,4 м и составляло в высоту, по расчётам исследователя, около 9,5 м (рис.1). Цилиндр цен-

трального здания окружала массивная кольцеобразная стена, образуя вокруг него двор шириной 15 м. Этот двор, первоначально пустой, вскоре был заполнен множеством жилых и хозяйственных помещений, расположенных несколько хаотично, но с тенденцией к радиальной обстройке, отвечающей конфигурации замкнутого кольцеобразного пространства. Сеть этих не слишком капитально построенных жилищ обновлялась по меньшей мере три раза. Между этой обстройкой и центральным зданием сохранялся, почти на всём протяжении, незастроенный проход-коридор, в который открывались входы жилых построек, заполнявших кольцеобразный двор.

Впоследствии внешняя кольцеобразная стена была удвоена и достигла ширины 7 м, неперекрываемое узкое пространство между обеими стенами расчленили на 9 отсеков и 9 башнеобразных камер, которые, вероятно, поднимались над стенами, но не были выдвинуты наружу. Вход, устроенный в восточной башне, фланкировали два массивных по-

1. Кой-Крылган-кала.
Общий план с частичной реконструкцией

лукруглых выступа с изогнутыми боковыми стенками входного „лабиринта“, затрудняющими доступ врагов ко входу. Позже появилась ещё одна внешняя стена, тонкая и менее капитальная, а вместе с ней - три параллельные стены по сторонам полукруглых выступов, одна слева и две справа, отгораживавшие, вероятно, прямоугольное пространство перед входом.

Двухэтажное центральное здание в его сохранившихся пределах отличается геометрической чёткостью планировки, не лишённой своеобразного изящества. Хорошо сохранившийся нижний этаж, заключённый в 7-метровую толщу стен, не подвергался почти никаким перестройкам и сохранил свою изначальную характерную структуру, легко узнаваемую по многочисленным схожим постройкам древнего и средневекового времени. Её „становым хребтом“ служат две длинные сводчатые комнаты I и V шириной 4,2 м, - собственно говоря, одна комната-коридор, разделённая пополам поперечной стеной и ориентированная по оси восток-запад. По обе стороны от этих осевых помещений лежат шесть комнат - три и три, - вытянутые в поперечном направлении юг-север и открытые входами в осевые комнаты. Задние торцы боковых комнат соответственно общей круглой форме здания криволинейно скошены, входы прорезают их передние торцевые стены примерно посередине. Входы двух комнат, лежащих на поперечной оси, прорезаны заподлицо с одной из продольных стен, - такое „скользящее“ расположение проёмов (обычное в древней жилой архитектуре) было в этом случае вынужденным: место центральных входов здесь занято поперечной стеной, разделившей два помещения на главной оси. В задних торцевых стенах поперечных комнат, кроме одной (VIII), высоко над полом и под самым сводом устроены сквозные, слегка наклонные отверстия длиной 6 м (такова толщина стены на этом уровне) и внешними размерами в среднем 40-45х35-40 см. Узость и глубина не позволяют рассматривать эти глубокие продухи как световые проёмы: солнечный свет сквозь них в комнаты практически не проникал.

Нижний этаж был лишён собственного выхода наружу: в него попадали с уровня верхнего этажа при помощи четырёх двух-

маршевых лестниц, которые начинались на круговой галерее верхнего этажа, опускались, ломаясь под прямым углом, и завершались арочными проходами вблизи наружных торцов двух осевых помещений. Симметричное расположение лестниц естественно и логично дополняло общую симметричную структуру нижнего этажа, которая, как говорилось, сохранилась почти неизменной. Её единственное изменение - тонкая стенка, отделившая восточный торец центрально-осевой комнаты V, а вместе с ним и вход в среднюю поперечную комнату VIII Исследователи полагают, что таким способом владельцы здания хотели зачем-то спрятать, замаскировать вход в комнату VIII и её самое.

Колодец в комнате V, между входами в западные лестницы возник, как думает один из исследователей, вместе со зданием, из чего делаются далеко идущие выводы (5); другой исследователь полагает, что колодец был вырыт позже, в 1-2 вв. н.э., при обживании руин давно заброшенной постройки (6). Эта несогласованность* не единственная и не самая важная. Много важнее вопрос, существовали ли изначально входной проём в стене, разделяющей осевые комнаты I и V, или он был пробит впоследствии, связав тем самым прежде разобщённые группы помещений. В решении и этого, казалось бы, простого вопроса у исследователей нет единства. Один из авторов утверждает, что проход в поперечной стене между обеими осевыми комнатами „...не принадлежит первоначальной планировке - он носит явные следы прорубки..."(7) Между тем уже в одной из ранних публикаций глава экспедиции отметил, что центральное осевое помещение было разделено „...поперечной стеной, через которую вела арочная дверь, имеющая существенное конструктивное значение" (8).

Оба утверждения не согласуются между собой. С.П. Толстов не был архитектором, но он, несомненно, знал, что поздний пролом в стене нельзя перекрыть конструктивной аркой, и что, значит, арочный проём был здесь изначально и появился вместе с поперечной стеной. Придумывать арку над конструктивно значимой дверью ему было незачем, а цитированный выше архитектор М.С. Лапиров-Скобло арку над „прорубленным“ проходом, может быть, просто не заметил. О том же, что

обе осевые комнаты были с самого начала связаны дверным проёмом, говорит простая логика: невозможно представить себе симметричную, гармонично организованную плановую структуру, искусственно разрезанную на две несообщающиеся расчленённые половины.

Лестницы. Форма и расположение лестниц Кой-Крылган-калы, соединявших оба этажа центрального здания, не находят аналогий в архитектуре Центральной Азии и представляют собой в некотором роде феномен: они нарушают традиционное представление о композиционной роли лестниц в организме крупного среднеазиатского сооружения. Эта роль за очень редкими исключениями была сугубо служебной. В пространственных композициях среднеазиатской архитектуры, даже самых парадно представительных, скромная роль лестниц несоизмерима с той ролью, которую они играли в дворцовых комплексах сасанидского Ирана (Персеполь, Касри Ширин) или в ансамблях европейского барокко. Исключения из этого правила редки: южнотуркменский замок 9-10 вв. Акуйликошук с двумя симметричными лестничными „колодцами“, эффектно вписанными в центрически организованный план (9), и жилой дом того же времени в комплексе Чиль Духтарон в Шахристане (10). Здесь лестница располагалась на оси центрального квадратного вестибюля и выше, вероятно, делилась на два симметричные марша, расходившиеся в разные стороны.

Количество, место и форма лестниц Кой-Крылган-калы были рассчитаны на очевидный художественный эффект, отчасти родственный, как это ни странно, эффекту парадных лестниц европейского барокко. В пространственной структуре нижнего (по меньшей мере) этажа они играют важную композиционную роль, логически завершая своими симметричными группами строго симметричный, мастерски организованный план, усиливая значение его главной оси. Несомненно рассчитанными на соответствующее впечатление были парные входы на лестницы, лежащие строго один напротив другого и увенчанные эффектными эллиптическими арками. Словом, лестницы здесь - не просто способ подняться или спуститься на другой

уровень, но существенный пространственный элемент внутренней архитектуры.

Обе лестничные пары несколько различаются длиной: верхние марши западной пары короче, они доходят только до внутренней стены галереи верхнего этажа, отчего ступени здесь, особенно в верхних частях, чрезмерно узки, даже до 18 и 12 см. шириной. Западная пара оказалась сверху заложённой, - исследователи связывают это с особым назначением здания и полагают, что закладка произошла очень рано, чуть ли не в процессе строительства лестниц, о чём говорит изношенность ступеней. Правда, полного согласия и в этом вопросе у исследователей нет. Один из авторов настаивает, что „...ступени верхнего марша (сделанные из необожжённой лёссовой глины) ни малейших следов изношенности не несли“, другой не отрицает, что они использовались, правда, очень короткое время (12). Третий называет степень изношенности ступеней западной лестницы „совершенно незначительной“, то есть тоже не отрицает её совсем. С.П. Толстов в более ранней публикации пишет, что западные лестницы были, видимо, признаны ненужными уже в период постройки здания, и что они „...не несут следов сколько-нибудь интенсивного использования“¹³, - значит, следы обычного, неинтенсивного использования на них всё-таки сохранились.

Логически трудно представить себе причину, по которой две капитальные, композиционно и функционально важные лестницы были бы заложены немедленно после их постройки, сделав недоступной половину помещений нижнего этажа. Если же это всё-таки случилось, и если, как думают исследователи, проход между комнатами I и V был пробит много позже - непонятно, как в замурованную комнату V проникли люди, построившие там тонкую поперечную стенку - для того, чтобы с неизвестной целью „замаскировать“ вход в комнату VIII и её самое. Таких неувязок в коллективном труде о Кой-Крылган-кале немало.

Верхний этаж. Лестницы вели на кольцевую галерею верхнего этажа, охватывавшую по периметру центральное здание, - точнее говоря, они начинались на ней. Плохо сохранившиеся остатки внешней стены галереи прорезаны множеством бойниц, державших

под прицелом двор; внутреннюю стену должны были прорезать входы в помещения верхнего этажа. От них не осталось следа: верхний этаж погиб от пожара или, соответственно концепции исследователей, был сознательно подожжен как гигантский погребальный костёр вскоре или немедленно после его возведения. Предположение, что верхний этаж представлял собой открытую площадку, маловероятно: как бы в этом случае решалась проблема водоотвода, да и что бы там могло так интенсивно гореть? Логичнее выглядит догадка, что устройство верхнего этажа повторяло в общем устройство нижнего, с опиранием стен и столбов на массивные нижние конструкции, - было даже предположено, что найденные в одной комнате нижнего этажа пахсовые блоки есть упавшие остатки одной из стен верхнего этажа. Это сомнительно, так как внутренние стены нижнего этажа возведены, кроме их оснований, из сырца, а строители Средней Азии традиционно клали сырца на пахсу, а не наоборот. Кажется более вероятным, что верхний этаж Кой-Крылга-калы был построен главным образом из дерева, - если это так, то его планировка мало и не напрямую зависела от устройства нижнего этажа, служившего ему основанием. В таком случае понятно и полное уничтожение верхних помещений огнём: пожар не мог бы бесследно уничтожить здание, построенное из пахсы и сырца.

Назначение. В этом вопросе все исследователи Кой-Крылган-калы как будто едины. Лишь недолгое время после начала раскопок здание рассматривалось как крепость, крупный замок или „династическое укрепление“, - вскоре от этой идеи по неясной причине отказались, и сооружение было определено как храм-гробница, посвящённый то ли культу хорезмских царей (о котором, правда, ничего не известно), то ли некоему астрально-погребальному культу. Одновременно было предположено, что у Кой-Крылган-калы имелись и некоторые астрономические функции, то есть что она выполняла роль обсерватории.

Убеждённость в сакрально-погребальном назначении присутствует во всех публикациях, посвящённых Кой-Крылган-кале, - все они характерны или отсутствием аргументов, или их ошибочностью. Непостижимая стран-

ность аргументации есть уже в сравнительно раннем тексте, где эта идея постулируется: „Соотношение времени существования центрального здания и внешнего кольца заставляет предполагать, что весь памятник в целом представляет собой, по-видимому, большое культовое сооружение, причём внешнее кольцо помещений являлось местом обитания жрецов, обслуживающего персонала и рабов крупного храмового хозяйства“.¹⁴ Несколько позже эта идея обогащается столь же произвольными подробностями, не подкреплёнными какими-либо фактами: „Весьма вероятно, что Кой-Крылган-кала была храмом погребального культа и одновременно центром астрального культа и астрономических наблюдений. Центральное здание строилось как погребальное и, скорее всего, было связано с обрядом трупосожжения. Этот своеобразный „дом мёртвых“ был сожжён вместе с трупом знатного лица - князя, а может быть и хорезмийского царя. Прах знатного человека был положен в оссуарий, сделанный, по всей вероятности, из ценных материалов... Вместе с тем планировка как центрального здания, так и внешнего кольца во многом повторяет рисунок явно астрального характера, сделанный на одной керамической дисковидной крышке сосуда, найденной в 1955 г. на Кой-Крылган-кале. Весьма возможно, что пять своеобразных, совершенно уникальных окон нижнего этажа центрального здания служили для астрономических наблюдений“.¹⁵ Эти рассуждения почти дословно повторены во „введении“ монографии „Кой-Крылган-кала“. К их доказательности мы ещё вернёмся. Здесь же стоит отметить, что их квазинаучность видна уже в избытке выражений типа „весьма вероятно“, „может быть“, „по всей вероятности“, „возможно“, „весьма возможно“ и им подобных, противоположенных научному исследованию, но в трудах исследователей Кой-Крылган-калы встречающихся недопустимо часто. Впрочем, вначале неуверенное предположение о неких астрономических функциях здания во „введении“ превращается в доказанный факт: „В результате специальных исследований была документально (!) подтверждена ...гипотеза о возможном использовании Кой-Крылган-калы для астрономических наблюдений“.¹⁶

Любая находка рассматривается авторами в единственном избранном ими направлении. Обычные детали оборудования и украшения древнего жилища - глиняная посуда, терракотовые статуэтки, курильницы и даже хозяйственные сосуды-хумы трактуются „по всей вероятности" как храмовый инвентарь. Что до хумов, обычных атрибутов домашнего хозяйства, в которых хранились зерно, масло и прочие домашние припасы, то „...в них могли храниться запасы, необходимые для приготовления ритуальной пищи". Храмовое же назначение здания подтверждают „близко подходившие к его стенам поля и виноградники" - такое типичное чисто храмовое окружение!⁷ Логика этого рода позволяет, конечно, доказать всё что угодно. Всё же стоит напомнить, что быт людей древности и средневековья был глобально и разнообразно ритуализирован, и находка в жилищах культовых предметов типа курильниц, маленьких алтарей и т.п. вовсе не превращает эти жилища в храмы.

Эта особого рода логика как бы не нуждается в доказательных аргументах и побуждает авторов „храмово-погребальной" гипотезы к выспренним, но неубедительным заявлениям такого рода: „Кой-Крылган-кала сооружение культовое - храм-мавзолей - и благодаря этому в нём сосредоточилось всё то лучшее в области строительного искусства, чем владело общество на данном уровне развития производительных сил. Строительная техника, материалы, разработка архитектурного замысла - всё должно было соответствовать поставленным задачам, так как храм был не только общественным культовым зданием, но и средоточием науки того времени".¹⁸ Почему именно и только сакральное здание требовало сосредоточения в нём всего лучшего, что было тогда в строительном искусстве, и почему только в этом случае всё должно было соответствовать поставленным задачам - остаётся загадкой, как и объявление Кой-Крылган-калы средоточием всей науки того времени, чем-то вроде древнехорезмской Академии наук. Правда, пафос высказывания несколько снижается тем, что средоточие наук существовало ничтожно короткое время и, если верить исследователям, было немедленно по завершении строительства (или даже раньше) умышленно сожжено.

Доказательства гипотезы. Единственная, по существу, попытка аргументировать назначение Кой-Крылган-калы как „храма погребального и астрального культа" изложена одним из авторов монографии (Ю.А. Рапопортом) в главе, названной „К вопросу о назначении памятника". Эта попытка исходит из неверных посылок, фактических и теоретических, и свидетельствует, к сожалению, о ложном представлении автора об основах архитектурного формообразования.

Ошибочна уже первая типологическая характеристика: „Сложная, необычная и неудобная для обычной жизни планировка этого здания не оставляет сомнения в его культовом назначении. Культовое сооружение такого масштаба, как Кой-Крылган-кала, могло быть лишь храмом или монументальной гробницей. Оно могло также объединять эти функции. Однако план дошедшего до нас нижнего этажа нехарактерен для храмовой архитектуры потому, что в нём невозможно указать на „культурный фокус" (место кумира, алтаря и т.п.), который всегда чётко выражен во всякой постройке, предназначенной для богослужения."¹⁹

Оставим в стороне странное убеждение, что сложная, необычная и неудобная планировка есть несомненный признак культовых зданий. Цитированное утверждение неверно по существу, так как устройство нижнего этажа Кой-Крылган-калы ничуть не сложно, совсем не необычно и представлено множеством типологически близких построек, в том числе и жилых. Древние строители избрали здесь легко опознаваемый вариант планировки, которую в истории архитектуры Средней Азии принято называть коридорно-гребенчатой, и которая употреблялась здесь с древних времён даже до 14 в. Её отличительным признаком служит центральный осевой коридор, по обе стороны от которого расположены параллельные, обычно удлиненные комнаты, ориентированные перпендикулярно коридору и связанные с ним проходами. Такое устройство обычно применялось в жилищах особого казарменного типа (военные общежития) и в комплексах складских помещений. Количество построек этого рода, даваемых главным образом временем раннего доисламского средневековья, довольно велико. Их классический образец - так назы-

ваемый „курган" в Термезе; среди прочих характерных представителей этого типа можно назвать замок Саратепе у Самарканда, „казарму" и замки Тирмизак-тепе и Тоштемир-тепе в Шахристане, здание на городище Ширин (северный Таджикистан) и давно распланный (но недокопанный) дом на городище Красная речка в Киргизстане.²⁰ Тот же принцип планировки представлен в другом, позже открытом замке на городище Красная речка и в здании на городище Акыртас (южный Казахстан).²¹

Среди зданий 5-8 вв. с коридорно-гребенчатым устройством встречаются не только жилища. На городищах Дальверзин-тепе (юг Узбекистана) и Красная речка были найдены два погребальных здания - многокамерные наусы, своей планировкой почти не отличимые от жилых зданий этого типа. Правда, их камеры по сторонам осевого коридора слишком малы - около 2x1,2 м, - чтобы служить жилыми комнатами.²² Повторение облика и устройства древнего жилища в формах погребальных сооружений - явление давно известное: оно объясняется представлением о гробнице как о посмертном жилище человека, воссоздаваемом в привычных формах земного жилища. Что касается Хорезма, то Кой-Крылган-кала остаётся здесь пока единственным зданием с коридорно-гребенчатым устройством нижнего этажа и древнейшим, к тому же единственно круглым зданием этого типа вообще. Многокамерным наусом она быть не могла из-за полного отсутствия следов погребального оборудования и останков (всё это было в наусах Дельверзин-тепе и Красной речки), а также крупного размера комнат. Всё же продуманная чёткость и соразмерность плана свидетельствуют как будто о распространённости зданий этого типа в строительном искусстве кангуйского Хорезма.

Значит, нет оснований называть планировку Кой-Крылган-калы необычной и „неудобной для обычной жизни", - жилые постройки с аналогичной планировкой доказывают, что не слишком комфортабельные жилища такого рода были в определённых условиях обычны для проживания в них воинов и хранения припасов. И, следовательно, для сомнения в культовом назначении здания остаются вполне основательные причины, ко-

торые лишают доказательного базиса последующие рассуждения автора.

Суть этих рассуждений - в отыскании сходства Кой-Крылган-калы с группой так называемых сакских мавзолеев, круглых в плане, найденных в низовьях Сырдарьи. Сходство объясняется астральной символикой, якобы заложенной в основу плановых схем, в которых сочетаются круг и крест: „Помещения центрального здания Кой-Крылган-калы, вытянутые по осям, идущим с севера на юг и с запада на восток, образуют вписанную в круг крестообразную фигуру. Подобная планировка лежит в основе многих сакских мавзолеев".²³

Это суждение ошибочно по нескольким причинам. Датировка сакских мавзолеев твёрдо не установлена, уже поэтому они не могут быть сопоставимым материалом Кой-Крылган-кале. Главное же в том, что если в планировке многих сакских мавзолеев, действительно, прослеживается крестообразность, естественная для центрически организованных зданий (но далеко не всегда отчётливая), то в плане Кой-Крылган-калы подобной крестообразности, основанной на равенстве осей, нет. При взгляде на план хорошо видно, что главная ось здания с лежащими на ней комнатами I и V, группами лестниц и даже входными воротами ориентирована в направлении запад-восток, перпендикулярной же ей диаметральной оси юг-север просто нет, - точнее, есть три местные равнозначные оси с тремя группами комнат, средняя из которых по её композиционному значению ничуть не важнее двух других. Плановая структура здания - отчётливо одноосевая, и попытка выявить якобы спрятанную в ней крестообразность выглядит, очевидно, натянутой. Вписанной в круг крестообразной фигуры, которую можно было бы при желании символически истолковать, здесь нет, и уверенное утверждение: „Вряд ли можно сомневаться, что солярные символы - крест и колесо - лежат в основе Кой-Крылган-калы" - выглядит, мягко говоря, сомнительным. Я, напротив, думаю, что в наличии здесь солярной символики не только можно, но даже нужно сомневаться.

Апелляция к вымышленной крестообразности нужна автору для того, чтобы доказать сакральную символику плана, а вместе с ней -

и культовое (культово-погребальное) назначение здания, которое иным способом обосновать нельзя. „Как известно, крест наряду с колесом и свастикой - древнейший повсеместно распространённый солярный символ... То, что план культовых сооружений часто определяется религиозными, нередко астральными символами - факт общеизвестный".²⁴

Последнее суждение также ошибочно. Речь может идти не об общеизвестном факте, а о распространённом заблуждении, в основе которого - ложное представление о генезисе архитектурных форм и приёмов. Общим источником строительного искусства во всём мире было жилище - постройка, в своей основе чуждая какой-либо символике. Со временем из этого корня выросли жилище божества (храм) и жилище мёртвого (гробница), сохранившие в разной мере генетическую связь с первоисточником. Но во всех без исключения случаях устройство здания определялось решением рациональных, далёких от символики задач, - символика если появляется, то в некоторых обстоятельствах позже, при осмыслении традиционной, функционально оправданной формы в свете сакрально-философских идей, и в этом её качестве должна быть признана вторичной.

Эволюция римской базилики вызвала к жизни функционально оправданный поперечный объём - трансепт, придавший плану здания крестообразную форму. Позже базилика трансформировалась в христианский храм, крестообразность которого была сразу же символически истолкована: церковь подобна кресту. Купола в строительном искусстве Центральной Азии возникли как рациональная конструктивная форма, отвечающая природным условиям, но ещё в доисламское время они (судя по купольным перекрытиям капелл и святилищ) были истолкованы как подобие небесного свода, а позже - в 14-15 вв. - это сопоставление закрепилось в литературе. И другие примеры такого рода однозначно свидетельствуют, что не религиозно-абстрактные символы определяли форму сооружений, а традиционные, функционально оправданные приёмы, позже иногда (но далеко не всегда) символически истолкованные. В исторической архитектуре символ следует за функциональной целесообразностью, а не

наоборот. Представление о том, что в основе плана сооружений, в том числе и культовых, лежит комбинация неких символических знаков, и что именно они определили форму здания, переворачивает процесс сложения архитектурных образов, так сказать, наизнанку. И только грустное удивление вызывают написанные рукой архитектора сентенции такого рода: „Внешний контур сооружения представляет собой окружность. Такой принцип планировки можно рассматривать как отражение солярного культа".

Большое количество круглых сооружений с более или менее заметной крестообразностью плана, строившихся в разное время и в разных странах, - таких, как римские мавзолеи Мунация Планка в Гаэте и Плавтиев в Тибуре, мавзолей Карчери Веккья в Капуе, церковь сан Лоренцо в Милане, храм Скалы в Иерусалиме, храм Звартноц в Армении, храм Бана в Грузии, крепости Треллеборг и Аггерсборг в Дании, - не даёт ни малейшего основания видеть в их планировке некую астрально-солярную символику; их устройство находит более рациональное и правдоподобное объяснение, как, впрочем, и устройство Кой-Крылган-калы. Соображения такого рода автором, конечно, не берутся в расчёт, - гораздо более доказательным ему представляется сравнение плана Кой-Крылган-калы (с якобы вписанным в него крестом) и крышки горшка, украшенной грубым изображением крестовины в кружке, с отходящими от него во все стороны штрихами, - примитивный и нередкий орнаментальный знак²⁵: „...несомненно солнце изображает крест, вписанный в круг с отходящими лучами, нарисованный на крышке сосуда, которая найдена на Кой-Крылган-кале. Именно такую схему, как отмечено, имеет и этот памятник".²⁶

Категоричность этого утверждения обратна пропорциональна его доказательности: крест вовсе не „несомненно" изображает солнце (вернее всего не изображает), а „коридорно-ребенчатая" схема памятника не имеет ничего общего с примитивным орнаментальным знаком, с которым её так уверенно сопоставляют. Это не мешает автору наполнять придуманную схему столь же виртуальным содержанием, расшифровывая на свой лад тайный смысл внутреннего устройства здания.

В торце осевой комнаты V, между входами на лестницы, был найден, как упоминалось, колодец квадратной формы со скруглёнными углами - устройство, естественное для замка или крепости, рассчитанной на долговременную осаду, когда внешний источник воды может стать недоступным. Жёстко ориентированная мысль автора находит этой детали другое, не столь обыденно-приземлённое объяснение: „...крестообразная планировка центрального здания усложнена тем, что разделена на два одинаковых взаимозолированных комплекса. Наличие колодца, очевидно ритуального (! С.Х.) , в западной половине позволяет думать, что эта часть здания была посвящена стихии воды, тогда как восточная половина связывалась с представлением о солнечном божестве, древнюю символику которого, свойственную сакским мавзолеям, сохранял общий план памятника”.²⁷ Колодец, воплощающий собой божество воды, и отсутствие колодца, воплощающее солнечное (а может быть, и какое-либо другое) божество - аргументация, заранее исключаяющая какие-либо противоположные доводы: с беспочвенной фантазией спорить невозможно. Поэтому уже не вызывает удивления превращение двойного храма (или двух храмов?) в гробницу: „Можно думать, что для умерших правителей, обоготворённых в образах „нижнего солнца“...и владычицы вод, предназначались соответственно два комплекса мавзолея”.²⁸ Судьбу одного комплекса, предположительно замурованного ещё в процессе строительства, автор решил тотчас: „...в западной половине центрального здания сразу после постройки были замурованы останки умершего”, - что было замуровано в восточной части, осталось неизвестным. Автор, правда, честно признаёт, что никаких следов погребального обряда и самих погребений - типа пережжённых костей, урн, оссуариев и т.п. - в нижнем этаже здания найдено не было, но на его солярно-погребальную концепцию это обстоятельство не повлияло ничуть.

Никаких других, более вразумительных аргументов относительно смысла планировки и назначения центрального здания Кой-Крылган-калы авторы монографии не предлагают, да и в пределах самой гипотезы заметен ряд необъяснённых противоречий. В

поздней публикации автор приведенных выше соображений уже не признает обе половины нижнего этажа гробницами: „В западной половине центрального здания находились погребальные помещения, вход в которые был сразу заложен. Восточная часть здания и помещения второго этажа использовались для хранения храмового инвентаря и совершения заупокойных обрядов”.⁹ То обстоятельство, что устройство обеих частей столь различно используемого этажа абсолютно одинаково (это явное свидетельство их одинакового назначения), в расчёт не принимается. Удивляет также огромное количество инвентаря и массовость загадочных обрядов, для которых понадобились три четверти обширного здания.

Остатки инвентаря, именуемого погребальным, рассматриваются с уже знакомых позиций: „Небольшие культовые терракоты, миниатюрные сосуды, ритоны, керамика, украшенная мифологическими сюжетами...- всё это характерно именно для погребального инвентаря.”³⁰ Но эти находки, как говорилось, могут с неменьшим основанием рассматриваться как предметы богатого быта, а возможная культовая принадлежность некоторых из них легко объясняется общим сакральным окрасом древней и средневековой культуры на Востоке и на Западе. Попутно обнаруживается ещё одна неувязка: верхний этаж здания, по убеждению исследователей, вскоре после его сооружения был превращён в погребальный костёр и безжалостно сожжён, - но погребальный костёр невозможен без кремируемого тела, которого здесь, среди сомнительного погребального инвентаря, не было: гробница, по предлагаемой версии, располагалась, замурованная, в западной части нижнего этажа. Зачем же было сжигать только что отстроенный верхний?

Выясняется, однако, что в функции здания, помимо гробницы и складских помещений, входил ещё и храм: „После завершения строительства мавзолея здесь возник храм, посвящённый культу обоготворённого умершего. Это весьма вероятно, поскольку храмы заупокойного культа при гробницах достаточно известны. Нам представляется, что верхняя площадка памятника могла использоваться для каких-то церемоний в честь умершего.”³¹ Заупокойные храмы, действи-

тельно, известны, но, главным образом в древнем Египте, вдали от Хорезма, и далеко не всегда они соседствуют с погребением: храмы при больших пирамидах в Гизе, например, отстоят очень далеко от самих пирамид, а известные заупокойные храмы в Деир-эль-Бахри (Хатшепсут, Ментухотепа и Тутмоса III) вообще не сопровождаются погребениями. В любом случае история архитектуры не знает ситуации, когда гипотетический „заупокойный храм" располагался бы на втором этаже над гипотетической гробницей, - всё это фантазии, лишённые реального, даже самого малого и косвенного обоснования.

Исследователи Кой-Крылган-калы называют её центральное здание то двухэтажным храмом, посвящённым двум божествам, то храмом, посвящённым культу умершего, то храмом-мавзолеем, то заупокойным или погребальным храмом. Характер сохранившейся планировки исключает каждое из этих наименований: организация любого культового здания требует выделения композиционного центра - святилища и подчинённого ему окружения, - которого здесь нет. Симметричная планировка коридорно-гребенчатого типа, состоящая из единообразных комнат, без признаков даже малого смыслового фокуса, не может принадлежать ни одной из разновидностей сакральных сооружений. Ничего общего она не имеет и с мемориальной постройкой - мавзолеем, в которой, при всём разнообразии возможных вариантов, всегда в качестве смыслового и композиционного центра выделялась погребальная камера, - конечно, если погребение не было коллективным, подобно упомянутым многокамерным наусам. Здесь же среди единообразных комнат такую камеру найти затруднительно, а если бы это и удалось - пришлось бы гадать, как использовались прочие комнаты, ничем существенно не отличающиеся от предполагаемой погребальной.

Гипотеза сакрально-погребального назначения Кой-Крылган-калы основана на фальшивых теоретических предпосылках, лишена фактического обоснования и содержит немало внутренних противоречий. По всем этим причинам она должна быть признана ошибочной.

Проблема обсерватории. Уже в сравнительно ранней публикации, написанной до

завершения раскопок, говорилось: «Весьма вероятно, что Кой-Крылган-кала сочетала в себе функции погребального храма с функциями центра астрального культа и астрономических наблюдений. Весьма возможно, что пять своеобразных уникальных по конструкции окон нижнего этажа центрального здания служили для астрономических наблюдений» (32). Последняя фраза была позже дословно повторена и дополнена таким очень странным аргументом (впрочем, более нигде не повторенным): „В северо-восточном секторе верхнего этажа центрального здания сохранился явно относящийся к позднему периоду фрагмент стены с мощным фундаментом, заглублённым в завале одного из помещений. Стена ориентирована с севера на юг и, возможно, служила базой для астрономического инструмента типа квадранта".³ Стоит напомнить, что на пепелище верхнего этажа не сохранилось ни одно помещение, и что даже при жизни здания верхние комнаты не имели фундаментов, тем более мощных, так как стояли на сводах нижнего этажа. В поздний период существования здания верхнего этажа уже не было, - очень трудно поверить, что обсерваторию устроили в заваленных пеплом и открытых сверху руинах.

Вероятность проведения астрономических наблюдений в Кой-Крылган-кале зависит от ответа на несколько вопросов: 1. Были ли технические возможности для таких наблюдений в Хорезме, и именно в Кой-Крылган-кале, в 4-3 вв. до н.э. 2. Была ли практическая надобность в таких наблюдениях. 3. Если была, то при помощи каких устройств или приспособлений эти наблюдения велись. Для доказательного решения этих вопросов нужны специальные знания, которых у меня, к сожалению, нет. Но существует как будто логический аспект проблемы, если не позволяющий решить её однозначно, то, как минимум, замыкающий её в некоторых границах возможного и, по меньшей мере, дающий ключ к оценке излагаемых исследователями соображений.

1. Ничем не аргументированное предположение, что пять окон нижнего этажа служили для астрономических наблюдений, опровергается автором специального раздела монографии, посвящённого астрономическим функциям здания. Сначала, правда, как будто

признаётся правдоподобность этой идеи: „Действительно, круглое в плане цилиндрическое здание с окнами, прорезывающими шести-семиметровую толщу стен и направленными своими основаниями вверх, так что стоявший в одном из помещений нижнего этажа наблюдатель мог видеть определённый участок неба,...могло подойти для астрономических наблюдений" (34). Детальное наблюдение, однако, усложняет ясную, казалось бы, вначале картину: „Очень удобные для астрономических наблюдений по своему устройству окна Кай-Крылган-калы размещены так, что радиально направлены только три из них. Это препятствовало наблюдению в направлениях северо-запад, северо-восток, юго-запад, юго-восток. Мешало наблюдениям за всем небесным пространством одновременно и отсутствие единого наблюдательного центра. На Кой-Крылган-кале возможны были частичные наблюдения за определёнными светилами на отдельных участках неба."³⁵ Стоит напомнить, что „окна" Кой-Крылган-калы представляют собой отверстия шестиметровой длины с ничтожным по сравнению с длиной сечением, - они не могли служить источниками дневного света, разве что продухами. Для наблюдателя, глядящего в такой внутрискладный канал, отдельные участки неба сокращались фактически до точки, телескопов же тогда ещё не было. Далее автор ещё более категоричен: сославшись на исследования древнеамериканской обсерватории Каракол, он отмечает: „Исследование окон Кой-Крылган-калы показало, что их конструкция, расположение и размеры не позволяли делать аналогичных наблюдений". Правда, надежда не совсем потеряна: „Однако из истории астрономии известно, что местом наблюдений могли служить любые проёмы, в том числе и лестницы".³⁶

Последнее уточнение хотя и обнадеживает, но, очевидно, позволяет признать обсерваторией любое здание с оконными и дверными проёмами и лестницами. Поэтому следующие расчёты места на одной (только одной) из четырёх лестниц, на которое мог бы упасть луч солнца в день равноденствия, не выглядят убедительными. Ещё менее убеждает апелляция - как к аналогии - к сабейским храмам, чью фантастическую реконст-

рукцию, основанную на столь же фантастическом описании, предложил М.Булатов.³⁷

Словно для того, чтобы совсем запутать вопрос о пригодности окон нижнего этажа служить для наблюдений за небом, автор, противореча сказанному им ранее, заявляет: „Данные, полученные в результате исследования центрального здания Кой-Крылган-калы, позволяют предположить, что, кроме наблюдений за движением солнца, там велись и наблюдения за другими светилами. Для этой цели могли служить также окна центрального здания. На южной стороне его расположены три окна, основания которых образуют с горизонтом углы, равные соответственно 3° , 4° и 6° ."³⁸ Следующие за этим довольно сложные математические выкладки приводят к неадекватно скромному заключению: оказывается, в 4-3 вв. до н.э. из среднего окна на южной стороне (в комнате 4) можно было наблюдать не другие светила, а только одну звезду, именуемую Фомальгаут. Так как эта звезда явно не влияла на расписание полевых работ, автор объясняет интерес к ней другим, свойственным ему и знакомым нам способом: „Исходя из вышеизложенного (! С.Х.), можно предположить, что Фомальгаут - одна из самых ярких звёзд, почитавшихся на древнем Востоке (? С.Х.), могла быть для Кой-Крылган-калы звездой, которой посвящён храм."³⁹ Так гипотетический храм наряду с божествами воды, огня (солнца), богиней Анахитой, богом Сиявущем и обожествлёнными правителями Хорезма получает ещё одного скромного, но легитимного владельца. Сомнительно, чтобы всё это имело какое-либо отношение к науке.

Из цитированного и сказанного следует однозначный вывод: архитектура и устройство центрального здания не были приспособлены для астрономических наблюдений, для которых здесь не имелось технических возможностей. Автор, идущий не от фактов к концепции, а подыскивающий и формирующий факты, отвечающие его априорной концепции, неизбежно впадает в явные фактические и логические противоречия.

2. Зачем владельцы Кой-Крылган-калы наблюдали, по убеждению её исследователей, за движением солнца, планет и звёзд, и какую они видели в этом практическую пользу? Затем, полагает цитированный автор, что

„...сроки начала и конца основных земледельческих работ непосредственно зависят от смены времён года. Поэтому у всех древних земледельческих народов всегда большое внимание уделялось наблюдению за солнцем, основным небесным объектом, связанным с регулярной повторяемостью явлений природы, а также за звёздами, ибо периодичность их видимого движения по небосводу связывалась с сезонной повторяемостью этих явлений".⁴⁰ Мысль в общем понятна, хотя со звёздами остаётся неясность: неужели для фиксации смены времён года солнца недостаточно, и что в этом деле прибавит слежение за звёздами?

Особую важность небесной коррекции земного сельского хозяйства автор видит в областях ирригационного земледелия, к которым относится и Хорезм: „Начиная с конца 2 тыс. до н.э. ирригация Хорезма быстро развивается и совершенствуется. Поэтому естественно предположить, что в Хорезме, как и во всех земледельческих государствах, параллельно с развитием земледелия развивается и астрономия".⁴¹ Каким образом наблюдение за солнцем через проём лестницы и за звездой Фомальгаут через глубокую бойницу могло практически увеличить урожайность хорезмских полей, автор, к сожалению, не разъясняет.

Сознаюсь, я не знаю, на каких строго доказанных фактах основано представление об астрономии как о науке первоначально прикладной, возникшей для решения практических проблем сельского хозяйства и ирригации. Подозреваю, что тут не обошлось без марксистского взгляда на историю, развитие производительных сил и производственных отношений. Земледельцы во всём мире испокон веков знали сроки и последовательность своей работы, точно представляли себе, когда (в зависимости от климата и прочих природных условий) нужно сеять, выращивать и убирать урожай, - и организовывали эту работу безотносительно к взаимному расположению светил и звёзд. В этом и не было нужды, так как распорядок выращивания урожая передавался от поколения к поколению, был известен заранее, а если и подвергался локальным коррективам, то по причинам вполне конкретным и земным. Это справедливо и для поливного земледелия. Много лет живя в

Средней Азии, я никогда не видел, чтобы тамошние крестьяне прибегали к помощи астрономии для определения сроков полевых работ, - они все эти сроки отлично знали. Полученные от предков знания безошибочно подсказывали им, когда и сколько воды следует пустить на поля, в огороды и в сады, и в какой момент полив нужно остановить. Коррективы, конечно, случались, но из-за перемены погоды и иных природных факторов, а не из-за положения в небе звезды Фомальгаут или какой-нибудь другой.

Я думаю, что астрономия в своей основе - фундаментальная наука, обязанная своим возникновением и развитием, даже и по нынешний день, прежде всего любознательности людей, стремящихся понять небесную механику, механику мира, в котором они живут. Древние и средневековые астрономы едва ли ждали от неё немедленной практической пользы. Улугбек в 15 в. создал свою знаменитую обсерваторию с чисто академической целью - для составления атласа звёзд, лишённого практического значения, но навеки прославившего автора. Практический, прикладной характер астрономических наблюдений был, вероятно, ограничен проблемой счисления времени, то есть составления календарей, сопоставления разных календарных систем и тому подобных проблем хронологии, важных, но, так сказать, не фундаментальных. Визуальные же исследования космоса, которыми занимались в их храмах египетские, вавилонские и финикийские жрецы, имели главной целью представить себе устройство этого космоса и понять место земли в этом устройстве. К развитию ирригационного земледелия, скажем, в Египте или в правобережном Хорезме эти занятия прямого отношения не имели. Потому что, осмелюсь напомнить, ни один земледelec не ставил и не ставит свои ежегодно повторяющиеся труды в зависимость от расположения светил на небесной сфере.

Этих кратко изложенных соображений достаточно, чтобы отрицательно ответить на сформулированный выше вопрос. Хозяевам Кой-Крылган-калы, независимо от назначения этого здания, не было причин заниматься в его стенах астрономическими наблюдениями, для которых, впрочем, Кой-Крылган-кала явно не была приспособлена. Нет ни малей-

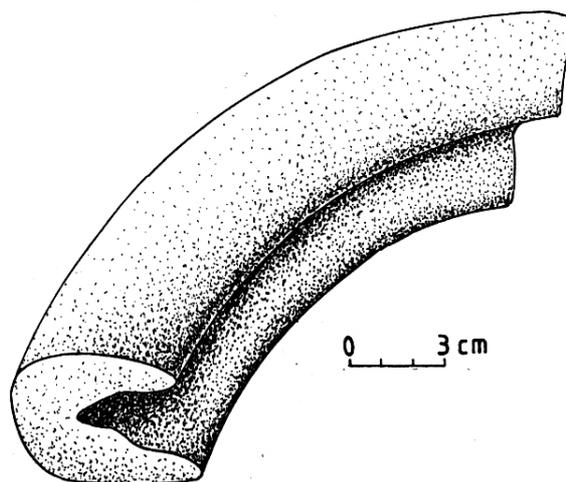
шей причины утверждать, будто „...при постройке этого сооружения древними строителями были сделаны расчёты, позволяющие использовать здание как пункт для астрономических наблюдений, необходимых прежде всего для земледельцев", и что „возможности наблюдения" заложены якобы „в самом проекте здания".⁴² Патетически называть его, как делает один из авторов книги, „средоточием науки того времени"⁴³, тоже нет никаких оснований, да и звучит это несколько комично.

3. Никаких инструментов и приспособлений, безусловно относящихся к астрономическим наблюдениям, исследователи Кой-Крылган-калы не нашли. В поисках значимых параллелей были использованы даже этнографические материалы недавнего времени - например, мечети горных таджиков с высоко прорезанными окнами, которые сопоставляются с „окнами" - продухами центрального здания: „Обращает внимание расположение окон почти под потолком, явно не случайное для этих памятников".⁴⁴ Сравнение ложное, так как сквозь узкие продухи 6-метровой длины сквозные лучи не могли проникнуть внутрь помещений; кроме того, высокое расположение окон в торцевых стенах под сводами обычно для всех зданий коридорно-гребенчатого типа, - примером может служить термезский «курган», в котором ещё никто не заподозрил обсерваторию.

Среди сделанных в Кой-Крылган-кале находок есть несколько керамических обломков, в которых исследователи видят остатки астрономических инструментов. Здесь встречены, например, криволинейные фрагменты, сделанные на гончарном круге, с пазом на внутренней стороне и различными наружными (соответственно и внутренними) диаметрами - от 45 до 26 см (рис.2).⁴⁵ Предполагается, что это - остатки колец, составлявших внешнюю часть простейшей плоской астролябии, и что в них вставлялись соответствующие диски, остатки которых как будто тоже найдены. С назначением колец можно было бы согласиться, если бы на них были заметны следы градусных делений или каких-либо иных разметок, - но их поверхность совершенно чистая, без малейших следов врезок или тушевых линий. В таком виде фрагменты колец едва ли могут быть признаны деталями измерительных инструментов,

но очень похожи на части бытовых приспособлений типа традиционных дастарханов.

Что касается дисков, предположительно вставлявшихся в кольца, то найдено несколько их фрагментов разного диаметра (от 22 до 38 см) и разной степени сохранности. В книге представлены два фрагмента, которые сочтены наиболее пригодными для исследования - один в натуральном, другой в реконструированном виде. Очень жаль, что нигде не указаны ни толщина дисков, ни профиль их внешнего края, - последнее особенно важно, так как диски, по предположению исследователя, должны были вставляться в кольца, внутренняя круговая выемка которых имела сложный, даже причудливый профиль (см. рис. 2). Совпадения обеих профилей, которое стало бы серьёзным аргументом верности гипотезы, очевидно, нет, иначе автор такое совпадение непременно отметил бы.

2. Фрагмент керамического кольца с пазом на внутренней стороне

Оба диска разделены на три concentric зоны. В первом (рис.3) средняя зона украшена угловатым узором, - автор видит в нём равнобедренные треугольники и полагает, что их было 12, „что даёт деление окружности диска на части по 30° каждая, в соответствии с расположением знаков зодиака". В действительности даже сохранившиеся „треугольники" -разной формы и величины, и служить шкалой для измерительного инструмента, даже примитивного, они не могли. В плавных кривых линиях, изображенных ближе к центру и не связанных расположением с „треугольникам ав-

тор усматривает обязательную деталь астролябии - „паука“, „стереографическую проекцию небесной сферы из полюса эклиптики“. Отсутствие столь необходимой детали на другом диске не объясняется.

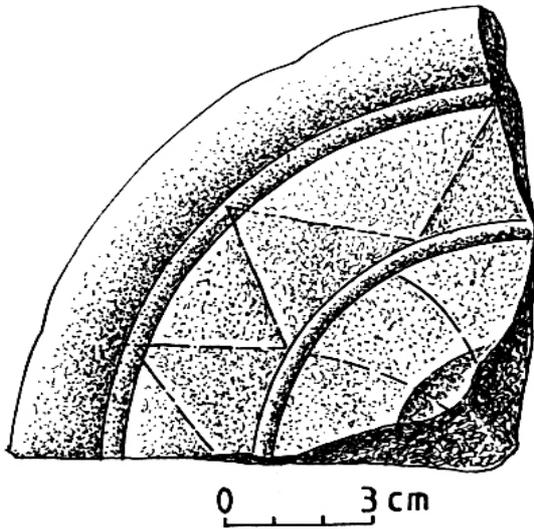

Рис.3. Фрагмент круглого керамического диска

Этот второй диск, от которого уцелел небольшой фрагмент, в логических построениях автора играет очень важную роль (рис.4).

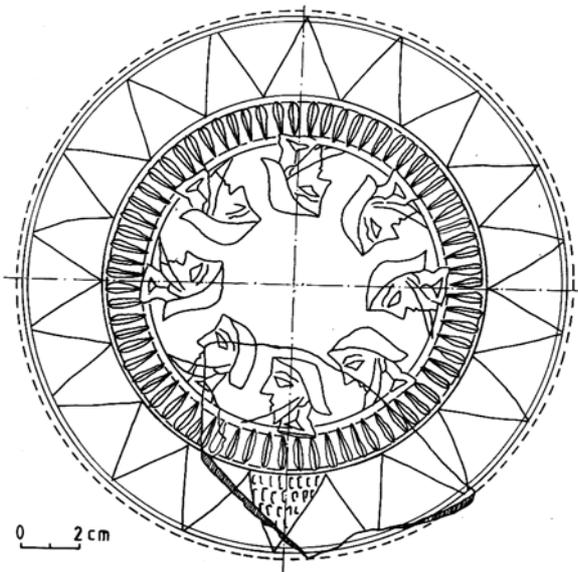

Рис. 4. Реконструкция диска с изображением бородатых мужских голов

Его внешняя зона тоже украшена прорезным угловатым узором, - автор реконструирует здесь 18 равнобедренных треугольников, в которых вновь видит измерительную шкалу, хотя элементы, образующие её (их сохрани-

лось два), как и в первом случае, различны по форме и величине. Предполагается, что чечевицеобразные углубления в узкой средней зоне (в реконструкции их 72) тоже служат шкалой с более мелкими делениями: „Очень интересно сочетание 18 треугольников внешней зоны, позволяющих делить окружность на 36 частей по 10° (если брать точки у вершин и оснований треугольников), с нанесенными в средней зоне 72 насечками, дающими более мелкое деление окружности - по 5° , а если считать промежутки за отдельные деления, то ещё и по $2,5^\circ$.“

Внутренняя зона диска украшена особенно своеобразно - профильными изображениями восьми (в реконструкции) бородатых голов с зачёсанными назад длинными волосами, которые, естественно, наводят автора на целенаправленные размышления: „Интересные предположения возникают в связи с анализом расположения головок на диске. Причёска у соседних персонажей разная, поэтому, реконструируя диск, можно допустить, что у четырёх головок, расположенных по взаимно перпендикулярным диаметрам, концы волос в причёске загибались вверх., у четырёх остальных (находящихся в промежутках между первыми) такого изгиба не было.“ (Нужно сразу сказать, что допустить это нельзя, так как у двух уцелевших головок причёски однотипные, и такими же одинаковыми они - вопреки приведенным словам - изображены на реконструкции). „На кой-крылганском диске деление на 12 частей можно произвести тремя способами: во внешней зоне через каждые полтора треугольника, в средней - через каждые шесть насечек, в центральной - по линиям волос и кончикам носов персонажей с прямыми волосами и по радиусам, проходящим через середины голов с загибающимися вверх концами волос... В круге из Кой-Крылган-калы головы с одной причёской заключают между собой дугу в 90° , между серединами смежных голов находятся дуги в 45° , а между радиусами, проходящими через указанные выше точки (нос, волосы) и делящими окружность на 12 частей, заключены дуги, равные 30° Кроме того, на вышеупомянутом диске сделано 72 насечки и 18 треугольников, дающих возможность делить окружность на дуги с различным числом градусов (90° , 45° , 30° , 10° ,

5° и 2,5°). Это делает диск пригодным для приблизительной ориентации в небесной географии".⁴⁷

Логика этих доказательств, приемлемая, может быть, в средние века, в наше время выглядит странно. Противоречащая правилам элементарной геометрии и формальной логики, она не становится убедительней ни от апелляции к не очень ясным текстам Бируни, ни от сомнительной аналогии с зодиаком Дендерского храма в Египте. Можно обстоятельно оспаривать каждое из этих положений, показывая, что бессмысленно проводить деление по линиям волос и кончикам носов, что затруднительно найти радиусы, проходящие через линии голов (что это за линии?), и что ни одно из предложенных делений диска на 12 частей не могло быть выполнено даже с минимальной точностью из-за нерегулярности и неточности предполагаемых членений: разномастные „треугольники", неодинаковые выемки в форме чечевицы, и особенно бородатые и длинноволосые профили годятся для этого меньше всего. Если оформление диска рассматривается как градусная шкала примитивной астролябии, то соответствующая шкала должна быть нанесена и на её наружное кольцо, но ни на одном обломке таких колец подобных разметок, как говорилось, нет. Несообразности, возникающие неминуемо при допущении, что убранство диска есть градусная шкала, нечто вроде циферблата, можно было бы перечислять ещё долго. Но это и не нужно: сами исследователи позаботились о том, чтобы поставить под сомнение и реконструкцию диска, и его хитрое назначение.

Первая реконструкция диска с бородатыми профилями была опубликована за 5 лет до описанной выше.⁴⁸ Тогда, правда, диск скромно назывался не астролябией, а крышкой сосуда, чему действительно отвечает его выпуклая форма, - идея о принадлежности обломка астрономическому инструменту тогда ещё не родилась. При сравнении обеих реконструкций, ранней и поздней, бросается в глаза множество необъяснимых различий (рис.5): у „треугольников" внешней зоны в раннем варианте - форма остrokонечных лепестков с выпуклыми краями, а мелкие прорезы средней зоны смахивают на бутылочки, а не на зёрна чечевицы. Главное же

различие реконструкций в том, что в раннем варианте во внутренней зоне поместилось не 8, а только 6 бородатых голов, и соответственно этому лепестков-„треугольников" оказалось 17, а не 18, а мелких выемок средней зоны - не 72, а 69.

Рис. 5. Первая реконструкция диска с бородатыми головами, в публикации – „крышка сосуда"

Исследователи Кой-Крылган-калы не только не объясняют эти различия, но явно умалчивают о существовании первой реконструкции: в обширном, отчасти цитированном выше тексте о ней - ни слова. Это, как будто, противоречит общепринятой научной этике. В обычной ситуации, если автор находит прежний вариант реконструкции в чём-то неверным и предлагает новый, правильный вариант, он объясняет причину изменений и, так сказать, открыто дистанцируется от ошибки, но не умалчивает о ней. Такой способ обращения с научным материалом необычен и вызывает понятные сомнения. Естественно, нет никаких доказательств того, что второй вариант реконструкции правильнее первого, - более того, некоторые косвенные соображения заставляют отдать предпочтение первому варианту, прежде всего потому, что в этом первом варианте реконструированная, нарисованная часть диска-крышки подвёрстана к фотографическому снимку сохранившегося обломка, во втором же нарисованный обломок не совсем совпа-

дает со снимком. Доверие к первому варианту объясняется ещё и тем, что он, как говорилось, ещё не был искусственно связан с осевшей авторами обсерваторно - астрономической идеей и соответственно скорректирован, насильственно подтянут к этой идее. Нужно сказать, что автору, умолчавшему о давно опубликованном и, значит, уже известном материале, который не согласуется с авторской гипотезой, нельзя отказать в смелости.

Умолчание о первом варианте реконструкции диска-крышки не очень корректно, но психологически понятно. Упомянув о нём, авторы оставались перед выбором: либо доказать его ошибочность (этого они, очевидно, не могли), либо признать ошибочными собственные рассуждения о древней хорезмской астролябии с диском, разделённым на традиционное число градусов - делений. В самом деле, если шесть голов ещё могут, при желании, ассоциироваться с делением окружности на равные части по 60° , то число 17 (количество „треугольников" - лепестков) и 69 (количество прорезей средней зоны) для деления придуманной шкалы на какое-либо целое число градусов совершенно не годятся. Число 17 делится только на себя, 69 - только на три, - оба ничуть не подходят для роли шкалы с множественными делениями на 90° , 45° , 30° и т.д., вплоть до $2,5^\circ$

Но тогда теряется последняя надуманная аргументация для признания диска частью пусть примитивного, но всё-таки астрономического прибора, и диск остаётся тем, чем он, очевидно, и был на самом деле - эффектно украшенной крышкой небольшого (16-17 см в диаметре) керамического сосуда парадного, судя по убранству, назначения. А разделение некоторых крышек такого рода на три концентрические части объясняется художественной традицией местных керамистов, а не хитро зашифрованным символом неких 36 звёзд, связанных с 12 месяцами года и распределённых между тремя зонами,⁴⁹ - идея, делающая честь фантазии автора, но, увы, тоже лишённая малейшей научной аргументации.

Среди находок, сделанных в Кой-Крылган-кале, нет таких, которые можно было бы признать остатками инструментов или приспособлений для расчёта движения не-

бесных светил, и которые подтверждали бы, хотя бы косвенно, назначение здания как обсерватории. Исследователи, подчиняясь априорной и недоказуемой идее, подгоняют под эту идею реальный материал, трактуя его тенденциозно и субъективно. Подобно неумелому следователю, они разрабатывают только одну версию, сознательно отвергая другие, даже более правдоподобные. Это неизбежно приводит к умышленным умолчаниям (как в случае с первой реконструкцией диска-крышки), мелким и крупным противоречиям и фантастическим гипотезам „расшифровка", уводящим далеко от здравого смысла. Что касается диска с бородатыми головами, то удивляет, пожалуй, лишь то, что автор пренебрёг его явным сходством с планом самой Кой-Крылган-калы, и не сделал на этом основании никаких далеко идущих астрономически-космологических выводов.

Действительное назначение Кой-Крылган-калы определяется её планировкой и прежде всего приёмами и формами фортификации. Это был хорошо укреплённый замок или небольшая крепость - резиденция местного правителя. Уже говорилось, что план уцелевшего нижнего этажа центрального здания отвечает всем приёмам традиционной коридорно-гребенчатой планировки, характерной для воинских общежитий-казарм, нижних этажей многих доисламских замков „кёшков" и складских сооружений. Правда, известный ныне сравнительный материал ограничен эпохой раннего средневековья (есть и более поздние примеры, но их мало), то есть временем не раньше 5 века, - здания подобного устройства, датируемые 4-3 вв. до н.э., в Средней Азии пока неизвестны, и Кой-Крылган-кала остаётся в типологическом одиночестве. Но о глубокой древности и широте распространения этого приёма планировки свидетельствует его употребление в архитектуре древнего Двуречья (дворец Мари) и древнего Египта, даже со времён Древнего царства, и во вполне узнаваемом воплощении.⁵⁰ Нет оснований сомневаться, что здания аналогичного устройства - типологические родственники Кой-Крылган-калы - возводились в 4-3 вв. до н.э. и в Хорезме.

Особенность коридорно-гребенчатой организации Кой-Крылган-калы в том, что она вписана в круглый контур, свидетельствующую

щий об оборонительных функциях здания. У такой формы, с древних времён придававшейся укрепленным поселениям, крепостям и замкам, есть очевидные оборонные преимущества: у круглой в плане крепости - меньшая длина стен при той же площади, у её стоящих на стенах защитников - лучший обзор и возможность быстро занять нужный участок обороны. Недаром раннесредневековые поселения в Германии были как правило круглой или овальной формы, - такое очертание, по справедливому замечанию историка, облегчало оборону.⁵¹ Таковы же особенности замков, отмеченных родовым сходством с Кой-Крылган-калой, - таких, как Рестормел (12 в.) в Англии и знаменитый Каstell дель Монте (13 в.) в Италии. Оборонные преимущества центрической (круглой или многогранной) планировки были ясны и архитекторам Возрождения, которые проектировали укрепленные „идеальные города" именно такой кольцеобразной или многоугольной формы. Стоит, наконец, вспомнить первый (неосуществленный) проект Санкт-Петербурга, выполненный Леблоном, который по градостроительной традиции замкнул город в геометрически правильный овал.

Крепостной, укрепленный характер круглого здания дополняется и другими имеющимися здесь атрибутами фортификации: круговой галереей с бойницами на уровне верхнего этажа, наружной кольцевой стеной, сперва одинарной, потом удвоенной и укрепленной башнями, и, наконец, входом, защищенным двумя массивными круглыми полубашнями с оборонительным „лабиринтом" между ними. Всё это характерно для оборонительной системы крепости или замка и, наоборот, совершенно неестественно, бессмысленно для культового (храм) или мемориального (мавзолей) здания, - не говоря уже об очевидном типологическом несходстве центрального здания с храмом или гробницей.

Комнаты нижнего этажа, сгруппированные вокруг осевого, разделенного на две части коридора, могли быть использованы как складские помещения либо как общежитие охранявшей замок дружины. Вероятнее, как будто, второй вариант: для связи складов с жилым уровнем замка лестниц избыточно много, но в случае тревоги воины, подняв-

шись по всем четырём лестницам, могли быстро и организованно занять места на боевой галерее, не пересекаясь с „гражданским" населением верхнего этажа, а в случае надобности - спуститься по предполагаемому пандусу к внешнему укрепленному кольцу и обороняться там.

Любопытно, что в большой главе, посвященной архитектуре Кой-Крылган-калы, очень много внимания уделено реальной фортификации - устройству боевых галерей, защите входа, бойницам, башням и т.п., - но ни слова не говорится о формах и приёмах сакрального или погребального назначения, если не считать вновь и вновь повторяемых, но бездоказательных утверждений, что круглую форму здания „...можно рассматривать как отражение солярного культа". Полное молчание о храмово-погребальных функциях здания вызвано отсутствием конкретного архитектурного материала: этих функций нет, поэтому их нельзя анализировать и не с чем сопоставлять. Между тем оборонительные функции постройки очевидны, и автор, вдруг как бы забыв о солярном культе, находит для её формы разумное и строительно грамотное объяснение: „Круглая в плане конфигурация сооружения имеет бесспорное преимущество, так как при этом сводится к минимуму периметр стен, что имеет существенное значение при обороне".⁵² С какой целью „храм-мавзолей, связанный с солярным культом", был замкнут в кольцо оборонительных стен с крепостными воротами, да и сам был построен как крепость, кто этому „храму-мавзолею" мог угрожать, автор не уточняет, ограничившись неопределённым обобщением: „Архитектура рассматриваемого периода, как правило, служила и целям обороны, причём получала благодаря этому ряд общих черт, характерных для оборонительных сооружений своего времени"⁵³, с последующей ссылкой на Энгельса. Звучит неконкретно и неубедительно, хотя, как полагает другой автор, у мощно укрепленного храма-гробницы были, может быть, настоящие опасные враги: „Можно предполагать, что в какой-то момент первого периода существования Кой-Крылган-кале пришлось выдержать осаду..."⁵⁴

Автор главы об архитектуре Кой-Крылган-калы вызывает сочувствие: он пы-

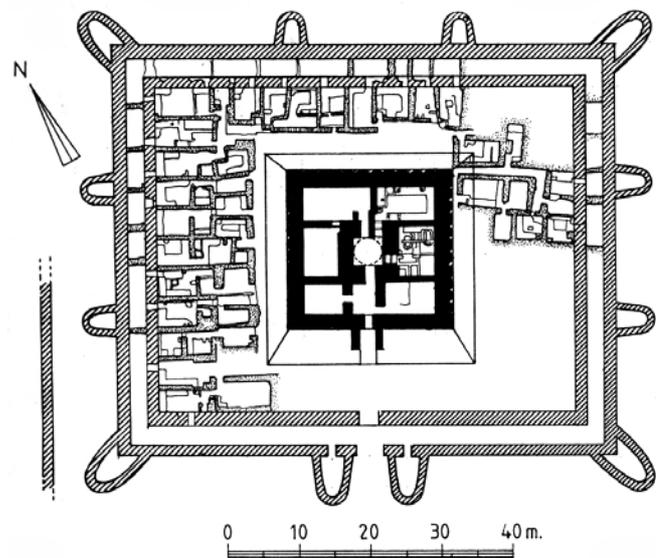
тается совместить несовместимое. Как архитектор он видит фортификационно-крепостную природу сооружения, профессионально изучает и анализирует её и делает из этого правильные выводы; но как коллега археологов он выражает солидарные с ними априорные домыслы, которые вопиюще противоречат его собственным наблюдениям и аргументированным выводам о назначении постройки.

Ещё один довод в пользу замково-крепостного назначения Кой-Крылган-калы - застройка её внутреннего кольцеобразного двора. При сравнении этой застройки с планировкой центрального здания кажется, что они принадлежат разным культурам и эпохам: графически чёткий, гармоничный, геометрически выверенный план здания, в котором, как будто, ни на йоту ничего нельзя сдвинуть, - и хаотичное скопление построек с комнатами нерегулярной формы, тонкими кривыми стенами и следами многообразных перестроек. Только относительно радиальное расположение стен, разделяющих тесно сомкнутые группы небрежно возведенных помещений, сообщает этой хаотической массе некоторое подобие порядка.

Этот комплекс жилых и хозяйственных комнат, так разительно непохожий на мастерское устройство круглого здания, которое он окружал - типичный образец „фольклорного“ строительства, то-есть простейших жилых строений, создававшихся без помощи специалистов-строителей, без решения задач художественного порядка. Такие скромные жилища, тип которых почти не менялся на протяжении веков, представлены сейчас большим количеством образцов разного времени, главным образом раннего доисламского средневековья, - они, конечно, принадлежали низшим социальным слоям населения, - прежде всего крестьянам, ими же и создавались.⁵⁵ Исследователи, верные представлению о культовом назначении Кой-Крылган-калы, полагают, что застроенное кольцо двора „...являлось местом обитания жрецов, обслуживающего персонала и рабов крупного храмового хозяйства“.⁵⁶ Это не согласуется с правильным наблюдением, что двор не был вначале застроен (где жили тогда жрецы и слуги?), и предполагает необычный демократизм жреческого сословия, чьи скромные жи-

лища ничем не отличались от жилищ загодочного „обслуживающего персонала“ и даже рабов. Да и вообще предполагается, что двор был застроен много позже, когда из центрального здания давно ушла жизнь.

Наличный археологический материал позволяет решить эту проблему проще и доказательней. Аналогичная Кой-Крылган-кале ситуация представлена давно раскопанным хорезмийским замком 7-8 вв. Якке Парсан, но не в круглом, а в прямоугольном варианте (рис.6)⁵⁷.

б. *Замок Якке-Парсан. План с частичной реконструкцией*

Кубическое здание с фасадами, оформленными чередой полукруглых гофров, возвышалось посреди прямоугольного двора, охваченного, как и Кой-Крылган-кала, двойными стенами. Всё пространство между замком и стенами было плотно застроено жилищами „фольклорного“ типа, как бы склеенными между собой и ориентированными, с небольшими отклонениями, параллельно и перпендикулярно ограде. Так же, как и в Кой-Крылган-кале, свободным от обстройки оставался только неширокий круговой обход у подножия центрального здания. Это здание, очевидно, не было уникальным, - характеризуя Якке Парсан, исследователь отмечает: „...есть основание полагать, что он - типичный пример этого рода построек“.

Установлено, что двор замка Якке Парсан был вначале, как и двор Кой-Крылган-

калы, пустым, и только со временем его заполнили жилища-„квартиры" с характерным крестьянским устройством и оборудованием. Причём эти жилые секции, ища резерв для расширения, проникали в пространство между двумя внешними стенами и обустроивались там, - нечто подобное видно и в Кой-Крылган-кале в межстенных отсеках по сторонам восточного входа. У исследователей Якке Парсан никогда не возникало сомнений, что это был замок, укреплённая усадьба владельца, а не храм или гробница, и что обстройка его двора представляет собой крестьянское поселение, по необходимости скученное, возникшее здесь, конечно, с разрешения владельца замка, под защитой его укреплений. Случай не был единственным: похожая картина видна в другом хорезмском замке того же времени Тешик-кале, - видно, условия времени заставляли земледельцев искать защиту за стенами владетельных диканских усадеб. Очевидное же сходство с Кой-Крылган-калой позволяет думать, что и в кангуйском Хорезме, за 1000-1100 лет до того (если датировка верна) жизнь простых земледельцев была не менее беспокойна и опасна.

Нет ответа на вопрос, были ли владельцы жилищ, заполнивших кольцевой двор Кой-Крылган-калы, лично свободными людьми - общинниками или рабами. Но в том, что они не принадлежали ни к жреческому сословию, ни к обслуживающему это сословие персоналу, едва ли может быть какое-либо сомнение.

Геометрический анализ плана центрального здания Кой-Крылган-калы (его нижнего этажа) представляется возможным благодаря чёткости его графического построения и, не в последнюю очередь, из-за несомненной тщательности опубликованных обмеров. Результаты анализа, представленного на рис. 7, сводятся к следующему.

Внутреннее круглое пространство этажа, замкнутое в стены 7-метровой толщины, представляет собой окружность диаметром 30 м (кратность десятичному счислению здесь, конечно, случайна). Стороны описанного вокруг этой окружности квадрата делятся на 6 равных частей, каждая длиной 5м, при этом устанавливается, что ширина осевых помещений 1 и 5, вместе с толщиной

стен, отделяющих их от боковых поперечных комнат, точно соответствует двум пятиметровым ячейкам и, значит, равна 10 м. Эта же закономерность выявлена в поперечном направлении: ширина комнат 4 и 8 вместе с толщиной их продольных стен составляет те же $5+5 = 10$ м. Попутно выясняется, что в продольном (запад-восток) направлении пятиметровый отступ от оси определяет не только толщину продольных стен комнат 1 и 5 (и соответственно расположение торцевых стен поперечных комнат), но и внутренние линии верхних лестничных маршей: разобъённые в натуре элементы внутреннего устройства оказываются геометрически взаимосвязанными.

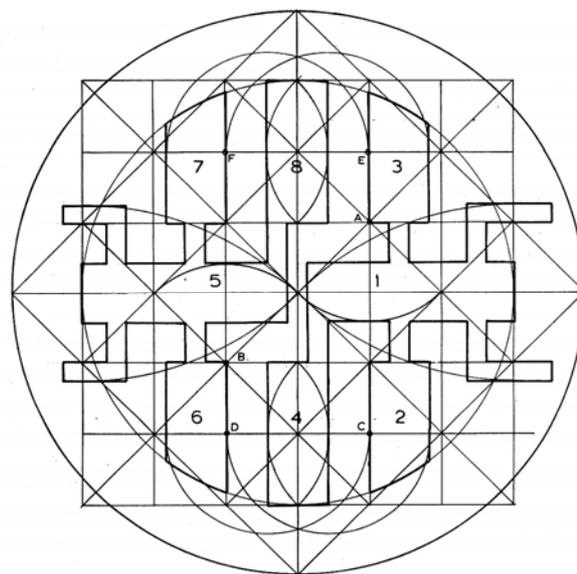

Рис. 7. Кой-Крылган-кала. Геометрический анализ плана нижнего этажа

Для того, чтобы теоретически (графически) определить фактическую ширину помещений, следует на ортогональную сетку с 5-метровыми ячейками наложить другую, более крупную диагональную сетку с длиной ячеек, равной диагонали малых ячеек, - это составляет величину около 7,1 м. Диагональная сетка, замкнутая в квадратный контур - по четыре ячейки на каждой стороне, - определяет своими наружными углами габариты кольцевой галереи верхнего этажа, а также наружные углы проёмов и внутренние передние (ближайшие к центру) углы в комнатах 2, 3, 6 и 7. Ширина осевых комнат 1, 5, 4 и 8 устанавливается перенесением длины стороны диагональной ячейки из точек А, В, С, D,

Е и F на соответствующие линии ортогональной сетки; получившаяся величина - 4,2 м - в точности равна величине, установленной обмерами. Такая же ширина комнат 2, 3, 6 и 7 может быть найдена отложением от продольных сторон комнат 4 и 8 суммы ширины этих комнат и толщины их продольных стен. Наконец, циркульные дуги, проведенные из наружных углов ортогонального квадрата через геометрический центр системы, засекают на внешних сторонах квадрата ширину верхних лестничных маршей.

В основе геометрической структуры плана лежат, таким образом, две сетки, ортогональная и диагональная, математически связанные одна с другой. Геометрические приемы архитектурного пропорционирования времён среднеазиатской античности почти не затронуты исследованиями, и делать из изложенного выше какие-либо широкие выводы было бы слишком смело. Всё же употребление метрических сеток в столь раннее время говорит само за себя, подтверждая большую древность приёмов архитектурной гармонизации, широко и разнообразно употреблявшихся много веков спустя, во времена средневековья. Можно даже предположить, с необходимой долей сомнения, что сторона диагональных ячеек - около 710 см - представляет собой удесятёрённую метрическую единицу - гяз: это была антропоморфная единица измерения, отвечавшая длине вытянутой руки, и потому непостоянная, с колебаниями от 60 до 80-90 см. Величина гяза, близкая 71 см, известна в средневековой архитектуре Средней Азии, но не раньше. Он был употреблён в мавзолее Саманидов (72 см), караван-сарая Дая-Хатын (72,5 см), мавзолее в Серахсе (73,5 см), мавзолее Хаками Тирмизи (73,6 см) и нескольких других зданиях 9-11 вв. Сопоставление этих построек со зданием, возведённым в 4-3 вв. до н.э., как будто лишено смысла (стоит ли сопоставлять Парфенон с Малой Митрополией в Афинах?), но сам выявленный анализом принцип организации плана при помощи метрических сеток и их производных говорит о высоком уровне строительной культуры античного Хорезма.

Эта статья была задумана как аргументированное возражение против неаргументиро-

ванного превращения укрепленного античного замка в симбиоз храма, гробницы и обсерватории, - превращения, не подкреплённого даже косвенными аргументами, но опирающегося, по справедливым словам критика, на „ряд косвенных данных и цепь остроумных гипотез“. Соглашаясь с остроумием создателей гипотез, нужно всё же признать, что данных, даже косвенных, у них нет, а гипотезы, вызванные к жизни желанием подвести базу под априорную и, к сожалению, ошибочную идею, полны разнообразных противоречий. Так и не нашло объяснения назначение нижнего этажа - то ли святилища, посвящённого двум божествам, то ли мавзолея, в котором из восьми помещений было использовано только одно, то ли места для хранения храмового инвентаря и совершения загадочных таинственных обрядов. Осталось неясным, почему в группу небольших изолированных комнат вели целых четыре лестницы, словно в расчёте на потоки посетителей, и по какой причине две из них были заложены одновременно с их сооружением - действие, не очень типичное для нормальных строителей. Противоречивы соображения, касающиеся верхнего этажа: сгорел ли он сам или был сознательно испепелён как гигантский погребальный костёр немедленно после сооружения, вместе со всеми его помещениями, которых было никак не меньше, чем в нижнем этаже? Все ли здания мира с круглым планом обязаны этой формой солярной символике или такова особенность только хорезмской архитектуры? Перечень вопросов можно продолжить.

Главная особенность этой герметичной системы в том, что ни одно из её положений реально не обосновано. Остановившись однажды на эффектной, но ошибочной, не опирающейся на факты идее, её авторы занялись подтягиванием квазиаргументов, не очень заботясь о логике и не замечая противоречий, - основным же доводом оставалось постоянное, из книги в книгу повторяемое утверждение: Кой-Крылган-кала - двухэтажный храм, храм-мавзолей, связанный с солярным культом, храм погребального и астрального культа, большое культовое сооружение, храм или монументальная гробница, и даже средоточие неясно какой науки. Стоит вновь напомнить, что ни один из вариантов этой атрибуции не

подкреплён сколько-нибудь серьёзным аргументом.

Превращение древних гражданских сооружений в храмы было тенденцией в до- и послевоенной советской археологии Средней Азии. Археологи - пенджикентцы объявили храмами, неустановленной до сих пор религии, два крупных общественных сооружения в центре города, судя по многим признакам - здания для собраний представителей двух городских сословий.⁵⁹ Доказательств культовой принадлежности этих зданий нет, но поиски упорно продолжаются. Признан храмовым и древний архитектурный комплекс, раскопанный советскими археологами в северном Афганистане - Дашлы-3, датированный серединой 2 тысячелетия до н.э.⁶⁰ Единственное обоснование культовой атрибуции здесь - двойная кольцевая стена с выступающими прямоугольными башнями, - снова „соляренный” символ, - между тем как у здания, стоящего в центре этой круглой крепости, имеются характерные признаки дворцового сооружения с планом традиционного дво-

во-айванного типа, типичным именно для дворцовых, репрезентантных зданий. „Храмами” без серьёзных на то оснований объявлены целые укрепленные поселения Маргианы, состоящие из множества жилых построек, складов и дворов, и снаружи подобные крепостям.⁶¹

Стремление превратить древнее монументальное здание или целый архитектурный комплекс без видимых культовых атрибутов в храм (на худой конец в мавзолей) отчасти объясняется, может быть, ситуацией в советской архитектуре 30-х - 50-х годов, когда любое крупное „государственное” сооружение, независимо от его назначения, решалось в помпезно-культовых формах, когда университеты строились как „храмы науки”, библиотеки - как „храмы культуры”, музеи - как „храмы искусства” и т.д. Превращение эффектных археологических объектов в „храмы” стало, вероятно, неосознанным откликом на эту (к счастью, ушедшую в прошлое) тенденцию.

Литература

1. Основная публикация - монография „Кой-Крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. - V в. н.э.” Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, том 5. М., 1967. Ответственные редакторы Толстов С.П., Вайнберг Б.И. Авторы разделов - Толстов С.П., Рапопорт Ю.А., Воробьева М.Г., Трудновская С.А., Лапиров-Скобло М.С., Рожанская М.М. и Веселовский Н.И.. Наиболее полный перечень публикаций см. на стр.10 (прим.11) этой монографии.
2. Большая советская энциклопедия. 2 издание, 21 том. М., 1953, с. 555.
3. Кой-Крылган-кала..., с.17, 18, 293, 308. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С.135.
4. Ставиский Б.Я. Искусство Средней Азии. Древний период, 6 в. до н.э. - 8 в. н.э. М., 1974. С. 66, 67.
5. Кой-Крылган-кала, с.229.
6. Там же, стр.31. Толстов С.П.. По древним дельтам..., с. 135.
7. Кой-Крылган-кала, с. 271.
8. Толстов С.П.. Работы Хорезмской экспедиции 1949-1953 гг. // ТХАЭЭ, том 2. М., 1958. С.170.
9. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958. Рис. на с.158. Опубликованный много позже план Акуйли-кошук (Georgina Herrmann. Monuments of Merv. Traditional Buildings of the Karakum. London, 1999) выглядит иначе и без лестниц.
10. Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии 9-10 вв. Берлин-Рига, 1992. Рис. на с. 266.
- 11-12. Кой-Крылган-кала, с.229, с. 37.
- 13-14. Толстов С.П. Указ, соч., с. 170. с. 192.
15. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. С. 133, 134.
- 16-19. Кой-Крылган-кала, с.18, с. 100, с. 265, с. 227.
20. Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии 5-8 вв. Берлин-Рига, 2000. Рис. 89, 101, 130, 131, 132, 133, 139.
21. Байпаков К.М., Шаренова З.Ж., Перегудова С.Я. Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 2001. Рис. 60. 51.
22. Хмельницкий С. Указ, соч., рис. 223, 224, 226 - 228.
- 23-28. Кой-Крылган-кала, с. 227, с. 228, с. 316. Таблица 3 - рис. 8, с. 229.
29. Рапопорт Ю.А. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1998. С.34.
- 30-31. Кой-Крылган-кала, с. 230, с. 236.
32. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954-1956 гг. М., 1959. С.24.

33. Толстов С.П. По древним дельтам..., с. 134
- 34-35. Кой-Крылган-кала, с. 253.
36. Там же, с. 255. 37. Булатов М. Мавзолей Саманидов - жемчужина архитектуры Средней Азии. Ташкент, 1976. С. 83.
- 38-47. Кой-Крылган-кала, с. 260, с. 261, с. 251, с. 252, с. 264, с. 265, с. 256, с. 256 - рис. 100, с.258 - рис. 101, с. 259.
48. Толстов С.П. По древним дельтам..., с. 124, рис. 65-г.
49. Кой-Крылган-кала, с. 258.
50. Weltgeschichte der Architektur. Seton Lloyd / Hans Wolfgang Miiller. Agypten und Vorderasien. Stuttgart 1987. Abb. 39, 170, 227.
51. Всеобщая история архитектуры, том 4. С. 210, рис. 6.
- 52-54. Кой-Крылган-кала, с. 294, с. 308, с. 61.
55. Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Рис. 161, 163, 164, 172,174, 177, 178. Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами, часть 2. Берлин-Рига, 1997. Рис. 142.
56. Труды Хорезмской экспедиции, том 2. С. 192.
57. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме. М., 1976. С. 172-174, рис. 105.
58. Булатов С.М. Построение архитектурной формы мавзолея Саманидов // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962. С 73.
59. Хмельницкий С.Г. Общественные здания в древнем Пенджикенте // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1977. С. 407-416.
60. Сарианиди В.И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Древняя Бактрия. Вып. 3. М., 1984. С. 5-31, рис. 23, 24.
61. Сарианиди В. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002. С. 165, 173.

Н.У. Абдулаҳатов

РИШТОНДАН ТОПИЛГАН БРОНЗА КЎЗА

IX-XII асрлар Шарқ уйғониши даврида аниқ фанлар билан биргаликда ижтимоий, диний-фалсафий фанлар ҳам ўз тараққиёти чўккисига кўтарилди. Мазкур ҳолат ўзига хос илмий-маданий муҳитнинг вужудга келишига, бу эса ўз навбатида ҳунармандчиликнинг юксак даражада ривожланишига ижобий таъсир кўрсатди.

Қорахонийлар даврида ҳунармандчилик юксак ривож топди, кулолчилик, шиша-созлик, мисгарлик, ёғоч ўймакорлиги, темирчилик, заргарлик ва бошқа ҳунар турлари санъат даражасига кўтарилди.

Фарғона водийсидаги Ахсикент, Кубо, Ўш, Ўзганд, Риштон, Поп ва бошқа шаҳарларда ўзига хос ҳунарманчилик мактаблари вужудга келди. Ҳунарлар орасида мискарлик етакчи ўринлардан бирини эгаллаган бўлиб, мисга безак бериш, бронзадан куйма идишлар яшаш соҳалари кенг тарқалди. IX-XII асрларда қумушнинг танқислиги ўз навбатида бронза ва мис буюмларнинг кўпайишига олиб келди (Пугаченкова, Ремпель, 1960, с.158). Бу даврда бу маҳсулотлар кўп ҳолларда кенг халқ оммаси учун эмас, балки ўрта табақа аҳоли ва йирик амалдорларнинг буюртмаларига асосан ясалган. XIX асрга қадар мискарлик буюмлари асосан шаҳарликларга хос буюм саналиб, унинг турлари унчалик кўп бўлмаган ва хўжаликда кам ишлатилган. Самарқанд, Бухоро ва Тошкент сингари катта шаҳарлардаги хонадонларда мискарлик буюмлари бойлик рамзи сифатида сақланиб келинган. Фарғонада ҳам мискарлик буюмларига шу нуқтаи назардан қаралган. Бинобарин, нотинч замонларда мисни ерга кўмиб қўйиб, кейинчалик яна уни танга зарбхонасига мис танга зарб қилиш учун топшириш мумкин бўлган (Пещерева, 1959, с.4). Шу боис ўрта аср ёдгорликларида мис ва бронза идишлар сопол ёки шишаларга нисбатан кам учрайди. Унинг яна бир сабаби, мавжуд хом ашёнинг камлиги ва қайта ишлаш жараёнининг мураккаблиги бозорларда мис идишларнинг нархи юқори бўлишига олиб келган. Шунга қарамай ҳозирда ўша

даврнинг мис ва бронза маҳсулотлари етарлича сақланиб қолган.

1999 йилда Г.П Иванов томонидан Риштон туманида шундай идишларнинг бир туркуми топилди (1-расм).

1-расм. Риштонда топилган кўза

Бу ерда тўрта бронза кўза ва бошқа идишлар қолдиқлари учради. Риштон кўзаларидан бири ўзининг аниқ нақшинкор безаклари, турли тасвирларнинг туширилиши, ёзувларнинг равшанлиги ва сақланиши билан бошқа топилмалардан аҳамиятлироқдир. Кўзанинг бўйи-36 см; таглигининг баландлиги – 2 см, диаметри-10 см; қорин қисмининг баландлиги-15,5 см, диаметри -17 см; бўйининг баландлиги 18,5 см, диаметри - 11 см. Кўза дастасининг бир қисми синиб кетган. Ушбу кўза

Ўратепадан ва Тожикистоннинг жанубий ҳудудидан топилган бронза кўзаларга ўхшаб кетади (Древности Таджикистана. Душанбе, 1985, с. 324). Кўзалардаги куфий ёзувлар, ислимий нақш ва «мадохил» медальон ҳам бир-бирларига яқин. Ушбу идишларнинг барчасига араб тилида куфий ёзувда, баракат, саодат, саломатлик сўзлари туширилган (Иванов, 1985, с.202-203).

Идишнинг қорни ноксимон кўринишда, бўғзи юқорига қараб кенгайган, оғзи қушларнинг боши шаклида ишланган, бошининг бир томони синган. Кўзада каптарнинг боши ифодаланганга ўхшайди. Бизга маълумки, каптар, товус, тустовук ва какликлар ёруғлик ва гўзаллик, тинчлик ва хотиржамликни ўзида мужассам этувчи жонзотлар сифатида VI-VIII асрлардаги мато, металл ҳамда деворий суратларда кўплаб марта ўз ифодасини топган (Ремпель, 1987, с. 32). X-XII асрларга келиб эса бу қушлар ҳунармандчиликда «бахт қуши» тимсолида тасвирлана бошлади. Масалан, бу даврда Эронда ишланган металл ва сопол буюмларда товусни ёмон кўздан асровчи қуш сифатида тасвирлаш анъанавий тус олганлигини назарда тутсак (Лунина, 1960, с. 86), қадимги риштонлик ҳунармандларнинг ижодида ҳам бу қушлар тўғрисидаги қадимги диний қарашларнинг таъсири сезилиб турганлигини кўрамай.

Ушбу мазмундаги тилаклар Эронда ишланган бронза идишларда ҳам учрайди (Иванов, 1985, с. 185). Риштон кўзасида бу сўзлар кўза бўғзисининг юқори ва куйи қисмида ва қорин қисмидаги тасмасимон белбоғида уч марта қайта такрорланган. Риштон кўзасидаги ҳайвонлар тасвири ўзининг ягоналиги билан ажралиб туради. Ушбу кўзада Сэнмурв (семурғ) деб аталувчи қанотли итлар жанги ва «ҳайвонлар пойгаси» деб номланувчи мавзу тасвирланган. Бу даврда ислом реал дунёни, тирик мавжудотлар тасвирини чизишни таққиллаган бўлса ҳам, Ўрта Осиё санъатида ҳайвонлар тасвирлари сирланган сопол-

ларда пайдо бўлади. Бунга халқнинг хотиротида жуда узоқ вақтлар сақланган ва авлодлардан-авлодларга ўтиб келган қадимги афсоналарнинг акс этиши сабабдир (Исомиддинов, 1993, 42-бет).

Марказий Осиё ҳудудларида сфинкслар - тўрт оёқли қанотли шер танали аёл; шер грифонлар - қуш каллали қанотли шерлар; қиз қушлар - одам бошли қушлар яъни семурғлар; сэнмурвлар - қиёфасида қуш ва итти, шунингдек балиқни мужассам этган қанотли итлар тасвирлари топилган бўлсада, улар ичида сэнмурвлар тасвири кам учрайди (Хақимов, 1983, с. 98).

Сэнмурвлар, яъни қанотли итлар образи Марказий Осиёнинг илк ёзма манбаларида ҳам ўз ифодасини топган. Сэнмурвда замин, сув, ҳавонинг уйғунлиги мужассамдир (Ремпель, 1987, с. 67). К.В.Тревернинг таъкидлашича, Сэнмурв анъанавий грифонларга ўхшайди. Унга кўра Авестонинг бир неча қисмида Сэнмурв номи тилга олиниб ўтилган (Хақимов, 1983, с.103). Дастлабки вақтда бу космик мавжудот инсониятнинг табиатдаги душманларига қарши курашиб келган. Кейинчалик Сэнмурв чорвани ва ўсимликларни ҳимоя қилувчи ҳомий вазифасини бажарган. Бу махлуқнинг космик ва мифик вазифаси ўз аҳамиятини йўқота бошлагач у семурғ қуш номи билан атала бошлаган. Сэнмурв тасвири туширилган тасвирий санъат ёдгорликларнинг энг қадимгиси эраמידан олдинги VI асрларга оиддир. Бироқ сэнмурвнинг тасвири ифодаланган буюмларнинг сақланиб қолган асосий қисми сосонийлар даври санъатига тўғри келади. Араб истилоси туфайли Сэнмурв образи бир қанча ўзгаришларга учради. Бинобарин ортодоксал ислом ўзидан аввалги барча диний қарашларга, шу жумладан зардуштийлик динида муҳим ўрин тутган ит билан боғлиқ диний қарашларга зарба берди. Ислом ақидасига кўра қора ит иблисининг бир кўринишидир. Шу боис бундай итларни ўлдириш лозим бўлган. Суннийликдаги Ханбалия мазҳабининг асосчиси Аҳмад ибн Ханбал (780-855) намоз пайтида ит пайдо бўлса намоз тўхталиши лозимлиги айтган. Ақидага кўра, агар уйда ит бўлса шу уйга фаришталар ташриф буюрмас эмиш (Литвинский, 1981, с.101). Масалан

«итнинг оғзи теккан нарса харом», «ит бор уйдан фаришта қочади» сингари иборалар фикримизнинг яққол ифодасидир.

Мана шу даврда бадиий адабиётда ҳам сэнмурв образини тасвирлаш анъанаси йўқолди, ундаги қуш билан боғлиқ жиҳатлар семурғ қиёфасида намоён бўлиб шу тарзда сэнмурвнинг тасвирий санъатдаги ифодасини сиқиб чиқарди. Бу араблардаги мавжуд руҳ ва анқо сингари семурғдек афсонавий қушлар тўғрисидаги қарашлар билан болиқ бўлиши мумкин.

Панжикент деворида тасвирланган суратда сэнмурв ер ва нариги дунё ҳукмдорининг белгиси сифатида маъбуданинг тахтининг беаб турган (Ремпель, 1987, с. 67).

А.А. Ҳакимовнинг таъкидлашича, Ўрта Осиёнинг IX-XIII асрлардаги буюмларида сэнмурвнинг исломдан олдинги иконографияси (ит тумшукли ва қуш думли, ҳамда қанотли балиқ тангалари) учрамаган. Фақатгина Варахшадан топилган чироғдондаги тасвир сэнмурвнинг каноник вариантга кўпроқ ўхшаб кетади (Ҳакимов, 1983 с.104). Хулбукдан топилган шиша флакон парчасидаги сэнмурв ҳам, Кўҳна Фазли шахристонидagi сопол идишдаги ва Самарқанда ясалган медальонга туширилган сэнмурвлар тасвири ҳам ўзгаришга учраган ва қанотсиз тасвирланган. Шундай экан, Риштон бронза кўзасидаги сэнмурвлар каноник сэнмурвдек балиқ тангаси ва қуш думисиз бўлсада, ўша даврга оид бронза идишлар ичида сэнмурв тасвири туширилган бронза кўза сифатида ҳозиргача ягонадир. Кўзада икки сэнмурвнинг бири-бирига орқа ўгириб жанга шайланган ҳолати тасвирланган, танаси қоплон танасига, тумшуғи тулки тумшуғига ўхшайди, думи эса гажаксимон шаклда бир-бирига туташган. Худди шундай сэнмурвлар тасвири Париж миллий кутубхонасида сақланаётган кумуш идишда ҳам ифодаланган (Банк, 1978, с. 57). Ит қуш тўғрисидаги қадимги тасаввурлар туркий халқлардан бири бўлмиш қозоқларда ҳозирга қадар сақланиб қолган. Унга кўра ғоз билан ўрдак ўртасида турувчи қушни қозоқлар «ит ола ғоз» деб атаганлар. Улар бундай қуш кучук боласини очиб чиқишга кодир деб ҳисоблаганлар ва дунёдаги энг

бахтли одамларнинг қўлигагина бундай ит қушлар тушиб уларга роҳат фароғат ато этади деб тушунганлар (Рапопорт, 1977, с. 58).

Риштондан топилган бронза кўза корнининг қуйи қисмида сэнмурвлар тасвирдан ташқари яна «ҳайвонлар пойгаси» ёки «ит пойгаси» тасвирланган. Бу тасвирларда арслон қоплонни, қоплон тулкини, тулки итни, ит эса қуённи қувлаётган ҳолати ифодалаган. Аммо бу оддий пойга эмас. Доира бўйлаб ҳаракатланаётган ушбу эртак қаҳрамонлари образи замирида чуқур фалсафий маъно ётади. Антик даврлардаёқ ушбу мавзу масал ва дostonларда ўз аксини топган. Эрамиздан аввалги II асрда яшаб ўтган юнон шоири Федр Бабрий куёни қувиб тута олмаган ит ҳақидаги масални ёзар экан «Қачондир бошқани овлаш ёки ўз терисини сақлаб қолиш ўртасида катта фарқ бор» деган иборани келтириб ўтган эди. Шарқда мазкур ов пойгаси қадимданоқ космогоник аҳамият касб этиб, у табиатнинг айланиб туриши тўғрисидаги тушунчалар билан ҳам боғлиқ бўлган (Ремпель, 1987, с. 110). Аммо IX-XIII асрларга келиб ушбу тушунчалар ўз моҳиятини йўқота бошлади. «Ҳайвонлар пойгаси» мавзуси бу вақтга келиб кўпроқ эртаклар билан боғлиқ манзараларни эслатувчи образлар сифатида ифодаланиб келинди. Бу ўринда Хулбукдан топилган XI асрга оид иккита сопол идишни, Ўзбекистон халқлар тарихи музейида сақланаётган бронза ҳовончани, Қирғизистон тарихи музейидаги бронза косани, Ниса шахридан топилган сопол идишни, Эрмитажда сақланаётган бронза косани ва Олтинтепадан топилган сопол идишни «ҳайвонлар пойгаси» тасвири туширилган буюмлар сифатида эсга олишимиз мумкин. Риштондан топилган бронза кўза сўнги йигирма йил ичида қўлга киритилган «ҳайвонлар пойгаси» тасвирига эга бўлган ягона топилма ҳисобланади. Кўзадаги ҳайвонлар халқ эртакларидаги образларни ифодаласада, биз уларда халқнинг маълум бир тарихи ва қарашлари акс этганлигини кўришимиз мумкин. Бинобарин, А.Н. Толстой «Эртаклар орқали минг йиллик тарих бизнинг кўз олдимизда гавдаланади» - деб айнан мана

шундай рамзий образлар тўърисида фикр юритган эди (Афзалов, 1964, 3-бет).

Энди шер образи ҳақида. Тарихдан маълумки, антик даврлардаёқ шер билан боғлиқ мавзулар тавирий санъат ва хунармандчиликда кенг тарқалган (Воробьева, 1958, с. 47-53). Шер қуёшнинг рамзий белгиси сифатида куч қудратни ифодалаб келган. Бинобарин Шарқда шер ва қуёшга жангчи Митра илоҳасига хос белгилардан бири тариқасида қаралганлиги маълум. IX-XII асрларда яратилган бадиий асрларда ҳам қуёш ва шер образи паҳлавоннинг куч қудратини ифодалашда бадиий восита сифатида қўлланиш давом этган. Бу ҳолат Фирдавсийнинг «Шоҳнома» асарига қуйидаги мисраларда ўзининг ёрқин ифодасини топган.

Бу сўзни эшитиб, кулиб дер Пирон:
«Қолмас экан асли, хунари пинҳон!»

Отга миндию йўлга тушди у,
Қуёш юзли шерга бўлди рўба-рў (Фирдавсий, Шоҳнома, 1975, 699-бет).

Меъморчилик обидаларида шер тасвирининг қўлланилиши ҳам қадимги қарашлар замирида юзага чиққан. А.А. Ромаскеевич Фарбий Эрондаги қабр устиган қўйилган шерсимон қабртошлар ғайрат ва енгилмас куч қудрат ато этувчи илоҳ сифатида талқин этилишини таъкидлаб ўтган эди (Лунина, 1960 с. 92). Шу боис ҳам илк ўрта асрларга оид Хитой ёзма манбаларида Кучи (Қошғар) ҳукмдорининг тахти олтиндан ясалган шер кўринишида бўлганлиги қайд этилади (Бичурин, 1950, II, с. 256). Бизга Қубо шахристонидан VII асрга оид шер тасвири туширилган сопол идишлар топилганлиги маълум (Булатова, 1972, с. 44). Бундан ташқари арслон XI-XII асрларда ҳукмронлик қилган Қорахонийлар сулоласида муқаддас ҳайвон сифатида эъзозланиб сулоланинг олий ҳукмдорлари «Арслонхон» унвони билан аталганлиги тарихдан маълум. О. Прицакнинг келтиришича арслон қарлуқ ва чигили қабиласининг тотеми (илоҳий ҳайвони) бўлган ва мазкур тотем кейинчалик ислом динини қабул қилган юқоридаги қабилалар учун

фахрий унвон сифатида қабул қилинган (Абдулахатов, Ҳошимов, 2002, 6-бет).

Туркий халқларда тулки ҳам қадимдан муқаддас ҳайвон сифатида эъзозланган (Алексеев, 1980, с.96-97). Шу боис XII-XIII асрлар хунармандчилигида тулки образи қўлланилган. Марвда топилган сопол идишлардаги тулки тасвирлари фикримизнинг яққол далилидир (Лунина, 1960, с.90). Маълумки тулки ўзбек халқ эртакларида ҳам айёр, олғир, ёлғончи ҳайвон билан бирга инсонларга ёрдам берувчи сеҳрли кучга эга ҳомий жонзот сифатида тасвирланади. У донолиги туфайли доим мушкул вазиятда ҳам йўл топа билувчи ақлли ҳайвон ҳисобланган.

«Ҳайвонлар пойгаси»даги асосий образлардан бири ит образидир. Археологик қазилмалар чоғида қабрлардан топилган ит суяклари шунини кўрсатмоқдаки, Марказий Осиё халқлари марҳумларга нариги дунёда яқин ёрдамчи бўлиши учун итларни ҳам қўшиб қўмганлар. Бу ўринда ит марҳумнинг кузатувчиси ва қўриқчиси вазифасини бажарган (Литвинский, Седов, 1984, с. 162). Зардуштийлик динининг муқаддас китоби «Авесто»да айтилишича, ит эзгулик худоси Ахурамазданинг сийланган жонзоти бўлиб, агар ит ўлса уни худди инсонларга кўрсатилган каби эҳтиром билан дафн этилиш лозим бўлган. Чунки Ердаги итлар нариги дунёда Чинвот кўпригидан ўтаётган марҳумлар руҳига ёрдам берадилар. Чинвот кўпригидан ўтаётган вақт ёвуз руҳлар ва девлар марҳум руҳига эгалик қилмоқчи бўладилар. Шундай пайтда итлар вовуллаб ёвуз руҳларни кўрқитиб турадилар (Бойс, 1981, с.165). Шу боис Марказий Осиё халқларида ёвуз руҳларга қарши итни чақириб афсунлар қилиш одати сақланиб қолган (Брагинский, 1956 с. 57).

Қизиғи шундаки, гарчанд IX-XII асрларга келиб ортодоксал ислом ит билан боғлиқ қарашларни қоралаган бўлсада, тасаввуф тариқати вакиллари дунёқарашда ит билан боғлиқ тушунчалар муҳим аҳамият касб этган. Риштондан топилган бронза кўзадаги ит тасвири кўпроқ туркман овчи този итларига ўхшаб кетади. Ўрта асрларга оид хунармандчилик буюмларида тасвирланган ит образи кўпроқ турк-

ман тозиларга ўхшашлигига М.Е. Массон ҳам эътибор берган (Хакимов, 1983, с.107).

«Ҳайвонлар пойгаси»даги куён образига ҳам алоҳида тўхталиб ўтиш лозим. Куён образини тасвирлаш қадимги скифлар тасвирий санъатида кенг ўрин олган. Геродот куён скифлар ҳаётида муқаддас саналганлиги айтиб бу ҳақда кўйидаги воқеани баён қилади: «Пиёда ва отлиқ скифлар форсларга қарши жангга жанговар ҳолатда тизилишган вақт уларнинг орасидан куён чопиб ўтди. Уни сезишиб қолгач, ўша онда қувишга тушдилар. Уларда қий-чув бақирликлар бошлангач, Доро душман орасида кўтарилган тўс-тўполоннинг сабабини сўради. Уларнинг куён ортидан қувишаётганлигини билгач, у «Бу одамлар бизни умуман назарига илмаяптилар ва энди менга барчаси тушунарли. Гобрий скифлар совғасининг маъносини тўғри тушунтирган экан. Вазият бизга қайтишимизни таъминлашни чуқур ўйлаб кўришни тақозо этади» (Раевский, 1985, с. 60).

Скифлар маданиятида куён билан боғлиқ мотивлар кўплаб учрайди. Е.Е. Кузьминанинг талқинига кўра Амударё хазинасидаги қумуш буюмда тасвирланган куён ови сюжети осетинларнинг Нарт эпосида ҳам ўз аксини топган. Ушбу эпоснинг бош қахрамони Хамиц овда учраган оқ куён қиёфасидаги сув худосининг қизини Ер юзининг чеккасига қадар қувиб боради. Е.Е.Кузьмина ушбу сюжетни скифлар асотирлари билан боғлайди. Ушбу асотирга кўра скифларнинг илк аждоди сув худосининг қизи бўлган. Агар Нарт эпоси ва скиф мифологиясининг келиб чиқиши умумий илдизни ташкил этса у ҳолда куён чиндан ҳам сув стихияси билан боғлиқ бўлган (Раевский, 1985, с. 62). Қолаверса, Фарғонанинг антик даврига оид қабрларидан бирида топилаётган бронза узукдаги куён тасвири ҳам бежиз ишланмаган. Бинобарин куён тасвири нафақат зийнат сифати-

да, балки шу узукнинг эгаси учун маълум бир илоҳий хусусият ҳам касб этганлиги эҳтимолдан ҳоли эмас. Шунингдек қадимги Хитойда ойда ой куёни яшаши ҳақида тасаввурлар бўлиб, бу кейинчалик буддавий шаклда ҳам ўз ифодасини топган. Унга кўра ростгўйлиги туфайли куён Будда томонидан ойга юборилган экан. Шу боис хитойликлар куённи фаровонлик ва ҳайвонлар худосининг йўлдоши деб қараб келганлар (Ильясова, Ильясов, 1989, с. 26).

Ушбу маълумотлар бизга Евросиё халқлари дунёқарашида қадимдан бошлаб куён илоҳаси мавжуд бўлиб, бу ўз навбатида тасвирий санъат ва миллий ҳунармандчиликда кенг ўрин топганлигини кўрсатади (Кизласов, Короголь, 1990, с. 133). XII асрга оид сопол ва металл буюмларда куён тасвири кенг учрайди (Лунина, 1960, с.94). Ахсикентдан топилган чирғондаги ҳам куён тасвири ҳам фикримизнинг яққол далилидир (Ильясова, Ильясов, 1989, с. 26).

А.А. Ивановнинг фикрига кўра, шу вақтга қадар топилган XI-XII асрларга оид бронза буюмларнинг асосий қисми Мовароуннахрнинг шимоли-шарқий қисмида ишланган бўлиб бу ҳозирги Фарғона водийси ҳудудларига тўғри келади (Иванов, 1970, с.104). Бу фикрнинг исботини Қува, Риштон ҳамда Ахсикентдан топилган ўрта асрларга оид бронза буюмлардан кўриш мумкин. Фарғоналик ҳунармандлар ишлаб чиқарган бронза буюмлар ўзининг ихчамлиги ва кўркемлиги билан Хоразм, Самарқанд, Бухоро буюмлари билан бемалол рақобатга киришган ва бу борада ўша давлардаёқ камолат чўққисига кўтарилганлигини кўрсатади.

Хуллас, Риштондан топилган бронза кўза бизга Фарғона водийсининг шу вақтга қадар кам ўрганилган ўрта асрлар ҳунармандчилиги тўғрисидаги тушунча ва тасаввурларимизни янада бойитишда муҳим ўрин тутаяди.

Адабиётлар:

- Афзалов М.И. Ўзбек эртақлари ҳақида. Тошкент, 1964.
 Абдулахатов Н., Хошимов Б. Бурхониддин ал Марғинович даври ва унинг авлодлари. Фарғона. 2002.
 Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
 Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX-XII вв. М., 1978.

- Бичурин. Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, том II, М.-Л., 1950
- Брагинский И.С. Из истории Таджикской народной поэзии. Москва «Наука» 1956
- Булатова В.А. Древняя Кува. Ташкент. 1972.
- Воробева. М.Г. Изображение львов на ручках сосудов из Хорезма. // ИЭ. XXX. 1958
- Древности Таджикистана. Душанбе. 1985
- Иванов А.А. О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время // КСИИМК. №122. М., 1970.
- Иванов. А.А. Бронзовая чаша из Хунзаха // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.
- Исомиддинов М.Х. Сополга битилган тарих. Тошкент, 1993.
- Ильясова С.Р., Ильясов Дж. Я. Находка из Ахсикета // Вехи времен. Альманах - 89. Ташкент, 1989
- Комилов Н. Нажмиддин Кубро. Тошкент, 1995.
- Кызласов Л.Р., Короголь Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакассов как исторический источник. М., 1990.
- Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев (1) // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981
- Литвинский Б.А. Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.
- Лунина Б.А. Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII-XIII вв. в квартале керамистов Старого Мерва // Труды ТашГУ. №5. Ташкент, 1960.
- Мэри Бойс. Зооастрийцы (Верования и обычаи). М. 1987.
- Пещерева Е.М. Гончарное производства Средней Азии. М., 1959.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.
- Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985
- Рапопорт Ю.А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и Средневековье. М., 1977.
- Ремпель Л.И. Цепь времен. Ташкент, 1987.
- Фирдавсий. Шоҳнома. Тошкент, 1975.
- Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX-XIII веков. Ташкент, 1983.

А.Х. Атаходжаев, Б.Д. Кочнев

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ – НОВЕЙШИЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ МАВЕРАННАХРЕ (ДРЕВНОСТЬ, РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД)

Более двух тысяч лет Самарканд был одним из крупнейших торгово-ремесленных центров Средней Азии и на самаркандском рынке всегда активно циркулировали монеты многих стран и династий. Вполне понятно обилие нумизматических находок с территории Самарканда и вполне закономерен интерес к этим находкам, которые изучаются уже более столетия. Первую крупную сводку самаркандских монетных находок (до IX в.) опубликовала Т.С. Ерназарова (Ерназарова, 1974, с. 155-237), в дальнейшем продолжившая издание новых находок (Ерназарова, 1978, с.132-146; 1979, с. 105-119), в том числе, совместно с Б.Д.Кочневым (Ерназарова, Кочнев, 1975, с.69-76; 1977, 131-154). Подборки афрасиабских нумизматических находок, в основном с отдельных раскопов, публиковали также Г.В. Шишкина (Шишкина, 1965, с.32-44), Э.В.Ртвеладзе, Ш.С. Ташходжаев, М.Н. Федоров (1974. с. 147-154), Х.Г. Ахунбабаев (Ахунбабаев, 1986, с.79-98; 1988, с.101-108; 1999, с.64-77). За последние полтора десятилетия в ходе археологического исследования городища Афрасиаб - древнего и средневекового Самарканда, накоплено значительное количество нумизматического материала, не только отдельных находок, но и нескольких монетных кладов, относящихся к различным хронологическим периодам. Настоящая работа продолжает традицию публикации монетных находок, охватывая находки монет с 1989 по 1999 гг. Обилие фактического материала IX-X вв. позволяет добавить новые штрихи в общую картину денежного обращения в этот период в Центральном Мавераннахре.

Подавляющее большинство рассматриваемых в данной сводке монет относится к известным уже типам и в этой связи было сочтено достаточным, не приводя описаний, ограничиться лишь указанием на династийное происхождение, место и дату чеканки. В каждом отдельном случае приведены не все

публикации и только какая-то одна – это, как правило, сводные либо самые авторитетные, либо наиболее доступные издания. Описаны только неизданные на сегодняшний день монеты, для опубликованных монет (прежде всего мусульманских) приведена информация о месте и времени их выпуска, имена и титулатура упоминаемых на монетах лиц. Приводятся также сведения о весе и размерах монет, время и место находки. При описании используются следующие сокращения: л.с. – лицевая сторона, о.с. – оборотная сторона, к.л. – круговая легенда, в.с.- выпускные сведения, в.- вес, д.- диаметр, р.- раскоп, б.н. – без номера (т.е. без указания точного места находки), п.- подъемная.

КАТАЛОГ

Домусульманские монеты

§ 1 Серебряные монеты с изображением лучника

1. Самаркандский Согд. Неизвестный правитель (V-VI вв.) (Зеймаль, 1983, с. 271-272). В. 1,25; д. 0,8. 1982 г. Р.2/000/36.

§ 2 Медные нахшебские монеты

2. Нахшеб. Неизвестный правитель (V-VI вв.). (Кабанов, 1961. с. 137 –145). В. 1,7; д. 11-12. 1993 г. Р.7 /л 9.

§ 3 Медные тюрко-согдийские монеты

3. Согд. Неизвестный правитель (VII в.?). (Смирнова, 1963, с. 137, № 792). Фрагмент. 1993 г. Р.7 /090, в забутовке дворцового помещения.

4. То же, фрагмент отсутствует. 1997 г. Р.7/ в пахсовой забутовке над участком л8 (96).

§ 4 Медные монеты ихшидов Самарканда Шишпир (не позднее 642-660 гг.). (Смирнова, 1981, с. 103-108, № 48-77).

5. В. 1,8; д. 20.1993 г. Р.1 /030/02.

6. В. 2,5;д.24. 1993 г. Р.29/6/035.

7. В.1,2; д. 22. 1997 г. Р.7/под уровнем 034 в 035, помещение с нишей.

Урк Вартрамука (после 650/655 - не позднее 675 гг.) (Смирнова, 1981, с. 217-227, № 657-732).

8. В.4,4; д.26. 1994 г. Р.7/036, помещение л 2.

Тархун (700-710 гг.) (Смирнова, 1981, с. 138-158, №215-358)

9. В.2,6; д.22. 1990 г. Р.1/037/01.

10. В.2,4; д.23. 1994 г. Р.7/л014/01.

11. В.1,8; д.22-23. 1996 г. Р.7/0245-в траншее (91).

12. В.2,6; д.23. 1996 г. Р.7/стена л70(95)- стена помещения л11(94), в пахсовом блоке.

13. В.2,7; д. 23. 1997 г. Р.7/ п.

14. Фрагмент. 1997 г. Р.7/025 – в полу проходного коридора.

15. В.2,7; д. 23. 1997 г. Р.7- в кладке Ю-В башни.

16. Фрагмент.1997 г. Р.7/071, С помещение.

17. В.2,6; д.24. 1997 г. Р.7/помещение л32.

18. Фрагмент. 1997 г. Р.7/л17.

19. в.3,5; д. 24. 1991 г. Р.9/бадраб № 5.

Гурек (710-718; 722-738 гг.). Тип I (Смирнова, 1981, с.158-165, №359-399).

20. в.2,1; д.23.1991 г. Р.3/59.

Гурек (710-718; 722-738 гг.). Тип II (Смирнова, 1981, с.180-188, №436-464).

21. В.4,0; д.22.1993 г. Р.7/стена л 9(92).

22. Фрагмент. 1996 г. Р.7/яма л 106.

23. В. 3,5; д.22.1996 г. Р.7/0245.

24. В.2,5; д.23.1997 г.Р.9/бадраб №5.

Тургар (738-не ранее 750 гг.). Тип II (Смирнова, 1981, с.198-217, №519-656).

25. в.0,9; д. 20. 1995 г. Р.7.

26. В.1,7; д. 17. 1995 г. р.7/коридор 0120, над полом.

27. В.2,8; д. 19. 1996 г. Р. 7/0272, помещение л 11 (94), в заполнении.

28. В.2,2; д. 17.1996 г. Р.7/032-л3, яма.

29. В.2,6; д.22. 1996 г. Р.7/029 – верхний пол помещения.

30. В. 0,9; д. 17. 1996 г. Р.29/6, в оплыве стены.

31. Фрагмент.1997 г. Р.7/над полом 082, коридор.

32. в.1,0; д. 18. 1997 г. Р.7/заполнение у В стены здания.

33-42. Согдийские монеты, практически полностью стертые или окисленные, что не позволяет уточнить эмитента. Обнаружены в

ходе археологического исследования на Р.7 в 1993-97 гг.

§ 5. Серебряные монеты бухархудатского

типа

I. С иммитацией пехлевийской легенды (Walker, 1941, p.164).

43. В. 1,8; д. 24. 1996 г. Р.7/ помещение 0287, под стеной л 9 (94).

II. С надписью «ал-Махди» (Walker, 1941, p.164).

44. В. 2,8; д. 25. 1989 г. Р.2/022/08.

45 Фрагмент. 1991 г. Р. 3/б.н.

46. В.1,6; д.24.1994 г. Р.7/б.н.

47. Фрагмент. 1995 г. Р.7/0154, пол в л 1(94).

48. Фрагмент. 1996 г. Р.7/028.

49-50. Фрагменты. 1997 г. Р.7/016-17.

51. Фрагмент. 1997 г. Р.7/051.

III. «Мухамадийа» (Walker, 1041, p.XXIX,12)

52. В. 2,0; д. 25. 1993 г. Р.7/ л9 (030).

53. В. 1,6; д. 26. 1993 г. Р.7/084.

54. В.1,8; д. 25. 1995 г. Р.7/ л17.

55. Фрагмент.1996 г. Р.7/яма л39(95).

56. В. 28; д. 24-25. 1996 г. Р. 7/0164.

57. Фрагмент. 1996 г. Р. 7/ л 74.

58. В. 2,4; д. 23-24. 1996 г. Р. 7/ траншея у В плоскости стены л 72(95) 0213.

59. В. 1,7; д. 24. 1996 г. Р. 7/ л 11 (94).

60. Фрагмент.1996 г. Р.7/л 11(94).

61. Фрагмент. 1996 г. Р.7/л 11/037.

62. В. 1,4; д. 25. 1996 г. Р.7/ 0.120.

63. Фрагмент.1996 г. Р. 7/ л 39 (95).

64. В. 1,5; д. 21. 1997 г. Р. 7/ 030-нижний слой ямы л 12, В. участок.

65. Фрагмент. 1997 г. Р.7/ 017, в. участок.

66. Фрагментирован. 1997 г. Р. 7/011, яма л 39 (95).

67. Фрагментирован. 1997 г. Р.7/ забутовка помещения , л 8 (96).

68. Фрагментирован. 1997 г. Р.7/012 –13 (л 8 (960)).

69-70. Фрагменты бухархудатских дирхемов, чей тип не удастся установить. 1997 г. Р 7.

§ 6 Умайады

71. Фельс (здесь и далее - медная монета), выпускные сведения утрачены. В. 0,9; д. 12-13. 1995 г. Р. 6/29/039.

§ 7 Аббасиды

72. Седжистан 19/1// 806-807 г. Дирхем. (Тизенгаузен, 1877, с. 167, № 1497).

О. с., поле: Али; ар-Рашид; Мухаммад.
В.1,6; д. 24 (фрагмент отсутствует). 1994 г. Р. 7/030.

Медные монеты

73. Без указания места производства, /133-136/750-754 гг/ (Тизенгаузен, 1873, с.65-67, № 665, 673, 681, 687).

В. 1,7; д. 19-20. 1997 г. Р. 7/023.

74. То же В. 2,7; д. 21. 1997 г. Р. 7/081, внутренний обводной коридор, над полом 082.

75. Самарканд 144/760-761 гг. (Смирнова, 1963, с. 141-149, №815-902).

О.с., к.л.: ал-Махди ал-амир Мухаммад б.Амир ал-муминин; ал-Аш'ас б. Йахйа.

В. 3,2; д. 22. 1989 г. Р. 1/039/01.

76. Фрагмент. 1991 г. Р. 2/001.

77. В. 2,6; д. 19. 1993 г. Р. 7/090.

78. Фрагмент. При чеканке была использована пара из двух штемпелей о.с. 1995 г. Р.9/018/01.

79. В.1,9; д. 18. 1996 г. Р. 29/6/046.

80. В.1,5; д. 20-22. 1997 г. Р. 7/077, л 22.

81. В. 2,7; д. 19. 1997 г. Р. 7/081.

82. В.1,3; д. 18. 1997 г. Р.-7/обводной внутренний коридор.

83. Фрагмент. 1997 г. Р. 7/081.

84. /Бухара 148/765-766 гг./ (Смирнова, 1963, с. 149-150, № 903-910).

О.с., к.л.: ал-Махди вали 'ахд ал-муслимин б.амир ал-муминин; Ма'бад.

В. 2,8; д. 22. 1989 г. Р.1/008.01.

85. Бухара 151/768 г. (Тизенгаузен, 1877, с. 83, 3 802). ал-имам ал-Махди вали 'ахд ал-муслимин; ал-Джунайид б. Халид.

В. 1,4; д. 18.1997 г. Р.7/073, помещение л 27.

86. В.1,2; д. 16-18. 1997 г. Р. 7/077, помещение л 22.

87. В. 0,8; д. 14. 1997 г. Р. 7/077, л 22.

88. В. 1,1; д. 10. 1997 г. Р. 7/077, помещение л 22, над вымосткой.

89. Самарканд 172/788-789 гг. (Тизенгаузен, 1877, с. 129, № 1164; Atachodžaev, 2003, S.232).

О.с.,к.л.: ал-амир Джафар б. Мухаммад; Мас'ада б. Бухайр (Буджайр ?). Фрагментирован. 1997 г. Р. 7/06.

90. Фрагментирован. 1997 г. Р. 7/041.

91. Бухара /18/5/801 г. (Тизенгаузен, 1877, с. 155, № 1391)

О.с., к.л.: 'Али б. 'Иса ; Саид б. Джафар. Фрагментирован. 1996 г. Р. 7/б.н.

92. Фрагментирован. Р. 7/0.6, помещение л 2.

93. Без указания места производства и даты выпуска (Самарканд(?), конец VIII в.(?)).

О.с.: гладкая, без следов надписей. В. 3,6; д. 25. Литая. 1996 г. Р.7/б.н.

94. то же. В. 2,7; д.22. 1991 г. Р.3/11395. 2-я половина VIII в. Фрагмент. 1995 г. Р.7/0.11.

96. То же. 1997 г. Р.7/078, над полом 079.

97. То же. 1997 г. Р.7/08¹.

98. То же. 1997 г. Р.7/077¹.

99. То же. В. 0,8; д. 1,0. 1997 г. Р.7/077 в л. 22.

100. То же. Фрагмент. 1997 г. Р.7/б.н.

101. То же. 1997 г. Р.7/ помещение л 22.077.

102. То же. 1997 г. Р.7/081¹.

103. То же. Фрагмент.1997 г. Р.7/077 в л 22.

104. Конец VIII – начало IX вв. Фрагмент. 1990 г. Р.1/016.01.

105. То же. В. 1,1; д. 12. 1991 г. Р. 3/030.

106. То же. В. 3,0; д.21.1993 г. Р.1/022.01.

107. То же. В. 1,1; д.15.1993 г. Р.1/015.01.

108. То же. 1994 г. Р. 29/6.

109. То же. Литой фельс. В.1,2; д.1,4. 1996 г. Р.7/028 в л. 105.

110. То же. Фрагмент. 1996 г. Р. 29/б.н.

111. То же. В. 1,1; д. 15.1996 г. Р.29/6.

112. То же. 1997 г. Р.7/013¹.

113. То же. 1997 г. Р.7/яма л. 26.070.

114. То же. 1997 г. Р. 7/077 в л. 22.

115. Самарканд 205/820-821 гг. (Марков, 1897, с.742-743).

О. С. К.л.: ал-амир Гассан б. Аббад. Фрагментирован. 1993 г. Р.7/083.

116. То же. В. 1,4; д. 19. 1993 г. Р.7/064 в л. 1.

117. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/0104.

118. То же. В. 1, 9; д. 20. 1997 г. Р.7/. С помещение.

119. 1-я половина IX в. Фрагментирован. В.1,0; д.18. 1996 г. Р.7/б.н.

120. То же. 1996 г. Р.7/ верхний пол л 72(95).

121. То же. Там же.

122. То же. В. 1,1; д. 20. 1996 г. Р.7/верхние слои.

123-127. То же. Фрагменты (5 экз.). 1996 г. Р.7/верхние слои л 72(95).

128. То же. В.1,0; д. 18. 1996 г. Р.7/б.н.

§ 8 Тахириды

129. аш-Шаш 241/855-856 гг. Фельс. (Ерназарова, Кочнев, 1978, с.134-135).

Л.с., поле: Абу Абдаллах; к.л.: Тахир; о.с., поле: ал-Мутавакил ала-Лллах.

В.4,0; д. 27. 1996 г. Р.7/бадраб л 76.

130. То же. В. 3,2; д. 25. 1997 г. 7/012¹.

§ 9 Афшины Усрушаны. Фельсы

131. Усрушана 279/892-893 г. (Кочнев, 1994 г., с. 65).

О.с., поле: Сайр; к.л.: ал-амир Сайр б. Абдаллах. В.1,9; д. 24.

1996 г. Р.7/092, помещение л 37.

132. Усрушана 280/893-894 г. (там же).

О.с., поле: Сайр; к.л.: ал-амир Сайр б. Абдаллах. В.2,3; д. 24.

1995 г. Р.7/яма л 50.

§ 10. Саманиды**Фельсы****Йахйа (б. Асад) (204-241/819-855 гг.)**

133. /Бинкет/, без указания даты производства (между 227-233/842-848 гг.). (Добровольский, Кочнев, 1982, с.191).

О.с., поле: Йахйа. В.1.7; д.14. 1995 г. Р.6/29.

Ахмад б. Асад (204-250/819-864 гг.)

134. Самарканд 244/858-859 г. (Тизенгаузен, 1855, с.84-85).

О.с., поле: Наср; к.л.: ал-амир Ахмад б. Асад. В. 2,0; д. 2. 1997 г. Р.7/кладка в л 8(96).

135. То же. В. 1,6; д.20. 1997 г. Р.7/яма л 39(95), под кубурной выстилкой л 8(96).

136. Самарканд 245/ 859-860 гг. (Тизенгаузен, 1855, с. 84).

О.с., поле: Наср; к.л.: ал-амир Ахмад б. Асад. В. 1,9; д. 20. 1997 г. Р.7/0.20.

137. То же. В.2.2; д.21. 1996 г. Р.7/0113² в л 8.

138. То же. В. 2,0; д. 20. 1996 г. Р.7/нижний пол в помещении л 11(94).

Наср I б. Ахмад (250-279/864-892 гг.)

139. Самарканд 256/869-870 г. (Тизенгаузен, 1855,с.84-85).

О.с., поле: Наср; к.л.: ал-амир Наср б. Ахмад. Фрагмент. 1993 г. Р.3/300.

140. То же. В.2,3; д. 22. 1996 г. Р.7/0159.

141. То же. В. 1,8; д. 21. 1996 г. Р.7/0226.

142. То же. В. 1.2; д. 22. 1996 г. Р.7/0149.

143. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/0173.

144. То же. В. 1.5 д. 21-22. 1997 г. Р.7/04, яма л 39(95).

145. То же. В. 1,5; д. 21. 1997 г. Р.7/030.

146. То же. В. 2.4; д. 21. 1997 г. Р.7/012², в л 8(96).

147. То же. В. 2,4; д. 22, там же.

148. То же. В. 1,0; д. 21. 1997 г. Р.7/012¹, яма л 39(95), л 8(96).

149. То же. В. 2,5; д. 22. 1997 г. Р.7/0.17.

150. То же. В. 2.1; д. 22, там же.

151. То же и там же. Сильно стерт.

152. То же. В. 2,6; д.22. 1997 г. Р.7/045.

153. Самарканд, /271-272/884-886 гг. (Марков, 1897, с.114, № 26-27)

О.с., поле: Наср; к.л.: ал-амир Наср б. Ахмад. Фрагмент. 1995 г. Р.7/яма под 098².

154. То же. В.3.4; д. 24. 1995 г. р.7/яма, синхронная 092².

155. То же. Фрагментирован.1996 г. Р.7/ заполнение в л 11(94).

156. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/016¹.

157. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/б.н.

158. То же. В.3,9; д. 25. 1996 г. Р.7/л 73.0174.

159. То же. Фрагмент.1996 г. Р.7/0197.

160. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/0177.

161. Самарканд 272/885-886 г. Фрагмент. 1991 г. Р.3/132.

162. То же. Фрагмент. 1995 г. Р.7/028.

163. То же. Фрагментирован. В.1.9; д. 23. 1996 г. Р.7/017².

164. То же. Фрагментирован. В.2.5; д. 24. 1996 г. Р.7/бадраб л. 49.

165. То же. В. 4.6; д. 26. 1996 г. Р.7/б.н.

166. То же. В.3,5; д. 25. 1997 г. Р.7/траншея I над нивелировкой, над Ю-В углом здания.

167. То же. В. 3.5 д. 24. Р.7/над В стеной.

168. То же. Фрагментирован. 1997 г. Р.7/б.н.

169. То же. В.1,5; д. 22. 1996 г. Р.7/0226

Ахмад б.Асад б. Ахмад б. Асад

170. Ахсикет 277/890-891 г. (Давидович. 1977, с. 117, № 111).

О.с., поле: Ахмад; к.л.: ал-амир Ахмад б.Асад. В.3,2; д. 24.

1997 г. Р.7/017¹.

Исмаил б.Ахмад (279-295/892-907 гг.)

171. Самарканд 280/893-894 г. (Тизенгаузен, 1855. с. 88).

О.с.,к.л.: ал-амир-Исмаил б. Ахмад. В.3.6; д. 24. 1993 г. Р.7/л 10(92).

172. То же. Фрагмент. 1995 г. Р.7/0104. яма л. 50.

173. то же. В. 2,9; д. 25. 1996 г. Р.7/017.

174. То же. В.2.5; д. 25. 1996 г. Р.7/0.200.

175. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/0103.

176. То же. В.3.0; д. 24. 1996 г.Р.7/012¹.

177. То же. Фрагмент.1997 г. Р.7/015.

178. /Самарканд 2/81 / 894-895 г. (Тизенгаузен, 1855, с.91).

О.с.,к.л.: ал-амир Исмаил б. Ахмад.

Фрагмент. 1995 г. .7/л 9(94). Л 24.

179. То же. В. 2.54 д. 25. 1995 г. Р.7/бадраб л 21(94).
180. То же. Фрагмент. В.2.3; д. 25. 1996 г. Р.7/яма л 10.
181. То же. Фрагментирован. В. 3,1; д. 25. 1996 г. Р.7/0136.
182. То же. Фрагментирован. В.2.4; д. 24. 1996 г. Р.7/022.
183. То же. В.3.44 д. 24. 1997 г. Р.7/04 – яма л 39(95).
184. То же. В. 2ю3; д. 25. 1997 г. Р.7/яма л 23/064.
185. Самарканд 282/895-896 г. (Тизенгаузен, 1855, с.92)
О.с.,к.л.: ал-амир Исмаил б. Ахмад.
Фрагмент. 1995 г. Р.7/0104, яма л 50.
186. Самарканд 286/899 г.(Fraehn, 1826, р.84).
О.с.,к.л.: ал-амир Исмаил б.Ахмад.
Фрагмент. 1996 г. р.7/0122, в л 8.
187. То же. В.3.0; д. 25. 1997 г. Р.7/014/л 4.
188. Самарканд 287/900 г. (Марков, 1897, с.117, №105).
О.с., к.л.: ал-амир Исмаил б. Ахмад.
В. 2.8; д. 25. 1995 г. Р.7/л 39¹.
189. То же. В.3.2; д. 25. 1996 г. Р.7/017.
190. То же. В. 3.6; д. 25. 1996 г. Р.7/0122/л 51.
191. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/0119/л 9.
192. То же. В. 2,8; д.25. 1996 г. Р.7/0.8/л 39(95).
193. Самарканд 288/900-901 г. (Марков, 1897, с.117, № 113-114).
О.с., к.л.: ал-амир Исмаил б.Ахмад.
В.3.4; д. 25. 1994 г. Р.7/л14.
194. То же. Фрагмент. 1994 г. Р.7/л 14.
195. То же. В.4,3; д. 25. 1996 г. Р.7/012²/л 8.
196. То же. В.2,8; д. 25. 1996 г. Р.7/012².
197. То же. В.2,9; д. 25. 1996 г. Р.7/012².
198. То же. В. 3, 5; д. 26. 1997 г. Р. 7/ С учас-ток.
199. Самарканд / 280-289/ 893-902 гг./ Фраг-мент. 1996 г. Р.7/верхние слои, л. 77.
200. То же. В. 4.3; д. 26. 1996 г. Р. 7/б.н.
201. То же. Фрагмент. 1995 г. Р.7/л 50.
202. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/ 0113¹/л 8.
203. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/0113¹/л 8.
204. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/л.10.
205. То же. В. 3,0; д. 25. 1996 г. Р.7/028².
206. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/ 028².
207. То же. Фрагмент. Д.24. 1996 г. Р.7/л 35.
208. То же. Фрагмент. 1996 г. Р. 7/ 0172/ л 8.
209. То же. В.2,1; д. 24. 1994 г. Р.7/л 21.
210. То же. В. 3,5; д. 23. 1994 г. Р.7/л 3.022.
211. То же. В. 3, 2; д. 23. 1994 г. Р.7/л 3.022.
212. То же. Фрагмент. 1995 г. Р.7/ 0104/л 50.
213. То же. Фрагмент. 1995 г. Р.7/098¹.
214. То же. Фрагмент. 1995 г. Р.7/098².
215. То же. Фрагментирован. В. 2,0; д. 23. 1995 г. Р.7/0.103/л 50.
216. То же. Фрагмент. 1995 г. Р.7/л 9.
217. То же. Фрагмент. 1995 г. Р.7/л 11(94).
218. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/0187/л 7.
219. То же. В. 1,8; д. 23. 1996 г. Р.7/смежное с л 38/л 8.
220. То же. Фрагмент. Расверлен у кря. 1996 г. Р.7/035/039(95).
221. То же. Фрагмент. Д.24. 1996 г. Р.7/б.н.
222. То же. Фрагмент 1996 г. Р.7/л 40/0.98.
223. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/028¹.
224. То же. Фрагмент. 1997 г. Р.7/ 012¹/л 39(95).
225. То же. Фрагмент.1997 г. Р.7/016-017.
226. То же. Фрагмент. 1997 г. Р.7/047, тран-шея I.
227. То же. Фрагмент. 1997 г. Р.7/л 39(95)/037.
228. То же. Фрагмент. 1997 г. Р.7/в контексте л 39(95).
- Наср II б. Ахмад (301-330/914-943 гг.)**
229. Самарканд 304/916-917 г. (Марков, 1896, с.127, № 377-380).
О.с., поле: Наср; к.л.: ал-амир ас-саид Наср б. Ахмад. Фрагмент.
1995 г. Р.7/л 50.
230. То же. Фрагментирован. 1995 г. Р.7/098¹-231./Самарканд/ 304/ 916-917 г. Фрагмент.
1996 г. Р.7/0.13.
232. Бухара 305/917-918 г. (Тизенгаузен. 1855, с. 147, № 4.).
О.с., поле: Наср; к.л.: ал-амир ас-сайид Наср б. Ахмад маула амир ал-муминин.
В. 2.4; д. 25. 1995 г. Р.7/л 1/0.15.
233. То же. В. 3.0; д. 25. 1995 г. Р.7/ л.2/010¹.
234. /Бинкет 306/918-919 г./ (Марков, 1896, с.129, № 423.).
Л.с., поле: Нух; о.с., поле: Наср; к.л.: ал-амир ас-сайид Наср б. Ахмад. В. 1,6; д. 24. 1994 г. Р.7/л 14.
235. То же. В.3,0; д. 29. 1995 г. Р.7/л 39.
236. Фергана 315/927-928 г. (Fraehn, 1826, р.116, № 98-104).
О.с., поле: Наср; к.л.: ал-амир ас-сайид Наср б. Ахмад.
В. 2.0; д. 25. 1993 г. Р.7/л 11.

237. Ахсикет /3/20/932 г. (Тизенгаузен, 1855, с. 173).

Л.с., поле: Малик; о.с., поле: Наср; к.л.: ал-амир ас-сайид Наср б.Ахмад.

В.1.9; д. 23. 1996 г. Р.7/0222.

238. Самарканд, дата утрачена. О.с., поле: Наср; к.л.: ал-амир ас-сайид Наср б. Ахмад. В.3.1; д.24. 1995 г. Р.7/ л 50.

239. То же. В. 1.7; д. 23. 1995 г. Р.7/ л. 50.

240. Выпускные сведения утрачены. Фрагмент. 1996 г. Р.7/035.

241. То же. Фрагмент. 1996 г. Р.7/л 11/037¹.

242. То же. В.2.0 д. 23. 1996 г. Р.7/012¹/л 8.

243. То же. Фрагмент. 1997 г. Р.7/016-017/л 39(95).

244. То же. В. 1,4; д. 20. 1996 г., подъемная.

Абдалмалик I б. Нух (343-350/954-961 гг.)

245. Бухара 349/960-961 г. (Тизенгаузен, 1855, с. 212, № 1)

Л.с, поле: Наср; о.с., поле: ал-малик ал-муваффах.

В.2.0; д.22. 1991 г. Р.1/б.н.

Мухаммад б. Исхак

246. Ахсикет 29/4?/ / 906-907 г. (Давидович. 1977, с. 119, № 116-117).

О.с.,поле: Мухаммад; к.л: ал-амир Мухаммад б. Исхак.

В.3.3; д. 26. 1991 г. Р.2/008.

§ 11 «Подражания» саманидским фельсам

247. «Подражание» саманидскому медному чекану Ахсикета конца IX в.

О.с., поле: Исхак. Фрагмент. 1994 г. Р.7/л 14/л 3.

№№ 247-273. Неопределяемые медные монеты, в большинстве своём, по ряду специфических фактурных признаков, относящиеся к чекану конца IX-X вв.

§ 12. Караханиды

274. Узденд 563/ 1167-1168 г. Дирхем (Давидович, 1979, с. 196).

О.с., поле: Ибрахим Арслан-хакан; к.л.: .../ал-з/ам Нусрат ад-дунья ва-д-Дин. В. 2,6; д. 28. 1991 г. Р.3/033.

275. /Самарканд/ без даты (между 556-566 /1160-1170 гг.). Дирхем. (Fraehn, 1855, р.56, №71,а).

О.с., поле: Кылыч Тафгач-хакан. В.1994 г. Р.1/003/01.

276. Ахсикет /426/1034-1035 гг./ Фельс. (Кочнев, 1995а, с. 258, № 802).

Л.с., поле: Муизз ад-Даула; О.с., поле: Кадыр-хан; к.л.: .../Малик б. Сайф ад-Даула/ маула амир ал-муминин.

Фрагмент.Д.26. 1993, подъем.

277. Место и время выпуска? (ориентировочно, 2-я или 3-я четверть XI в.). Фельс. Л.с., поле: хакан; О.с., поле: Ибрахим(?) б. (?)... . В.0,9; д. 14-16 (обрублен).

1991 г. Р.1/015/01.

§ 13. Караханиды (?)

278. Место и время выпуска-? (ориентировочно 2-я пол. XI-XII вв.), правитель ? Дирхем. Фрагмент. 1996 г. Р.7/26/отвал.

279. Без выпускных сведений и упоминания эмитента (ориентировочно, 1-я треть XII в.). Фельс. В.2,2; д.22. 1991 г. Р.3/018.

280. Анэпиграфная. Ориентировочно – XI-XII вв. Фельс. В.1.7; д.23. 1995 г. Р.7/л.11.

281. Бухара **5 г.х. (ориентировочно, XII-начало XIII вв.). Фельс. Фрагмент. Д.21.5. 1991 г. Р.1/047/01.

§ 14. Сельджукиды(?)

Санджар(?)

282. Без выпускных сведений (первая половина XII в.) (?). Фельс.

О.с., к.л.: ас-султан ал-а/зам.../; поле: Малик-шах(?). .0,9; д.18-20. 1991 г. Р.1/064/01.

§ 15 Ануштегиниды

Мухаммад б. Текиш

283. /Самарканд 613/ 1216-1217 г/ Дирхем. (Марков, 1896. с.299, №36-37).

О.с., поле: ас-султан ал-адил ал-азам Абу-л-Фатх Мухаммад б.Султан Текиш. В.6.0; д.37. 1996 г. Р.7/090/л.37.

§ 16. Мангыты(?)

284. XIX в.(?). Фулус. В.2.1; д.11-13. 1993 г. Р.3/582.

Клад № 1

Обнаружен на Р.7 в 1993 г. Включает 24 экземпляра, из них 6 серебряные, остальные медные. Клад был завернут в ткань, отпечатки которой были видны на некоторых монетах до очистки.

Состав клада:

№ 1-6. Дирхемы бухархудатского типа, с надписью «Мухаммадийа». В. 2,6; 2,3; 2,7; 2,6; 2,6; 2,7; д. 25; 25/27; 25/26/25; 25; 24/26.

№ 7-23. Фельсы. Аббасиды. Самарканд 205/820-821 г./

В.: 2,0; 1,5; 1,8; 1,2; 1,6; 1,1; 1,2; 1,3; 0,7; 1,2; 0,9; 1,1; 1,3; 1,5; 0,7; 1,1.

Д.: 19; 18; 20; 17; 18/19; 18/19; 19/20; 19; 18; 16/17; 18; 18/19; 17/19; 17/18; 19; 19; 17/18.

№24. Бинкет 20/5 /820-821 г. Не опубликован.

О.с., к.л.: ал-амир Гассан б. Аббад. В. 1,9; д.18/19.

Л.с., поле :

الله و حده
لا شريك له

К. л., в линейном круге :

... ..

О.с., поле

К.л., в точечном круге :

Клад № 2

Обнаружен в 1997 г. на Р.7/012²/л 8(96)/яма л 39(95).

Представлен 4 экземплярами, находившихся в керамическом сосуде-«копилке»(?).

Состав:

№ 1. /Самарканд 205/820-821 г./

О.с., к.л.: ал-амир Гассан б. Аббад. В. 1,7; д.18.

№ 2-3. Неопределяемые фельсы, отчеканенные только штемпелями о.с. В.1,7; 1,7.

Д.21; 22.

№ 4. Самарканд 256/869-870 г.

О.с., поле: Наср; к.л.: ал-амир Наср б.Ахмад. В.1,75; д. 22.

Клад № 3

Обнаружен в 1995 г. на Р.7 в верхнем заполнении 0.125¹ (в коридоре). Включает в себя 4 саманидских фельса.

Состав:

№ 1-3. Самарканд 281/894-895 г.

О.с., к.л.: ал-амир Исмаил б. Ахмад.

В.: 3,6; 3,3; 3,2.

Д.: 25; 25; 25.

№ 4. Самарканд 286/899 г.

О.с., к.л.: ал-амир Исмаил б. Ахмад. Фрагментирован. В.2,8; д. 25.

Клад № 4

Найден в 1996 г. на Р.7/090/л 37, на полу помещения. Клад представлен 68 однотипными караханидскими низкопробными дирхемами.

О.с., поле: Ибрахим Арслан-хакан; к.л.: ал-хакан ал-алим ал-адил ал-азам Нусрат ад-Дунья ва-д-Дин.

№ 1-5. Уздженд 559/1163-1164 г.

В.: 3,2; 3,2; 3,1; 3,1; 2,9.

Д.: 27; 28; 27; 27; 28.

№ 6-7. Уздженд 560/1164-1165 г.

В.: 3,0; 2,6.

Д.: 28; 28.

№ 8-10. Уздженд 562/1166-1167 г.

В.: 3,5; 2,9; 2,5.

Д.: 28; 28; 29.

№ 11-16. Уздженд 562/1166-1167 г.

В.: 3,4; 3,2; 2,9; 2,9; 2,8; 2,5.

Д.: 30; 29; 29; 30; 29; 29-31.

№17-18. Уздженд 562/1166-1167 г.(?)

В.: 2,9; 2,8.

Д.: 29; 30.

№ 19-21. Уздженд 563/1167-1168 г.

В.: 3,2; 2,9; 2,8.

Д.: 28; 29; 28.

№ 22. Уздженд 563/1167-1168 г.(?)

В. 2,5; д. 29.

№ 23. Уздженд 564/1168-1169 г.

В. 3,0; д. 29.

№ 24. Уздженд 564/1168-1169 г. (?)

В. 3,0; д.28.

№ 25-27. Уздженд 565/1169-1170 г.

В.: 3,1; 2,8; 2,4.

Д.: 28; 28; 28.

№ 28-33. Уздженд 566/1170-1171 г.

В.: 3,1; 3,1; 3,0; 3,0; 2,9; 2,7.

Д.: 28; 29; 28; 29.

№ 34-36. Уздженд 566/1170-1171 г. (?)

В.: 3,1; 3,0; 2,8.

Д.: 29; 29; 30.

№ 37-41. Уздженд 567/1171-1172 г.

В.: 3,2; 3,2; 3,0; 2,9; 2,7.

Д.: 27-28; 28-30; 29; 27-29; 28.

№ 42. Уздженд 564/1168-1169 или 567/1171-1172 гг.

В.2,7; д. 28.

№ 43-45. Уздженд 568/1172-1173 г.

В. 3,0; 3,0; 2,6.

Д.: 28-29; 29; 29.

№ 46. Уздженд 568/1172-1173 г.(?).

В.2.8; д.28-29.

№ 47-54. Уздженд 56/0-8/ / 1164-1173 гг.

В.: 3.4; 3.3; 3,2, 3,0; 3.0; 3.0; 2.9; 2.4.

Д.: 29; 30; 28-30;27-29;29;28,5;29;27.

№ 55-68 Уздженд 5/59-68 /1163-1173 гг.

В.: 3.5; 3,5; 3,3; 3,2; 3,1; 2,8; 2,8 ; 2,8; 2,8; 2,8; 2,7; 2,7; 2,6; 2,4.

Д.: 27; 27-29; 28; 29-30; 28; 28-29; 29; 28; 28; 30; 29; 29; 30; 29.

Комментарии

К № 1. Серебряные монеты с изображением на л.с. бюста царя и фигуры лучника на о.с., справедливо, относятся к чекану самаркандского Согда. Самые мелкие (и самые поздние) из них Е.В. Зеймаль относит к третьему и четвертому периодам, т.е. V-VI вв. (Зеймаль, 1978, с.208-209; 1983, с.269-273).

К № 2. Медные монеты с изображением на л.с. бюста правителя. На о.с.- фигуры царя (?), поражающего мечом вставшего не дыбы чудовище, Э. Друэн датировал III в. н.э. (Droin,1896), М.Е. Массон – III-IV вв. (Массон, 1977, с.137). Гораздо более обоснована, опирающаяся на стратиграфические данные, датировка С.К. Кабанова (V-VI вв.), который предложил для этих монет название «нахшебские», ибо большинство их найдено на территории Каршинского оазиса, т.е. Нахшеба (Кабанов, 1961, с.137-145). В последнее время другую их локализацию предложил Э.В. Ртвеладзе, полагающий, будто находки таких монет и в районе Шахрисабза свидетельствуют, что они чеканились не в Нахшебе (нижнее течение Кашкадарьи), а в Кеше (верхнее и среднее течение Кашкадарьи) (Ртвеладзе, 1987, с. 134; 1990, с.179). Действительно, такие монеты встречаются на памятниках среднего и верхнего течения Кашкадарьи, но лишь единичными экземплярами, тогда как в Каршинском оазисе их найдено несколько сот, в том числе в виде целых кладов (Баратова, Сулейманов, 2001, с.31-43).

К № 3. Медные монеты с погрудным изображением царя и царицы на л.с. , монограммой из двух рунических знаков «УШ+Й» и согдийской легендой на о.с. О.И. Смирнова включала в число тюрко-согдийских (Смирнова, 1963, с. 137-138, № 792-795; 1981, с. 359-370, № 1482-1497). Первоначально она

допускала их бухарское происхождение (Смирнова, 1963, с.137), впоследствии, кажется, отказавшись от точной локализации. По мнению Л.С. Баратовой, выделяющей их в группу Б класса II категории С, они выпускались в Согде в VII в. (Баратова, 1995, с. 15).

К № 43-70. Эти серебряные монеты, выпускавшиеся в течение длительного времени в Средней Азии по образцу сасанидских драхм Варахрана V, несут очень схематизированное изображение бюста царя в зубчатой короне на л.с. и алтаря огня со стражами по сторонам на о.с. Ранние эмиссии подобных монет выпускались еще домусульманскими правителями Бухары, бухархудатами, почему и получили в литературе название бухархудатских. Выпуск монет этой категории продолжался и после арабского завоевания (Давидович, 1979, с.151-153; Кочнев, 1990, с. 57). Но поскольку именовать выпуски мусульманского времени бухархудатскими нельзя, их обычно называли монетами (или дирхемами) бухархудатского типа (Довутов, 1981, с.31). Такое обозначение было бы удачным, если бы не один важный момент. Термином тип принято именовать основную классификационную единицу в нумизматике, и использовать тот же важнейший термин одновременно в другом значении едва ли возможно. Вероятно, по этой же причине Е.А. Давидович и отказалась от словосочетания «монеты бухархудатского типа», предпочитая называть их «бухархудатскими» (обязательно в кавычках, что бы не путать с собственно бухархудатскими) (Давидович, 1979, с.88, примечание 2). В недавнем времени Б.Д. Кочневым было предложено именовать монеты мусульманского периода «бухархудатидными», т.е., «подобными бухархудатским» (Кочнев, 1999, с. 51), что, как представляется, более точно определяет разницу между монетами двух групп. Основное отличие видов этих монет, прежде всего, заключается в надписи за головой царя. Эту надпись на монетах, аналогичных описанной в данной сводке под № 43, одни исследователи считают арабской, но более убедительна точка зрения других специалистов, полагающих, что это последняя стадия искажения пехлевийской легенды (Давидович, с.88, примечание 30). Время выпуска таких монет не известно, в число мусульманских афрасиабский экземп-

ляр включен более или менее условно: во-первых, чтобы не отрывать его от других монет той же категории, во-вторых, подобные монеты встречены в кладах вместе с другими, как теперь будем называть их, бухархудатоидными дирхемами бесспорно мусульманского времени, умайядскими и аббасидскими дирхемами (Давидович. 1979, с.85-117).

К № 4-45. На этих дирхемах за головой царя помещено выполненное арабским письмом слово «ал-Махди». Это имя (а точнее почетное теофорное прозвание) носил Аббасид Мухаммад б.Мансур. По убедительному заключению О.И. Смирновой, данное имя он стал помещать на бухархудатоидных дирхемах еще до того, как стал халифом, между 144-158/761-775 г. или даже между 151-158/768-775 г. (Смирнова, 1963. с. 59-64).

Разумеется, приведенные даты не определяют времени выпадения бухархудатоидных дирхемов со словом «ал-Махди», продолжавших обращаться до XII в. (Давидович, 1960, с.108-109; Кочнев, 1990, с.55-57).

К № 52-68. На монетах этого типа вокруг головы царя идет пространная арабская надпись – «Власть принадлежит/ Аллаху. Во имя Аллаха. Мухаммад – посланник Аллаха. Мухаммадийа. Из того, что приказал /выбить/ ал-Амин. Али. Сулайман». Слово «мухаммадийа» является названием монеты: по данным рукописных источников так именовался один из видов «черных дирхемов»(т.е. бухархудатоидных). Третье с конца слово одни специалисты читают «ал-амир», другие «ал-Амин», но палеографически более предпочтительно второе чтение (Кочнев, 1990, с.54-55). Если его принять, то оказывается, что дирхемы данного типа стали выпускать при внуке ал-Махди, шестом аббасидском халифе ал-Амине (809-813 г.). Обращались же такие монеты до XII в. включительно (там же, с.56).

К № 71. Архаический облик этого фельса не находит параллелей в известном аббасидском медном чекане Мавераннахра и сопредельных ему областей и поэтому допускается (не более - !) его более раннее, умайядское происхождение.

К № 73-74. Хотя выпускные сведения у этих фельсов утрачены, установить время их производства помогает тип о.с., в центре которого помещено ромбовидное украшение, а в к.л. – выдержка из 22 аята 42 суры Корана

с специфическими трехточечными разделителями. Такой тип о.с. присущ только фельсам 133-136/750-754 г., выбитых без указания места производства от имени известного исторического лица – аббасидского эмиссара, а впоследствии, наместника Хорасана, Абдаррахмана б.Муслима (Абу Муслима). По мнению Э.Цамбаура, оформление к.л. о.с. трехточечными разделителями типично для монет Мерва (Zambaur E. von., p. 239). Между тем, такие дифференты имеются и на аббасидских фельсах Балха и Бухары, что заставляет сомневаться в правомерности географической локализации, предложенной Цамбауром. Заметное число находок таких монет (автору известно около 40 экз.), происходящих из бухарского оазиса, где почти не встречаются фельсы Балха и Мерва, позволяет предположить их бухарское происхождение. Если так, то данные фельсы являются самыми ранними мусульманскими монетами, чеканенными на территории Согда и всего Мавераннахра в целом. Так же примечательно, что это первая находка фельсов Абу Муслима в Самарканде.

К № 84. Выпускные сведения на данном экземпляре утрачены, но они надежно восстанавливаются благодаря наличию на нижней части поля о.с. характерного знака в виде «сдвоенного якоря» между двумя трехточечными треугольниками, типичного для бухарских фельсов 148/765-766 г. Помимо ал-Махди на них фигурирует некий Мабад, по чьему распоряжению и была осуществлена данная эмиссия. По словам Табари, в 140/757-758 г. наместник Хорасана Абдалджаббар б.Абдаррахман схватил нескольких заподозренных в пропаганде шиизма военачальников, в том числе и Муджаши б. Хурайса ал-Ансари, правителя Бухары, а также ал-Джунайда б. Халида б. Харима ат-Таглиби и Мабада б. ал-Халила ал-Музани и заключил двух последних в темницу после мучительных побоев (ат-Табари, с. 354). Поскольку на бухарских фельсах 151/768 г. упоминается ал-Джунайд б. Халид (Смирнова, 1963, с.151-153, № 916-928), можно думать, что на фельсах Бухары 148/765-766 г. назван другой участник событий 140/757-758 г. – Мабад б. Халил ал-Музани.

К № 93-94. От всех прочих описываемых фельсов данные экземпляры отличаются не

только отсутствием надписей на о.с., но и техникой изготовления: обычно аббасидские (и не только аббасидские) фельсы чеканены по литым заготовкам, здесь же имело место только литьё, причем, похоже, в одностороннюю форму. Среди самаркандских монетных находок есть группа близких к данным экземплярам по почерку и общему облику литых фельсов с такой же л.с., но иной о.с.: в поле помещена вторая часть символа веры («Мухаммад – посланник Аллаха»), к.л. – такая же, как и на л. с. (кораническая). При отсутствии выпускных сведений и упоминаний эмитента атрибуция этой группы может опираться прежде всего на палеографию. Такой путь избрала в частности Г.В. Шишкина, когда попыталась датировать 4 литых фельса с одинаковыми на обеих сторонах легендами, найденных при раскопках средневекового жилого квартала на Афрасиабе. По её наблюдениям, содержание и размещение надписей, а главное – начертание букв с характерными точечными утолщениями на концах, сближают эти фельсы с динаром (золотой монетой), чеканенным в 170/786-787 г. без указания места выпуска (Шишкина, 1965, с.39). К этому можно добавить еще чрезвычайно близкие палеографически, литые фельсы Самарканда 171-172/787-789 гг. Поскольку литые фельсы разбираемой группы встречаются в Самарканде и не известны среди находок монет в Бухаре и Бухарском оазисе, наиболее вероятно, что они выпускались именно в Самарканде в 170-х гг.х., т.е. в конце VIII в.

К № 131-132. На этих фельсах, битых в Усрушане в 279/892-893 г. и 280/893-894 г., упомянут только Сайр б.Абдаллах, последний усрушанский афшин. В.В. Бартольд были известны (по публикациям А.К.Маркова) усрушанские фельсы 279/892-893 г. с упоминанием Сайра и фельсы 280/893-894 г. с упоминанием Саманида Исмаила б. Ахмада, позволившие ему заключить, что в 280/893-894 г. местная династия была низложена, а область присоединена к непосредственным владениям Саманидов (Бартольд, 1963, с.269; 282). Впоследствии Б.Д. Кочнев были выявлены усрушанские фельсы 280/893-894 г. с упоминанием Сайра (подобные описываемому здесь под № 132) и фельсы 279/892-893 г. с упоминанием Исмаила. Если подходить к этим фактам формально, то, выходит, что и в

279/892-893 г. и в 280/893-894 г. чекан в Усрушане осуществлялся как Сайром, так и Исмаилом, т.е. либо власть над областью на протяжении этих двух лет переходила из рук в руки, либо находилась одновременно в руках обоих правителей. Однако более вероятным представляется предположение, что для чеканки монет с именем Сайра и датой 280 г.х. (№ 132) использован по ошибке старый реверсный штемпель. Если это так, то остается в силе вывод В.В. Бартольда о том, что Сайр б. Абдаллах был лишен власти (или, по крайней мере, право самостоятельной монетной чеканки) еще в 279/892-893 г. (Кочнев, 1994, с.64-65).

К № 247. Данный экземпляр явно отличается от остальных монет небрежностью надписей и наличием грамматических и орфографических ошибок. Читаемое в поле о.с. имя Исхак и, хоть с трудом, но все же улавливаемое начертание названия монетного двора (Ахсикет) в к.л. л.с., дает основание предположить, что этот фельс является подражательным (возможно, и сфальсифицированным) выпуском, имеющим своим прототипом фельсы Саманида Исхака б.Ахмада, выпускавшиеся в Ахсикете в 284/897 г. Их каллиграфия уступает, скажем, самаркандским фельсам того же времени, но надписи ахсикетских фельсов все же выполнены достаточно грамотно. Рассматриваемый экземпляр отличается столь очевидной неграмотностью легенд, что позволяет его нелегальное происхождение. Поэтому термин «подражане» в данном случае следует понимать условно, не в смысле «варварское подражане».

К № 275. Помещенный на данной монете титул Кылыч Тафгач-хакан принадлежал Караханиду Масуду б Хасану, западнокараханидскому владельцу Мавераннахра (Давидович, 1977, с.177-185). В отличие от большинства других монет Масуда на этом дирхеме вообще не проставлена дата – вместо неё стоит упоминание халифа Мустанджида (555-566/1160-1170 гг.). Хотя монета выглядит медной, однотипные ей другие экземпляры, лучшей сохранности, названы в легендах «дирхемами». Как показал химический анализ двух самаркандских дирхемов Масуда другого типа (старшего номинала), монетный сплав, из которого они были изготовлены, содержал невысокую долю серебра – 22-25%

(Давидович, 1979а, с. 140), хотя обычно и такие монеты производят впечатление медных. К той же категории низкопробных дирхемов относится и монета Уздженда 563/1167-1168 г (№ 274) а также все дирхемы клада № 4.

К № 276. Фигурирующий на этом фельсе Кадыр-хан - это караханид Сулайман б. Харун, Муизз ад-Даула (он же Малик б. Сайф ад-Даула) – его вассал Аббас б.Мухаммад б.Наср б.Али. Кадыр-хан был сыном первого караханидского завоевателя мавераннахра Бугра-хана Харуна б.Сулаймана, Аббас приходился внуком второму караханидскому завоевателю Мавераннахра – Арслан-илеку Насру б.Али (Кочнев, 1993, с.21-24).

К № 277. Принадлежность типично караханидского титула «хакан», помещенного на л.с., под калимой, была уточнена словами, проставленными в нижней части поля о.с. К сожалению, уверенности в правильности чтения первых двух слов под калимой на о.с. как «Ибрахим б. ...» все же нет. Если же принять такое чтение, то это может быть только Ибрахим б. Наср б. Али, который был правителем Западного Караханидского каганата (со столицей в Самарканде) в 431-460/1040-1066 гг. (Кочнев, 1993, с.40). Известны фельсы Ибрахима б. Насра, выпущенные в Бухаре, Самарканде, Согде, но все они относятся к другим типам. Трудность определения этого экземпляра объясняется не только его низкой сохранностью, но и «обрубленностью» - будучи первоначально отчеканен на нормальном монетном кружке, данный фельс подвергся впоследствии обрубанию краев, в результате приобретя вид неправильного восьмиугольника и полностью лишился круговых легенд и части надписей поля. Смысл этой операции не вполне ясен, не исключено, что таким странным способом получали фельсы младшего номинала. Датируются они относительно – XI-XII вв., среди них имеются и фельсы Ибрахима б.Насра (Кочнев, 1995б, с.69).

К № 278. Этот фрагмент выглядит низкопробным, что, само по себе, позволяет датировать его в широких пределах 2-й половины XI-XII вв., когда и было развернуто широкое производство низкопробных дирхемов. На одной из сторон читается первая часть калимы («Нет Бога, кроме аллаха единого, нет ему сотоварища»), на другой стороне уцелело

лишь начало калимы («Нет Бога, кроме Аллаха...»), следовательно, невозможно определить, были ли идентичны надписи поля разных сторон (в таком случае можно было бы допустить ошибочное использование двух штемпелей л.с.). Среди караханидских монет не известны дирхемы с такими легендами и подобным обрамлением поля (на одной стороне - ободок из точек, на другой - двухлинейный квадрат), поэтому нет уверенности в караханидском происхождении данного экземпляра.

К № 279. На л.с. кружка помещена в две строки надпись «С высшим счастьем» (или «властью», «господством» - «ад-даула»), на противоположной стороне – «и постоянной победой»(или « вечной помощью» - «аннуса»). Этими надписями легенды исчерпываются и являются совершенно нехарактерными для репертуара монетных надписей в среднеазиатском домонгольском чекане. Тем не менее это всё же монета, в чем убеждают специфические параллельные риски-царапины, покрывающие обе стороны кружка. Как показывают наблюдения, такие риски – неперемнная принадлежность фельсов, чеканившихся в восточной части мусульманского мира (Хорасан. Мавераннахр, Хорезм, Восточный Туркестан) в IX–начале XIII вв. многими династиями (Аббасиды. Тахириды, Саманиды, Саффариды, Афригиды Кята, Мамуниды, Газнавиды, Караханиды, Сельджукиды, Ануштегиниды). Наличие на монетном кружке столь нетипичных, как уже отмечено, надписей позволяет думать, что такие изделия использовались не в сфере денежного обращения, а может быть, и изготовлялись не только для этого, но и в качестве амулетов, тем более, что по средневековым мусульманским представлениям, дожившим в Средней Азии вплоть до XX в., существовала тесная связь между монетой и амулетом, а Ибн Халликан (XIII в.) рассказывает о дарении динара-амулета (Кочнев, 1995в, с.281-284). Аналогичные описываемому экземпляры, в количестве 12, выявлены Б.Д. Кочневым в составе найденного в Туркменистане Тахтабазарском кладе, надписи некоторых из них сохранили название монетного двора – Самарканд (там же, с. 284). Остальные находки приходятся на Самарканд и его округу, что и позволяет признать ме-

стом их производства Самарканд. Помимо сказанного, можно отметить еще и то, что их обрамление аналогично обрамлению самаркандских половинных («нисфийа») фельсов, выпущенных без указания даты Караханидом Арслан-ханом Мухаммадом б. Сулайманом (495-524/1102-1130 гг.) (Марков, 1896, с.275, № 501-503). Аналогичен и почерк, которым выполнены надписи его фельсов и афрасиабской находки и, как кажется, не вызовет сомнений предположение, что и рассматриваемый здесь экземпляр был выпущен в Самарканде в годы правления Мухаммада б. Сулаймана.

К № 280. Этот монетовидный кружок лишен каких-либо надписей и изображений, поверхность его с обеих сторон покрыта множественными бороздкай-рискаим. Как показывает найденный в Самаркандской области койчилитепинский клад фельсов с поздней датой 415/1024-1025 г., такие анэпиграфные кружки участвовали в обращении наряду с обычными монетами и тоже были признаны фельсами (Кочнев, Атаходжаев, 1993, с.63).

К № 281. Одна сторона этого фрагментированного кружка покрыта только рисками и производит впечатление нечеканенной. На другой стороне видны жалкие следы надписей поля, к.л. уместилась на кружке частично. При таких условиях дата, определенная по особенностям почерка и по общему облику монеты, может быть только приближительной.

К № 282. На одной стороне этого фельса помещено зооморфное изображение, плохо сохранившееся. А поле другой стороны читается. Кажется, имя Малик-шах (в две строки), в к.л. уцелело слово «ас-султан» и часть второго слова « ал-а/зам/»; расчет места показывает, что здесь могло уместиться еще одно или два слова, например, «Санджар б.». При такой реконструкции (ас-султан ал-азам Санджар б. Малик-шах») эмитентом этой монеты оказывался бы последний султан из династии Великих Сельджуков Санджар б. Малик-шах (511-552/1118-1157 гг.). Как известно, со времени правления самого Малик-шаха, с 482/1089 г., Караханиды Мавераннахра стали вассалами Великих Сельджуков, которые иногда выпускали здесь монеты только от своего имени. Среди них есть

фельсы, выявленные пока лишь в чекане Санджара и близкие рассматриваемому экземпляру по весу и размерам (Ходжаниязов, 1979, с. 106-107, 113-114, 119-120; № 382-385, 413-417, 434-436). Но среди фельсов Санджара нет монет с зооморфным изображением, имеющих на его динарах (Петров, 1985, с.54. № 4, табл. 3, № 12-13). Все сказанное делает предлагаемую атрибуцию рассматриваемого фельса наиболее вероятной, но не окончательной.

К № 283. Определить место и год выпуска данной монеты позволяет помещенное в верхней части поля о.с. слово «зафари», характерное для дирхемов Самарканда 613/1216-1217 г. (Марков, 1896, с.289, №36).

К кладу № 1. Обычно клады с бухархуда-тоидными дирхемами не содержат других монет, кроме как дирхемов общемусульманского образца. В этом отношении публикуемый клад является исключением, так как состоит из бухархуда-тоидных дирхемов «мухаммадийа» и обычных аббасидских фельсов. Он интересен также тем, что, в отличие от большинства кладов с бухархуда-тоидными дирхемами, не поддающихся какой-либо уточненной датировке, может быть датирован довольно точно – близко к дате фельсов, т.е. к 205/820-821 г.

К кладу № 2. Особый интерес вызывают фельсы № 2-3. Внешне они выглядят как монеты, отчеканенные только штампами о.с., т.к. в поле обеих сторон помещена лишь вторая часть калимы («Мухаммад-посланник Аллаха»), типичная для о.с. Выпускные сведения не сохранились или не были проставлены, особенности почерка, которым были выполнены надписи, их размещение на кружке и наличие специфического украшения в виде крупной перевернутой запятой (часто трактуемого как арабская буква «Ха») под надписью в поле, сближает этот экземпляр с аббасидскими фельсами Самарканда 205/820-821 г. и фельсами Самарканда 205/820-821, 214/829-830, 217/832 гг. и Бинкета 205, 211-214/826-839 гг., битых Саманидом Нухом б. Асадом. Это сходство позволяет предварительно датировать данную монету, как произведенную в первой четверти IX в. На сегодняшний день мне известно свыше двух десятков подобных монет, происходящих из Центрального Мавераннахра. На од-

ной из них (хранится в Институте археологии АН РУз, б.н.) с определенной долей уверенности читается в к.л. титул и имя: «ал-амир Ахмад б. Асад». Учитывая вышеизложенные наблюдения и данный факт, можно предположить, что эти фельсы были отчеканены после смерти Нуха б. Асада (227/841-842 г.) его братом Ахмадом б. Асадом, который вместе, с другим своим братом Йахйой б. Асадом, получил права на владения Нуха (Якубовский,

1946, с. 110). Наиболее ранними монетами Ахмада б. Асада до сих пор считались самаркандские фельсы 244/858-859 г. Возможно, рассматриваемый здесь фельс, как и остальные подобные ему монеты, являются еще более ранними монетами Ахмада б. Асада, выпущенными между 227-241/841-859 гг. Учитывая ареал их находок (Бухарский оазис, Самарканд и его округа), можно считать, что и произведены они были в этом регионе.

Литература

1. Ахунбабаев Х.Г. Новые находки согдийских монет из раскопок 1978-1981 гг. в центральной части Афрасиаба // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
2. Ахунбабаев Х.Г. Новые находки согдийских монет из раскопок 1982-1984 гг. в центральной части Афрасиаба // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.
3. Ахунбабаев Х.Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999.
4. Баратова Л.С. Древнетюркские монеты Средней Азии VI-X вв. (типология, иконография, историческая интерпретация). Автореф. дисс. канд. истор. наук. Ташкент, 1995.
5. Баратова Л.С., Сулейманов Р.Х. Два клада «нахшебских» монет из каршинского оазиса (предварительное сообщение) // Нумизматика Центральной Азии. Вып. V. Ташкент. 2001.
6. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. т. I. М. 1963.
7. Давидович Е.А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов // Нумизматический сборник. Ч.2 (Труды государственного исторического музея. Вып. XXVI). М., 1957.
8. Давидович Е.А. Из области денежного обращения в Средней Азии в XI-XII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. II. М., 1960.
9. Давидович Е.А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977а.
10. Давидович Е.А. Новые данные по истории Саманидов (клад медных монет IX-X вв. из Самарканда) // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977 б.
11. Давидович Е.А. Дискуссионные вопросы в книге А.М. Беленицкого, И.Б. Бентович, О.Г. Большакова «Средневековый город Средней Азии» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979а.
12. Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979б.
13. Добровольский И.Г., Кочнев Б.Д. Монеты с именем Саманида Йахьи б. Асада // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.
14. Довутов Д. К истории изучения бухархудатских монет // Известия АН Тад. ССР, № 4. Душанбе, 1981.
15. Ерназарова Т.С. Денежное обращение Самарканда по археологическим данным (до начала IX в.) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
16. Ерназарова Т.С. Новые монетные клады городища Афрасиаб // ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.
17. Ерназарова Т.С. Новые монеты Афрасиаба и его окрестностей // ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1982.
18. Ерназарова Т.С., Кочнев Б.Д. Находки монет XI-начала XIII вв. на Афрасиабе // Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент, 1975.
19. Ерназарова Т.С., Кочнев Б.Д. Материалы к истории торговли и денежного обращения Самарканда в IX-X вв. // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
20. Ерназарова Т.С., Кочнев Б.Д. Монетные находки с Кендык-тепе // Древности Туябугуза. Ташкент, 1978
21. Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
22. Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983
23. Кабанов С.К. Нахшебские монеты V-VI веков // ВДИ, № 1 (75). М., 1961.
24. Кочнев Б.Д. Клад монет бухархудатского типа из Мианкаля // Нумизматика Узбекистана. Ташкент, 1990.
25. Кочнев Б.Д. Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование // Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1993.
26. Кочнев Б.Д. Мусульманский чекан Уструшаны // Древний Заамин. Ташкент, 1994.
27. Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (часть I) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып.4. М., 1995а.
28. Кочнев Б.Д. К истории Дженда XI-XII вв. // Известия Национальной Академии наук республики Казахстан. Серия общественных наук, № 4, Алматы, 1995б.

29. Кочнев Б.Д. О некоторых методах выделения среднеазиатских фельсов домонгольского времени // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 3. М., 1995 в.
30. Кочнев Б.Д. Среднеазиатские куфические фельсы с изображением коня // Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV. Ташкент. 1999.
31. Кочнев Б.Д., Атаходжаев А.Х. Два клада куфических монет из Узбекистана // Бартольдские чтения Тез. докл. М., 1993.
32. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
33. Массон М.Е. Парфяно-согдийские монеты области долины Кашка-Дарьи // История и культура античного мира. М., 1977.
34. Петров П.Н. Клад серебряных позолоченных динаров Великих Сельджуков // Эпиграфика Востока, XXIII. Л., 1985
35. Ртвеладзе Э.В., Ташходжаев Ш.С., Федоров М.Н. Нумизматические этюды // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
36. Ртвеладзе Э.В. Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1987.
37. Ртвеладзе Э.В. Модели генезиса монетной чеканки в Среднеазиатском Междуречье // На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.
38. Смирнова О.И. Клад аббасидских драхм с пенджикентского городища // Эпиграфика Востока. XV. М.-Л., 1963 а.
39. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963б.
40. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
41. Ат-Табари. «История». Избранные отрывки. Пер. с араб. В.И. Беляева с дополнениями О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. Ташкент, 1987.
42. Тизенгаузен В.Г. О саманидских монетах // Труды восточного отделения российского императорского археологического обществ. I, СПб., 1855.
43. Тизенгаузен В.Г. Монеты Восточного халифата. СПб., 1877.
44. Ходжаниязов Т. Каталог монет государства Великих Сельджуков. Ашхабад, 1979.
45. Шишкина Г.В. Монетные находки в жилом квартале древнего Самарканда // Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965.
46. Atachodzaev A.Ch. Zu den Munzfunden aus Karnab // Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasiien I. – Archäologie in Iran und Turan. Band 5. Berlin, 2003.
47. Druin E. Notice sur les monnaies des Grandes Kouchans posterieures et sur quelques autres monnaies de la Sogdiene et de Tokharistan // Revue Numismatique, ser. 3, vol. 14, 1896.
48. Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imperialis scientiarum Petropolitani. Petropoli, 1826.
49. Fraehn Ch.M. Nova supplementa ad recensionem numorum muhammedanorum Academiae Imperialis scientiarum Petropolitani. Petropoli, 1855.
50. Zambaur Eduard von. Die Munzprägungen des Islams. Bd. 1 Wiesbaden, 1968.
51. Якубовский А.Ю. Об одном раннесаманидском фельсе (из ранней истории Саманидского дома) // КСИИМК, XII, М.-Л., 1946.

А.А. Абдуразоқов, Д.Н. Азизов

АФРОСИЁБ ДЕВОРИЙ РАСМЛАРИНИ ЯРАТИШДАГИ УСУЛ ВА УСЛУБЛАР

Ўзбекистон халқларининг қадимги ранг-тасвир санъатининг шоҳ асари бўлмиш Афросиёб деворий расмлари ханузгача жамоатчиликни ва мутахассисларини ўзига ром этиб келмоқда. Оддийгина ва энг арзон маҳаллий минерал бўёқлардан VII-VIII асрларда бундай ноёб асар яратиш илк ўрта аср рассомларидан юксак маҳорат, бадиий билим ва тажрибаларни талаб этган. Ушбу мақола шу суратларнинг кам ёритилган қурилиш ва рангли тасвирларни яратиш масалаларига бағишланган.

Меъморий биноларни қуриш ва безашдаги бу усуллар Европа анъаналаридан тубдан фарқли ўлароқ бизда шу кунларгача қўлланиб келинмоқда. Бу қадим замонлардан бери фойдаланиб келинган асосий маҳаллий қурилиш ашёси – лойдан ишланган пахса деворлар, хом ғишт ва гувалақлардир (Гражданкина, 1951, 5-37 б.). Бу деворлардаги нотекисликлар ва ёриқлар лой, сомон ва сув аралашмасидан тайёрланган сувоқ ёрдамида текисланган. Бундай иншоотлар қишда иссиқлиги ва ёзда салқинлиги билан ажралиб туради.

Деворий расмларни ишлашда бошланғич асосий жарёнлардан бири деворни лойсувоқ билан ишлашни тўғри олиб боришдир. Фикримизча бу жараён уч босқичда олиб борилган. Улардан биринчиси қўл билан тортиш ёки текислаш, форсча - «панжа-каши» дейилади, бунинг натижасида девор текисланган. Бу босқичда деворнинг ҳамма жойини суваш шарт бўлмаган ва унинг қалинлиги ҳам деярли чегараланмаган. Бу ишга асосан тупроқ ва ўртгача майдаланган сомон (1:1,5 нисбатда) олинган. Бу аралашмага маълум миқдорда сув қуйилиб узоқ муддатда яхшилаб аралаштирилган. Ҳосил бўлган лойнинг усти бекитилиб дамланган. Бу иш икки-уч кун давом этган. Аралашма яхшилаб пишитилгандан сўнг лой ёрдамида қўл билан девор юзи текисланиб чиқилган ва қурилган.

Бу ишлар билан бир вақтда иккинчи босқич - «андова» сувоқ (форсча «давом этиш» демакдир)қа тайёргарлик олиб борил-

ган. Бу амал учун иккинчи махсус лой аралашмаси тайёрланган. Бунинг учун ҳеч қандай қўшимчаларга эга бўлмаган чуқур қатламлардан олинган энг тоза соғ тупроқ ва майдаланган юмшоқ сомон (1:1 нисбатда) олинади. Сув билан юқорида кўрсатилгандек 5-6 кун давомида яхшилаб аралаштирилиб дамланади. Натижада чўзилувчан ва майин лой ҳосил бўлади.

Иккинчи босқичдаги ишларни бошлашдан олдин тайёрланган девор юзаси яхшилаб хўлланган 2-3 см қалинликда андова сувоқ қилинган. Бу сувоқ яхши қурилгандан сўнг унга учинчи қатлам - «пардоз» сувоғи берилган. «Пардоз» - форсча «пиёз пардаси» яъни жуда юпқа деган маънони англатади. Пардоз сувоғи учун тоза сариқ тупроқ элакдан ўтказилиб унга эланган махсус сомон (табиий равишда ўстирилган) ва қамиш гули аралаштирилади (1:1 нисбатда), кейин сув қуйилиб (1,5:1 нисбатда) юқорида айтилган усулда 8-9 кун давомида ишлов берилиб чўзилувчан ва юмшоқ ҳолатга келтирилади.

Учинчи қатлам беришдан олдин иккинчи сувоқ юзи сув билан намланади ва девор юзига 0,5 мм қалинликда аралашма суртиб чиқилади. Зарур ҳолларда бу қатлам бир неча бор қайтарилиб суркаш йўли билан текисланиб чиқилади.

Афросиёб деворий расмларини кузатганда пардоз сувоқ устидан оқ рангли қатлам берилганини кўриш мумкин (Абдуразоқов, 1975, 3-63 б., Альбаум, 1975, 11-13 б.). Қўп тадқиқотчилар бу қатламни ганчдан деб эътироф этишган. Унинг қалинлиги одатда 0,5-1 мм атрофида бўлади. Бу қатламнинг берилиши ҳам ўзига хос усулда бажарилган. Маълумки, сувоқ соф ҳолдаги ганчдан тайёрланса у тез қотиб қолиб кўрсатилган қалинликка эришиш қийин бўлади. Натижада бўёқ бериладиган майдон нотекис чиқиши мумкин. Деворий расмларни кузатганимизда айрим бўёқ қатламлари ганчсиз пардоз сувоқ устида сақланиб қолганлигини кўрамиз. Бу ҳолат ганч қатламлари пардоз сувоқдан анча юмшоқроқ эканлигидан дарак беради. Шу

сабабли ер остидаги кўп асрлик жараёнлар ва намгарчилик таъсирида ганч секин - аста емирилиб буёқлар пардоз сувоқ устига кўчишига олиб келган.

Турли кузатувлар ва тажрибалар орқали ганч махсус усулда тайёрланиб девор юзасига берилган деган фикрга келиш мумкин. Бунинг учун 2,5 қисм сувга аста-секинлик билан 1 қисм ганч қўшилади ва тўхтовсиз равишда аралаштирилади, аралашма қотиш даражасига яқинлашиб қуюқлаша бошлагач унга 0,5 қисм сув қуйилади ва яна аралаштирилади. Бундай ишлов ганч қотмайдиган холатга етгунча қадар олиб борилади ва сўнгра аралаштиришни тўхтатиб унга 0,5 қисм сув қўшиб, 15-20 кун давомида юзасига чиққан сувни тўкиб юқорида кўрсатилган миқдорда сувда сақланади. Бу давр ичида эритмада ганч янада яхши эрийди. Бундай «етилтириш»дан сўнг аралашма қуёшда бир неча кун давомида қурилади ва қуриган бўлакчалар майдаланиб элакдан ўтказилади. Шу тариқа тайёр бўлган ганч тупроғи эланиб, олдиндан тайёрланиб қўйилган ширач (махсус ўсимликдан олинад) ёки камедь (мевали дарахдан чиқадиган елим) билан аралаштириб, қоришма тайёрланади. Бу қоришмани тайёрлаш учун ганч тупроғини елимга бўлган нисбати тахминан 1:0,5 бўлиши зарур, елимнинг қуюқлиги эса 5-8 фоизни ташкил этиши керак. Бу елимли қоришма девор сатҳига шимдирилиб ишлов берилгач қурилади, сўнгра тайёрланган ганч ва елим арашмаси билан бир неча марта махсус асбоблар ёрдамида суртиб чиқилади. Бундай ишлов бериш буёқларни бир текис беришда ва чўтканинг юмшоқ юришига ёрдам берган.

Қадимги деворий расмларни яратишдаги кейинги жараёнлар асосан буёқ тайёрлаш ва уларни ишлатиш билан боғлиқ бўлган. Ўрта аср рассомларининг бу соҳадаги ишлари уларнинг юксак билим ва маҳоратларидан дарак беради. Улар маҳаллий маъданлардан фойдаланиб турли буёқлар тайёрлаш усуллари яратганлар, бу соҳадаги тарихий анъаналарни мукаммал ўзлаштириш билан бирга уларни янги юқори босқичга кўтарганлар ва бу кашфиётлари орқали ўрта асрлардаги бадий хунармандчиликни ҳам юксак санъат даражасигача етказганлар. Улар атиги 5-6 хил рангли ва таркибли минерал буёқлар ёрдамида олий даражадаги тасвирий санъат

асарларини яратганлар, турли ранглар уйғунлиги (колорит)га эришганлар ва бир қанча турли иссиқ ва совуқ рангли шуълалар (оттенок)ни кашф этганлар. Афросиёб расларини кимёвий таркибини ўрганган олимлар ҳар тўрттала сарой деворларида ташки кўринишида бир хил бўлган рангли лазурит таркиб жиҳатдан турлича бўлиб қуёш йўналишига қараб буёқ таркиби ўзгартирилган деган хулосага ҳам келишган. Буёқ тайёрлашдаги ўзига хос бой тажрибани очик қизил рангни берувчи киновар, тўқ қизил рангли охра, оч сариқ охра, оқишроқ лазурит, оқ ва қора рангларни олиш маҳоратида кўришимиз мумкин.

Айрим композицияларда битта чизик ёрдамида бутун бир тасвирга шакл ва ҳаракат бағишланганлигига гувоҳ бўламиз.

Энг асосийси Афросиёб деворий расмларида, Ўзбекистон тарихида юз берган реал тарихий воқеалар, маросимлар, Самарқанд ҳокими Вархуман ҳаётининг айрим лавҳалари, ўша даврнинг кийи-кечак, қурол-аслаҳалар ва кўпгина манзаралари юксак маҳорат билан аниқ, ҳаётининг равишда акс эттирилган.

Деворий расмларни яратишдаги кейинги асосий босқич тайёрланган девор сатҳига бўлажак расм композициясини чизишдан иборатдир. Бундай чизмаларнинг чегара ва лойиха чизиклари асосан мўйқалам ёрдамида қизил охра (оч охрани оловда қиздириб олинад) бўёғида бажарилган. Лавҳанинг умумий режаси чизиб чиқилгандан сўнг зарур жойларга тегишли буёқлар суртиш жараёни бажарилган. Таъкидлаш керакки, рассом айрим буёқларни ишлатишда катта маҳорат кўрсатган, зарур ҳолларда ҳар бир буёқни асосий рангидан ташқари уларнинг турланиш ва шуълаланиш ҳоссаларидан кенг фойдаланиб ҳар хил қуюқликдаги ва жозиба (калорит)ли буёқларни олишга муяссар бўлган. Масалан, саройнинг жанубий деворидаги сариқ от ва девор остидаги чегара нақш - бордюрдаги сариқ ранг орасида таркибий умумийлик бўлса-да уларнинг жозиба ва турланиши турличадир. Уларнинг иккаласида ҳам асосий ашё сифатида оч охра (таркибида 25-40% Fe₂O₃ли) ишлатилган. Айрим ҳолларда бу рангларнинг қуюқ суюқлигига, оч ёки ва тўқлигига буёқларни суолтириш ёки бир неча марта суртиш орқали эришил-

ган. Буёқларни ишлатишдаги бу усулларни бошқа рангларда ҳам кўриш мумкин. Турли рангларни яратишда эса яна бир йўл - бир рангли бўёқ устидан иккинчи рангли бўёқ бериш усулидан фойдаланилган.

Афросиёб расмларида юксак дид билан ишлатилган буёқлардан яна бири бу киновардир (Вагнер, 1935, 135-136 б.). У одатда ёруғ, тиниқ, нурли қизил рангли бўлиб олтингугурт билан симоб бирикишидан ҳосил қилинади. Бу ранг одатда турли нақшларда тасвирланган шахсларнинг тўнларидаги безакларда, юз, қўлларида (оқ билан аралаштирилиб) фойдаланилган. Шу йўл билан уларнинг улкан, бой ва мансабдор кишилар эканлиги қайд этилган. Ҳозирги кунда бу ранглар анча ўзгариб, қора қўнғир тусга кириб қолган.

Қора рангли бўёқлар турлича йўллар билан олиниб улардан асосийси - бу узум уруғи ва бир йиллик наваларини ҳавосиз курук ҳайдаш усулидир. Бу ранг қора от чизилган жойларни ёпишда, совуқ кул рангни олишда, айрим тасвирларни соясини яратишда қуюқ ва суюлтирилган ҳолатда ишлатилади.

Айрим рангларни олишда кўпгина бир хил рангдан тағ қатлам ётқизирилиб, кейин устидан асосий ранг берилган ҳолатлар ҳам учрайди.

Афросиёб расмларида манзара ва фон асосий тиниқ ҳаво рангда бажарилган. Бу рангни олишда асосан ляпис-лазур тоши-лазурит ишлатилган (Бируни, 1963, 182 б.). Тарихий манбалардан маълумки қадимда ва ўрта асрларда бундай минерал фақатгина шимолий Афғонистоннинг Бадахшон тоғларидан олиб келинган ва ундан ложувард бўёғи ҳам тайёрланган. Бу рангли бўёқни тайёрлаш ҳақида ёзма манбаларда турли фикрлар бор, аммо уни ҳар бир рассом ўз йўлида ва имкониятига қараб тайёрлаган дейиш ҳам мумкин.

Афросиёб рассомларининг ранг олиш усулларини ўрганиш мақсадида айрим тажрибалар ўтказилди. Оддий лазурит тоши тўғридан-тўғри майдалаганда ўз рангини анчагина йўқотади. Шу сабабли унга махсус усуллар билан ишлов бериб қуюқлаштирилади. Бунинг учун лазурит яхшилаб майдаланиб кир совун эритмасида ювилади. Буни натижасида оқ рангли айрим моддалар ажралади, тозаланган пигмент эса қуюқ чўкмага тушади. Шундай усул билан лазурит тоши-

дан таҳминан 10 фоизгача керакли зангори бўёқ олиш мумкин. Афросиёб деворларида бу бўёқ икки хил усулда ишлатилган. Айрим нақш фонлари, кўз ва бошқа деталлар устмасуркаб қалин қатлам ҳосил қилиш ёки қора рангли бўёқлар устидан суюлтирилган зангори бўёқ бериш усулида амалга оширилган. Сўнги усулда бўёқ кам сарф қилинсада, аммо зангори ранг ёрқинлиги анча пасаяди.

Яна бир кузатув диққатга сазовордир. Афросиёб деворий расмларининг тадқиқотчилари оқ ранг олинишда ганч ёки каолин ишлатилган деган фикрдалар⁴. Бу моддалар ёрдамида тайёрланган оқ рангли қатламларни Афросиёб расмлари билан таққосланганда уларни оқ ранги анча пастлигини кўриш мумкин. Бу эса оқ ранг олишда қадимги рассомлар бошқа ашёдан фойдаланган деган хулосага олиб келади. Айрим тажрибалар орқали бундай ашё сифатида оҳак ишлатилганлиги аниқланди. Бунинг учун оҳакка махсус усулда ишлов берилади: оҳактошни қуйдириб олинган оҳакка сув қуйилганда у аввал қайнайди ва сўнгра секин-аста совиб тина бошлайди. Натижада уч қатламли аралашма ҳосил бўлади. Идишни энг пастги қисмида сувда эрмаган кум, тош ва бошқа жисмлар, ўртада - оқ рангли оҳак қатлами ва юзида - унинг зардоби жойлашади. Улар эҳтиётлик билан бир-биридан ажратилиб ўртадаги оҳак қатламидан маълум миқдорда олиб қурилади. Уни майдалаш ва элаш орқали олинган оқ рангли бўёқ Афросиёб суратларидаги оқ филни, одамларнинг юзлари ва қўлларини бўяшда ишлатилган. Бу оқ ранглар махсус тайёрланган оҳакли намуналарга жуда яқин.

Айрим тасвирда оқ пигмент устига иккинчи рангли бўёқ суртилиб ишланган лавҳалар ҳам учрайди. Рассомлар маҳорати устида гап кетганда бўёқ беришнинг учинчи йўли - иссиқ - совуқ ранглардан фойдаланиш усулларини ҳам қайд этиш зарур. Бунда бўёқ ва сувдан турли қуюқликдаги эритмалар тайёрланиб, соя томондан ёруғ қисмларга рангни пасайтириб бориш орқали эришилади. Бу ҳолатни Афросиёбдаги оқ филда, совуқ оқ тусда ва уни соя ва мушакларини кўрсатиш учун иссиқ ранг ишлатилганида кўриш мумкин.

Бу усулнинг яна бир кўриниши - бу бўёққа сув ўрнига оқ рангли пигмент кўмиш усули-

дир. Бу йўл Афросиёб расмларидаги кўк отнинг тумшуғини ёруғлигини ифодалашда қўлланилган. Бундай усуллар билан рассомлар тасвирларга шакл беришга ҳам эришганлар.

Қадимги рассомларнинг рангли бўёқларни ишлатишдаги маҳоратлари йўл-йўриқлари кўрсатилган усуллар билан чегараланмайди, албатта. Улар зарур ҳолларда уч-тўрт бўёқ қатлами ётқизиш орқали ҳам ўз мақсадларини амалга оширганлар.

Масалан, оқ, қора ранглар ва қизил охралар суркалган қатламлар устига чизикли штрих, шакл берадиган штрих ва қалин чизикни ингичкалаштириб чизилган штрихлар орали ҳам ажойиб кўринишлар яратганлар. Бундай йўллар билан Афросиёбда қора рангли чизиклар ёрдамида нақшлар чегарасини белгилашда, тўқ сояларни, соч, қош, соқолларни чизишда фойдаланилган. Тўқ со-

яларни янада чуқурроқ кўрсатиш учун соя томони қалин қилиб ёруғ томони пасайтирилиб чизилган. Сояларни тасвирлашда қора бўёқдан ташқари қизил охра ҳам ишлатилган. Одатда қизил охра ёрдамида юмшоқ соялар олинган, масалан одам юзи деталлари, қўлларининг панжа атрофлари ва хоказоларда фойдаланилган. Шу билан бирга бу ердаги оқ рангли чизиклар ёруғликни бўрттириб кўрсатишга хизмат қилган.

Афросиёб деворий расмларни яратиш усулларини таҳлил этар эканмиз, Сўғд рассомларининг оз сонли рангли минерал бўёқлардан фойдаланиб жуда бой ранглар мажмуасини яратганлигини, уларни ишлатилишининг турли усул, услуб ва йўл - йўриқларини ишлаб чиққанлигини ва оддий мўйқаламда юксак маҳорат кўрсатиб бекиёс шоҳ асарлар яратганлигига гувоҳ бўламиз.

Адабиёт:

1. Гражданкина Н.С. Древние строительные материалы Узбекистана // Строительные материалы Узбекистана. Ташкент, 1951, б. 5-37.
2. Абдуразаков А.А., Камбаров М. Реставрация настенных росписей Афрасиаба. Ташкент, 1975, б. 3-63, 17-18.
3. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, б. 11-13.
4. Вагнер Г. Красочные пигменты. Л., 1935, б. 135-136.
5. Абу-Райхон Мухаммед ибн Ахмед Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). (Пер. Беленицкого А.М.). Л., 1963, с. 182.

А.А. Анарбаев

ЖИЛИЩЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО АХСИКЕНТА

В многослойных памятниках Афрасиаб, Канка, Эски Акси и др. чаще всего изучаются верхние культурные слои. Нижние слои исследуются преимущественно в стратиграфических раскопах. Поэтому сведения о жилищах древнего периода весьма ограничены и скудны и только некоторые однослойные памятники (пригорода Кувы, Пенджикента, Халчаяна, Дальверзинтепа, Топраккалы и др.) дали хорошие материалы, характеризующие жилища античного и раннесредневекового периодов (Пугаченкова, 1981, с. 8-55; Булатова, 1972, с. 20-50; Распопова, 1990, с. 14-198).

На городище Эски Акси лишь на одном объекте (раскоп IX) были изучены остатки жилищ раннего периода, поскольку античные и раннесредневековые слои лежат под мощными напластованиями IX-нач. XIII вв.

На объекте IX внутри крепостной стены Акси IB под мощными средневековыми слоями вскрыты остатки 7 помещений, возведенные из пахсы с применением сырцовых кирпичей (45-49x25-27x7-9 см), которые относятся к раннему средневековью (рис. 1). Они расположены между двумя башнями и возведены внутри крепостной стены, впритык к ней, т.е. прежде чем построить эти жилые помещения, сначала изнутри крепостных стен была возведена ремонтная крепостная стена в виде «рубашки». Одновременно она служила северной стеной вышеупомянутых жилых помещений. Раскопочные работы показали, что жилые помещения 1, 3, 4, 6 составляют единый жилой комплекс, помещения 2 и 5 относятся ко второму жилому комплексу, а помещение 7 представляло третий жилой комплекс. И стратиграфически было выделено три строительных этапа.

Первый жилой комплекс представлен хорошо, но, к сожалению, он тоже раскопан не полностью; его северо-западная часть осталась не вскрытой. Вход находился в западной части комплекса и проходил через помещение 1, которое выполняло роль, как бы прихожей. Остальные помещения несомненно были жилыми. Они раскопаны в основном по

второму строительному этапу. Полы первого строительного этапа зафиксированы только на отдельных участках, с помощью шурфовки. Полы третьего строительного этапа удалось выявить лишь в отдельных местах, поскольку они были разрушены в более позднее время.

Помещение 1 (3,25x ? м) раскопано частично. Стены сохранились на высоту 1-1,25 м. Здесь удалось зафиксировать все три строительных этапа. На первом этапе, вдоль северной стены, была суфа шириной 1,05 м, высотой 0,25 м. Пол и суфа оштукатурены толстым слоем глины и самана. В юго-восточном углу зафиксирован проход, который функционировал на протяжении всех строительных этапов.

Во втором строительном этапе напротив прохода была возведена тонкая «Г»-образная стенка-перегородка (рис. 1) из пахсовых блоков. В это время пол помещения приподнят до уровня суфы, которая остается под ним и утрачивает свое назначение. Стены и пол помещения имеют три слоя обмазки из глины с саманом.

На уровне третьего пола обнаружены несколько железных предметов: ножовочное полотно (рис. 2:4), нож (рис. 2:3), крючок (рис. 2:1) и уголок (рис. 2:2). Аналогичные предметы, например, ножи, имеются в верхних слоях Пенджикента (Распопова, 1980, с. 61, рис. 40:11).

В заполнении (завале) помещения была обнаружена весьма богатая коллекция керамических сосудов, содержащая миски (рис. 4:10), чаши (рис. 3:8), кружки (рис. 3:1), горшки (рис. 3:9-12) и кувшины (рис. 4:16, 19, 22, 23). Все сосуды изготовлены на гончарном круге и не имеют ангобного покрытия. Близкие им аналогии мы находим в Ташкенте (Филанович, 1983, с. 67-72, рис. 5:1-59) и Пенджикенте (Бентович, 1964, с. 271, рис. 7; с. 270, рис. 6; с. 84, рис. 21), которые датируются VII-первой четвертью VIII в.

Помещение 3 размером 4,5x2 м в первом строительном этапе имело два прохода.

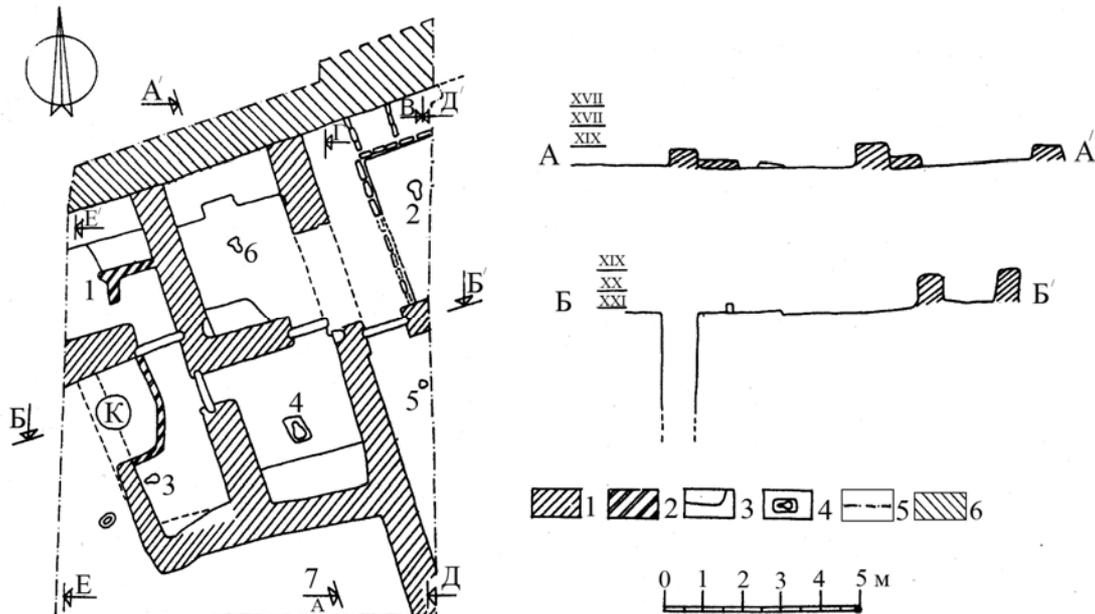

Рис. 1

вымошен сырцовыми кирпичами. После сооружения колодца северная половина помещения приобретает вид коридора, а южная половина становится отдельным отсеком и здесь возводится грушевидный очаг (рис. 1). Все это говорит о жилом характере южной половины помещения 3. В этом помещении зафиксированы следы третьего строительного этапа.

В заполнении помещения и колодца обнаружена керамика в виде полусферических чаш (рис. 5:6; рис. 6:12), кружек (рис. 6:8-10), кувшинов (рис. 5:11; рис. 6:14-16), лепных котлов (рис. 6:6, 7, 11, 13) и широкогорлого хума (рис. 6:22). Все станковые керамические сосуды имеют хороший вид, не покрыты специальным ангобом и относятся к последнему строительному этапу.

Аналогичные сосуды были зафиксированы в Пенджикенте (Бентович, 1864, с. 283, рис. 21:8, 10). Вместе с керамикой найдены железные изделия: трехлопастные наконечники стрел (рис. 7:2-3), нож (рис. 7:1) и бытовой предмет (рис. 10). Последний обнаружен в заполнении колодца и, видимо, использовался в качестве приспособления для подъема воды.

Аналогичные железные трехлопастные наконечники стрелы известны в Пенджикенте, Афрасиабе (Распопова, 1980, с. 69, рис. 44:4; Распопова, 1999. Рис. 15:5-6) и датируется в основном концом VII - первой четвертью VIII в.

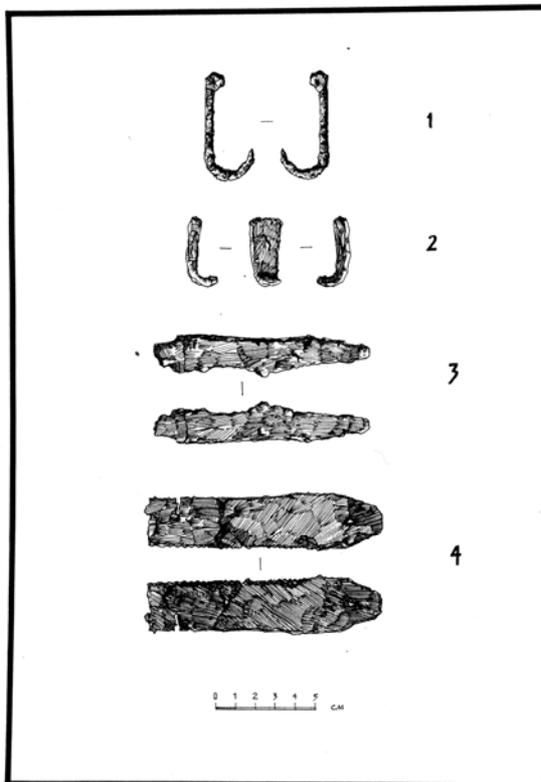

Рис. 2

Вдоль южной стены была зафиксирована полуразрушенная суфа (рис. 1). Во втором строительном этапе в планировке помещения происходит изменение. Так, в северо-западной части помещения стена была снесена и сооружен колодец диаметром 0,90 м, глубиной более 15 м. Колодец отгорожен с запада и юга тонкой стенкой из сырцовых кирпичей (45-49x24-27x7-9 см). Жерло колодца укреплено балкой, а пол вокруг него

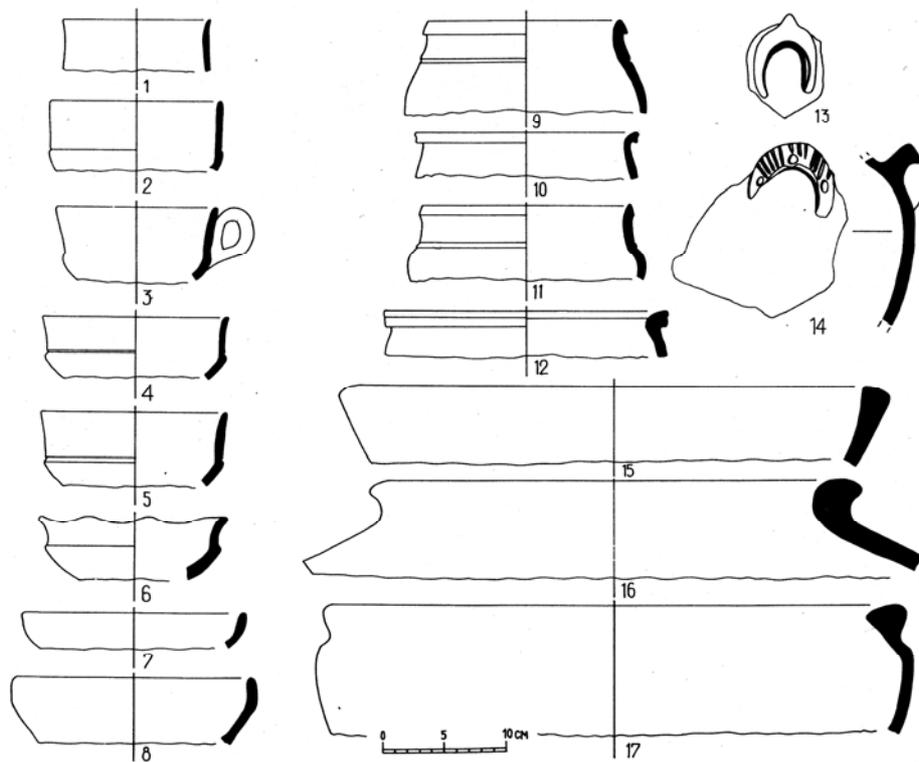

Рис.3

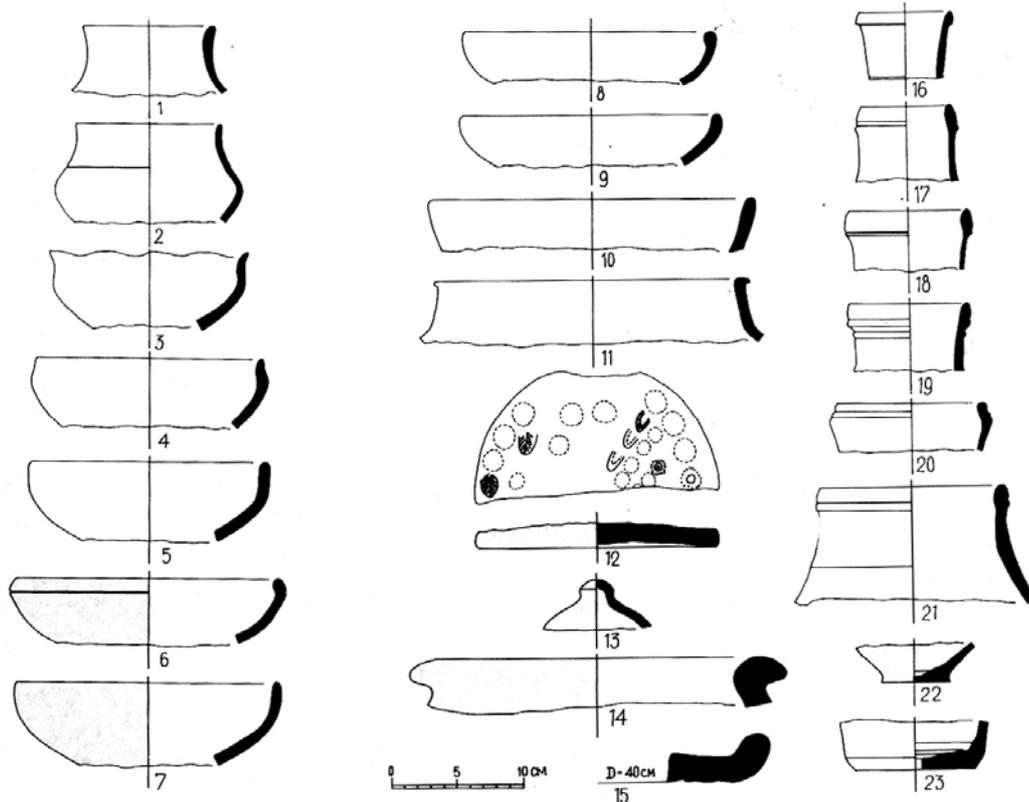

Рис. 4

Такие же трехлопастные наконечники стрел происходят из Тали-Барзу из слоя VII - начала VIII в. (Тереножкин, 1950, рис. 69:13). На уровне второго пола в очаге обнаружены бронзовое (рис. 8:1), а над полом в заполнении помещения железное кольца (рис. 8:2),

которые находят аналогии в Согде и датируются концом VII-VIII вв. (Распопова, 1980, с. 115, рис. 76; Распопова, 1999, рис. 29, с. 28-29).

Помещение 4 (3,80x2,75 м) раскопано на уровне второго строительного этапа. Стены

сохранились на высоту 0,50-1 м и имеют два слоя обмазки из глины с саманом. В восточной и западной стенах возле проходов имеются ниши (45x38x28 см) со следами темно-красной краски. Вдоль южной стены находится суфа-лежанка, которая была аккуратно обмазана глиной с саманом. На полу, почти в центре помещения, расположен очаг грушевидной формы, который имеет несколько слоев обмазки. Пол помещения покрыт тремя слоями обмазки из глины с саманом.

В заполнении помещения обнаружены керамические сосуды, среди которых можно отметить коническую (рис. 5:4) и полусферическую чаши (рис. 5:5). Встречаются также фрагменты кувшинов (рис. 5:9, 12) и лепного хума (рис. 5:20). Такие керамические сосуды известны в керамическом комплексе Кувы (Ворхотова, 1990, с. 149, рис. 2:10, 22, 23, 37).

К северу от помещения 4 расположено помещение 6 (4,25x2,75 м), в которое можно было попасть через помещение 4. Оно тоже раскопано по второму строительному этапу.

Стены помещения имеют 3 слоя обмазки из глины с саманом. На поверхности штукатурки местами сохранились следы красно-коричневой краски. Вдоль северной и южной стен зафиксирована суфа-лежанка (рис. 1). В центре помещения находится очаг грушевидной формы (50x32-22 см). Очаг и пол помещений три раза аккуратно были обмазаны глиной с саманом.

Из керамики в этом помещении были чаши (рис. 9:7), миски (рис. 9:8), горшки (рис. 9:9, 10), горшковидные (рис. 9:11-12) и водоносные кувшины (рис. 9:16-17). Все находки фрагментарны и не имеют ангобного покрытия. Исключение составляет только фрагмент горшка (рис. 9:10), покрытый красным ангобом. Вышеотмеченные керамические сосуды, кроме последнего фрагмента, находят аналогии в керамике Кувы (Ворхотова, 1990, с. 148, с. 146, рис. 1:9-12) и Пенджикента (Бентович, 1964, с. 271-272, рис. 7:3, 10, 14). В заполнении помещения на уровне суфы также были найдены нож и крючок, изготовленные из железа.

Второй жилой комплекс вскрыт частично; выявлены лишь два помещения (5, 2). Помещение 5 раскопано частично (6,75x1,5 м ?) и только по второму строительному этапу.

Стены обмазаны двумя слоями глины с саманом. Судя по сохранившемуся участку, пол был также обмазан глиной с саманом. На полу видны остатки очажной лунки.

Следует отметить, что третий строительный этап фиксируется лишь полом в северо-восточной части данного объекта. На первом строительном этапе вдоль северных и западных стен была сложена суфа-лежанка шириной 1,22 м, высотой 0,25 м. Суфа и пол обмазаны несколько раз глиной с саманом. Пол имеет четыре слоя обмазки и на нем был установлен очаг грушевидной формы (53x30x13 см).

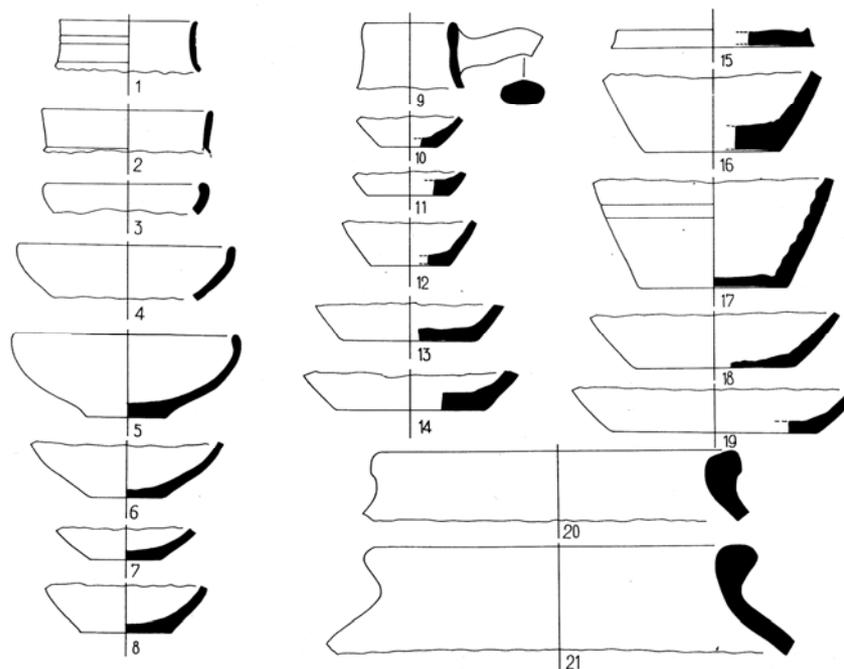

Рис. 5

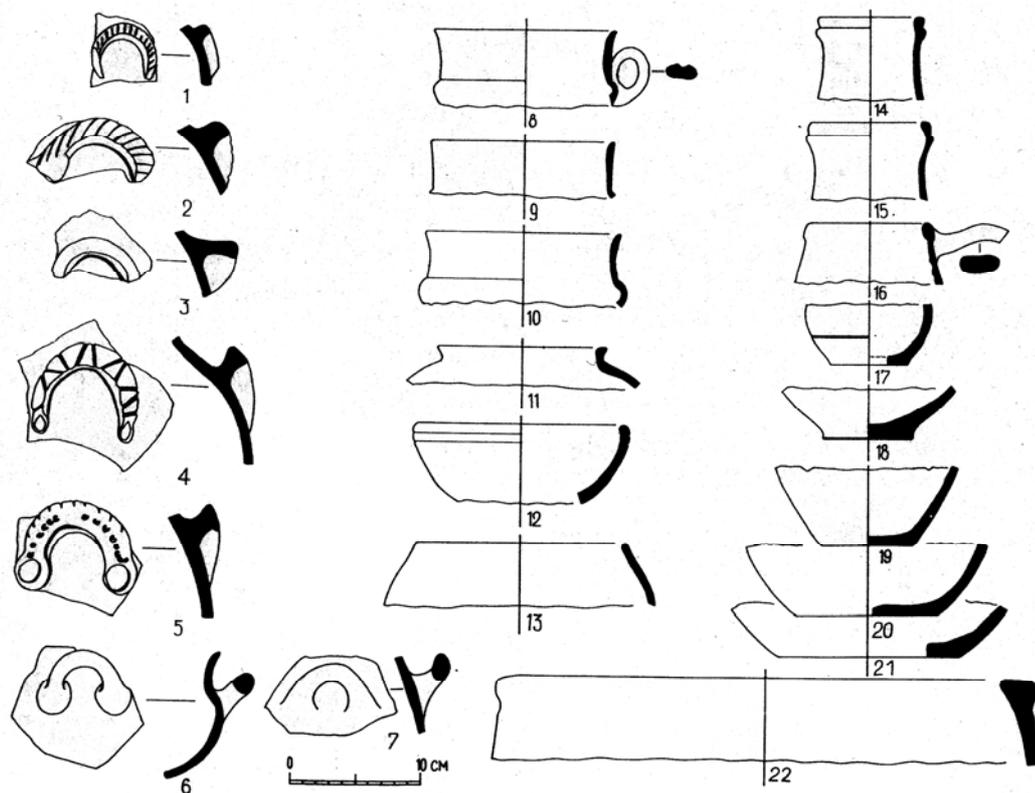

Рис. 6.

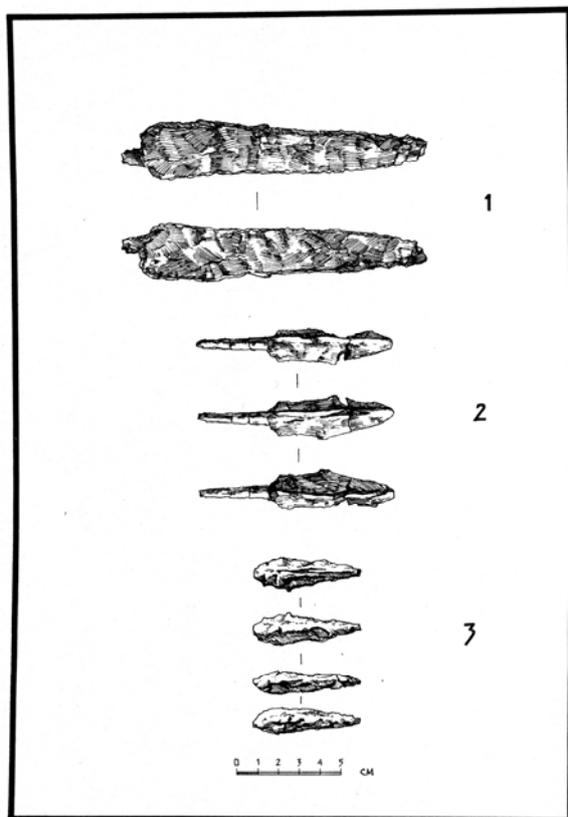

Рис. 7.

Следует отметить, что третий строительный этап фиксируется лишь полом в северо-восточной части данного объекта. На первом строительном этапе вдоль северных и запад-

ных стен была сложена суфа-лежанка шириной 1,22 м, высотой 0,25 м. Суфа и пол обмазаны несколько раз глиной с саманом. Пол имеет четыре слоя обмазки и на нем был установлен очаг грушевидной формы (53x30x13 см).

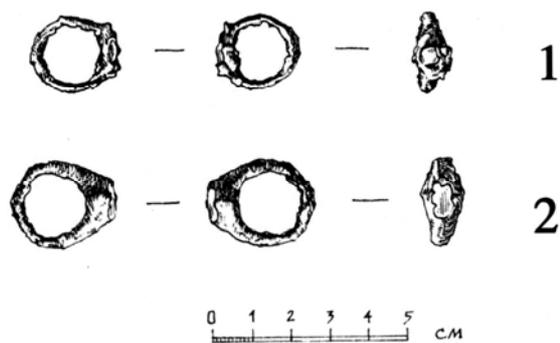

Рис. 8

На следующем строительном этапе (2) уровень пола поднимают на 20 см и поэтому суфы перестают функционировать. В это время был прорублен проход в южной стене (рис. 1), а в той части, где находилась северная суфа, сооружают два «резервуара» в виде ящика (рис. 1). Последние аккуратно обмазаны глиной с саманом. Пол сохранился очень плохо. Над ним, в завале, обнаружена довольно интересная керамика как станковая, так и лепная (рис. 4: 1-9; рис. 6:1-5, 17-18).

Станковая посуда представлена полусферическими и коническими чашами (рис. 4:3-9) или с утонченным прямым венчиком (рис. 4:4) или со слегка закругленным прямым венчиком (рис. 4:5, 7) или вогнутым венчиком (рис. 4:6, 9). Имеются также чаши с утолщенным вогнутым (рис. 4:8) и гофрированным венчиком (рис. 4:3). Найден фрагмент кружки с выпуклым округлым туловом (рис. 4:2).

Кувшины имеют узкие (рис. 4:17-18, 20) и широкие горловины (рис. 4:21), плоское дно (рис. 6:17-18). Венчики этих кувшинов в виде раструбов. Придонные части иногда подправлены ножом (рис. 6:17).

Вместе с тем обнаружены хумы (рис. 5:20-21). Один из них имел темно-коричневый ангоб (рис. 6:21). Лепная керамика представлена полусферическими котлами с подковообразной ручкой (рис. 6: 1-5) и жаровнями (рис. 4:15).

Аналогичные лепные котлы известны в Пенджикенте (Бентович, 1964, с. 289, рис. 30; с. 290, рис. 32). На уровне суфы найдены ножницы (рис. 11:1-2), которые очень похожи на современные. Фрагмент таких ножниц найден на Афрасиабе (Ахунбабаев, 1999, с. 91, табл. XXXIX:3).

В юго-западной части объекта обнаружены остатки третьего жилого комплекса, который сохранился очень плохо: удалось зафиксировать следы одного помещения (№ 7) (рис. 1) на уровне второго строительного этапа, где расчищены лишь лунка очага и установлен уровень утрамбованного пола.

Как показали раскопки, данные жилые комплексы являлись по существу единым домом, все помещения которого, по-видимому, имели общую кровлю. Хотя дом не был вскрыт полностью, однако удалось установить, что он был одноэтажным и имел плоское перекрытие. Судя по стратиграфии и археологическому материалу, дом построен, видимо, не позднее нач. VII в. и имел три строительных этапа. Все помещения в основном раскопаны по второму строительному этапу. Первый строительный этап выявлен на отдельных участках и не дал датирующих материалов. Третий этап обживания этих помещений зафиксирован стратиграфически. Археологические находки были получены в основном из заполнения над полом второго строительного этапа и относятся к VII-VIII вв.

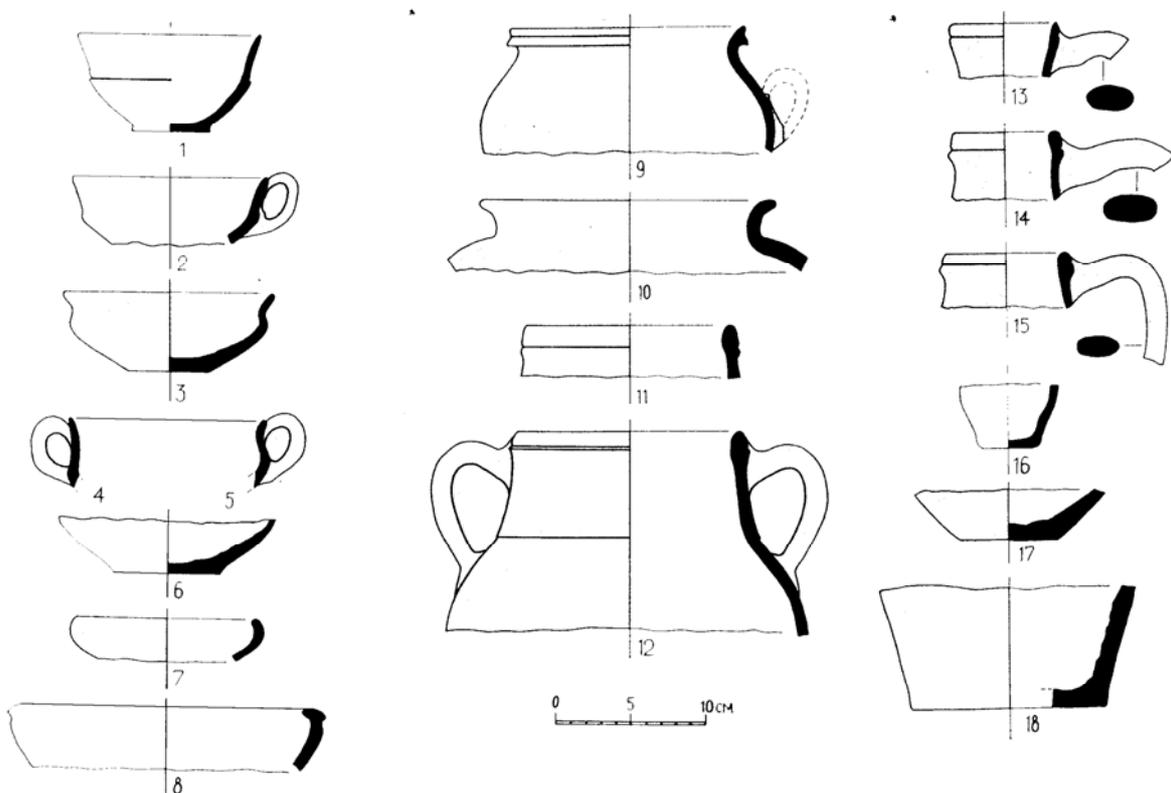

Рис. 9

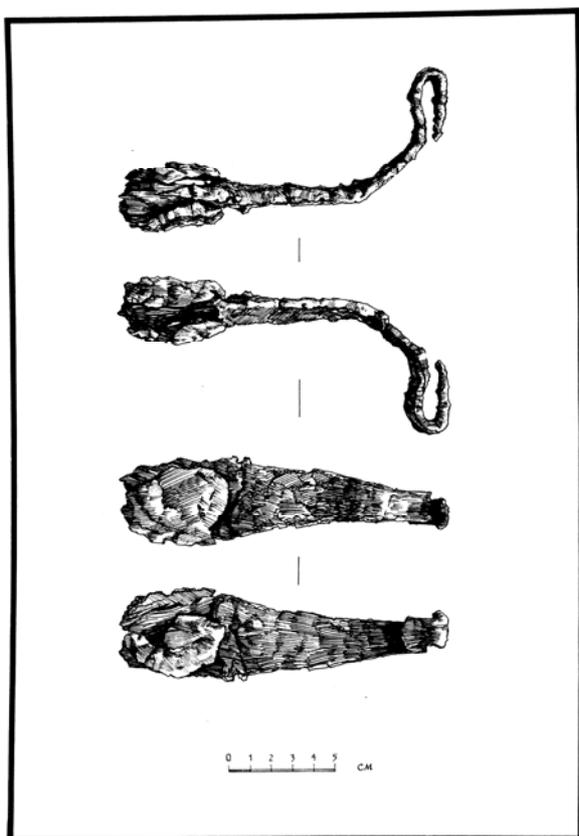

Рис. 10.

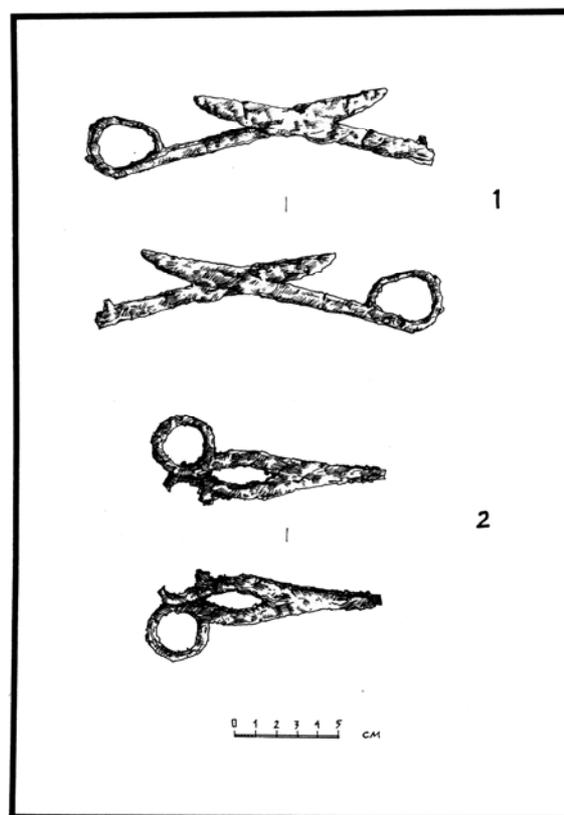

Рис. 11.

Расположение этих помещений между двумя башнями и впритык к крепостной стене, а также внутренний интерьер наталкивает на мысль о том, что дом мог использоваться в качестве казармы. Это подтверждается также дополнительными фактами: наличием

колодца и отсутствием выхода вовнутрь города.

Такими вырисовываются общие черты жилища раннесредневекового Ахсикента, имевшего три строительных этапа и функционировавшего не менее 150 лет.

Литература:

1. Ахунбабаев Х.Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999, с. 111.
2. Беленицкий И.Б. Город в VI - середине VIII в. // Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 5-131.
3. Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // МИА, № 124, М., 1964, с. 265-298.
4. Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982, с. 194.
5. Булатова В.А. Древняя Кува. Ташкент, 1972, 92 с., 28 рис.
6. Неразик Е.Е. Археологическое описание памятника // Городище Топраккала. М., 1981, с. 8-55.
7. Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 286.
8. Пугаченкова Г.А. Дальверзинтепа. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 283.
9. Расопова В.А. Жилища Пенджикента. Л., 1990, с. 205.
10. Расопова В.А. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980, с. 137.
11. Расопова В.А. Металлические изделия из Пенджикента. С-Пб., 1999, с. 38, 43 рис.
12. Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК, вып. 33. М.-Л., 1950, с. 152-169.
13. Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983, с. 199. Приложение, табл. VII.

Г.И. Богомолов

ОБ ОДНОЙ ИЗ ГРУПП СРЕДНЕВЕКОВЫХ УКРАШЕНИЙ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА

В средневековье Ташкентский оазис охватывал два владения Шаш и Илак, и описывался в письменных источниках как один из самых богатых и развитых регионов Мавераннахра. Археологические находки убедительно свидетельствуют о его крупной культурогенной роли и мощном экономическом потенциале. Наличие и интенсивная разработка богатых природных ресурсов, рост городов способствовали, в свою очередь, интенсивному развитию ремесленного производства, региональным и межрегиональным торговым связям. Добыча и экспортное золото, серебра и бирюзы в горах Илака, часть которых не смотря на государственную монополию, не могла не оседать на местных рынках, способствовала становлению и развитию ювелирного дела.

Определённые представления о видах украшений средневекового Чача, доступных для самых широких слоев населения, дают археологические находки. Одним из наиболее массовых видов украшений являются наручные - кольца, перстни и браслеты. Последние традиционно делятся на две группы - замкнутые и незамкнутые. Материалом для них служило серебро, бронза, медь и золото. В бытовых комплексах XI-XII вв. городской застройки городища Канка часто встречаются почти целые фрагменты простейших форм незамкнутых бронзовых и медных браслетов, пластинчатых, плоско-выпуклых, ромбовидных и круглых в сечении. Они либо вообще не имели декоративного оформления поверхности, либо покрывались незатейливой орнаментацией в виде отдельных кружков - перлов или простых процарапанных линий (3, с 144-145). Поэтому особо выделяются в этой группе украшений витые серебряные браслеты. Большинство найденных браслетов тяготеет к северным районам Средней Азии (Среднему течению р. Сырдарьи).

Показательны в этом плане два браслета, обнаруженные на городище Кавардан (рис. 1). Они относятся к единому типу - незамкнутому браслету и изготовлены в единой тех-

нике (2, с 9-10). Материалом служили 5-6 серебряных проволок (дрота) сечением 4-7 мм. Между ними вставлялась более тоненькая скрученная (филигранная нить) или гладкая проволока, длина которой немного (на 2-3 см) короче, что придавало объём браслету в его средней части. Концы браслетов сужаются и в большинстве случаев оформлены в виде стилизованных головок змей. В целом и сама форма браслета напоминает перевитые тела змей. Глаза сделаны в виде кружков из напаянной тонкой, перевитой проволоки. Из той же проволоки сделан широкий пояс, отделяющий головку змеи от основной части браслета. Мастер, используя как бы игру светотени, стремился достичь впечатления двух тесно переплетённых змей. Кстати, вес браслетов неодинаков - соответственно 162,7 и 84 граммов. Датируются браслеты XI-XII вв. Аналогичные браслеты неоднократно находили на территории Ташкентского оазиса. Все они однотипны, изготовлены в одной технике и отличаются лишь размерами, линией формы, наличием или отсутствием проволоки между дротами. Следует заметить, что иногда концы браслетов (лапки) одновременно напоминают головки баранов (для этого тонкой проволокой показаны закрученные в спираль рога).

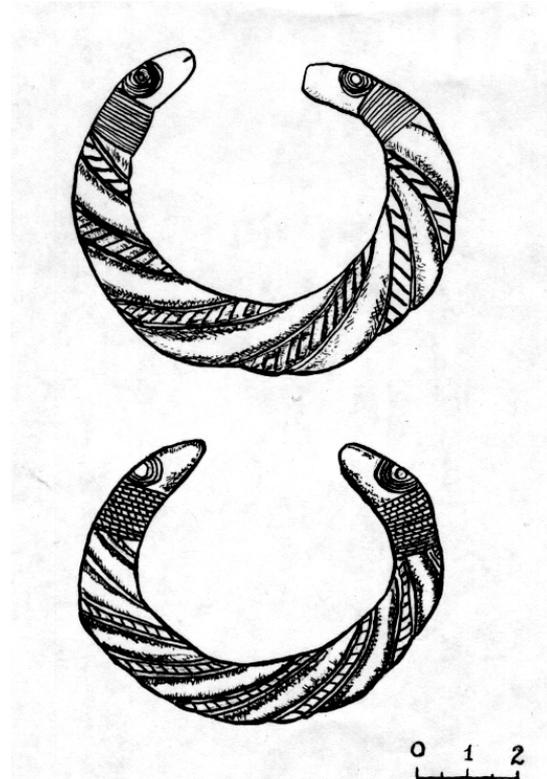
Отметим, что поверхность браслетов часто не имеет следов потёртости. Это сочетается с жёсткостью конструкции и малым внутренним диаметром браслета. Отсюда напрашивается вывод: либо часть этих браслетов входила в комплект детских украшений и была рассчитана на детскую ручку, либо они имели какое-то другое не прямое назначение, например, являлась символом брачного сговора.

В целом большинство находок концентрируется в северных районах Средней Азии, где проживали смешанные группы населения земледельцев и скотоводов-кочевников, хотя найдены они в основном в городских центрах. Первые из этих находок относятся к началу ещё прошлого столетия. В мае 1983 на вершине Караул-тюбе в пяти вёрстах от села

Мамаевка близ Чимкента был обнаружен клад, в основном состоявший из серебряных и медных монет. Но в состав его входили два серебряных браслета. Клад датируется гранью XIII-XIV вв. (8, с 175-178). В марте 1898 военный губернатор Сырдарьинского отдела переслал в Императорскую археологическую комиссию клад из золотых и серебряных вещей, среди которых упоминаются два витых серебряных браслета. Они были найдены в местности Янгиер, Казакпакской волости Туркестанского участка Чимкентского уезда. Все монеты относятся к 50-м годам XIII века. Ряд серебряных витых браслетов был найден в Сайраме и его окрестностях. Один из них в составе клада из медных монет XI-XII вв. (8, с. 179). В 1900 г. в местности Сайрамсу (Чимкентский уезд) был найден клад, весом в 4,5 фунта. В состав клада входило не менее десятка прекрасных экземпляров витых серебряных браслетов. По монетным находкам клад датируется X-XI вв. (8, с 180, рис. 2). В 1900 г. при раскопках одного из могильников близ Чимкента были обнаружены аналогичные браслеты (4, с. 116). В Чуйской долине такие же браслеты были обнаружены в процессе строительных работ на одном из холмов городища Шиштюбе. Кстати, по сопутствующему материалу П.Н. Кожемяко датировал их X-XII вв. (7, с. 58, табл. XV). Восемь таких браслетов, весом от 86 до 170 грамм, входят в состав сиджикского клада, найденного в 1964 г. в местности Кук-ёнгок на правом берегу Чирчика в Бостанлыкском районе Ташкентской области. Они также изготовлены из серебряной проволоки длиной до 21 см (сочетания перевитого дрота с филигранной нитью и проволочкой). Концы браслетов оформлены в виде стилизованных головок змей и кочкара (барана). Браслеты не смотря на свою массивность очень изящны и имеют яйцевидную или округлую форму (1, с. 119). Любопытно, что в кладе помимо браслетов, было 8 тумаров, 27 бубенчиков разной формы, бурундук - носовая серьга, цепочки, необработанные пластинки. Всё это позволило предположить, что эти находки - клад ювелира, спрятавшего свое добро в "смутное время". Датируется клад первой половиной XI века (1, с. 121).

В Чиназе (Ташкентская область) в разные годы было найдено 4 браслета, которые также датируются X-XII вв. Д.П. Вархотова приводит вес двух из них: 111,2 и 134,9 г. (4,

с 116-117). В Янгиюле (близ Ташкента) был найден клад, в состав которого входило несколько десятков серебряных витых браслетов. Возможно, это был клад ремесленника или торговца специализировавшегося на их продаже. К сожалению, клад полностью разошёлся среди местных жителей. В Шаввасае (Ташкентская область), при строительстве посёлка геологической партии, было сnivelировано караханидское поселение рудокопов и ремесленников, специализировавшихся на переработке сырья. Найденные здесь несколько браслетов разошлись среди рабочих. К этому же типу относится витой серебряный браслет, который был найден при раскопках поселения рудокопов под крепостью Мык на территории Уструшаны (Джизакская область). У селения Уртааул под Ташкентом был найден серебряный браслет идентичный каварданским. А.И. Тереножкин датировал его в пределах IX-X вв. (10, с 154, рис. 69). Правда, следует отметить, что ареал распространения серебряных витых браслетов, выполненных в близкой технике, довольно широк.

Подобные браслеты встречены среди материалов могильников IX-XI вв. и на Кавказе. На Руси браслеты и гривны, витые из нескольких проволок, были распространены в X-XII вв. (4, с. 117). Однако они несколько отличаются по своему виду. Они - более тонкие (нет сочетания коротких и длинных

дротов, что придает объем среднеазиатским экземплярам) и концы лапок имеют другое оформление. В Средней Азии большую часть находок по стилю и техническим особенностям можно локализовать в Ташкентском оазисе, где они, видимо, производились и широко бытовали в X-X вв. Вместе с тем витые браслеты этого периода представляют собой уже вполне сложившийся тип. Мастера учитывали мягкую пластику серебра, игру его светового блеска и затухание в глубинах рельефа. Сменой сочетания дротов, филигранной нити и проволоки, изменяя плавность витков они находили новые ритмические решения, где одновременно сочетались ощущения массивности, точной пластичности и нарядной простоты (11, с. 60).

Возможно, изначально появление таких браслетов связано с обычаем ношения на запястье шкурки змеи в качестве оберега от укуса змеи или других каких-либо болезней. В дальнейшем из развития композиции, из пары свившихся змей с противостоящими головками, вырабатывается тип витого браслета или гривны. Д.П. Вархотова, например, считала, что возникновение этого типа браслетов следует относить ещё к скифо-сакской эпохе и в качестве аргумента указывает на браслеты из Куль-Обы, кургана IV-II вв. до н.э. (4, с. 118). Д.А. Фахретдинова приходит к выводу, что хотя витые гривны и браслеты, кручёные из дрота, были известны в среднеазиатском искусстве в античности и раннем средневековье, они могли возникнуть под воздействием культурных связей с народами других регионов (11, с. 60-61). Однако вполне вероятно, что истоки этой формы украшений имеют корни в местной этнической среде. Напомним о находках браслетов, основа которых окружена витой проволокой и браслетов чьи концы оформлены в виде головок змей, в Арауктауском и Бабашовском могильниках I в. до н.э. II в. н.э. в Северной Бактрии (9. табл. XVIII, 26-27).

Кстати, в материалах Бабашовского могильника 2 браслета на концах имеют припаянные V-образные фигуры из проволоки, изображающие рога барана (9. табл. XL, 7-8). Всё это позволяет предполагать устойчивую местную традицию изготовления незамкнутых серебряных браслетов с концами в виде змеиных головок. По крайней мере, подобные браслеты изготавливались народными мастерами вплоть до первой трети XX в. и бытовали

от Хорезма до Ферганы. Любопытно, что в начале XX века (вплоть до 30-х годов) среди сельского населения Бухарского региона были популярны несомкнутые браслеты, согнутые из узкой серебряной пластинки, концы которой имели нередко фигурные завершения, напоминающие голову змеи. Лицевая поверхность браслетов покрывалась простейшим узором - зигзагом из ромбов, треугольников, листьев. Как считает Е.С. Ермакова, эти изделия были в большей степени характерны для недавно осевших кочевых групп узбеков (6, с. 111). Подобные браслеты встречаются у казахов и киргизов. Для нас в этом наблюдении важно указание на принадлежность этих браслетов к кочевым группам населения Средней Азии. Последнее объясняет устойчивую традицию изготовления серебряных браслетов для среднесырдарьинского региона и, прежде всего, для Ташкентского оазиса, в культуре которого всегда сочетались оседло-земледельческие и кочевые черты.

На наш взгляд, символика этих браслетов тесно связана с культовым комплексом Великой Богини - матери, повелительницы зверей, подательницы плодородия. Отсюда браслеты передавались в виде плексиса (перевитых жгутов). Так как здесь, видимо, была заложена идея того, что богиня, подобно хеттско-лувийской богине Камрусепе, могла связывать и развязывать природные явления (в частности дождь), связывать судьбы людей, дарить счастье и здоровье. Иногда эти нити персонифицируются в виде змей.

Неслучайно и обращение средневековых ювелиров к образу змеи. Корни её почитания уходят в далёкое прошлое. Довольно часто встречается изображение змеи на тулове или ручке сосудов (кружечек) каунчинской культуры Ташкентской области начиная с рубежа нашей эры. Культ змеи существовал у многих народов и на различных этапах развития общества, причём нередко в нём преобладал хтонический аспект. Вместе с тем уже с глубокой древности змея воспринималась как носительница двух противоположных начал - жизни и смерти, в равной степени необходимых для существования мира. Не исключено, что этим объясняется противостояние двух тесно переплетённых змей на браслетах. Свообразным отголоском существования подобных представлений могут быть фольклорные мотивы борьбы - противостояния белой и чёрной змеи, имеющейся почти у всех

народов Средней Азии. Соответственно своей цветовой символике, приносящей добро и зло людям. Вместе с тем схематизация изображений змей на большинстве археологических объектов не позволяет говорить о почитании образа согласно цветовой символике. Эксплуатация самого образа была многофункциональна. С одной стороны, змея, как существо способное причинить вред, могла изображаться на сосудах или украшениях как апотропей, оберег отпугивающий злых духов. С другой стороны, - змея олицетворяла активное оплодотворяющее начало, ассоциировалось как существо подземного мира. Поэтому уже в шумерской мифологии, а позже в греческой и индийской, змеевидный облик имели ряд божеств. Змея прочно входила в число спутниц (священных животных) Великих Богинь - Кибелы, Геи, Анахиты, в ведении которых находились силы плодородия земли, возрождения природы. Змеи почти во всех религиозных системах наделялись целительной силой, мудростью и бессмертием. Возможно, это отчасти связано с наблюдением древнего человека за природой, когда весной во время линьки змеи сбрасывают сухую шкурку. Кстати, в ряде легенд и сказок различных народов говорится, что эту способность, дар божеств, змея хитростью похитила у людей.

Считают, что змеям подвластны источники воды и дождь, от которых зависел урожай древнего земледельца. По этой причине в народных представлениях змея выступает как страж богатства и священных деревьев. Как писал Махмуд Кашгари (XI век), существовал год змеи и день змеи (5, с. 266). Некоторые народы представляли душу в образе змеи. Объясняется это тем, что змеи выползают из нор в земле, а в земле покоятся тела усопших. Вероятное, соединение этих двух фактов и породило веру, что души умерших, превратившись в змей, выходят наружу. Отсюда и образ змеи воспринимался как воплощение души предка, охранителя его потомков.

В Средней Азии змее приписывали множество положительных функций. Она считалась охранительницей дома, семьи, богатства, скота, зерна, воды и водных источников. Верили, что змеи охраняют могилы святых, священные деревья, клады, да и вообще земные недра. Змея почиталась как покровительница женщин и детей, особенно младенцев. Она

может излечить от различных болезней и в частности от бесплодия. Поэтому среди многих групп узбеков Хорезма, Ферганской долины, Ташкентского оазиса змей, поселившихся в доме, не убивали, их даже подкармливали. В Ташкентской области белая змея, обитающая в доме, считалась покровителем и охранителем дома.

Мясо отдельных видов змей признавали целебными. Так, в Самарканде и Бухаре для лечения зоба больным давали есть варёное мясо слепой змеи (курмор). В Ташкентском оазисе змеиное мясо использовали при лечении язвенной болезни. В Гарме больным чахоткой давали суп из змеиного мяса. Даже змеиная кожа, размоченная в молоке, использовалась как целебное средство при нарывах и глазных болезнях. Широко было распространено представление, что при помощи живой змеи можно излечиться от бесплодия.

Практически повсеместно существовало суеверие, что змеиная кожа является средством от сглаза. Больным детям или в тех семьях, где они часто умирали пришивали амулеты с зашитыми в них сушёной кожей или глазками змеи. Считалось, что эти амулеты охраняют владельца от всяческих бед. Даже девушки, у которых были хорошие косы, нередко прибегали к их защите от сглаза, для чего носили под тюрбетейкой или под подвесками для кос амулеты из змеиной кожи. Иногда изображения змеи из пёстрых кусков шёлка нашивались на детские халатики (Самарканд). Все эти, приписываемые змее, свойства и являлись причиной их изображения на серебряных браслетах Чача. Нельзя не отметить, что массовое производство (и распространение) серебряных браслетов из витого дрота в Ташкентском оазисе совпадает с появлением в прикладном искусстве Средней Азии многих древних символов. Происходит как бы некоторый "ренессанс" народных верований. Возможно, это явление связано с дальнейшим расширением урбанистических процессов в X-XI вв., притоком в города новых масс сельского населения. Ислам, активно внедряясь сверху, адаптировал и впитал в себя много народных представлений и суеверий. В прикладном искусстве средневекового Узбекистана сохраняются различные символы доисламских верований. Безусловно со временем стилизация изображений приводит к тому, что функция украшательства превалирует, чёткое значение символа

теряется. Но оно не утрачивается вообще. Хотя границы его понимания становятся расплывчатыми, память о его святости, таинственной силы воздействия чрезвычайно устойчива.

Находка этих браслетов из витого дрота, как продукция ювелирного производства, свидетельствуют о высоком развитии ювелирного ремесла в Чаче в X-XII вв. Техника изготовления, богатство и своеобразное изящество браслетов указывают, во-первых, на высокий художественный вкус и мастерство ювелиров, во-вторых, на существование своей собственной школы ювелиров Чача, своеобразии которой заключалось в преемственности и устойчивом бытовании ряда черт, характерных для маргинальной зоны, земледельческих и кочевнических культур. Прежде всего это устойчивая приверженность к зооморфизму, использование зооморфных символов для выражения определённых представлений в декоративных элементах искусства. Перенесение на изделия из металла ряда приёмов и украшений характерных для кожаных изделий, в нашем случае плетения из полосок кожи.

В заключение хотелось бы отметить, что распространение и устойчивое бытование этих браслетов, видимо, объясняется не только спросом на них как части ювелирного комплекта украшений. Известно, что браслеты довольно популярный вид украшений в Средней Азии. Обычно их носили парами, по одному браслету на каждой руке. Небольшие браслетики входили в состав дет-

ских украшений и служили прежде всего оберегами. Их одевали на одну или обе руки (12, с. 92). Браслеты входили в состав комплекта украшений невесты, который могли дарить до свадьбы или на свадьбе (см. подробней 12, с. 98). Причем в подарок могли входить перстни, браслеты, кольца, серьги, т.е. все те предметы, имевшие форму кольца, а значит обладавшие охранным, сверхъестественным действием (12, с. 98). Однако, возможно, они воспринимались не только как украшения, обладающие магическим sacramентальным действием, но и имели определенный материальный подтекст. Витые браслеты могли быть своеобразным вложением капитала на "черный день" (1, с. 121). Хотя пробный просчет весовых данных браслетов, исходя из дирхема или мискаля, не дал четкой закономерности, отчасти из-за большого разброса веса самих браслетов (от 76 до 174 граммов), с другой стороны, значение мискаля, как единицы веса, для Ташкентского оазиса не выделено. Так, по данным Е.А. Давидович для Хорезма он составлял - 4,55 грамма, для Бухары - 4,8 грамма. Исходя из этого, можно предположить, что вес браслетов колебался от 16 до 36 мискалей.

Наконец, очень заманчиво было бы видеть в ареале распространения серебряных витых браслетов - границы расселения некоторых этнических групп, например, сартов, некогда широко заселявших среднее течение р. Сырдарья и известных по источникам XIX - нач. XX вв.

Литература

1. Ахраров И.А., Темиргалиев Г.З. Клад серебряных украшений из Сиджака. // СЭ, №3. М., 1966.
2. Богомолов Г.И., Алимов К.А. Серебряные браслеты Кавардана // Искусство Узбекистана: Древность, средневековье, современность. (Тез. докл. науч. конф.). Вып. 1, Ташкент, 1995.
3. Богомолов Г.И., Гендельман Г.И. Бытовые металлические предметы с городища Канка // ИМКУ, вып.25, Ташкент, 1991.
4. Вархотова Д.П. Два серебряных браслета X-XI вв. из Чиназа // ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963.
5. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
6. Ермакова Е.С. Женские ювелирные украшения Бухары конца 19-начала 20 века. М., 2000.
7. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
8. Лунин Б.В. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана (по архивным данным). //ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969.
9. Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Труды ТТАЭ Ин-та археологии АН СССР и Ин-та истории им. А. Дониша. АН Тадж.ССР, т. VII, Л., 1975.
10. Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИМК, вып. 33, М., 1950.
11. Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.

Б. Болиев

ЯНА КОШИН ҲАҚИДА

Асосий таркиби кум-кремнезем (SiO_2) бўлган бу материалнинг кошин деб аталишига кошонлик усталарнинг шу соҳада маҳоратлари Кошон шахрига нисбатан шундай деб аталган. Чунки Кошон шахри сопол ишлаб чиқаришнинг марказларидан бири бўлган. Кошин-атамаси 1301 йилда кошонлик муаллиф томонидан ёзилган асарда ҳам учрайди (Кашани, 1966). Бу масса Ўрта Осиёда XII асрда пайдо бўлди, лекин кошин материал сифатида бизнинг эрамизгача бўлган 3000 йилликда Мисрда пайдо бўлган эди. Бу даврда ушбу материалдан ҳар хил ўлчамдаги ва кўринишдаги тақинчоқлар, идишлар ясалган.

Чет эл адабиётларида бу юқори кремнеземли асос фаянс деб ҳам аталади, унинг Қадимги Мисрда пайдо бўлиши ва «Миср фаянси» атамаси билан фанга кириши сабаб бўлган. Ёзма манбаларда ўрта асрларда сопол ишлаб чиқаришда «тигл лойи», «донишмандлик лойи», «чинни лойи» ва бошқалар каби ҳар хил маҳсус массалар қўлланилганлиги тўғрисида маълумотлар учрайди. Чинни, фаянс ва кошин атамалари қўлланишида бирмунча чалкашликлар мавжуд, улар таркиб жиҳатдан бир-бирларидан фарқ қиладилар.

Чинни сифати жиҳатидан иккига бўлинади: нафис чинни (фарфор, форсча, энг яхши чинни тайёрланган қадимги Хитойнинг Фағфур вилояти номи) ва дағал чинни (фаянс, Италиянинг йирик сопол ишлаб чиқариш маркази бўлган Фаянц шахрининг номи). Дағал чинни нафис чиннидан серғоваклиги, сувни ютиши (9-12%) билан фарқ қилади, шунинг учун у сирланади. Улар бир хил хомашёдан тайёрланади. Улар таркибида, ок гил - 45-50% кум ёки кварц - 35-45%, дала шпатлари - 2-5%, бўр - 1%, шамот - 10-15%, фақат уларнинг пишириш технологияси турлига. Чиннига бўр қанчалик кўп қўшилса унинг юмшоқлиги шунча ошади (Ўзбек Совет энциклопедияси, 1979). Дағал чиннининг серғоваклиги, сув ютиш хусусияти ва сирланиши кошинга ўхшаш, лекин кошиннинг таркиби дағал чинни таркибидан кескин фарқ қилади. Дағал чинни таркиби бир неча компонентлардан иборат бўлса, кошин таркиби асосан иккита хом-ашё: кум ёки кварц (85-98%) ва кум зарраларини бир-бирига бириктириш учун ишкор ҳам ишлатилади. Бу икки

хом-ашё кошин таркибини ташкил этиши тўғрисида қадимий ёзма манбаларда ҳам маълумотлар келтирилган.

Қадимдан кошиндан ҳар хил безакли тақинчоқлар ясалган. Унинг яна бир муҳим хусусиятларидан бири Амир Темир даврида кашф қилинди ва шу тариқа кошиндан Ўрта Осиё меъморчилигида XIV асрда қурилиш материали сифатида кенг фойдаланила бошланди. Бу даврда мозаика ва майолика саънати ҳам йўлга қўйилди. Шарқ меъморчилигида ишлатилган, юзига ҳар хил рангли сир қопланган кошинлар ҳозиргача ташқи кўриниши ва салобатини йўқотмасдан сақланиб келиши диққатга сазовордир. Кошин асосан биноларнинг олд томони, гумбазлари мозаикаларни безашда ишлатилган. Рангли сир қопланган кошинли сержило мозаика ва майоликали безаклар биноларнинг чидамлигини, уларга жило бериб кўркини ва мавқеини оширган. Кошин ўзининг ғоваклиги, енгиллиги ва юзига қопланган сирнинг мустаҳкам ўрнашиши, яъни сирни ўзига чуқурроқ ютиш хусусиятлари билан сополдан фарқ қилади. Турли ҳудудларда ишланган кошин намуналарида кум-кремнеземнинг таркибий миқдори ҳар хилдир. Эрон кошинида 80-85%, Озарбайжон кошинида 72-86%, Хоразм кошинида 89-93%, баъзи намуналарда кремнеземнинг миқдори бундан ҳам юқори бўлган ҳолатлар ҳам учрайди (Гражданкина, 1969). Ўша давр кошинпазлигида Хоразм усталарининг ўрни катта бўлган, Амир Темир ҳам Самарқандга Хоразм воҳасининг моҳир усталарини олиб келиб уларга Шарқнинг бетакрор дурдоналарини яратишга барча шароитларни яратиб берган.

XIV-XV асрларга оид Самарқанд кошинида кремнеземнинг миқдори 80-90% ташкил қилади. Туманоқа мақбарасида - 85%, Муҳаммад Султон мақбарасида ва Улуғбек мадрасасида - 87%, Бибиҳоним мачитида - 86-87% ни ташкил қилади (Абдуразаков, 1986). Сурхондарёнинг Сополлитепа кўрғонидан топилган мунчоқ ва ясси тахтачада кремнезем миқдори 80-98 фоизгача боради (Абдуразаков, 1987).

XVIII аср охиридан бошлаб кошин ишлаш саънати ва технологияси эътибордан четдан

колди. Фақатгина XX асрнинг биринчи ярмига келиб Самарқанд (ССНРПМ) ва Бухоро (БСНРПМ) таъмирлаш устахоналарида илмий изланиш ва ўрганиш лабораторияларида қадимги кошин таркибига анча яқин кошин намуналари яратилди. Кошин ишлаб чиқариш технологияси соддадир. Кварцли хомашё мумкин қадар тозаси саралаб-танлаб олинади ва сувда ювилиб, хас-чўплардан тозаланади. Қуритилгандан кейин маъсус тегирмонда майдаланади. Иккинчи компонент ишқор ҳам шундай тайёрланиб, керакли нисбатда қум билан араштирилиб кошин қоришмаси тайёрланади. Кошин таркибининг асосий қисмини кремнезём (SiO_2) ва глинозём (Al_2O_3) ташкил қилади. Темир, кальций, магний бирикмалари жуда кам бўлишига қарамай белгиланган миқдордан ошиб кетмаслиги керак. Масалан, агар темир бирикмасининг миқдори кўп бўлса кошин юзида занг доғлари пайдо бўлиб, кошин сифатига таъсир этади ёки очик рангли сирлар қопланганда сир тагидан доғ кўришиб сирнинг чиройи ва сифатини бузади. Кошин махсус хумдон ва замонавий печда икки марта пиширилади. Биринчи марта керакли шакл ясаиб қуритилгандан кейин 1000-1100 ҳароратда ва юзига сир қоплангандан кейин эса олдиндан маълум бўлган шишасимон сирнинг эриш ҳароратида иккинчи марта пиширилади. Кошин массасини тайёрлашда ва қолипларга қуйиш жараёнида масса қанча кўп зичланса, жипсланса кошиннинг мустаҳкамлиги янада ошади. Кремнезём заррачаларининг катта-кичиклиги ҳам мустаҳкамликнинг ошишида катта рол ўйнайди, уларнинг ўлчами 0,01-0,3 мм атрофи бўлиши керак. Кошин массасининг пухта тайёрланиши ва пиширилиши кошиннинг ижобий хусусиятларининг ошишини, асрлар давомида авлодларимизга хизмат қилишини таъминлайди. Қадимги кошин намуналари ўзининг сарғоваклиги ва енгиллиги билан алоҳида ўрин тутаяди. Кошиннинг ғоваклиги унинг юзига суртилган

шишасимон сирнинг пишириш жараёнида асос юзасига чуқуррок сингиб-ютилиб мустаҳкам ёпишиб, ўрнашиб қолишини таъминлайди. Кварц (қум)нинг баъзи турларидан шишасимон сир ва асос (сопол ёки кошин) ўртасидаги жуда юпқа қатлам - ангоб сифатида ҳам фойданилади. Ангоблар сопол ва кошинли асосларда қадимда ҳам кенг қўлланилган. Ангоб асослар юзини текис ва сифатли сир билан қопланишида сир ва асос ўртасида бириктирувчи боғ ҳосил бўлишига хизмат қилган, яъни шу боғ вазифасини ўзи бажарган. Бундай юқори кремнезёмли ангобларнинг тайёрланиши ва қўлланилиши ҳақида этнографик адабиётларда ҳам маълумотлар келтирилган. Материалга фаянс тусини бериш учун «сиртош» деб номланувчи кулолчилик оқ тошини ишлатишган, у майдаланиб, элакдан ўтказилиб, сув ва ун араштириб материал юзига суртилган. «Сиртош»ни этнографик маълумотларда қадимги усталар уни кварц (қум) билан тенглаштириб, сирлаш (қоплама) учун тош деб аташган (Развадовский, 1916). Кремнезём материалнинг (асос) эрувчанлиги, ёпишқоқлиги, кимёвий термик барқарорлигининг ошишига ва иссиқликдан кенгайиш коэффициентининг (ИКК) камайишига таъсир қилади.

XIV-XV асрларнинг кошинпазлик технологияси ҳозиргача сир бўлиб қолмоқда. Қадимда кошин ғоваклигини ошириш учун бирорта органик модда (Лукас, 1958) ёки қандайдир елимга ўхшаш модданинг сувдаги эритмаси қўлланилган бўлиши мумкин (Абдуразаков, Джалалова, 1986). Чунки органик модда юқори ҳароратда пишириш жараёнида парчаланиб, парланиб кетиши мумкин. Бу эса кошин тақибдаги битта компонентнинг йўқолишига сабаб бўлади. Мана шу йўқолган компонент устида чуқур ва кенг миқёсда изланиб замонавий кошинларнинг енгиллиги ва ғоваклигини ошириш учун илмий-амалий тажрибалар олиб боришни талаб этади.

Адабиётлар:

1. Абу-л-Касим Абдуллах Кашани. Арайис-ал-джавахир ва нафайис-ал-атайиб. Тегеран, 1966.
2. Ўзбек Совет энциклопедияси – Тошкент, 1979. 551 б.
3. Гражданкина И.С. Архитектурно-строительные материалы Средней Азии. Ташкент, 1969. С. 80.
4. Абдуразаков А.А., Джалалова С. Исследование химических составов древней бытовой керамики юга Узбекистана // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 207.
5. Абдуразаков А.А. Химические составы керамики и глазурей архитектурных памятников Узбекистана // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 178-180.
6. Развадовский В. Опыт исследования гончарного и других кустарных промыслов в Туркестанском крае // «Туркестанское сельское хозяйство», 1916, № 8, с. 711.
7. Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958. С. 260.

Ш.С. Камолиддин

ИЗ ИСТОРИИ ДОМУСУЛЬМАНСКИХ КУЛЬТОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Средняя Азия, находясь на перекрестке важнейших торгово-экономических и военно-дипломатических путей, связывавших Восток и Запад, всегда находилась в сфере влияния мировых культур и религий. Поэтому в доисламское время среди населения этого региона были распространены различные мировые религии, такие как зороастризм (маздеистского толка), буддизм (хинаянского толка), христианство (несторианского толка) и др. После арабского завоевания в VII-VIII вв. н.э. все эти религии постепенно были вытеснены с территории Средней Азии, уступая место новой мировой религии – исламу. Однако процесс этот происходил не так просто. Многие данные свидетельствуют о том, что, хотя ислам и был утвержден официально на всей территории Средней Азии, доисламские культы еще долгое время играли значительную роль в духовной жизни местного населения, многие представители которого еще не одно столетие продолжали тайно исповедовать веру своих предков.

В средневековых арабо-язычных источниках приводятся ценные сведения по истории распространения ислама среди населения Средней Азии и, в частности, о принятии ислама некоторыми крупными общественно-политическими и религиозными деятелями доисламского времени. Так, по данным Абу Са'да ас-Сам'ани (XII в.) первым согдийцем, принявшим ислам, был огнепоклонник (*алмаджуси*) по имени Азракийан (или Арзакыйан), живший в Бухаре в середине VII в. Он был купцом и выехал с торговыми целями из Бухары в Китай. Оттуда он сел на корабль и морским путем прибыл в Басру. Затем он отправился к халифу 'Али ибн Абу Талибу (правил в 35-40/656-661 гг.) и при его содействии принял ислам. В X в. в Бухаре жил один из его потомков по имени Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн ал-Хасан ибн Наср ибн Бабадж ибн Азракийан ал-Азракийани (ум. в 344/955-56 г.), занимавшийся изучением хадисов¹.

Интересный рассказ о массовом принятии ислама жителями Бухары приводит другой автор XII в. Абу Хафс ан-Насафи, согласно которому, когда арабский полководец Кутайба ибн Муслим (ум. в 96/714-15 г.) осадил Бухару, *дихкан*, т.е. правитель города послал ему письмо следующего содержания: «Я отправлю к тебе одного из самых сильных ученых огнепоклонников в моих владениях для того, чтобы он вступил с тобой в дискуссию и послушал твои проповеди. Если тебе удастся призвать его к своей вере, то и я последую за тобой. Но если твои старания окажутся напрасными, то я не отступлю от своей веры, и буду воевать против тебя». Затем *дихкан* отправил к нему жреца по имени Хуштияр, который был самым авторитетным из всех зороастрийских жрецов Бухары и жил в селекции Курджан. Кутайба ибн Муслим ознакомил его с основами ислама и описал достоинства пророка Мухаммада. После этого Хуштияр убедился, что он прав и принял ислам. Когда это известие дошло до *дихкана* Бухары, его охватил сильный страх и он бежал в страну тюрков², а жители Бухары все приняли ислам³.

Из других источников известно, что Кутайба ибн Муслим завоевал Бухару в 90/709 г.⁴, но соборную мечеть построил намного позже, в 94/712-13 г., на месте языческого храма идолопоклонников⁵. К этому времени, вероятно, относится и окончательное принятие ислама жителями Бухары. До этого жители Бухары по принуждению Кутайбы трижды принимали ислам, но затем вновь возвращались к своей вере, и продолжали поклоняться идолам⁶. События, изложенные в рассказе ан-Насафи, имели место, скорее всего, в 90/709 г., т.е. при первом завоевании Бухары войсками Кутайбы ибн Муслима, после чего часть жителей города, исповедовавшая огнепоклонничество, приняла ислам. Однако другая часть бухарцев, поклонявшаяся идолам, по-видимому, оставалась при своей вере до 94/712-13 г., после чего их главный храм был

разрушен, а на его месте была построена соборная мечеть.

В источниках приводятся сведения еще об одном огнепоклоннике Бухары по имени Мах, который принял ислам и превратил свой дом, т.е. вероятно, языческий храм, в мусульманскую мечеть⁷. По данным Наршахи, Мах был царем Бухары и поклонялся идолам. Впоследствии жители Бухары превратили его дворец в храм огнепоклонников, который по традиции продолжали называть «храмом Маха» или «домом Маха». После завоевания Бухары арабами на месте этого храма была построена мусульманская мечеть, которая в X-XII вв. называлась «мечетью Маха»⁸. Мечеть Маха X-XII вв. отождествляется с более поздней мечетью Магоки Аттори, сохранившейся до нашего времени. По археологическим данным, она действительно была построена на месте домусульманского монументального культового здания⁹.

Таким образом, из данных средневековых источников нам известны имена нескольких представителей высшего духовенства огнепоклонников и идолопоклонников доисламской Бухары, какими являлись Азракийян, его сын Бабадж, а также Хуштияр и Мах, принявшие ислам во второй половине VII и начале VIII вв. К их числу следует добавить также двух высших предков имама Абу 'Абд Аллаха Мухаммада ибн Исма'ила ал-Бухари (ум. в 256/870 г.) по имени Бардизба и ал-Мугира, которые также были огнепоклонниками. Первый из них, Бардизба (чтение условное), по-видимому, был современником Хуштияра и Маха, но в отличие от них он не принял ислам в правление Кутайбы ибн Муслима, и остался верным своей вере. Его сын ал-Мугира, настоящее имя которого нам неизвестно, принял ислам уже после смерти Кутайбы ибн Муслима при содействии арабского наместника Бухары Йамана ал-Джу'фи,¹⁰ правившего около 97-98/715-716 гг. Тот факт, что он принял ислам при содействии самого арабского наместника Бухары, свидетельствует о том, что он, так же как и его отец Бардизба, по-видимому, занимал высокое положение в бухарском обществе преисламского времени и, скорее всего, принадлежал к местной зороастрийской (маздеистской) духовно-религиозной элите.

Потомки этих бухарских зороастрийцев были уже правоверными мусульманами, а некоторые из них даже стали известными передатчиками хадисов, такие как, например, потомок Азракийяна в шестом поколении Абу 'Абд Аллах Мухаммад ибн ал-Хасан ал-Бухари (ум. в 344/955-56 г.) и потомок Бардизбы в пятом поколении Абу 'Абд Аллах Мухаммад ибн Исма'ил ал-Бухари (ум. 256/870 г.). Однако данные источников свидетельствуют о том, что не все потомки бухарских огнепоклонников после арабского завоевания остались жить в Бухаре, и некоторые из них предпочли покинуть город, занятый мусульманами. К числу таких относятся и потомки вышеупомянутого Хуштияра, который был одним из главных зороастрийских жрецов доисламской Бухары. Источники сообщают, что после того как Хуштияр принял ислам, его сын по имени ан-Надр переехал в Насаф и пустил там корни¹¹. Его потомки, вероятно, в четвертом или пятом поколении Тахир ибн Махмуд ан-Насафи (ум. в 289/901-02 г.) и 'Абд Аллах ибн 'Абдувайх ан-Насафи (ум. в 286/898-99 г.) были известными в Насафе передатчиками хадисов¹².

В этой связи следует отметить, что переезд Хуштияра или его сына из Бухары в Насаф, по-видимому, был не случайным. Для этого достаточно вспомнить политическую ситуацию, сложившуюся в Согде после завоевания его арабами. Известно, что последним представителем династии доисламских правителей Согда был *ихшид* по имени Тургар или Турхар, точное имя которого известно нам только по монетам¹³. Имеется два типа монет Турхара. Первый тип своих монет он выпускал по образцу монет своего отца – Гурака, в качестве престолонаследника в Иштихане, который был передан ему во владение в 731 г.¹⁴ После смерти Гурака в 738 г. Турхар становится *ихшидом* всего Согда и начинает выпуск монет с дополнительным знаком в виде полумесяца в одном из городов Согда, имевшим второстепенное значение¹⁵.

Существует мнение, что, судя по плотности и количеству находок монет второго типа, этим городом мог быть Насаф или Нахшаб в Южном Согде¹⁶, куда, следовательно, была перенесена из Самарканда и столица всего доисламского Согда, т.е. местопребы-

вание владельцев царствующего рода *ихшидов*. Исследуя арабо-язычные источники, нам удалось выявить двух жителей этого города, которые, судя по их родословным, могли быть потомками последнего *ихшида* Турхара. Один из них – Абу Ахмад Талиб ибн ‘Али ибн ал-Хасан ибн Турхар аш-Ширакаси ан-Насафи (ум. в 288/900-01 г.) из селения Ширакас в области Насафа¹⁷, а второй – Абу Исхак Ибрахим ибн Абу ‘Али Мухаммад ибн Абу ‘Абд Аллах Мухаммад ибн ‘Амр ибн Салих ибн ал-Хасан ибн Турхар ан-Насафи ат-Турхари (конец X – начало XI вв.) из жителей Нахшаба¹⁸. Оба они были известными передатчиками хадисов. Написание имени Турхар в арабской графике позволяет твердо отождествить его с именем Турхар, зафиксированным на согдийских монетах.

Таким образом, можно с достаточным основанием предполагать, что после смерти царя Согда Гурака, имевшей место, согласно китайским источникам, в 738 г., или чуть раньше, центр общественно-политической, культурной и духовно-религиозной жизни местного населения всего Согда, включая Самарканд и Бухару, занятых арабами, был перенесен в долину Кашкадарьи, а именно в город Насаф, точнее в расположенную рядом с ним бывшую столицу Южного Согда доисламского времени – город Нахшаб, остатками которого является крупное раннесредневековое городище Кала-и Заххок-и Марон¹⁹. После арабского завоевания центр политической жизни перемещается на городище Шулюк-тепе, являющееся остатками города Насафа, названного так арабами и ставшего столицей Южного Согда средневекового времени. Вместе с тем, жизнь на городище Кала-и Заххок-и Марон не замирает, и продолжает функционировать в средние века в его центральной части²⁰. В средневековых источниках оно упоминается как «селение Нахшаб», расположенное в области Насафа²¹. Именно в нем и жил один из потомков согдийского *ихшида* Турхара.

Перемещение и концентрация предводителей согдийцев в Нахшаб, на наш взгляд, было тесно связано и являлось прямым следствием подавления вспыхнувшего в 119/737 г. мощного антиарабского восстания жителей Согда и Тохаристана, которым руководил сам верховный тюркский *хакан*. Согласно ат-

Табари, в этом году тюркский *хакан* во главе 50 тысячного войска, состоявшего из согдийцев и тюрков, вступил в сражение с войсками Асада ибн ‘Абд Аллаха и, после продолжительных боев, потерпел сокрушительное поражение. Затем он стал вновь готовиться к войне с арабами и к осаде Самарканда, но вскоре был вероломно убит одним из своих военачальников, после чего его войска пришли в расстройство и рассеялись в набегах друг на друга, а согдийцы частью возвратились в Согд, а частью перебрались в Шаш²². Тем самым был положен конец сплоченной национально-освободительной борьбе, согдийцев, бактрийцев и тюрков Согда и Тохаристана против арабских завоевателей. Последующие восстания проходили уже разрозненно или под руководством отложившихся от Халифата арабов и персов (Муканна, Рафи‘ ибн ал-Лайс и др.).

Во время этого восстания (т.е. в 119/737 г.), очевидно, погиб и царь Согда Гурак, после чего согдийский престол, хотя и символически, занял его сын Турхар, перенесший свою резиденцию в Нахшаб. В 738 г. китайский Двор отправил к нему своего специального посланника, который вручил ему грамоту о его «назначении» на место отца²³.

После переезда Турхара в Нахшаб, в нем и других соседних с ним городах и селениях Южного Согда стали сосредотачиваться все антиарабски настроенные силы не только Согда, но и других сопредельных областей.

Так, в крепости Касба в области Насафа IX в., судя по родословной, жили потомки Шишпира – одного из доисламских правителей соседней области Кеш²⁴. В селении Рухсин, судя по родословной, в IX в. жил один из потомков *дихкана* Пенджикента Деваштича, казненного арабами в 105/723 г.²⁵ В селении Утшунд в области Насафа в X в. жил потомок доисламского *марзбана* Мерва Махуйе, сдавшего в 30/651 г. свой город без боя арабам²⁶. Кроме того, в Насафе и селениях его области в IX-XII вв. проживали многочисленные потомки служителей домусульманских культов, принявших ислам в эпоху арабских завоеваний. Так, кроме потомков вышеупомянутого Хуштийара, можно также назвать потомков таких лиц, как Нушпир, Фаранкдак, Карин Радж, Мика’ил, Нимрун, Дабуса и др., несомненно, принадлежавших к

культурной среде доисламского времени и проживавших в области Насафа²⁷.

В свете этих данных, нам представляется не случайным тот факт, что хорасанский мятежник и лжепророк Муканна, возглавивший антиарабское восстание жителей Средней Азии, после того, как в 152/769 г. бежал из темницы в Багдаде, сразу направился не куда-нибудь, а именно в Нахшаб и Кеш, жители которых первыми приняли его веру и, убив арабских наместников, перешли на его сторону²⁸. В 191/806-07 г., когда мятежный арабский полководец Рафи' ибн ал-Лайс поднял антихалифатское восстание и занял Самарканд, к нему вновь обратились жители Насафа, выражая ему свою покорность. Они просили его, чтобы он послал к ним того, кто помог бы им убить арабского наместника, и он послал к ним владетеля Шаша с его тюрками и одного из своих военачальников²⁹. Оба эти восстания, как известно, имели не только антихалифатский, но и антиисламский характер и направленность³⁰.

Все эти данные свидетельствуют о том, что во второй половине VIII–первой половине IX вв. селение Нахшаб и соседние с ним города и селения области Насафа и Кеша были сосредоточием не только антиарабски настроенной согдийской и местной тюркской знати, но и представителей высшего духовенства из числа зороастрийцев, идолопоклонников и последователей других доисламских культов не только всего Согда, но и некоторых сопредельных областей, таких как Хорасан и Тохаристан.

В средневековой арабо-язычной историко-биографической литературе приводятся сведения об огромном количестве передатчиков хадисов, живших в IX–XII вв. в городах и селениях области Насафа. Так, Абу Са'д ас-Сам'ани называет более 40 таких селений, жители которых занимались передачей хадисов³¹. Среди них, несомненно, были и потомки обосновавшейся здесь во второй половине VIII в. мятежной тюрко-согдийской аристократии и духовно-религиозной элиты. Нам представляется, что они, являясь представителями знатных семей высшей местной интеллигенции и хранителями национальных традиций доисламского Согда, в отличие от других слоев общества, не могли так просто и быстро отказаться от веры своих предков.

Внешне оставаясь правоверными мусульманами, они занимались изучением и передачей хадисов, но втайне многие из них, на наш взгляд, продолжали исповедовать веру своих отцов и дедов. Достаточно вспомнить пример такого яркого представителя местной знати как сын правителя Уструшаны Афшин Хайдар, который, как известно, был одним из самых доверенных лиц 'Аббасидских халифов и ярким защитником интересов ислама, но как оказалось впоследствии, тайно исповедовал веру своих предков³².

В условиях изоляции и глубочайшего подполья доисламские культы впоследствии слились с идеями Муканны и продолжали жить в сердцах людей на протяжении нескольких столетий. Известно, что Муканна проповедовал идею о переселении душ и, поэтому последователи его учения долгое время после смерти своего вождя ожидали его возвращения. Они проявляли активность вплоть до XII в. и вели пропаганду не только в селениях области Насафа и Кеша³³, но и в других областях Средней Азии³⁴.

В этой связи представляют интерес данные археологии, свидетельствующие о том, что среди жителей селений области Насафа в средние века втайне продолжали сохраняться культурные и духовно-религиозные традиции доисламских культов Согда. Так, при раскопках на средневековом городище Сарытепа-2 в Камашинском районе Кашкадарьинской области было обнаружено домашнее зороастрийское святилище с культовым алтарем, функционировавшее в VIII–IX вв.³⁵. На городищах IX–XII вв. долины Кашкадарьи в большом количестве были найдены очаги и керамические подставки к ним – атрибуты, связанные с культом огня³⁶, а также расписная керамика специального культового назначения с изображениями дерева, птиц, лягушек, змей и солярных знаков, которые связаны с культами предков, плодородия, луны, солнца, женского начала и др.³⁷

Домашние святилища и тайные зороастрийские микрохрамы функционировали на протяжении всех средних веков, когда языческие верования были под запретом и развивались только в домашнем быту. После монгольского завоевания необходимость в домашних часовнях отпала, так как монголы не преследовали никаких религий и с одинако-

вым уважением относились ко всем культам. Поэтому в XIII в. в населенных пунктах, по видимому, стали открыто появляться крупномасштабные святилища, которые впоследствии трансформировались в *чирагхона*³⁸. Такие же тайные домашние зороастрийские святилища в IX и последующих веках, по видимому, функционировали и в других городах и селениях Южного Согда, таких как Насаф, Нахшаб, Ширакас, Касба, Рухсин, Утшунд и др., в которых обосновались потомки доисламской тюрко-согдийской аристократии и духовно-религиозной элиты.

Обращает на себя внимание тот факт, что самый последний период жизни имама ал-Бухари был связан именно с Насафом, куда он отправился после своего изгнания из Бухары и провел в нем около двух месяцев³⁹. Этот факт, на наш взгляд, был не случайным, и заставляет предположить, что имам ал-Бухари, возможно, имел в Насафе какие-то близкие родственные или дружеские связи, и в трудный для себя момент надеялся найти там поддержку. Возможно, что здесь проживали некоторые из потомков бухарского огнепоклонника Бардизбы, т.е. дальние родственники имама ал-Бухари, которые переселились сюда из Бухары и тайно продолжали исповедовать веру своих предков. Примечательно, что одним из учеников имама ал-Бухари в Насафе был потомок последнего *ихшида* Согда Турхара⁴⁰.

Конечно, мы далеки от мысли, что и сам имам ал-Бухари в самом конце своей жизни находился под влиянием пережитков веры своих предков. Мы хотим лишь сказать, что он был хорошо знаком с людьми, тайно исповедовавшими домусульманские культы и тем самым сохранявшими духовно-религиозную культуру своих предков, а какое-то время, в трудный для себя момент, возможно, и симпатизировал им. Во всяком случае, не случайно он после своего изгнания из Бухары отправился не куда-нибудь, а именно в Насаф, где были сосредоточены потомки многих известных государственных и религиозных деятелей доисламского времени.

Таким образом, комплексное исследование сведений письменных источников в сопоставлении их с данными археологии и нумизматики помогают иногда приоткрыть новые неизвестные страницы истории Средней Азии и пролить свет на некоторые малоизвестные стороны биографий некоторых выдающихся лиц средневековья, каким был и наш предок имам ал-Бухари. Дальнейшие исследования в этом направлении, возможно, прольют свет на окончательное решение и уточнение поднятых в этой статье вопросов, связанных с историей распространения и утверждения ислама в Средней Азии в эпоху раннего средневековья.

Литература

- 1 Абу Са'д 'Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам'ани. Китаб ал-ансаб. / Изд. 'Абд ар-Рахмана ал-Му'аллими. – Байрут, 1981. Т.3. С. 268. (На арабском языке).
- 2 Здесь имеется в виду северная часть Средней Азии, где имел местопребывание тюркский *хакан*.
- 3 Абу Хафс 'Умар ибн Мухаммад ан-Насафи. Китаб ал-канд фи зикр 'улама' Самарканд. / Изд. Назар Мухаммада ал-Фарйаби. – Мадина, 1991. С. 201 - 202. (На арабском языке).
- 4 История ат-Табари. Извлечения. / Перевод с арабского В.И.Беляева. Дополнения к переводу О.Г.Большакова и А.Б.Халидова. – Ташкент, 1987. С. 121.
- 5 Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар ан-Наршахий. Бухоро тарихи. / А.Расулев таржимаси. Мерос. – Тошкент, 1991. 124-бет.
- 6 Абу Бакр Наршахий. Бухоро тарихи. 123-бет.
- 7 Abu Sa'd 'Abd al-Karim ibn Muhammad as-Sam'ani. Kitab al-ansab./ Published by facsimile from the manuscript of Britain museum with an introduction by D.S.Margoliouth. – Leiden-London, 1912. (GMS – XX). P. 499 A.
- 8 Абу Бакр Наршахий. Бухоро тарихи. 102-бет.
- 9 Шишкин В.А. Мечеть Магоки-Аттори в Бухаре // Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т.1. – Ташкент, 1948. С. 3 - 21.
- 10 Абу Са'д 'Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам'ани. Китаб ал-ансаб. Т.3. С. 268.
- 11 Абу Хафс 'Умар ибн Мухаммад ан-Насафи. Китаб ал-Канд. С. 201.
- 12 Там же. С. 158.
- 13 Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. – М., 1981. С. 43 - 45.
- 14 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1953. Т.2. С. 275, 287.

- 15 Ахунбабаев Х.Г. Новые находки согдийских монет из раскопок 1978-1981 гг. в центральной части Афрасиаба // ИМКУ. Вып. 20. – Ташкент, 1986. С. 94.
- 16 Смирнова О.И. Сводный каталог. С. 45-46.
- 17 Абу Хафс ‘Умар ибн Мухаммад ан-Насафи. Китаб ал-Канд. С. 168.
- 18 Абу Са‘д ‘Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам‘ани. Китаб ал-ансаб. Т.8. С. 261.
- 19 Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. – Ташкент, 1973. С. 21.
- 20 Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII-XII вв. – Ташкент, 1984. С. 15.
- 21 Иванов П.П. Хозяйство Джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI-XVII вв. – М.-Л., 1954. С. 325.
- 22 История ат-Табари. С. 241 - 258, 271 - 272.
- 23 E.Chavannes. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux. / Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып.6. – СПб., 1903. С. 59.
- 24 Абу Хафс ‘Умар ибн Мухаммад ан-Насафи. Китаб ал-Канд. С. 250.
- 25 Там же. С. 25.
- 26 Там же. Рукопись Национальной библиотеки Франции (Париж). Arabe. № 6284. Л. 74 б.
- 27 Там же. Л. 73 б. Изд Назар Мухаммада ал-Фарйаби. С. 87, 162, 202, 230, 282, 551.
- 28 Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар ан-Наршахи. Бухоро тарихи. С. 138 - 139.
- 29 История ат-Табари. С. 369-370.
- 30 Кадырова Т. Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII – начале IX вв. – Ташкент, 1965. С. 145.
- 31 Камалиддинов Ш.С. «Китаб ал-ансаб» как источник по истории и истории культуры Средней Азии. – Ташкент, 1993. С. 100-107.
- 32 Смирнова О.И. Потомок Гурека на процессе Афшина. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. – Л., 1969. С. 69-73.
- 33 История народов Узбекистана. Т.1. – Ташкент, 1950. С. 203. Хотя, последние данные позволяют по-новому взглянуть на роль Муканны в истории Средней Азии. По крайней мере, на своих монетах он выдает себя за правоверного мусульманина и продолжателя дела Абу Муслима. См.: Кочнев Б.Д. Монеты Муканны // Археология и художественная культура Центральной Азии. Вып. 2. Ташкент, 1995. С. 32 – 33.
- 34 Абу Сад ‘Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам‘ани. Китаб ал-ансаб. Т.6. С. 109.
- 35 Усманова З.И., Дресвянская Г.Я. Работы в Кашкадарье // АО 1972 года. – М., 1973. С. 473.
- 36 Лунина С.Б. Черты культуры Кеша IX-XII вв. // История и культура южных районов Средней Азии. – Ташкент, 1988. С. 56 - 64.
- 37 Лунина С.Б. Расписная керамика X-XII вв. и ее назначение // СА, № 3. М., 1987. С. 98 - 110.
- 38 Усманова З.И., Дресвянская Г.Я. Памятники среднего течения Кашкадарьи. // Научные труды ТашГУ, № 473 – Ташкент, 1974. С. 22 - 23.
- 39 Абу Са‘д ‘Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам‘ани. Китаб ал-ансаб. Т. 1. С. 188.
- 40 Абу Хафс ‘Умар ибн Мухаммад ан-Насафи. Китаб ал-Канд. С. 168.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСАФА

Известный среднеазиатский ученый-энциклопедист Наджм ад-дин Абу Хафс ‘Умар ибн Мухаммад ан-Насафи ал-Матуриди (460–537/1068–1142) относится к числу наиболее выдающихся ученых Средней Азии эпохи Караханидов в области гуманитарных наук. Он был родом из Насафа, но большую часть своей жизни до самой смерти прожил в столице Караханидского государства – Самарканде. Из источников известно, что ан-Насафи написал более ста сочинений в области хадисоведения, законовения, истории, филологии, тафсира и других наук¹, но до нас из них дошло всего около десяти². Однако со временем число последних может возрасти, поскольку исследователи продолжают находить рукописи его сочинений в различных рукописных фондах мира. Так, в Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз П.Г. Булгаковым была обнаружена уникальная рукопись энциклопедического сочинения ан-Насафи, которое называется «Матла‘ ан-нуджум ва маджма‘ ал-‘улум» («Восхождение звезд и скопление наук»)³. По последним данным, в рукописном фонде этого института хранится всего около 10 сочинений Абу Хафса ан-Насафи. Рукописи другого исторического сочинения ан-Насафи «ал-Канд фи зикр ‘улама’ Самарканд» («Сладкое в познании ученых Самарканда») были открыты в рукописных фондах Национальной библиотеки в Париже⁴ и библиотеки Сулейманийа в Турции⁵.

Среди дошедших до нас сочинений ан-Насафи особый научный интерес представляет его историко-биографический труд «ал-Канд фи зикр ‘улама’ Самарканд» («Сладкое в познании ученых Самарканда»)⁶, который является продолжением недошедших до нас «Истории Самарканда» Абу Са‘да ‘Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада ал-Идриси (ум. в 405/1015 г.)⁷ и «Истории Самарканда» Абу-л-‘Аббаса Джа‘фара ибн Мухаммада ал-Мустагфири (ум. в 432/1041 г.)⁸. Труд ан-Насафи, написанный на арабском языке, представляет собой сборник биографий ученых хадисоведов и передатчиков *хадисов*,

живших в Самарканде в период с середины VIII в. до современного автору времени, т.е. XII в. Всего в сочинении содержится около 1200 биографий самаркандских ученых, а также ученых, приезжавших с научными целями в Самарканд из других городов Средней Азии, и занимавшихся сбором, передачей и систематизацией *хадисов*. В каждой биографии после кратких биографических сведений приводится *иснад*, т.е. цепочка передатчиков *хадисов*, которая начинается с конкретного лица, о котором идет речь, и кончается пророком Мухаммадом. В самом конце этого *иснада*, который обычно включает имена 10-12 лиц, приводится собственно *хадис*, т.е. изречение пророка Мухаммада, высказанное им по тому или иному случаю жизни и служащее основой для поведения всех правоверных мусульман.

Сочинение ан-Насафи было переписано его учеником Абу-л-Фадлом Мухаммадом ибн ‘Абд ал-Джалилом ас-Самарканди, который составил также его сокращенную версию⁹. Существуют также две сокращенные версии на *фарси*, известные под названиями «Кандийа-и Хурд» («Кандия Малая») и «Канд дар та‘риф Самарканд» («Сахар в знакомстве с Самаркандом»), которые также дошли до нас и хранятся во множестве экземпляров в различных рукописных фондах мира¹⁰. Несколько экземпляров обеих редакций хранятся и в Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз¹¹. Первая редакция «Кандии» была издана в 1906 г. в переводе на русский язык¹², а вторая – в 1909 г. в Самарканде и в 1955 г. в Тегеране¹³. Сочинение ан-Насафи было подвергнуто большой обработке, в результате чего трудно представить его первоначальный характер. Сохранившиеся редакции труда содержат полуполюгендарные сведения о домусульманской эпохе, предания об арабском завоевании и постройках Самарканда. Основная их часть состоит из сведений о местных святых, рассказов об их подвигах и описаний их *мазаров*. Наибольшую ценность представляют сведения о системе орошения Самарканда и о

нескольких селениях его области¹⁴. Только первая часть дошедшего до нас текста «Кандии», повествующая о домусульманском периоде и о времени арабского завоевания, может восходить к сокращенной версии Мухаммада ибн 'Абд ал-Джалила ас-Самарканди, т.е. к XII в., остальные же части должны быть отнесены к более поздним временам – XIII–XV вв.¹⁵

Оригинальный вариант сочинения ан-Насафи, написанный на арабском языке, еще некоторое время тому назад считался утраченным, и лишь сравнительно недавно в научный оборот были введены две вновь открытые его рукописи, хранящиеся в рукописных фондах Национальной библиотеки в Париже и библиотеки Сулейманийа в Турции. Обе рукописи представляют собой большую ценность, поскольку они во многих местах значительно дополняют друг друга и каждая из них содержат части, отсутствующие в другой¹⁶.

В сочинении ан-Насафи содержится множество биографий ученых хадисоведов, приехавших в Самарканд из Насафа в период с середины УШ в. до середины XII в. Приводя биографические данные о том или ином ученом, ан-Насафи часто приводит также весьма важные сведения, представляющие большую ценность для изучения исторической топографии средневекового Насафа.

Всего ан-Насафи упоминает в городе Насафе 18 пунктов (в том числе один квартал, шесть улиц, одни ворота, пять мечетей, два кладбища, два *рабата*, один колодец, один базарчик и одну лавку). Так, он упоминает внутренний город (*ал-мадина ад-дахила*)¹⁷ Насафа, в стене которого называет ворота (*баб*) ал-Максура¹⁸. В средневековой арабоязычной историко-географической литературе термин *баб*, как правило, употреблялся применительно к воротам *шахристанов* (внутреннего города), а для обозначения ворот стен *рабада* (внешнего города) использовался другой термин – *дарб*¹⁹. Однако среди четырех городских ворот внутреннего города Насафа, перечисленных ал-Истахри, ворота с таким названием не упоминаются²⁰. Возможно, что они тождественны с воротами Губдин, около которых была расположена соборная мечеть. Название ал-Максура указывает на их связь с соборной мечетью. В средневековом мусульманском городе *максура*

представляла собой огороженное пространство внутри соборной мечети, где во время молитв могли находиться государь или наместник со своими приближенными²¹. Максура служила также местом для хранения документов и государственной казны, а также местом производства суда и других функций государственной власти²². Губдинские ворота выходили, очевидно, на восток или юго-восток, поскольку в 2 фарсах к востоку от Насафа находилось селение Губдин²³, от которого эти ворота и получили свое название.

Во внутреннем городе Насафа ан-Насафи называет несколько улиц (*сикка*):

*Байан*²⁴. По данным ас-Сам'ани, на этой улице жил *имам* Мухаммад ибн Исма'ил ал-Бухари во время своего пребывания в Насафе. Здесь же была мечеть, в которой он обычно молился²⁵. Йакут к этим данным ничего не добавляет²⁶.

*Вассаф*²⁷. Так же у Йакута²⁸, а ас-Сам'ани дает чтение ал-Вассаф и называет его термином *дарб*²⁹, которым обозначали ворота *рабада* (внешнего города), кварталы *рабада* или дороги, ведущие за город. По мнению М.Е. Массона, этот квартал находился у одноименных городских ворот, устроенных в новой внешней стене, построенной вокруг города, т.е. на территории *рабада*³⁰.

Аз-Зуххад – улица Отшельников. В ней находился дом Абу 'Абд ар-Рахмана Му'аза ибн Йа'куба ал-Касани³¹. По данным ас-Сам'ани, этот суфийский *шайх* в 219/834 г. построил здесь соборную мечеть, *рабат* для суфиев и соорудил источник воды с местом для совершения омовений. Здесь же он был похоронен³². М.Е. Массон локализовал эту улицу в северо-западной части внутреннего города около ворот ан-Наджжарийа (или ал-Бухарийа)³³. Однако, по данным Ибн Хаукала, в X в. около этих ворот находилась загородная мечеть для праздничных молитв, а соборная мечеть Насафа находилась около ворот Губдин³⁴. Следовательно, там же должна была находиться и улица аз-Зуххад.

*Харрас*³⁵. В других источниках эта улица не упоминается.

Внешний город (*рабад*) Насафа в сочинении ан-Насафи не упоминается, но называется кладбище, расположенное у восточных ворот *рабада* по названию Дарб Кисс (Кешские ворота)³⁶. Здесь же, вероятно, был расположен и одноименный квартал *рабада*. Су-

дя по использованию термина *дарб*, эти ворота были расположены на внешней стене *рабада*, тогда как в источниках упоминаются ворота (*баб*) Кеша, расположенные в стене *шахристана*. Кроме того, упоминается также кладбище Ахмада ибн Мухсина, расположенное в квартале или местности Ра'с ал-Кантара (Начало моста)³⁷. По данным Ибн Хаукала, в этой местности на берегу реки находились Дом правления и городская тюрьма³⁸. Квартал Ра'с ал-Кантара с кладбищем Ахмада ибн Мухсина могли находиться у моста, перекинутого через Кашкадарью, который соединял основную левобережную часть *рабада* с его правобережным продолжением, тянувшимся почти до самых стен городища Еркурган³⁹. Дом правления и тюрьма локализируются на большой улице, отходившей от базарной площади на северо-восток к Самаркандским воротам⁴⁰. Эта улица прерывалась большим мостом через реку, около которого на расстоянии 100 м от обрывистого берега Кашкадарьи имеются развалины двух зданий⁴¹, возможно, являющихся остатками Дома правления и тюрьмы средневекового Насафа.

Из культовых сооружений средневекового Насафа в сочинении ан-Насафи упоминается всего 7 мечетей:

Джами' Насаф у ворот (*баб*) ал-Максура – соборная мечеть Насафа⁴². В средневековом Насафе было две соборной мечети. Одна из них была построена в 219/834 г. суфийским *шайхом* Абу 'Абд ар-Рахманом Му'азом ибн Йа'кубом ал-Касани родом из селения Касан⁴³. Эта же соборная мечеть упоминается в сочинениях арабских географов X в., которые локализуют ее около Губдинских ворот на территории *рабада*⁴⁴. В XII в. в Насафе, по видимому, была построена новая соборная мечеть, на что указывают слова ас-Сам'ани, который называет мечеть Му'азы ал-Касани на улице аз-Зуххад «старой соборной мечетью»⁴⁵. На расстоянии 130 м к югу от *шахристана* городища Шуллак-тепа обнаружены остатки крупного монументального здания, строительный материал которого датируется XII в.⁴⁶ Возможно, что это и есть остатки второй соборной мечети Насафа XII в., которая могла быть построена на территории того же *рабада*, недалеко от старой. Соборной мечетью у ворот (*баб*) ал-Максура, в которой находилась *максура*, судя по всему (*баб* – во-

рота внутреннего города), могла быть и старая соборная мечеть, построенная Му'азом ал-Касани. Однако, скорее всего, эта *максура* находилась в новой соборной мечети, расположенной к югу от *шахристана*, т.е. около тех же Губдинских ворот, так как ан-Насафи не называет мечеть на улице аз-Зуххад «соборной мечетью», а называет ее «мечетью Му'азы ал-Касани»⁴⁷.

*Мечеть Абу Йа'ла 'Абд ал-Му'мина ибн Халафа*⁴⁸. В других источниках эта мечеть не упоминается. Известный хадисовед Абу Йа'ла 'Абд ал-Му'мин ибн Халаф ан-Насафи (X в.) имел множество учеников⁴⁹, а ближайшим его сподвижником был Абу Йа'ла 'Абд ал-Му'мин ибн 'Абд ал-Маджид ан-Насафи (ум. после 360/970-71 г.), без которого он никогда не начинал своих собраний⁵⁰. Последний жил в квартале Ра'с ал-Кантара, из чего можно предположить, что именно здесь должна была находиться и мечеть 'Абд ал-Му'мина ибн Халафа.

Мечеть Синана ибн Йасара около колодца ал-Ахмара⁵¹. В других источниках эта мечеть не упоминается. Водоснабжение средневекового Насафа мало зависело от реки, которая, согласно источникам, в «определенное время года пересыхала, и жители пользовались для орошения огородов водой колодцев»⁵². На территории *шахристана* и *рабада* городища Шуллак-тепа, вдоль правого и левого берегов реки, в обрывах зафиксировано большое количество колодцев IX-X вв.⁵³, стволы которых были облицованы кладкой из жженого кирпича⁵⁴.

Мечеть ал-Хулканийин – у базара старых вещей⁵⁵. В других источниках эта мечеть не упоминается. Базар старых вещей мог находиться на рыночной площади в *рабаде*, между старой соборной мечетью у ворот Губдин и Домом правления в местности Ра'с ал-Кантара, где были сконцентрированы все городские базары⁵⁶.

Ал-Мусалла – загородная мечеть для праздничных молитв⁵⁷. По данным Ибн Хаукала, она находилась внутри стен *рабада* около Бухарских ворот⁵⁸. Следовательно, она должна была находиться к северо-западу от *шахристана* городища Шуллак-тепа.

В городе Насафе ан-Насафи упоминает также *рабат ал-Джаубак*⁵⁹, *рабат Махфуз*⁶⁰ и *ханут ал-Хаббаз* в базарчике (*сувайка*)⁶¹. Из них только первый упоминается в других ис-

точниках. По данным ас-Сам‘ани, Джаубак был местом наподобие *хана*, в котором собирались люди, т.е. торговой точкой⁶². По мнению В.В. Бартольда, термином *джаубак* в средние века обозначали небольшие фруктовые базарчики и *ханы*, т.е. караван-сарай⁶³. Термином *ханут* в средние века обозначались небольшие лавки или мастерские. В данном случае речь идет о небольшой хлебопекарне (*ал-хаббаз*), расположенной в каком-то базарчике. Небольшие базарчики, а также отдельные лавки и мастерские в городах средневекового Согда обычно принадлежали городским землевладельцам, которые сдавали их в аренду мелким ремесленникам и торговцам, и, как правило, примыкали к богатым жилищам хозяев, составляя с ними единое архитектурное целое⁶⁴. Этот *рабат* или *хан* ал-Джаубак, а также *рабат* Махфуз и *ханут* ал-Хаббаз, также как и базар старых вещей,

скорее всего, должны были находиться у рыночной площади, расположенной в *рабаде* средневекового Насафа.

Из всех этих названий 11 в других источниках не упоминаются. Это: ворота (*дарб*) Кеша, улица (*сикка*) Харрас, кладбище Ахмада ибн Мухсина в местности Ра‘с ал-Кантара, кладбище у ворот (*дарб*) Кеша, мечеть Абу Йа‘ла ‘Абд ал-Му‘мина ибн Халафа, мечеть Синана ибн Йасара у колодца ал-Ахмара, мечеть ал-Хулканийин у базара старых вещей, сам базар старых вещей, *рабат* Махфуз, *ханут* ал-Хаббаз в базарчике и колодец ал-Ахмара. Следовательно, данные ан-Насафи о них являются уникальными. Таким образом, исследование арабо-язычных историко-биографических источников позволяет нам выявлять ценные и уникальные сведения по исторической топографии средневековых городов Средней Азии.

Литература

1. Хайр ад-дин аз-Зирикли. Ал-А‘лам. Камус тараджим ли-ашхур ар-риджал ва-н-ниса’ мин ал-‘араб ва-л-муста‘рибин ва-л-мусташрикин. В 10 томах. Каир, 1954 – 1959. Т. 5. С. 222 (на араб. яз.).
2. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litterature. Bd. 1. Weimar, 1898. S. 427 – 428.
3. Абу Хафс ‘Умар ибн Мухаммад ан-Насафи. Матла‘ ан-нуджум ва маджма‘ ал-‘улум. Ркп. ИВ АН РУз. Инв. № 1462. 357 л.
4. Абу-л-Фадл Мухаммад ибн ‘Абд ал-Джалил ас-Самарканди. Мунтахаб Китаб ал-Канд. Ркп. Национальной библиотеки в Париже: Инв. № Arabe, 6284. Л. 1 V – 75 R. (далее: Al-Qand). См.: Blochet E. Catalogue des manuscrits arabes des nouvelles acquisitions (1884-1924). Paris, 1925, P. 227, № 6284; Стори Ч.А. Персидская литература. Библиографический обзор. В 3-х частях / Пер. с англ., перер. и доп. Ю.Э.Брегеля. М., 1972. Т. 2. С. 1112.
5. Абу Хафс ‘Умар ибн Мухаммад ан-Насафи. Ал-Канд фи зикр ‘улама’ Самарканд. Ркп. Библиотеки Сулеймания (Стамбул): Инв. № Turhan Valide 70. Л. 1 R – 198 R.
6. Стамбульская рукопись, которая является оригинальным и наиболее полным вариантом этого сочинения, была издана дважды: Наждм ад-дин ‘Умар ибн Мухаммад ибн Ахмад ан-Насафи. Ал-Канд фи зикр ‘улама’ Самарканд / Изд. Мухаммада Назара ал-Фарйаби. Ал-Мадина: Мактабат ал-Каусар, 1412/1991. 622 с. (на араб. яз.) (далее: Ал-Канд), и то же / изд. Йусуфа ал-Хади. Тегеран: Айина-и Мирас (Мир’ат ат-турас), 1378/1420/1999. 877 с. (на араб. яз.).
7. Haji Khalifa. Lexicon enciclopaedicum et bibliographicum / Ed. G.Flugel. 1 – 7 vols. Leipzig – London, 1835-1858. Vol. 2. P. 13; Vol. 4. P. 571; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. в 9 тт. Т. 1. М., 1963. С. 60.
8. Sezgin F. Geschichte des Arabischen schrifttums. Bd. 1 – 9. Leiden: E.J.Brill, 1967 – 1975. Bd. 1. S. 353.
9. Установлено, что стамбульская рукопись является частью оригинала сочинения ан-Насафи, написанного рукой Мухаммада ибн ‘Абд ал-Джалила, а парижская – частью сокращенной версии Мухаммада ибн ‘Абд ал-Джалила. См.: J.Paul. The histories of Samarqand // Studia Iranica. Т. 22. 1993 (fascicule 1). P. 73.
10. Стори Ч.А. Персидская литература . . . Т. 2. С. 1113 – 1115; Миклухо-Маклай Н.Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. М.-Л., 1955. С. 15–22; Ivanow VI. Concise Descriptive Catalogue of the Persian Manuscripts in the Curzon Collection. Asiatic Society of Bengal. Calcutta, 1926. P. 252, No 349 и др.
11. Собрание восточных рукописей ИВ АН РУз. В 14 томах. Ташкент, 1954 – 2000. Т 5, № 3965 – 3970; Т. 8, № 5655; Т 10, № 6869, 6870).
12. Кандия Малая / Пер. с фарси, предисл. и прим. В.Л. Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 8. Самарканд, 1906. С. 236–290.
13. Тегеранское издание осуществил Ирадж Афшар на основе самаркандского литографического издания. См.: Стори Ч.А. Персидская литература. Т. 2. С. 1114 – 1115.
14. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 138; Бартольд В.В. Туркестан . . . С. 60.
15. Бартольд В.В. Туркестан . . . С. 61; J.Paul. The histories of Samarqand. P. 80 – 81.

- ¹⁶. Хотя Парижская рукопись и является сокращенной версией сочинения ан-Насафи, в ней сохранились те части, которые отсутствуют в фрагменте более полного оригинального варианта, т.е. в стамбульской рукописи. См.: J.Paul. The histories of Samarqand. P. 74.
- ¹⁷. Ал-Канд. С. 453, С. 397, 537.
- ¹⁹. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город . . . С. 271.
- ²⁰. Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. *Viae regnorum* / Ed. M.J. de Goeje. *Bibliotheca geographorum arabicorum*. Pars 1. Lugduni-Batavorum, 1967. P. 325. (далее: Al-Istakhri)/
- ²¹. Бартольд В.В. Ориентировка первых мусульманских мечетей / Соч. в 9 тт. Т. 6. М., 1966. С. 540 – 541.
- ²². Бартольд В.В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока / Соч. в 9 томах. Т. 8. М., 1971. С. 352.
- ²³. Абу Са'д 'Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам'ани. Ал-Ансаб. / Изд. 'Абд ар-Рахмана ал-Му'аллими. В 10 томах. Байрут, 1981. Т. 9. С. 186 (на араб яз.). (далее: Ал-Ансаб)
- ²⁴. Ал-Канд. С. 388, 453.
- ²⁵. Ал-Ансаб. Т. 2. С. 69.
- ²⁶. Йакут ал-Хамави. Му'джем ал-булдан. В 8 томах. Каир, 1906. Т. 2. С. 53 (на араб яз.).
- ²⁷. Ал-Канд. С. 500.
- ²⁸. Йакут ал-Хамави. Му'джем . . . Т. 8. С. 125.
- ²⁹. The *Kitab al-ansab of Abd al-Karim al-Sam'ani* / With an introduction by D.S.Margoliouth. Leiden – London: E.J.W. Gibb memorial series. XX. 1912. P. 504 R. (далее: Al-Ansab)/
- ³⁰. Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции Таш ГУ 1965–1966 гг.). Ташкент, 1973. С. 39.
- ³¹. Ал-Канд. С. 244.
- ³². Ал- Ансаб. Т. 10. С 322.
- ³³. Массон М.Е. Столичные города . . . С. 47.
- ³⁴. Abu-l-Kasim Ibn Haukal an-Nasibi. *Opus geographicum* / Ed. M.J. de Goeje. *Bibliotheca geographorum arabicorum*. Pars 2. Lugduni-Batavorum, 1967. P. 503. (далее: Ibn Haukal)
- ³⁵. Al-Qand. P. 71 V.
- ³⁶. Ал-Канд. С. 247.
- ³⁷. Там же. С. 306; Al-Qand. P. 72 R. В средневековом Самарканде был квартал с таким же названием, который находился в шахристане у моста Гатифар, перекинутого через реку Навадан. В нем также находилось старое кладбище.
- ³⁸. Ibn Haukal. P. 503.
- ³⁹. Зимин Л.А. Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности. Ташкент, 1927. С. 12.
- ⁴⁰. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Самарканд – Ташкент, 2000. С. 20.
- ⁴¹. Массон М.Е. Столичные города . . . С. 47.
- ⁴². Ал-Канд. С. 264, 537, 397.
- ⁴³. Ал-Ансаб. Т. 10. С. 322.
- ⁴⁴. Ibn Haukal. P. 503.
- ⁴⁵. Ал-Ансаб. Т. 10. С. 322.
- ⁴⁶. Кочнев Б.Д. Работы в Каршинском оазисе // АО 1978 года. – М., 1979. С. 554.
- ⁴⁷⁻⁴⁸. Ал-Канд. С. 159, С. 305.
- ⁴⁹. Ал-Ансаб. Т. 1. С. 103; Т. 3. С. 99; Т. 7. С. 313; Т. 9. С. 284; Т. 10. С. 310. 322 и др.
- ⁵⁰⁻⁵¹. Ал-Канд. С. 306-307; Al-Qand. P. 43 V – 44 R., С. 514.
- ⁵². Al-Istakhri. P. 325.
- ⁵³. Кочнев Б.Д. Исследование средневекового Насафа // АО 1974 года. М., 1975. С. 501-502.
- ⁵⁴. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. С. 20.
- ⁵⁵. Ал-Канд. С. 536.
- ⁵⁶. Ibn Haukal. P. 503.
- ⁵⁷. Ал-Канд. С. 306.
- ⁵⁸. Ibn Haukal. P. 503.
- ⁵⁹⁻⁶¹. Ал-Канд. С. 209, 294, С. 43, С. 305.
- ⁶². Ал-Ансаб. Т. 3. С. 345; Т. 10. С. 444.
- ⁶³. Бартольд В.В. Туркестан . . . С. 194.
- ⁶⁴. Распопова В.И., Шишкина Г.В. Согд // Средняя Азия в раннем средневековье / Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. СПб., 1999. С. 67.

М.-Ш. Кдырниязов, А. Кдырниязов

РАСКОПКИ БОГАТОГО ДОМА С МОЛЕЛЬНЕЙ В МИЗДАХКАНЕ

Миздахкан находится в Республике Каракалпакстан, расположен вдоль автомобильной трассы Ходжейли—Куныя Ургенч. Здесь в 1985-2001 гг. были проведены раскопки городских торгово-ремесленных кварталов, улиц, холмиков с богатым керамическим отвалом. Они показали, что в неукрепленных поселениях культурный слой и археологический материал относятся к хорезмско-джучидской культуре (XIII-XIV вв.). В результате стационарных работ получены данные, позволяющие говорить не только о топографии неукрепленной части памятника, но и судить о градостроительном облике и характере жилых комплексов Миздахкана XIII-XIV вв. Настоящая статья посвящена публикации материалов интересного домохозяйства с молеельней этого периода.

В 1989 г. в "Восточном квартале II" полностью раскопан дом № 11 (235,34 м²), состоящий из одиннадцати помещений с домашней молеельней (рис. 1). Дом отделен от остальных домохозяйств квартала глухими стенами, а все комнаты связываются между собой проходами и главным входом с магистральной улицы. Дом состоит из жилых, хозяйственных, парадных помещений и большого двора. Площадь помещений, занятая под жилище, составляет 67,39 м² (пом. № 64, 65, 76, 83), площадь комнат хозяйственного назначения - 107,67 м² (п. 70, коридор), кладовых с закромами 60,28 м² (п. № 64, 65, 76, 83). Это соответствует стандарту богатого дома, о котором мы писали раньше (Кдырниязов, 1993, с.52-53).

Вход в дом с улицы расположен в северной части узкого коридора. Выход на улицу оформлен в виде тамбура, от него сохранились остатки подушки фундамента из сырцового, жженого кирпича и камня. На полу тамбура остались следы деревянных конструкций. Через коридор входили в помещения № 66 и № 76 и во двор. В свою очередь они связываются с остальными комнатами дома.

Прямоугольный в плане и расположенный в южной половине дома двор (пом. № 70),

близок к квадрату, площадью около 89,28 м² (9,30x9,60 м), занимал в постройке главное место. Он соединяется с южными помещениями (№ 70а, 71, 82, 83). В северной части двора, примыкая к стене, располагалась суфа, окантованная по краям постеленными рядами жженого кирпича. Другая "П"-образная суфа, примыкаясь к двум западным и южным стенам, имеет неординарную ширину (1,60x1,65x2,5 м), высотой 0,45 м. Края суфы и отдельные места на поверхности выложены постеленными рядами жженого кирпича (22x22x3,5; 23x23x3,5 см). Южный конец суфы завершается стенкой-перегородкой, возведенной на поверхности суфы (ширина 0,25, высота 0,45 м). За перегородкой в южном углу двора находилась площадь квадратной формы ок. 6,095 м² (2,30x2,65 м), которая могла использоваться в качестве склада для сельхозпродуктов.

Помещение № 70а имеет два отсека: тамбур квадратной формы, площадью 7,29 м² (2,70x2,70 м) и хозяйственная часть, удлиненной формы занимающая 7,79 м² (4,10x1,90 м), с керамическим очагом в западной части. Восточная половина занята суфой, выложенной по краям шестью постелистыми рядами жженого кирпича (21x21x3,5 см). Над суфой, примыкавшей к восточной стене, устроены две ячейки-закромы объемом около 1,31 м² (0,75x1,75 м) и 2,17 м² (0,75x2,90 м). Высота сохранившихся стенок, толщиной 0,22 и 0,32 м, достигает 0,6 м. Основание стенки закромы также сложено жженым кирпичом. Кроме того, в северном углу расположена суфа-лавка размером 0,60x1,20 м, высотой 0,35 м. Пол между суфами и порогом вымощен жженым кирпичом.

Помещение № 82 прямоугольное, площадью 13,37 м² (5,35x2,5 м). Выход в сторону двора и в помещение № 83. Ширина южной половины помещения сужается до 0,6 м. К этой части пристроена суфа (2,35x2,50x0,25 м). Края суфы также выложены жжеными кирпичами золотоордынского стандарта. Угловое помещение № 83, площадью 13,97 м²

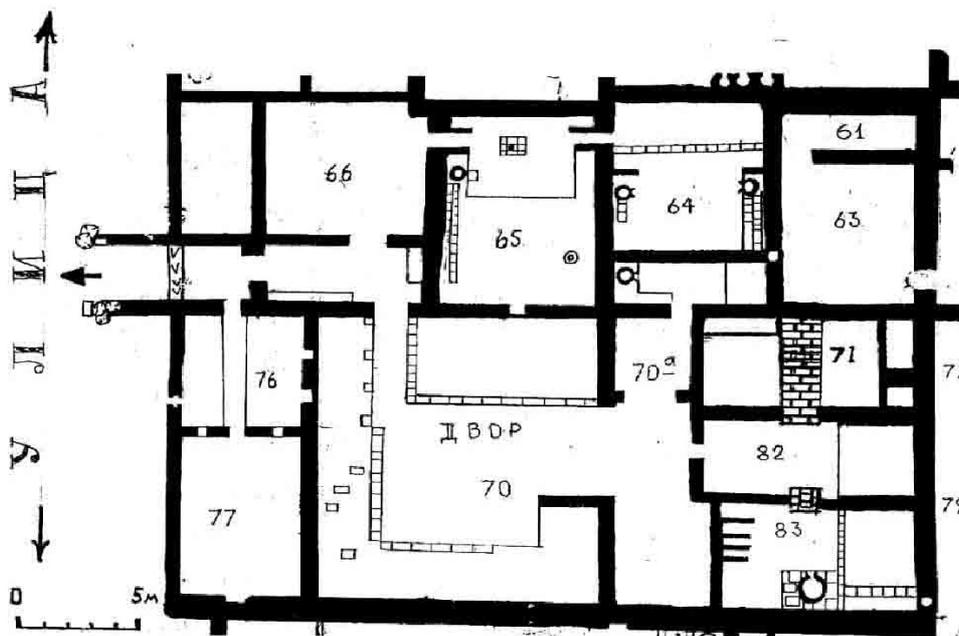

Рис. 1. План дома № 11. Восточный квартал II

(3,45x4,05 м), в большей части занята "Г"-образной суфой (2,30x3,45x0,35 м), края которой также облицованы жженым кирпичом (рис.2). В южной части суфы находился очаг с каном. Горизонтальный дымоход кана в южном углу помещения соединяется вертикальным каналом внутри стены. Очаг-кан хорошо сохранился, с наружной стороны обшит обломками жженого кирпича и серолиняной керамикой. Устье очага направлено на север и завершается аркообразной формой. В правой стороне очага и в северном углу имеются нишеобразные площадки. Пол "площадок" выше пола помещения на 18-20 см, и выстлан постеленными рядами сырцового кирпича. Кроме того, вдоль западной стенки находились четыре ниши различного размера, форма их четырехугольная с арочным перекрытием. Особенно хорошо сохранилась конструкция четвертой, южной ниши. Передняя ее часть оформлена в виде стрельчато-аркообразного портала. Стенки ниш сложены из поставленных на ребро сырцовых кирпичей и гладко обмазаны. Проход в помещение расположен в северной стене. Комната, судя по интерьеру, является элементом богатого дома, большинство помещений которого отличаются от рядовых жилищ. Средневековые городские жилища парадного характера часто украшались декоративными нишами. Марокканец Ибн Баттута

(1333 г.) пишет, что парадная комната главной кади Хорезма Абухафса Омара ал-Бакри имеет "множество углублений, а в каждом углублении серебрянные, позолоченные сосуды и иракские кувшины. Такой обычай жителей этой страны убирать свои дома" (Тизенгаузен, 1884, с. 310).

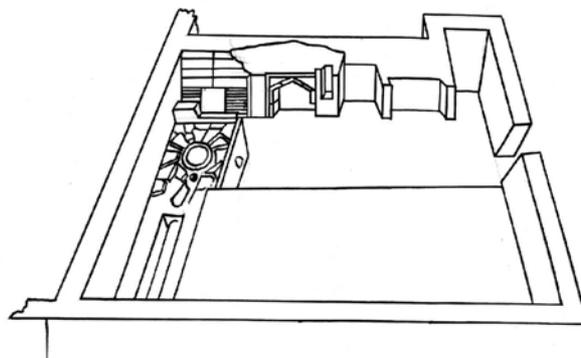

Рис. 2. Интерьер помещения 83

Три помещения расположены в северной половине дома. Они имеют смежные выходы в сторону коридора. В помещениях № 64 и № 65 находились суфы, оборудованные очаг-каном. В них полы у прохода также облицованы жженым кирпичом. В помещении № 64, площадью 14,06 м² (3,70x3,80 м), вдоль западной и северной стен размещались два кана, которые со стороны прохода имеют перегородки-стенки. В помещении № 65, площадью 22,80 м² (3,80x6 м), находилась ташнау и "П"-образная суфа с очагом-каном. В середи-

не южной стены имеется оконный проем. Интересным элементом в жилище является вкопанная в суфу хумча. Она наполовину заполнена золой и, возможно, служила для обогрева. Помещение № 66, площадью 25,62 м² (4,20x6,10 м), расположено в северном углу дома, имеет выход в сторону коридора, в западной части которого находился отсек-закрома, площадью 9,24 м² (4,20x2,20).

Помещение № 76, площадью 16,56 м² (4,60x3,60 м), имеет сквозные проходы к помещению № 77 и коридору. В нем две суфы размером 1,95x3,60; 1,75x3,60 м, высотой 0,35 м. Края суфы выложены сырцовым кирпичом. На пороге прохода обнаружены истлевшие остатки деревянного бруска, возможно, это нижняя часть дверного косяка. В восточных и западных стенах на высоте 0,35 м от поверхности суфы находились три ниши прямоугольной формы. Дальнейшая расчистка в южной стене вскрыла сквозные ниши, расположенные в правой стороне прохода помещения № 77. Верх ниши оформлен в виде арок, они имеют одинаковые размеры (0,42x0,60 м). Поверхность суфы, стен и ниш гладко обмазана глиняно-саманной обмазкой. Учитывая наличие парной суфы, ниши и облицованного порога, это помещение можно отнести к жилищам парадного типа.

В комплексе помещений дома № 11 особый интерес вызывает западное угловое помещение № 77, площадью 24,57 м² (4,55x5,40 м), использовавшееся в качестве домашней молельни. Вход в молельню расположен в середине северной стены и имеет арочное перекрытие. Порог с внутренней стороны украшен выступающим бордюром из жженого кирпича и обмазан алебастром. Кроме того, края порога с внутренней стороны окольцованы деревянным брусом длиной 1,42 м, шириной 0,40 м, толщиной 0,15 м. Стены помещения, за исключением нижней части, целиком сложены из сырцового кирпича. В середине восточной стены сохранилась нижняя часть оконного проема (0,82x0,35 м). Подоконник проема имеет уклон во внутреннюю сторону, что усиливало освещенность помещения дневным светом.

В глубине комнаты, вдоль южной стены, начиная с уровня пола, сооружен лавкооб-

разный выступ шириной-0,60 м, длиной-4,45 м, высотой-0,45 м. В середине выступа имеется углубление - михрабная ниша размером 0,77x0,45 м. Стенки михраба и нижняя часть стены оформлены выступом-панелью, на высоте 0,40 м от уровня пола покрыты облицовкой - шлифованным спаренным жженым кирпичом с изразцами-бантиками, растительным орнаментом под голубой поливой хорезмийского типа. Бантики, за некоторым исключением, повторяют формы и узоры изразцов-перемычек мавзолея Мазлумхан-Сулу (Филимонов, 1967, с.71). Передние углы ниши михраба справа и слева от входа увенчаны кашинными майоликовыми капителями (рис. 3).

При визуальном осмотре кажется, что они выполнены в одной технике, имеют одинаковые краски и орнаментальные мотивы. Для них также характерна идентичность размеров (23,5x9 см) и насыщенная бирюзовая полива. Однако, на самом деле, орнаментальная композиция разная. Левый капитель расчленен на три орнаментальных ряда, каждый из которых под глазурью украшен растительным и эпиграфическим орнаментом и рельефом (рис.4). В верхнем ряду, на симметрично расположенных гранях, нанесен лирообразный орнамент из сплетающихся растительно-цветочных побегов черного цвета. Между ними тончайшая штриховка, напоминающая мелкую арабскую вязь. Общий контур крупного растительного орнамента подчеркнут черно-белой полосой, придающей узору колоритность. Пространство верхнего ряда в углах завершается выемками темно-синего фона. Под верхним рядом идет горизонтальная полоса, оконтуренная черной линией, с белыми рельефными точками внутри. Нижний орнаментальный ряд отделан арабской надписью почерком "насах", что показывает значимость терракотового капителя. Белая рельефная надпись особенно подчеркнута на темно-синем фоне. В целом орнаментальная композиция нижних рядов опоясывает четырехгранный ствол колонок.

Правый капитель по размерам и форме такой же, как и левый (рис. 5). Элементы растительного лирообразного орнамента идентичны, но композиция другая.

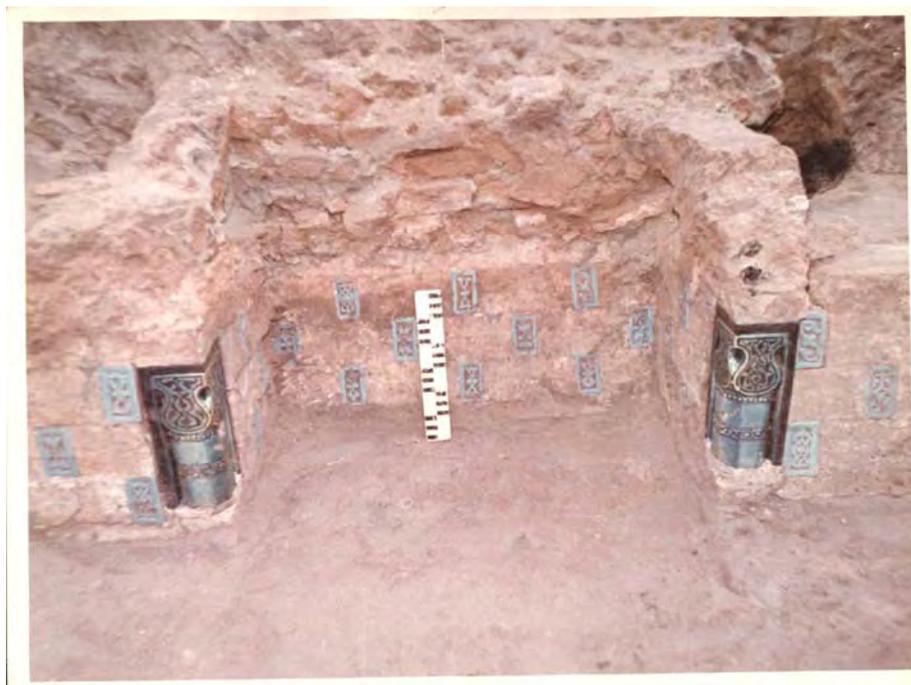

Рис. 3. Пом. 77- молельня,
михрабная ниша с терракотовыми капителями

Рис. 4. Левый капитель

Рис. 5. Правый капитель

Так, среди переплетающихся двулистных и трилистных, со стеблями в центре, в месте смыкания побегов цветы образуют орнаментальную цепочку розеток. Их фон удачно заштрихован мелкими черными точками. Пояс с арабской надписью отсутствует, вместо него рельефный волнообразный орнамент в виде парящего облака. Он напоминает аналогичный по очертанию узор из кашинной керамики золотоордынского Хорезма (Кдыр-

ниязов, 1989, рис. I, 1-2). В целом, в орнаментации капителей присутствуют все элементы архитектурного декора из мавзолеев Хивы, Куны Ургенча и Миздахкана XIII-XIV вв. Они под бирюзовой поливой; преобладают одно, два, трилепестковые узоры в сочетании с рельефным мотивом. Единое сходство мы находим и в применении поливных бантиков в боковых стенах михраба.

В орнаментальных сюжетах капителей колонн наблюдается характерная общность с декоративным искусством Хорезма XIII-XIV вв. Изображения арабской вязи, лирообразного узора, парящих облаков, рельефной точки, цепочки розеток с дву- и трилистниками хорошо известны в декоративном убранстве мавзолея Наджимаддин ал Кубра (20-30 гг. XIV в.), Махмуд Пахлаван (30-е гг. XIV в.). Своеобразно использован и коллор цветов, присутствуют, сочетаясь между собой, подглазурная роспись с рельефным орнаментом, ультрамарин (кобальт), бирюзовая полива и белый ангоб. Все эти цвета хорошо известны из кашинной бытовой керамики Хорезма XIII-XIV вв. В то же время в чуть измененном виде элементы композиции капителей Миздахкана находят близкие аналогии в шедеврах Самарканда (Безымянный мавзолей—1360-1361 гг.; Туркан-ака—1372 г.; мечеть Туман-ака—1405 г.). Изящный лирообразный орнамент исполнен в виде перевенутой арки с "Т"-образным верхом. В специальной литературе различные варианты этого орнамента именуются даурипоя.

Терракотовые капители, конструктивно трансформируясь, существовали в среднеазиатском зодчестве на протяжении всего средневековья и дошли в культовой архитектуре до наших дней. Ранние их образцы известны в архитектуре Мавераннахра с XII в. Михрабная ниша мавзолея Хакима ат Термези (XI-XV вв.) окаймлена колонками-капителями, но они отделаны изразцами типа бантиков без полива (Гражданкина, 1989, с.69). Малоформатные майоликовые капители украшают усыпальницы Ходжа Ахмада (серед. XIV в.), Туркан ака (1372 г.) в комплексе Шахи-Зинда (Нильсен, Манакова, 1974, с.69) и мечети Сайд Ата (XVIII в.) в Хиве (Маньковская, Булатова, 1978, с.139). В отличие от убранства монументальных построек, терракотовые капители Миздахкана являются принадлежностью домашней молельни. Памятники этого рода в Хорезме пока не известны.

Как видно из вышеописанного, план дома, сложенного из подквадратной или прямоугольной формы помещений, в итоге также составляет прямоугольные очертания. Эта особенность, вместе с другими имеющимися материалами из других построек Миздахка-

на, позволяет сказать, что такой тип планировок преобладал в жилых домах городов Хорезма в XIII-XIV вв. Стены дома № 11 возводились с частичным использованием фундамента, основным материалом служил сырцовый и жженный кирпич. Жилые комнаты обогревались очагом-каном, расположенным вдоль одной, определенной стены, т.е. каналы Миздахкана не были разветвленными и не обогревали всю поверхность суфы. Такая система отопления свойственна и для домов Куня Ургенча (Федоров-Давыдов, 1958, с.508). Иначе построены каналы монгольского типа, они обогревали всю поверхность суфы жилой комнаты (Егоров, 1970, с.185-186).

Такие дома с молельней не часто встречаются при раскопках жилых комплексов средневековых городов Хорезма. Молельня в комплексе дома № 11 показывает социальное положение владельца, принадлежавшего к городской верхушке, среди которых было немало религиозных лиц. Ибн Баттута, посещая Кят, Ургенч пишет о хорезмских "Кади, шейха городов, проповедниках, словословах, мавланах и муддарисах" (Тизенгаузен, 1884, с. 310-311). Они были представителями городского патрициата. По данным вакуфной грамоты Кутлук-Темура (1349 г.), сельхоз округа Миздахкана принадлежали богатым феодалам в лице фамилии шейха Сулеймана Мусави Хадад, Усман и Мухаммед Кулсака, землевладельца Герай Мухаммед бин Аллаяра и др. Только семейство шейха Сулейман Мусави Хадад из земель близ Миздахкана получило 8000 хорезмских манов пшеницы (Гулямов, 1957, с.169-170). Избытки зерна в домах состоятельных горожан хранились в кладовых-амбарах. Число помещений в зернохранилище в доме № 11 четыре, их общая площадь составляет 60,28 м². Возможно в них хранилось товарное зерно. Наш тезис подтверждается и другими материалами из раскопок Миздахкана. В обследованных жилищах города кладовые-амбары с клетками-закромами занимали 41% (ВК I), 35,29% (ЮЗК) и 36,8% (СК) площади домов (Кдыр-ниязов, 1999, с.84).

Таким образом, в результате раскопок дома № 11 "Восточного квартала II" Миздахкана выявлено жилище социальной верхушки феодального города XIII-XIV вв. Хозяин дома, по нашим данным, был не только религи-

озным лицом, но и являлся землевладельцем и, возможно, торговал зерном. На раскопанном квартале почти отсутствуют ремесленные мастерские. Однако много помещений с закромами разной величины. Это позволяет

исследовать проблемы аграрного рынка в средневековом Миздахкане, являющейся особой темой, которую нам предстоит досконально изучить.

Литература

1. Гражданкина Н.С. Архитектурно-строительные материалы Средней Азии. Ташкент, 1989.
2. Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
3. Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая. – Поволжье в средние века. М., 1970.
4. Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII-XIV вв. Нукус, 1989.
5. Кдырниязов М.-Ш. Золотая Орда и культура южного Приаралья (карак. яз.). Нукус, 1993.
6. Кдырниязов М.-Ш. Об аграрном характере производительной деятельности населения Миздахкана // ОНУ, № 5-6. Ташкент, 1999,
7. Маньковская П, Булатова В. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978.
8. Нильсен В.А. Манькова В.Н. Архитектурный декор памятников Узбекистана. Л., 1974.
9. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
10. Федеров-Давыдов Г.А. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV-XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче // ТХЭЭ. Т. II. М., 1958.
11. Филимонов В.М. Уникальный памятник гражданского зодчества дворец Мазлумхан-Сулу. – Материалы и исследования по истории реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Вып. I. Ташкент, 1967.

М.М. Мамбетуллаев

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И КУЛЬТОВЫЕ ОБРЯДЫ НАСЕЛЕНИЯ КЕРДЕРА (по материалам Куюк-калы)

Погребальный обычай - это различные, складывающиеся из поколения в поколение, способы обращения с телом умершего. В основе любого погребального обычая лежат два мотива, которые в виде темных инстинктивных действий существовали еще у наших дочеловеческих предков. Эти мотивы – стремление избавиться от тела умершего и стремление удержать его около себя [1, с.170]. Археологические и этнографические материалы свидетельствуют о том, что у всех народов по мере развития религиозных представлений традиционные древние погребальные культы сплетаются с другими формами религии, сохраняя однако свою обособленность и самостоятельность [1, с.210-212].

В низовьях Амударьи в древности были распространены несколько способов или обычаев захоронения мертвых: труположение в земле, захоронение в оссуариях (сосудах) и трупосожжение (кремация).

По схеме развития форм погребения, приведенной в работе С.А.Токарева [1, с.171], каждый из этих обычаев связан с обоими первичными мотивами - с инстинктами опрятности и социальной привязанности. Обычай погребения тела умершего в земле и вторичное захоронение костей в оссуариях, в равной степени объединяют оба инстинкта, а в сожжении выступает, прежде всего, инстинкт опрятности, стремлении избавиться от трупа [2, с.71]. Все приведенные обычаи, как мы видим, тесно переплетены с религиозными воззрениями народов низовьев Амударьи. В дельте Амударьи в VI-VIII вв. были распространены два способа или обычая захоронения: оссуарный и захоронение трупа в земле. Среди них оссуарии являются археологическим свидетельством погребальной практики, очевидно, господствовавшей в Хорезме на протяжении не менее десяти столетий. Только костехранилища, каковы бы они ни были, могут служить вещественным подтверждением выставления умерших - обряда, предписываемого Видевдатом [3, с.119].

На территории дельты Амударьи известны уже четыре оссуарных могильника: Миздахкан, Дарсан, Куюккала, Крантау. В 1962 и 1964-1965 гг. на территории Миздахкана работала экспедиция под руководством В.Н. Ягодина, вскрывшая 244 типов керамических, алебастровых оссуарий и 26 погребений в различных сосудах [4, с.11,30 и сл.], где они дают полное представление о погребальном обрядном ритуале и об инвентаре, который сопровождает покойников. Погребение в сосудах практиковалось населением дельты Амударьи с II-IV по VIII в. н.э. Почти на всем протяжении этого периода для погребения употреблялись сосуды двух видов: 1) бытовые, ставшие непригодными для использования в хозяйстве из-за повреждений или забракованные при изготовлении; 2) специализированные погребальные сосуды, которые часто дублировали формы бытовых [4, с.60]. Единого, фиксированного ритуалом, порядка расположения костей в сосудах у населения Миздахкана и Токкалы не отмечается.

В сосуды, в большинстве случаев, уложены череп, нижняя челюсть и длинные кости верхних и нижних конечностей. Наблюдаются и некоторые отклонения от этого правила - не всегда имеется нижняя челюсть, в некоторых сосудах неполный набор длинных костей, в других найдено несколько черепов и, как правило, не соответствующее их числу количество длинных костей. В нескольких погребениях черепа не обнаружены, а присутствовали только разные кости.

Наличие костей, не предусмотренных набором, вызвано, вероятно, укладкой их до распада связок, удерживающих находящиеся рядом кости. Если в сосудах находится несколько черепов, то это обычно череп взрослой женщины и детей [4, с.61].

По состоянию костей можно судить о том, что применялось несколько способов очистки их от мягких тканей. Так, неповрежденные кости и признаки укладки их в сосуд с

нераспавшимися связками, свидетельствуют об очистке путем естественного распада тканей. Кости, имеющие признаки повреждений, нанесенных еще до укладки в сосуд, позволяют предполагать применение механического воздействия. Обнаруженные кости, имеющие обе группы признаков, дают основание считать, что иногда применялись оба названных способа.

Погребения в оссуариях - явление массовое для некрополя Миздахкана. Одиночные оссуарии закапывались в ямы, форма которых в плане всегда была подпрямоугольной. В отдельных ямах, в боковых юго-западных стенах имеются подбои, в которые устанавливали оссуарии. Встречаются групповые погребения в оссуариях. В этих случаях большое количество оссуариев установлено в круглой грунтовой яме или в подземной сводчатой постройке [4, с.78]. Ориентация оссуариев в погребальных сооружениях обуславливалась конфигурацией этих сооружений, а также стремлением установить оссуарии как можно более тесно и даже в несколько ярусов.

Плотно закрывавшиеся крышки препятствовали проникновению песка внутрь оссуариев, где обычно находились череп и нижняя челюсть. В оссуарии чаще всегда укладывали кости, принадлежавшие одному субъекту. Однако в ряде случаев отмечена укладка двух и более черепов, при этом длинных костей оказывается меньше, чем должно соответствовать количеству черепов. Очевидно, ритуалом предусматривалась обязательная укладка черепа и лишь некоторого количества длинных костей верхних и нижних конечностей. В отдельных оссуариях кости двух субъектов разделялись перегородкой. Кости нескольких субъектов в оссуариях находились в различных возрастных и половых сочетаниях, не позволяющих выявить какой-либо определенной тенденции [4, с.78].

Состояние находившихся в оссуариях костей позволяет предполагать, что они очищались от мягких тканей теми же способами, что и кости, укладывавшиеся в сосуд, т.е. в основном путем естественного истлевания, часто ускорявшегося механическим воздействием и очень редко применением огня.

В некоторых погребениях, кости, положенные в оссуарий, были завернуты в ткань,

в отдельных случаях выяснено, что тканью накрывали и сам оссуарий. Как видно, ритуалы погребений в сосудах и оссуариях существенной разницы не имеют между собой. Однако для погребений в оссуариях характерна большая устойчивость ритуала, а для погребений в сосудах - частые отклонения от стереотипа.

В Токкале (в письменных источниках Дарсан), крупном культовом центре общегосударственного значения, при сравнительно небольшом населении существовал обширный некрополь, где обнаружены оссуарии с надписями на древнехорезмийском языке и росписями, запечатлевшими сюжеты похорон и оплакивания покойников и насыщенными зороастрийской символикой (рис.1) [5, с.85-111].

Среди населения дельты Амударьи в раннесредневековый период был развит культ предков, о чем свидетельствуют изображения на оссуариях. В литературе уже указывалось на связь оплакивания с названным культом [6, с.54]. С культом предков связан и обряд поклонения оссуариям, которые, как это установлено для Согды и Хорезма, не сразу выносили в наусы и погребали в землю, а некоторое время хранили в доме и поклонялись им. После того, как оссуарии переносили в наус или погребали в земле, «обряды в честь определенного лица» сливались с ритуалом годовых празднеств, посвященных духам предков [7, с.23]. Согласно Беруни, десятидневный праздничный цикл в Хорезме, посвященный духам предков, сливался с другим праздником. Испендермаджи - последний месяц года, следовательно, пять дней следующих за ним, приходятся на первый месяц года - Научарджи, о котором Беруни сообщает: «Первый день этого месяца - праздник начала года» [8, с.256].

Известно, что в Согде Новый год совпадал с днем весеннего равноденствия (22 марта) [6, с.40-43], а поскольку Беруни сообщает, что «жители Хорезма сходятся с жителями Согды в отношении начала годов и месяцев [8, с.256, 257], можно догадаться, что начало года у хорезмийцев приходилось на ту же дату. Праздник Начала года у жителей Хорезма совпадал с наступлением весны, воскрешением природы после зимнего оцепенения, т.е. был ни чем иным, как древним аг-

рарным празднеством умирающей и воскрешающей природы [4, с.140]. С.П. Толстов, а вслед за ним М.М. Дьяконов, показали, что для Средней Азии древним богом умирающей и воскрешающей природы является Сиявуш [9, с.202-204; 10, с.34, 35].

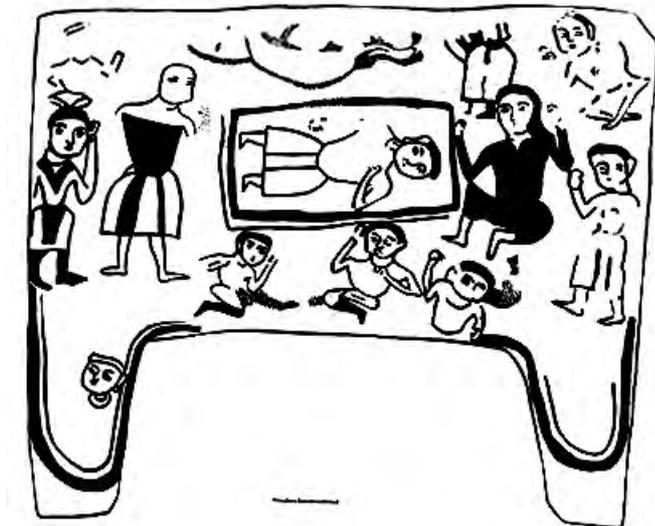

Рис.1. Токкала. Роспись на оссуарии (по А.В.Гудковой). Крышка и корпус

Ритуал оплакивания, кроме Хорезма, фиксируется несколькими памятниками материальной культуры раннесредневекового Согда. Сцена оплакивания изображена на рельефе оссуария, опубликованном А.А. Потаповым [11, с.129, рис. 1]. Также сцена оплакивания обнаружена и в монументальной росписи одного из пенджикентских храмов [12, с.111, 112, табл. XIX, XX].

Исследователь росписи из пенджикентских храмов М.М. Дьяконов видит в ней сцену оплакивания Сиявуша [10, с.34 и сл.]. Культурный характер росписи оспаривают Н.В. Дьяконова и О.И. Смирнова, полагающие, что в данной сцене изображен эпизод из древнеиранского эпоса [13, с. 174-180].

В хрониках при описании погребального обряда у тюрков обязательно упоминается массовое самоистязание при оплакивании умершего, выражающееся в умышленных ранениях лица ножом. В летописи «Ташну» говорится, что у тюрков, родственники покойного «...ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются [23, с.230]. Тюркский владыка Турксанф вынудил чинов посольства Византии, прибывших во время траура по Истемии-

кагану «царапать себе лицо ножом ...» [24, с.84]. По сообщению Табари, этот элемент в оплакивании был присущ и тянь-шаньскому населению. Когда был убит известный каган Карсуль, воины его «обрезали свои уши, царапали лица и горестно оплакивали его» [14, с.81]. Известно, что в Иране оплакивание умерших строго запрещалось каноническими предписаниями зороастрийских текстов. Очевидно, что порезы на лице ножом при оплакивании умершего являются специфическим тюркским обычаем. В кочевой среде он был известен еще в IV в. до н.э., а в V-VI вв. считался исконно тюркским [24, с.85].

Не исключено, что подобный элемент погребального обряда, очевидно, был принесен в Хорезм и Согд извне и, скорее всего, тюрками. Независимо от того, какая из приведенных точек зрения наиболее близка к истине, для нас важно, что на описанных предметах представлен реальный погребальный обряд, бытовавший в раннесредневековом Согде и Хорезме. Существенный элемент этого обряда - оплакивание умершего. Ритуал оплакивания зафиксирован и памятниками письменности.

Вэй-Цзе сообщает, что «Они (согдийцы) рассказывают, что божественный отрок умер в седьмом месяце и потерялось его тело; люди совершали поклонение богу каждый раз при наступлении этого месяца; они шли с обнаженными ногами, бия себя в грудь и плача, слезы и мокроты смешиваясь, текли (по их лицам); мужчины и женщины в количестве от трех до пяти сотен человек объединялись в группы для поисков небесного отрока» [4, с.141].

Беруни также сообщает, что «в конце месяца X-III-В-М жители Согда плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, царапают себе лица и ставят для умерших кушанья и напитки, как это делают персы в Фервердаджане» [8, с.255 и сл.]. Оплакивание покойников, как это показал А.М. Белецкий, занимает значительное место в описании похоронных обрядов в «Шах-намэ» [14, с.82].

Рис.2. Кушханатау. Оссуарии

Сообщения Вэй-Цзе и Беруни, несомненно, связаны с праздничным циклом, посвященным божеству умирающей и воскресающей природы, а также связаны с похоронным обрядом населения низовьев Амударьи, наличие которого прослеживается в изображениях росписей Токкалинского и Миздахканского оссуариев.

Оссуарный могильник был открыт в 2000 г. на возвышенности Крантау, расположенного в 30 км к северо-западу от Кердера. Здесь встречаются захоронения в сосудах и керамических, алебастровых оссуариях, которые датируются в пределах II-IV и VII-VIII вв. Большой оссуарный могильник расположен в 2-4 км к западу от Куюк-калы, над южным обрывом возвышенности Кушханатау. Могильник занимает отдельные мысы, образованные оврагами и промоинами, часть захоронений лежит на плато на расстоянии до 100-150 м от обрыва. Протяженность могильника свыше 1,5 км. Оссуарии расположены на высоте от 35 до 50 м от уровня окружающей равнины. Поверхность могильника усыпана обломками оссуариев. В 1956 г. на оссуарном могильнике проведены раскопки Е.Е. Неразик и Ю.А. Рапопорт [15, с.138-140]. В 2001 г. в 1,2 км к востоку от кладбища Суюн Ишана нами проведены зачистки (3x2 м). В результате обнаружены 3 оссуария (рис. 2).

Они изготовлены из алебастра, белые, прямоугольные, на четырех массивных ножках, длина от 52 до 72 см, ширина 26-32 см, высота 38-42 см (высота ножек 10-12 см, толщина дна 5-6 см, толщина стенок 2-5 см). Оссуарии закрывались крышками, имевшими четырехскатную форму, обычно со смягчен-

ными гранями и уплощением на месте гребня. Высота крышек 20-22 см. Все оссуарии однотипны. Наблюдаются лишь незначительные различия в деталях: так, обычно, ящик имеет на внутренней стороне верхнего среза выступы, а крышка - соответствующие им выемки, но встречаются оссуарии и с выемками на углах верхнего среза, куда вставляются соответствующие выступы крышки. Переход от ножки к ножке иногда плавный-арочный, иногда через плоский участок дна. По форме все оссуарии относятся к широко распространенному в Хорезме типу. Большая группа подобных ящичков была найдена в замке №36 Беркуткалинского оазиса [15, с.130], Ток-кале и Миздахкане.

Оссуарии устанавливались в вырытых, точнее выбитых в каменистом грунте, ямах; дно ямки, обычно, плотный слой кристаллического гипса, как правило, из той же породы и стенки ямы, которые к тому же иногда обкладывались плитками гипса. Глубина ям соответствовала высоте ящичков. Во всех случаях, когда оссуарии не выступали над поверхностью, никаких признаков их залегания отметить при осмотре не удавалось - нет ни холмиков, ни впадин, ни плит, ни оградок. Верхние края ящичков обнаруживаются после снятия слоя грунта толщиной в 7-12 см. Не исключена однако возможность того, что крышки до разрушения выступали под поверхностью. Оссуарии располагаются как по одному, так и группами; два-четыре костехранилища устанавливались вплотную друг к другу, причем зарыты они не всегда одновременно. Так, в группе, состоявшей их трех ящичков, один из них, крайний, был перекрыт куском породы, а обломки крышки лежали внутри. Несомненно, что стоящие рядом костехранилища принадлежали членам одной семьи. Кроме того, можно полагать, что более значительные группы оссуариев, расположенные в пределах отдельных мысков, - участки погребений каких-то более крупных родовых единиц [15, с.140]. Внутри каждого ящичка помещались части костей одного скелета. Собирали кости еще до полного разложения связок и сухожилий, сохранились сочленения в суставах. При захоронении в оссуарии складывались только кости, засыпка отсутствовала, о чем свидетельствует то обстоятельство, что обломки разбившихся ос-

суарных крышек лежат прямо на костях или на дне, в тех случаях, когда кости не сохранились. Ориентировка захоронения совершенно различна. На мысах можно, пожалуй, отметить стремление установить оссуарий торцом к обрыву. Следует сказать, что наибольшие скопления оссуариев отмечены у самого обрыва, в глубине плато они расположены значительно реже. Так, если на одном из мысов на площади в 50 кв. м. зафиксированы следы не менее чем 20 захоронений, то на другом участке, лежащем в 100 м от обрыва на зачищенной площади в 250 кв.м., обнаружено лишь 11 [15, с.140]. Население Куюккалы, руководствуясь зороастрийскими традициями, предпочитало хоронить над обрывом, где восприятие «гор», «скал» было острее, чем на плато.

В одном оссуарии обнаружены кости, принадлежавшие одному субъекту. Длинные кости верхних и нижних конечностей укладывались вдоль на дне оссуария, череп сверху. Состояние находившихся в оссуарии костей позволяет предполагать, что они очищались от мягких тканей путем естественного истлевания, частично ускорявшегося механическим воздействием. В остальных оссуариях не обнаружено никаких предметов, сопровождающих захоронения.

В 1997 г. между оссуариями найдено детское захоронение в горшке (рис. 3). Сосуд имеет яйцевидную форму. Высота 20 см, диаметр устья 19 см, диаметр дна 11 см. Сосуд снабжен двумя ручками, верхние концы которых прикреплены к краю сосуда, нижние - на плечиках. Поверхность облицована темно-серым ангобом. Прорезной геометрический орнамент, которым покрыто тулово сосуда, ближайшие аналогии не имеет в материалах Ток-калы [5, рис. 15] и материалах этапов Джетыясар III [16, рис.20, 63-65]. В сосуде кости превратились в труху. В темно-сером песчаном заполнении встречены детские зубы и древесные угольки.

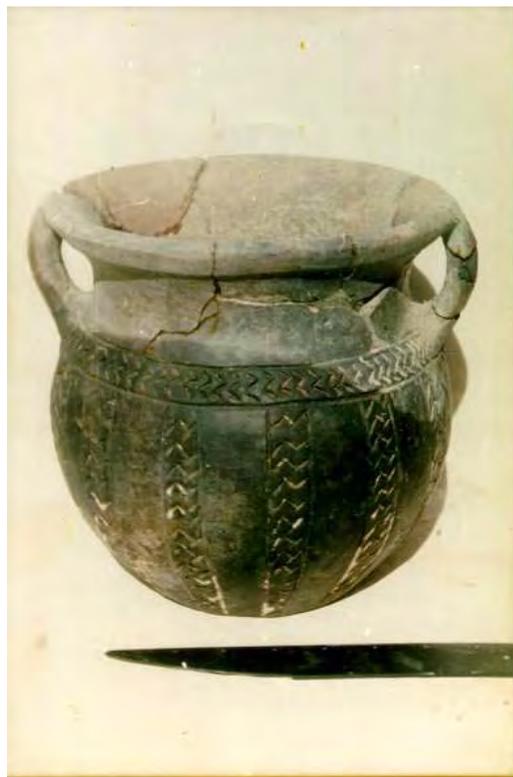

Рис.3. Кушханатау. Детский погребальный сосуд

Захоронения в сосудах известны в некрополях Токкалы, Миздахкана и Крантау. По форме погребальный сосуд относится к широко распространенному в Кердере типу и датируется VII-VIII вв.

В 2002 г. на западном склоне холма Куюккала в 250 м к западу от Южного двора обнаружены оссуарные захоронения. Оссуарии устанавливались в вырытом в песчаном, твердом материковом грунте полуподземном наусе. Его размер 3x4x0,82 м. Стены слегка обмазаны глиной. Никаких следов проходов не обнаружены. Пол служил слой песка, засыпанный в камеру на материк. Стороны камеры ориентированы по странам света. Полуподземная конструкция наусов известна в Ток-кале [5, с.89]. В камере на полу найдены четыре алебастровых оссуария, которые установлены вплотную друг к другу (рис. 4),

*Рис.4. Куюккала. Осуурии из науса.
Вид с северо-запада*

причем поставлены они не всегда одновременно. Так, из четырех обнаруженных осууриев, третий был сдвинут, а крайний (четвертый) смещен вправо от первоначального места.

Верхние части двух осууриев и их крышки были разбиты и обломки их лежали рядом с осууриями. Все они имеют вид прямоугольных ящичков на ножках с четырехскатной, уплощенной сверху, крышкой. Длина в среднем 57-65 см, ширина 26-30 см, высота 30-40 см, высота ножек 8-10 см, толщина стенок 2-4 см, глубина ящичка 22-28 см. Не удалось получить краниологический материал, он превратился в труху. По краю крышки второго осуурия проходит зубчатый парапет, под ним прочерчен поясok дужек, напоминающий карниз на башнеобразных осууриях. Между зубчатым парапетом и карнизом - аркообразное «окошко».

Воспроизводившие облик архитектурных сооружений, погребальные сосуды в Хорезме встречаются с I-II вв. н.э. Они найдены на поселении близ Джанбас-калы [3, с.59, рис.14,15]. Джанбаскалинские осуурии, действительно, воспроизводят реальные элементы крепостной архитектуры. Зубцы, бойницы, а иногда, видимо, и обходные галереи продолжали воспроизводиться в среднеазиатских погребальных постройках V-VIII вв. н.э. Об этом мы можем судить по некоторым осууриям, прежде всего по байрамалийским. На некоторых осууриях, опубликованных С.А. Ершовым, зубчатый парапет воспроизводится лишь на «фасадной» стороне, как бы

предвосхищая появление порталной композиции [17, с.183, табл.3]. Керамические осуурии, имитирующие «фасадные» части архитектурных сооружений, найдены на Гяуркалинском некрополе [4, с.81, рис. 33, 2-6]. На осуурии из Ток-калы изображена сцена оплакивания умершего. Покойник лежит в центре на ложе с изголовьем. Действие происходит на фоне архитектурного сооружения. Его детали специально и резко подчеркнуты - это четырехугольный резной проем позади умершего. От верхней части

дверного проема в стороны отходят горизонтальные красные полосы, обозначающие верх здания. Над входом изображен символ-полумесяц с диском [5, с.96, рис.27].

В юго-западном углу науса, рядом с четвертым осуурием, обнаружены два сосуда (рис.5).

Рис.5. Куюккала. Осуурий и находки

Один - красноглиняный кувшин, второй - лепной горшок. Они стояли на 0,32 м ниже пола осуурия. Кувшин с низким горлом, грушевидным туловом, овальной в сечении ручкой, верхний конец которой прикреплен непосредственно под венчиком, а нижний корень ручки прикреплен на плечике и коническим налепом в верхней части ручки. Вы-

сота 38 см, диаметр устья 14 см, диаметр дна 7 см, наибольший диаметр середины тулова 27 см. Изготовлен сосуд из хорошо отмученной и промешанной глины с примесью песка и хорошо обожжен.

Нижняя часть тулова украшена конической шишкой. Такие конические налепные шишечки широко распространены на керамике большинства городищ Джетыясар и «болотных городищ» возле Казалинска [15, с. 65, рис. 12]. На раскрытии семантики подобного орнамента останавливается в своей работе В.М. Пещерова, видящая в нем передачу антропоморфных элементов [18, с. 92, 97, рис. 32]. Следует подчеркнуть, что из кердерской посуды подобно украшались лепные горшки, служившие для варки пищи и другая посуда для хранения жидкости, что тем более склоняет к мысли о возможной символической связи с какими-то древними верованиями. Подобная посуда уже известна из материалов Афригидской и Кердерской культур. Сходные сосуды встречаются на Хорезмийских памятниках в кангюйских и кушанских слоях [19, с. 152, рис. 32, 33], и сближают их с керамикой античной эпохи. Однако наличие конических налепных шишечек - стилизованное изображение рогов и сходство с джетыясарской керамикой дают возможность датировать сосуд концом VI - началом VII вв. Рядом с кувшином лежали обломки железных изделий.

Горшок с округлым, плавно сужающимся ко дну, туловом. Горловина слегка сужена, а венчик отогнут наружу коротким раструбом. Высота 14 см, диаметр устья 8 см, диаметр дна несколько меньше диаметра устья. Снаружи сосуда сохранились следы нагара. Внутри заполнен желтоватым песчаным слоем, где редко встречаются древесные угольки, рыбы кости и шелуха проса.

В 7 м к западу от науса обнаружены один алебастровый оссуарий и два детских керамических оссуария. Оссуарий находился в подпрямоугольной яме размером 70x30x55 см. Он представляет собой прямоугольный ящик на четырех ножках. Крышка была разбита. Длина оссуария 58 см, ширина 27 см, высота 48 см, толщина стенок 2,2 см. Внутри оссуарий был заполнен желтоватым песком и фрагментами костей.

Два керамических детских оссуария имеют вид подпрямоугольных ящиков, однотипны, сверху закрыты крышкой, вершина крышки не сохранилась. Они вытянуты с севера на юг. Длина 40-47 см, ширина 20-24 см, высота 30-32 см (высота ножек 4-5 см) (рис. 6). Они вылеплены вручную, отдельными частями. Формовочная масса довольно хорошо промешана, в ней значительное количество дресвы. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе красный. Внешняя поверхность облицована осыпающимся красным ангобом. По верхнему краю оссуариев прочерчен зигзагообразный волнистый орнамент. Внутри оказались фрагменты человеческих костей (детских), фрагменты лепной керамики и древесных углей.

Рис. 6. Куюккала. Детские керамические оссуарии

Как видим, в конце VI-начале VII вв. массовые погребения предварительно очищенных костей в сосудах и оссуариях были выявлены в дельте Амударьи (Кердере). Население Кердера в конце VI-начале VIII вв. переняло под воздействием хорезмийской цивилизации оссуарный погребальный обряд, но внесло в него свои традиции, выразившиеся в использовании вместо оссуариев кердерских бытовых сосудов. Однако далеко не все население Кердера приняло религиозную идеологию Хорезма.

В 1961 г. В.Н. Ягодиным, на крупном кердерском поселении городища Куюк-кала, на интенсивно размываемом дождевыми водами северо-западном склоне холма, за пределами городища обнаружено и раскопано одно погребение с труположением в земле, сопровождаемое погребальным инвентарем [4, с.167]. В 2002-2003 гг. на северо-западном и западном склонах холма нами был открыт городской некрополь, синхронный с поселением Куюк-калы, и вскрыты 200 погребений.

Куюккалинские могилы представляют собой неглубокие (0,5-1,2 м) ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами. Никаких конструктивных особенностей в строении ям нет. Стены ровные и вертикальные, без ступенек и подбоев. Возможно, это связано с характером грунта: могилы вырыты в песчанистом грунте (рис.7).

Не обнаружены в могилах и следы деревянных перекрытий, и остатки гробов. Впрочем, и это можно объяснить тем, что дерево в солончаковом грунте на сравнительно небольшой глубине плохо сохраняется. Могилы, как правило, одиночные. В них похоронены мужчины, женщины и дети. Обряд погребения очень прост и абсолютно одинаков для всех покойников, независимо от их пола и возраста. Все они вытянуты на спине голо-

вой-черепом на северо-запад и север, редко - на восток. Ноги и руки у взрослых и детей обычно вытянуты вдоль тела, но у некоторых покойников одна (правая или левая) рука согнута в локте и кисть лежит на тазе. Под скелетами следы подстилок из камышовых циновок. Головы погребенных были значительно приподняты над скелетом. Важнейшей деталью обряда был инвентарь погребений. Но в погребениях набор вещей очень скромн. Он состоит из одного, редко из двух-трех сосудов и костей животных: овец, лошадей, кабана, коров и собаки. Кости животных - это остатки пищи, положенной рядом с сосудом, в котором также была пища. Оружие встречается очень редко: это железные наконечники стрел, костяные обкладки лука, фрагменты ножа. Украшений и бытовых предметов не очень много, в связи с чем мы можем разделить на бедные и богатые могилы.

Встречаются погребения, где совсем не было вещей. Обнаружен погребенный скелет, который находился в потревоженном состоянии, часть костей и череп отсутствовали. Единственное заключение, к которому приводят материалы погребения, касается религиозных представлений людей, хоронивших в ямах. Они верили в загробную жизнь. Ин-

вентарь - плоскодонные кувшины, кружки, орнаментированные прочерченными треугольниками, а плечики - елочкой (рис. 8). Традиционный набор вещей у женщины состоит из серег, бронзового зеркала, перстней, амулетов, сердоликовых, халцедоновых, стеклянных бус, пряслиц, браслетов с несомкнутыми концами, у которых концы оформлены в виде головок змей (рис. 9).

Погребальный инвентарь у мужчины состоит из железного ножа, наконеч-

Рис.7. Куюккала. Погребения № 112 и № 25. Вид после вскрытия

Рис.8.Куюккала. Керамика из погребений №113

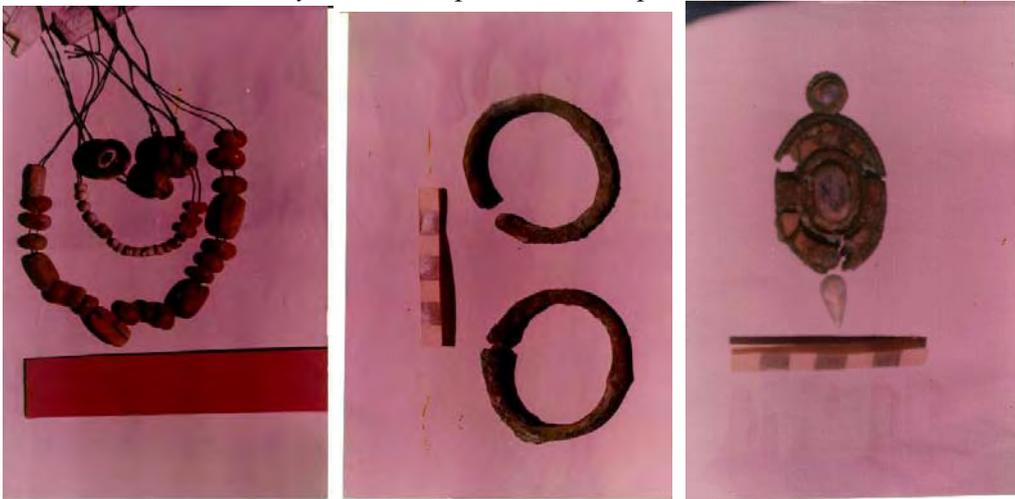

Рис.9. Куюккала. Погребальный инвентарь VII-VIII вв.

ников стрел, поясной бляшки, костяных обкладок лука, подвесок-амулетов, монет и др. (рис.10). При исследовании ямных погребений огромное значение приобретают антропологические определения черепов, которые в данном случае являются единственным или важнейшим признаком этнической и культурной принадлежности покойников. Черепа, найденные в погребении Куюк-кала, характеризуются чертами, переходными к типу среднеазиатского междуречья. На них имеются следы затылочной-теменной и кольцевой деформации (рис. 11). Население городища Миздахкан в VII-VIII вв. практикует также кольцевую деформацию [4, с.76]. Население Ток-калы и Куюк-калы, будучи европеоидами, заметно отличаются от хорезмийцев

большой брахикранной, обнаруживая сходство с населением Джетыясара №3 первых веков н.э., что соответствует археологическим данным о контактах населения обеих областей [20, с.33]. «Массовое появление в VII-VIII вв. широколицых брахи кранов на Токкале и на территории северного Хорезма, возможно, связано с передвижением джетыясарцев на запад» - пишет Т.К. Ходжайов. Возможно, расселяясь вокруг Хорезмийского оазиса, они проникали в Токкалу [21, с.78] и в Куюккалу, а население Кердера (Токкала, Куюк-кала) по своему происхождению тесно связано с племенами Джетыясара. Черепа населения дельты Амударьи (Миздахкан, Токкала, Куюккала) относятся к европеоидной расе и имеют брахикранную форму.

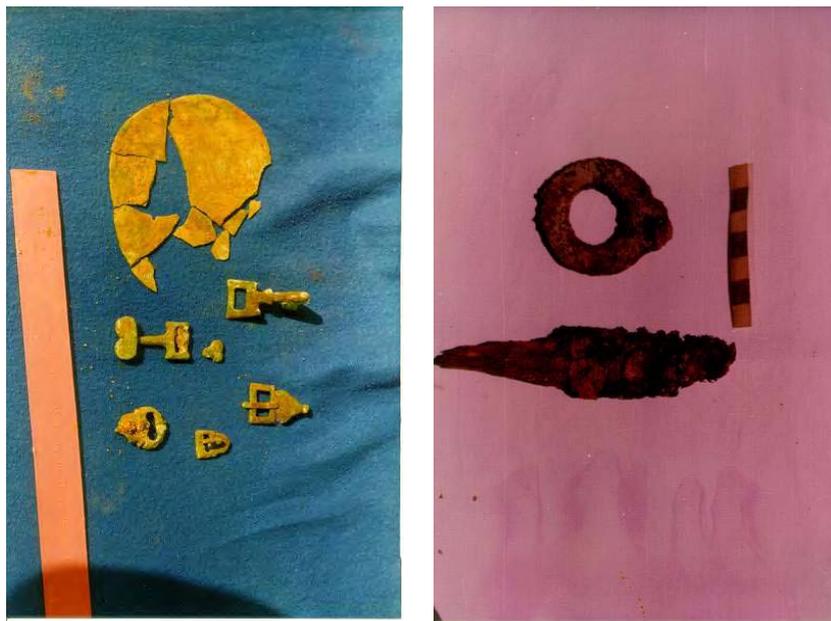

Рис. 10. Куюккала. Погребальный инвентарь VII-VIII вв.

Рис. 11. Куюккала. Тип деформации черепа

В этом расовом типе, по мнению Т.К. Ходжайова, «сочетаются признаки восточно-среднеземноморского и среднеазиатского междуречья, с явной примесью монголоидной расы» [22, с. 244 и сл.].

Наличие на черепах VII-VIII вв. из погребений Куюккалы кольцевой и лобно-затылочной деформаций позволяет предполагать неоднородность населения в этническом отношении. Это говорит не только о перемешанности обрядов, но и том, что брахикраны входили в тесные, по-видимому, семейные контакты с основным долихкраным населением. В результате таких смеше-

ний, вероятно, появились мезокраны, черепа которых также обнаружены в Куюккалинском могильнике. Обнаружены кенотафы и тризны. Кенотафы (два) сооружались в память родственников, убитых и погребенных или брошенных где-то на чужбине. Они неглубокие, овальные в плане, размером 1,88x1,5x0,5 м. Заполнены погребения серо-темным зольным песчаным грунтом. Встречаются фрагменты лепных сосудов и керамические пряслица.

Погребальным памятником являются и тризны, остатки которых обнаружены среди Куюккалинского могильника. Они представ-

лены обломками сосудов и остатками костей животных. Оба вида погребальных памятников - кенотафы и тризны - относятся к числу поминальных, сооруженных или справленных в память и честь умерших родственников. Поминальные обычаи и сам обряд погребения, несомненно, связаны с различными культовыми представлениями, с верой в загробную жизнь покойника и в то, что после смерти он видит и слышит, что происходит на Земле. В какой-то степени оба обряда можно связать и с культом предков. Население, заселившее территорию Кердера (дельту Амударьи) в конце VI - начале VIII вв. н.э., знало два погребальных обычая: выставления трупа и последующего погребения очищенных костей умершего в оссуариях - сосудах и трупоположения в земле. Погребальные комплексы двух видов дают возможность изу-

чить многие ритуальные религиозные обряды. Хотя в основе похоронных обычаев лежало вполне материалистическое отношение к трупу, в изучаемое нами время каждый из них сопровождается массой как общих, так и своеобразных церемоний.

В наусах ставили оссуарии с очищенными по зороастрийскому обряду костями. Оссуарии и сосуды должны были изолировать землю от мертвого тела. Поминки устраивались для того, чтобы «порадовать душу» покойного, умиловить духов всех родов, а также для «спасения» душ живущих. Хоронившие в ямах стремились обеспечить умершего всеми необходимыми вещами и пищей для продолжения потусторонней жизни. В основе этих обрядов лежит стремление сохранить труп - костяных останков.

Литература

1. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
2. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Сатовамаяцкая культура. М., 1967.
3. Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М., 1971.
4. Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
5. Гудкова А.В. Токкала. Ташкент, 1964.
6. Ставиский Б.Я. К вопросу об идеологии домусульманского Согда // СРИКМ ТаджССР, вып 1, Сталинабад, 1959.
7. Рапопорт Ю.А. Хорезмийские оссуарии (Из истории религии древнего Хорезма). Автореф. дис. канд.ист.наук. М., 1967.
8. Абу Райхан Беруни. Памятники минувших поколений. Изб. произв., т.1. Ташкент, 1957.
9. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948
10. Дьяконов М.М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии // КСИИМК, вып. XI, М., 1951
11. Потапов А.А. Рельефы древней Согдианы // ВДИ, 1938, №2 (3).
12. Дьяконов М.М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
13. Дьяконова Н.В., Смирнова О.И. К вопросу об истолковании педжикентской живописи // Исследования по истории культуры народов Востока. М-Л., 1960.
14. Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам педжикентских храмов // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
15. Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А. Куюккала в 1956 г. // Материалы Хорезмийской экспедиции. Вып. 1, М., 1958.
16. Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. М., 1971.
17. Ершов С.А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя оссуарными захоронениями в районе года Байрам-Али // ТИИАЭ АН Турк. ССР, т. V, Ашхабад, 1959.
18. Пещерова Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М-Л., 1959.
19. Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭ, т. IV, М., 1959.
20. Неразик Е.Е. Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.
21. Ходжайов Т.К. К антропологии населения Токкалы (Древний Дарсан) // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973.
22. Ходжайов Т.К. Население Миздахкана по данным антропологии // Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
23. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М-Л., 1950.
24. Мокрынин В.О. О культурном влиянии тюрок на Согд // Известия АН Кирг. ССР, № 5. Фрунзе, 1970.

Б.Х. Матбабаев, А.А. Грицина

КУВИНСКИЕ УСМАДОНЫ

В 1998 году на городище Кува, представляющего собой развалины Кубы – второго по величине и значению города средневековой Ферганы, в слоях второй половины IX–XII вв. найдено четыре бронзовых усмадона. Одновременно такое количество этих изделий ещё не встречалось ни на одном из известных нам средневековых памятников Центральной Азии (Shirinov, Matboboev, Ivanov, 1998). Три из них сохранились практически полностью, что позволяет реконструировать форму и повреждённого сосуда, хотя сразу заметим, что все они различаются в деталях.

Целый и самый крупный по размерам усмадон, найденный в бадрабе 12 пом. 1, раскопа 4а) (Матбабаев, Грицина, 2000, с. 93, рис. 2, с. 101-102, с. 108, рис. 13), состоит из округлого резервуара, длинного носика-желобка, фигурной плоской ручки и двух "крылышек" по бокам резервуара. Он отлит в специальной формочке. Затем поверхность его была тщательно обработана и инкрустирована, для чего использовались углубления на боковых выступах (рис. 1, 3; рис. 2, 2). К сожалению, материал, использовавшийся для инкрустации, не сохранился. Тем не менее, оригинальное оформление сосуда в виде летящей птицы с соответствующими атрибутами, позволяет говорить не только о незаурядности мастера – торефта и о красивом бытовом предмете, но и о своеобразном произведении искусства. Не случайно прямых аналогий мы так и не нашли (Matbabaev, Gritsina, 2001, p. 8-9). Размеры сосуда: длина 13 см, размеры резервуара изнутри 4,5х4,4 см, высота 2,7 см.

Целый усмадон аналогичной формы, найден в раскопе 7, яма 1, только по бокам вместо «крылышек» имеются небольшие выступы. Техника изготовления аналогичная. Размеры сосуда: длина 8 см, диаметр резервуара 4 см, высота 1,8 см (рис. 1, 2; рис. 2, 1). Очень похожий усмадон найден на городи-

ще Дабусия в Самаркандской области,* а также на городище Афрасиаб (раскоп 23, в заполнении над полом IV периода) (Ахунбабаев, 1999, с. 94, табл. XLIII, 1).

Усмадон, найденный в раскопе 7 в бадрабе 8, аналогичной формы. В отличие от вышеописанных, имеет более тонкую толщину металла, что придаёт ему легкость и изящность. Длина сосуда 9 см, диаметр резервуара 4,2 см, высота 2 см (рис. 1, 1).

Усмадон (раскоп 5 а, из слоя IX в.) имеет аналогичную форму. Ручка не сохранилась. Размеры сосуда: длина 6 см, диаметр резервуара 4 см, высота 2 см (Shirinov, Matboboev, Ivanov, 1998, p. 83, fig. 34, слева).

К описанным, следует добавить и неопубликованный усмадон, найденный в своё время на городище В.А. Булатовой (Литвинский, 1978, с. 134). По сути дела, Кува являлась неким средневековым центром по производству подобных изделий, демонстрируя их ферганский тип.

Бронзовые усмадоны получают широкое распространение начиная с раннего средневековья, точнее с первой половины VIII в. (Соловьёв, 1993, с. 330). Возможно, это как-то связано с завоеванием Средней Азии арабами, когда она постепенно втягивается в культурный круг общения со странами Арабского халифата и, особенно, Ирана, которое сдерживалось Сасанидской империей. К концу VIII в. вырабатывается определённый тип, состоящий из устойчивой триады: округлого резервуара, вытянутого носика с желобком и фигурной ручкой. Уже в это время на некоторых сосудах с боков резервуара появляются выступы – «крылышки». Интересно наблюдение о том, что в отличие от тохаристанских, у согдийских усмадонов не было боковых выступов (Распопова, 1999, с. 35). Находки усмадонов с боковыми выступами на городище Афрасиаб (Ахунбабаев, 1999, с. 94; табл. XLIII) говорят, что

* Авторы приносят благодарность А.Э. Бердимуратову, ознакомившему их с не опубликованным материалом.

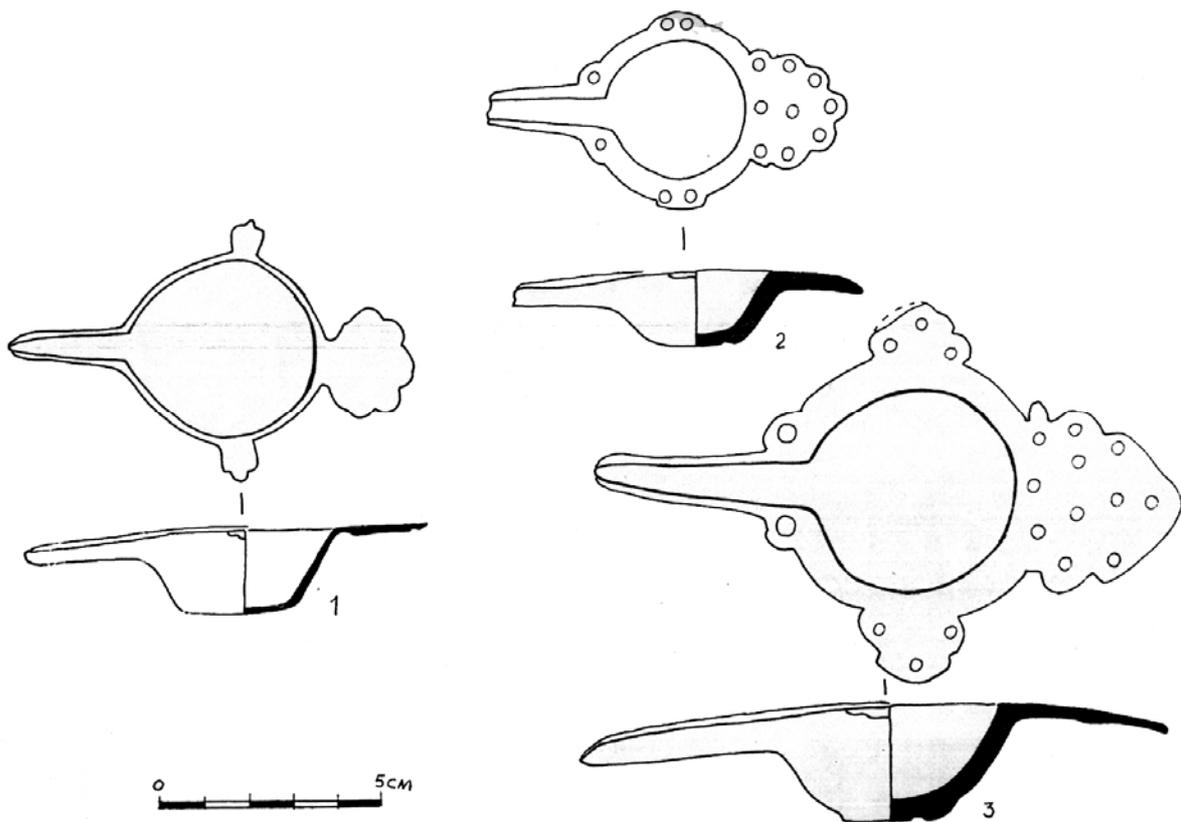

Рис. 1

это предположение справедливо не для всего Согда, а только для Пенджикента. Ареал их довольно широк. Они известны почти во всех основных исторических провинциях Средней Азии и прилегающих к ним территориях: в Хорезме (Неразик, 1963, с. 31, рис. 14, 12), Согде (Кабанов, 1956, с. 113, рис. 19; Он же, 1971, с. 254; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 89, рис. 55; Распопова, 1980, с. 124-125; Она же, 1999, с. 35, рис. 40, 1-2), Гиссаре, Яване, Тохаристане (Литвинский, 1978, с. 134-135; Соловьёв, 1993, с. 330), Чаче (Богомолов, Гендельман, 1991, с. 142, рис. 1, 39-40, 43), Фергане (Литвинский, 1978, с. 134-135, табл. 34, 19-21; Shirinov, Matbabaev, Ivanov, 1998, p. 83, fig. 34), в Сарае-Берке, а также в Хотане, Иране и некоторых других областях (Распопова, 1980, с. 125).

Назначение сосудов до сих пор вызывает споры. Большинство исследователей предпочитают называть их просто туалетными сосудиками, предполагая, видимо, их универсальное назначение в «косметическом» обиходе женщин востока. Предположение А.М. Беленицкого о том, что они являлись

«лячками для розлива расплавленного металла в мастерской ювелира-литейщика», так и не нашло поддержки (Беленицкий, 1961, с. 87-88). С.К. Кабанов считал, что сосуды использовались для приготовления «косметических растворов» (Кабанов, 1956, с. 113). По мнению В.И. Распоповой, они также могли служить и для аптекарских нужд (Распопова, 1980, с. 125). Поскольку эти сосудики напоминали широко распространённые керамические и металлические чираги, некоторые исследователи называли их лампами (Stein, 1936, p. 140; Hardy-Guilbert, 1984, p. 92-93, fig. 49, 6). Часть учёных называет их сурьмадонами. Однако, привлечение этнографических данных, позволяет называть их именно усмадонами, как это достаточно убедительно показал Б.А. Литвинский, а вслед за ним Д.К. Мирзаахмедов (Литвинский, 1978, с. 135; Мирзаахмедов, 1998, с. 117). Ведь форма этих сосудов почти без изменений дошла до наших дней (Сухарева, 1971, рис. 9). В Самарканде, например, их до сих пор называют «усмаджушак» (Абдуллаев, 1972, с. 256, рис. 2; он же, 1974, с. 71).

Усма является одним из древнейших восточных косметических средств, которой также придавалось и ритуальное значение. Это культурное растение специально выращивалось в садах, использовалось «живьём», а также заготавливалось на зиму. Летом растение слегка подвяливали на солнце, а затем выдавливали сок и использовали для «наведения бровей». Для этого могла использоваться любая влагонепроницаемая посуда. Чаще всего использовали обратную сторону дниц фарфоровых пиала или коса. Усмадоны же были необходимы в холодное время, так как заготовленные листья усмы нужно было сначала увлажнить, а затем подогреть на огне. И форма усмадонов идеально подходила для этих целей. Следует обратить внимание на замечание В.И. Распоповой, что все найденные раннесредневековые усмадоны, даже на одном памятнике, практически не повторяют друг друга, то есть делались на заказ и потому высоко ценились (Распопова, 1999, с. 35). Думается, что это замечание справедливо и для последующих эпох. Во всяком случае, среди кувинских усмадонов совсем одинаковых пока не найдено.

Обратимся к нашим усмадонам, в которых мастера, как нам представляется, явно запечатлели образ летящей птицы. Особенно ярко это выражено в первом усмадоне (рис. 2, 2). Ручка изображена в виде пышного хвоста, оперенье которого оторочено семью уступами. По три аналогичных уступа имеются и на крыльях. «Глаза» показаны двумя выступами с углублениями – «глазницами» в месте перехода резервуара к клюву – сливу. Наиболее близок к нашему сосуду усмадон с Аджинатепе (Литвинский, 1978, табл. 34, 19).

Усмадоны с городища Кува относятся к так называемому хорасанскому типу, в которых также запечатлён образ птицы. Наиболее реалистично и ярко, пожалуй, он отражён в одном из усмадонов Ирана, датированных X-XI вв. (рис. 3). На нём показаны уже «настоящие» крылья и хвостовое оперение. Правда, мастер сделал всё наоборот: слив – желобок оформил в виде хвоста, ручку – в виде головы (Melikian-Chirvani, p. 51, fig. 15).

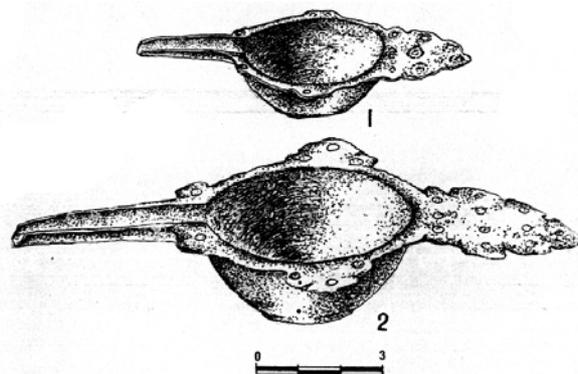

Рис. 2

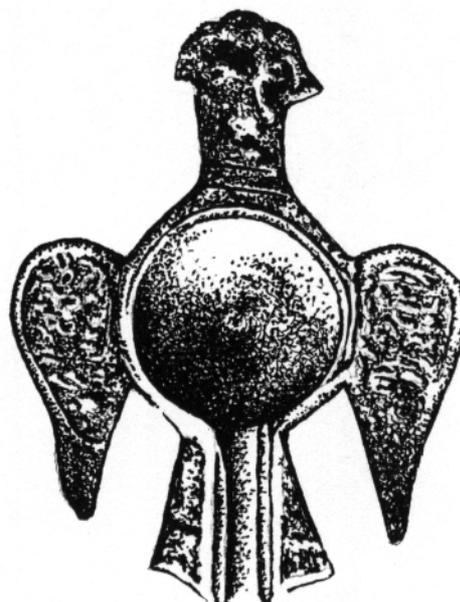

Рис. 3

Достаточно сильная стилизация на усмадоне из Кувы не позволяет уверенно распознать какую именно птицу попытался изобразить мастер. Заманчиво было бы видеть в ней (что с нашей точки зрения наиболее вероятно) прототип аиста – вестника весны и символа мудрости, птицы, издревле почитавшейся народами востока (Хакимов, 1983, с. 94).

Отметим, что «крылышки», а также изображения птиц на ручках в это время помещались и на бронзовых светильниках – чирагах. «Крылышки» и стилизованные изображения птиц имеются, например, на уструпанских, чаганианских и иранских чирагах (Негматов, Хмельницкий, 1966, табл. XXIV; Грицина, 1991, с. 197, рис. 4, 8; Ильясов, 1989, с. 297-298; Ghirshman, 1971, pl. Va;). Фигурки птиц венчают ручки целой группы среднеазиатских бронзовых светильни-

ков XI-XII вв. из Эрмитажа, на которых однако птицы легко узнаются: голубь, петух, сокол (Хакимов, 1983, с. 101). Аналогичные сосуды хорошо известны по находкам в Иране (Islamische kunst..., 1985, р. 3, р. 43; Melikian-Chirvani, р. 102, fig. 32; Fehervari, 1976, plate 31, no. 95-96 и др.)

Известно, что в изобразительном искусстве Средней Азии пернатые наделялись сакральными свойствами. Но уже к XI-XII вв. изображения птиц теряет видовое различие и превращается в собирательный образ - «птицу счастья». У народов Средней

Азии и Ирана до сих пор птицы относятся к добрым приметам: появление птицы во сне предвещает богатство и почести. Птицы и их символы украшают женские ювелирные изделия, налобные и височные подвески, амулеты, головные уборы и т.д.

Таким образом, изготавливая такие специфические приборы как усмадоны, мастера, видимо, не случайно придавали им образ птицы, желая тем самым прекрасной половине человечества удачи и счастливого полёта в предстоящей жизни.

Литература

- Абдуллаев Т.А. Художественные металлические изделия Самарканда // Из истории искусства великого города. (К 2500-летию Самарканда). Ташкент, 1972.
- Абдуллаев Т. Каталог медных и медночеканных изделий Узбекистана XVIII-XX вв. Ташкент, 1974.
- Ахун-бабаев Х.Г. Дворец ишидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999.
- Беленицкий А.М. О работах Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г. // Труды Института истории АН ТаджССР. Т. 31. Душанбе, 1961.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков, О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Богомолов Г.И., Гендельман П.И. Бытовые металлические предметы с городища Канка // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Ильясов Дж. Я. Будрачский клад бронзовых изделий // Учёные записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. (Археологические источники). М., 1989.
- Кабанов С.К. Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Варахша // ТИИА АН УзССР. Вып. VII. Ташкент, 1956.
- Кабанов С.К. Изображение Шивы на оссуарии // СА.. № 3. М., 1958.
- Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М., 1978.
- Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. Археологические исследования в юго-западной части шахристана Кувы (Кубы) // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.
- Мирзаахмедов Д.К. Ещё раз к вопросу о керамике с зелёной поливой из Пайкенда // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998.
- Неразик Е.Е. Раскопки Якке-Парсана // МХЭ. Вып. 7. М., 1963.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. М., 1980.
- Распопова В.И. Металлические изделия из Пенджикента (находки 1971-1998 гг.). С-Пб., 1999.
- Соловьёв В.С. Раскопки на поселении Ширкент в 1984 г. // АРТ. Вып. XXIV. Душанбе, 1993.
- Сухарева О.А. К вопросу о литье металлов в Средней Азии // Занятия и быт народов Средней Азии. Л., 1971.
- Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983.
- Fehervari G. Islamic Metalwork of the Eighth to the Fifteenth Century in the Keir Collection // The Keir Collection. London, 1976.
- Ghirhman R. La Terrasse sacree de Masjid-i Solaiman // Survey of Excavations in Iran, 1969-70. Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies. Vol. IX. London, 1971.
- Hardy-Guilbert C. Les Neveaux Islamiques du Secteur Apadana-Ville Royale // D.A.F.I. / 14 – 1984.
- Islamische kunst loseblattkatalog unpublizierter werke aus Deutschen Museen. Herausgegeben von Klaus Brisch. Band 2. Main / Rhein, 1985.
- Matbabaev B., Gritsina A. The winged usmadons of Kuba // San'at. 3 / 2001.
- Melikian-Chirvani A.S. Islamic Metalwork from Iranien World 8th – 18th Centuries. London, 1987.
- Shirinov T.Sh., Matboboev B. Kh., Ivanov G.P. Kubo city in Akhmad al-Fargoni's epoch. Tashkent, 1998.
- Stein A. An archaeological tour in the ancient Persis // IRAQ. Vol. III/ London, 1936.

С.И. Мустафакулов

НАСЕЛЕНИЕ СУРХАНДАРЬИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Нами вводятся в научный оборот новые материалы, полученные в Караван-Сарае Старого Термеза XVI-XVII вв., небольшая серия из шести мужских черепов из Талаш-Кана Шеробадского района, четыре черепа из могильника XVII-XVIII вв., Рабад II Бойсунского района Сурхандарьинской области. Для получения максимальной информации в данной работе используются ранее опубликованные позднесредневековые материалы Сурхандарьинской области.

Поздние периоды представлены единичными черепами из сельских поселений Шерабадского района Сурхандарьинской области - Ялпактепа (XV-XVII вв.), Талашкан I (XIX в.) и Шаидтепа (XIX в.). Анализ антропологического материала из Сурхандарьи, указанного выше периода и эпохи близкой к современности, позволили сделать следующие выводы.

Во время раскопок Каравансарая Старого Термеза было получено четыре мужских черепа, которые датированы XV-XVI вв. (Таблица № 1). Продольный диаметр в серии варьирует мало, размеры его небольшие. Поперечный диаметр средних размеров, лишь один череп (№5) характеризуется большими величинами. Не исключено, что это является результатом затылочной-теменной деформации, которая сильно изменяет горизонтальные размеры мозговой коробки.

По размерам черепного указателя, серия находится на границе мезокрании и брахикрании. В группе представлены два мезокраниальных и два брахикраниальных черепа. Их свод, вопреки ожиданиям, низкий. За исключением двух черепов (№№ 2 и 5), у которых свод средних размеров, остальные имеют очень низкий свод. Мы обращаем особое внимание на этот признак потому, что для эпохи бронзы и последующих периодов он был одним из важных расодиагностических признаков, при выделении локальных вариантов средиземноморской расы, именно II варианта (Ходжайов, 1983. С. 25-26). Напомним, что широкое распространение среди-

земноморцев с относительно низким сводом черепа после эпохи античности, особенно в период развитого средневековья, прекращается и их присутствие среди средневекового населения Бактрии-Тохаристана улавливается с большим трудом, в частности, среди городского населения Термеза.

Наше предположение о том, что у части населения Сурхандарьинской области этот вариант доживает до настоящего времени подтверждается материалами из Каравансарая Старого Термеза (Мустафокулов, 1997. С. 22-23). Они показывают, что в формировании антропологического состава современного населения принимало участие местное население, проживавшее здесь, по крайней мере, с эпохи бронзы.

Лоб среднеширокий, прямой иногда нависающий, с выше среднего развитыми надбровным и надбровными дугами. Лицевая часть ортогнатая, узкая и низкая, по указателю лептопрозонная. Назомалярный угол, определяющий уплощенность лица в верхней его части, в серии малый, однако наличие здесь одного черепа, у которого он равен 148° , показывает, что средняя величина назомалярного угла выходит за пределы, характерные для европеоидных популяций. В целом по данному признаку группа европеоидная. Зигомаксиллярный угол очень малый 125° , что указывает на европеоидность серии. Нос широкий, средней высоты, по указателю платиринный. Угол выступания носа очень большой. Орбиты широкие, средней высоты, по указателю хамеконхные.

Таким образом, рассмотренная серия черепов из Каравансарая Старого Термеза европеоидная. Мезокrania, сопровождающаяся малыми величинами черепной коробки, небольшие размеры лица в ширину и высоту с сильно горизонтальной профилировкой и выступающим носом дают нам основание отнести данную группу к грацильному II варианту средиземноморской расы. Этот вариант наи-

Таблица № 1

Индивидуальные измерения и указатели черепов из Караван Сарая
(Старый Термез) XV-XVI вв. Мужчины

№ по Мар- тину	№ черепов. Возраст					n	min-max	X	S	m(x)	V
	Стар	зре	Зре	воз	Зре						
1	-	180	174	178	-	3	174-180	177.3	3.05	1.02	1.72
8	-	141	146	138	153	4	138-153	144.5	6.56	1.64	4.54
8:1	-	78.3	83.9	77.5	-	3	77.5-83.9	79.9	3.49	1.16	4.37
17	-	134	122	127	134	4	122-134	129.2	5.85	1.46	4.53
17:1	-	74.4	70.1	71.3	-	3	70.1-74.4	71.93	2.21	0.74	3.07
17:8	-	95.0	83.5	92.0	87.5	4	83.5-95.0	89.25	5.45	1.36	6.11
20	127	-	121	126	134	4	121-134	127.0	5.35	1.34	4.21
9	93	95	97	93	-	4	93-97	94.5	1.91	0.48	2.02
9:8	-	67.3	66.4	67.3	-	3	66.4-67.3	67.0	5.20	0.73	7.77
10	-	118	121	117	124	4	118-124	120.0	3.16	0.79	2.63
9:10	-	80.5	80.1	79.4	-	3	79.4-80	80.00	5.57	0.85	6.69
11	-	-	129	116	136	3	116-136	127.0	10.14	0.34	7.98
12	-	112	109	104	109	4	104-112	108.5	3.32	0.83	3.24
5	-	107	99	94	-	3	94-107	100.0	5.56	2.18	6.56
40	-	97	-	95	96	3	95-97	96.0	1.00	0.33	1.04
40:5	-	90.6	-	101.0	-	2	90.0-101.0	95.8	-	-	-
43	-	112	107	106	-	3	106-112	109.0	3.21	0.75	3.15
45	-	-	133?	121?	-	2	121-133	127.0	-	-	-
45:8	-	-	91.0	87.6	-	2	87.6-91.0	89.3	-	-	-
46	-	-	-	83	-	1	83	83.0	-	-	-
48	63	71	-	68	-	3	63-71	67.33	4.04	1.34	6.0
48:17	-	52.9	-	53.3	-	2	52.9-53.3	53.10	-	-	-
48:45	-	-	-	56.1	-	1	56.1	56.1	-	-	-
55	50	59	-	49	-	3	49-59	55-67	5.51	1.83	10.45
54	29	28?	-	23	-	3	23-29	26.67	3.21	1.07	3.70
54:55	58.0	47.4	-	46.9	-	3	46.9-58.0	57.76	6.27	2.09	12.37
51	45	48	44	44	-	4	44-48	45.25	1.89	0.47	4.18
51a	41	44	41	40	-	4	40-44	41.50	1.73	0.43	4.17
52	29	36	34	36	35	5	29-36	34.00	2.92	0.58	8.59
52:51	64.4	75.0	77.2	81.8	-	4	64.4-81.8	76.60	7.36	1.84	9.86
52:51a	70.7	81.8	82.9	90.0	-	4	70.9-90.0	81.35	7.98	1.99	9.81
MC	2	5	2	2	-	4	2-5	2.75	1.50	0.37	5.55
MS	10	16	10	9	-	4	9-16	11.25	3.20	0.80	28.57
MS-MC	20.0	31.3	20.0	22.2	-	4	20.0-31.2	23.52	5.68	1.41	24.17
назо ши- рина	-	100	97	97	-	3	97-100	98.00	1.73	0.58	1.76
назо вы- сота	-	20	17	14	-	3	14-20	17.00	3.00	1.00	17.65
77	-	136	141	148	-	3	136-148	141.6	6.02	2.00	4.25
Зиго ши- рина	-	-	-	84.1	-	1	84	84.0	-	-	-
Зиго вы- сота	-	-	-	22	-	1	22	22.0	-	-	-
Zm...	-	-	-	125	-	1	-	125.0	-	-	-
SS	4	5	2	2	-	4	2-5	3.25	1.50	0.37	46.15
SC	8	9	9	7	-	4	7-9	8.25	0.96	0.24	1.63
SS:SC	50.0	55.5	22.2	28.5	-	4	22.2-55.5	39.05	16.18	4.04	41.49
DS	-	13	8	11	-	3	8-13	10.67	2.52	0.40	23.55
DC	-	21	21	20	-	3	20-21	20.67	0.58	0.19	2.81
DS:DC	-	61.69	38.3	55.0	-	3	38.0-61.9	51.63	12.30	4.10	23.83

Глуб. кликов ямки	48	77	-	4.0	10.0	4	4.0-10.0	7.38	2.75	0.69	62.78
32	-	-	-	93?	-	1	93	93.0	-	-	-
n-m	-	-	-	87	-	1	87	87.0	-	-	-
72	-	-	-	87	-	1	87	87.0	-	-	-
73	-	-	-	90	-	1	90	90.0	-	-	-
74	-	-	-	75	-	1	75	75.0	-	-	-
75	-	-	-	67	-	1	67	67.0	-	-	-
75(1)	-	-	-	20	-	1	20	20.0	-	-	-

более древний на территории Средней Азии и известен он с эпохи бронзы. Поскольку данные черепа получены из Каравансарая г. Термеза, то возникает вопрос, не принадлежат ли они людям, погибшим во время какого-либо нашествия? Анализ антропологического материала со всей определенностью показывает, что погребенные были коренными жителями Термеза. Надо отметить, что грацильный вариант средиземноморской расы встречается на территории Средней Азии изолированными островками в небольших поселениях или отдельных кварталах города. Удельный вес его с эпохи раннего средневековья резко уменьшается и почти исчезает в более поздние периоды.

В Шерабадском оазисе во время археологических работ была исследована крепость Талашкан (Шайдуллаев, 1990. С. 10-12), где были обнаружены погребения XVI-XVII вв., из которых получено шесть мужских черепов хорошей сохранности. Эти материалы дали особое представление о расовом типе населения (таблица № 2).

Часть населения, захороненного в крепости Талашкан, придерживалась обычая преднамеренной затылочно-теменной деформации головы. Обнаружены два черепа со следами этого типа деформации. В целом, серия из Талашкана характеризуется брахикранией, но в ней есть и черепа с мезокранной формой черепной коробки. Продольный диаметр очень маленький, а поперечный больших и значительных размеров. В отличие от антропологического типа населения из Каравансарая Старого Термеза встречается очень высокий свод черепа. Лоб среднеширокий, прямой, выше среднего с развитым надпереносьем. Лицевая часть среднеширокая, сравнительно низкая, по указателю - мезопрозонная. Нос узкий, средней высоты, по указателю лепторинный, по отношению к профилю ли-

ца выступает очень сильно. Лицо в горизонтальном плане, в верхней части, выступает в значительной степени. Орбиты средней ширины и высоты, по указателю мезоконхные.

Весь комплекс признаков позволяет отнести погребенных в крепости Талашкан к кругу европеоидной популяции. У местного населения Шерабадского оазиса этого периода проявляются все особенности расы Среднеазиатского междуречья, характерные для современных узбеков и таджиков. Таким образом, население - европеоидного облика. Монголоидная примесь, по-прежнему присутствует в небольших масштабах (Мустафакулов, 1997. С. 23).

Для завершения характеристики населения Шерабадского оазиса кратко остановимся на материалах XIX в. (Ходжайов, 1980). В 1976 г. во время раскопок городища Талашкан I, расположенного на территории совхоза Навбахор, в верхних слоях обнаружены два погребения XIX-XX вв. (Пидаев, 1978. С. 18-20). Мужской череп брахикраний, европеоидный, принадлежащий расе Среднеазиатского междуречья, с некоторыми признаками восточно-средиземноморской расы. Женский череп также европеоидный, однако он отличается от мужского более высоким и узким лицом, более удлиненной черепной коробкой, что позволяет отнести его к восточно-средиземноморскому типу. Таким образом, местное узбекское население без родоплеменного деления Шерабадского оазиса было европеоидным.

Два погребения XVII-XIX вв. раскопаны в 1976 г. Б. Абдуллаевым в верхних слоях поселения Шаидтепа, расположенного на территории Шерабадского района Сурхандарьинской области. Мужской череп довольно существенно отличается от женского своими морфологическими и расовыми особенностями.

Таблица № 2

Индивидуальные измерения и указатели черепов из Талашкана XVI-XVII вв. Мужчины

№ по Мар-тину	№ черепов. Возраст						N	min-max	X	S	m (x)	V
	зрe	ста	ста	ста	воз	воз						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	166	177	173	170	-	175	5	166-177	172.2	4.32	0.86	2.51
8	147	159	138	138	-	142	5	138-159	144.8	8.76	1.75	6.05
8:1	88.5	89.8	79.7	81.8	-	81.1	5	79.7-89.8	84.18	4.62	0.92	5.49
17	145	-	134	140	-	-	3	134-145	139.6	5.50	1.83	3.94
17:1	87.3	-	77.4	82.3	-	-	3	77.4-87.3	82.33	4.95	1.65	6.01
17:8	98.6	-	97.1	101.4	-	-	3	97.1-101.4	99.03	2.18	0.72	2.20
20	138	142	126	134	-	-	4	126-142	135.0	6.83	1.70	5.06
9	98	-	102	91	-	95	4	91-102	96.50	4.65	1.16	5.47
9:8	66.6	-	73.9	65.9	-	66.9	4	65.9-73.9	68.32	3.74	0.93	5.47
10	128	-	123	121	-	-	3	121-128	124.0	3.60	1.20	2.90
9:10	76.5	-	82.9	75.2	-	-	3	75.2-82.9	78.20	4.12	1.37	5.27
11	110	-	125	122	-	-	3	110-125	119.0	7.94	2.64	6.67
12	108	-	108	108	-	116	4	108-116	110.0	4.00	1.00	3.64
5	102	-	102	99	-	-	3	99-102	101.0	1.73	0.58	1.71
40	102	-	98	93	-	-	3	93-102	97.67	4.51	1.50	4.62
40:5	100.0	-	96.0	93.9	-	-	3	93-102	97.67	4.51	1.50	4.62
43	106	-	110	103	99	111	5	99-111	105.8	4.97	0.99	4.69
45	135	-	133	129	-	134	4	129-135	132.7	2.63	0.66	1.98
45:8	91.8	-	96.3	93.4	-	94.3	4	91.8-96.3	93.95	1.88	0.47	2.00
46	94	-	100	96	94	106	5	94-106	98.00	5.10	1.02	5.20
48	74	-	66	71	70	66	5	66-74	69.40	3.43	0.69	3.44
48:17	51.0	-	49.2	50.7	-	-	3	49.2-51.0	50.30	1.00	0.32	1.99
48:45	54.8	-	40.6	55.0	-	49.2	4	49.2-55.0	52.15	3.20	0.79	6.14
55	54	-	50	57	53	49	5	49-57	52.60	3.21	0.64	6.10
54	21	-	26	22	22	28	5	21-28	23.80	3.03	0.61	1.27
54:55	38.8	-	52.0	38.5	41.5	57.1	5	38.5-57.1	45.58	8.46	1.69	18.55
51	44	-	43	40	43	45	5	40-45	43.00	1.87	0.37	4.35
51a	41	-	39	37	38	42	5	38-42	39.40	2.07	0.41	5.25
52	37	-	32	35	34	36	5	32-37	34.80	1.92	0.38	5.52
52:51	84.0	-	74.4	87.5	79.0	80.0	5	74.4-87.5	80.98	4.99	0.99	6.16
52:51a	90.2	-	86.4	94.5	89.4	85.7	5	85.7-94.5	89.24	3.51	0.70	3.93
MC	5	-	3	3	6	1	5	1.0-6.0	3.60	1.95	0.39	54.16
MS	13	-	15	9	15	8	5	8-15	12.00	3.32	0.66	27.66
MS-MC	38.4	-	20.0	33.3	40.0	12.5	5	12.5-40.0	28.84	12.05	2.41	41.84
назо ши-рина	98	-	100	94	91	100	5	91-100	97.60	5.41	1.08	5.54
назо вы-сота	19	-	17	16	18	17	5	16-19	17.40	1.14	0.23	6.55
77	138	-	142	142	137	144	5	137-144	140.6	2.97	0.59	2.11
зиго ши-рина	93	-	100	97	93	106	5	93-106	97.80	5.45	1.09	5.57
зиго вы-сота	25	-	23	28	24	20	5	20-28	24.00	2.91	0.58	12.12
Zm...	124	-	131	120	125	139	5	120-139	127.8	7.39	1.48	5.78
SS	4	-	2	4	5	2	5	2-5	3.40	1.34	0.27	39.41
SC	10	-	9	9	10	7	5	7-10	9.00	1.22	0.24	13.55
SS:SC	40.0	-	22.2	44.4	50.0	28.5	5	22.2-50.0	37.02	11.44	2.28	30.92
DS	13	-	11	13	12	13	5	11-13	12.40	0.89	0.18	7.18
DC	20	-	23	19	22	23	5	19-23	21.40	1.82	0.36	8.50
DS:DC	65.0	-	47.8	68.4	54.5	56.5	5	47.8-68.4	58.44	8.24	1.65	14.18

Глуб. кликов ямки	4.0	-	6.2	5.7	5.0	6.2	5	4.0-6.2	5.42	0.93	1.87	17.16
32	92	-	84	84	-	-	3	84-92	86.67	4.62	1.54	5.33
n-m	84	-	79	83	-	-	3	79-84	82.00	2.64	0.88	3.22
72	86	-	83	87	-	-	3	83-87	85.33	2.08	0.69	2.44
73	88	-	87	85	-	-	3	8-88	86.66	1.53	0.51	1.77
74	82	-	75	90	-	-	3	75-90	82.33	7.50	2.50	9.11
75	58	-	56	51	-	-	3	51-58	55.00	3.60	1.20	6.54
75(1)	28	-	27	36	-	-	3	27-36	30.33	4.93	1.64	16.27

Первый из них - мезокранный с узким и высоким, значительно профилированным в горизонтальной плоскости, лицом, средне выступающим лепторинным носом. Второй - ультрабрахикранный с сильно затылочной деформацией, со значительно широким и слабо профилированным в подносовой области лицом. Расовый тип мужского черепа определен как европеоидный восточно-средиземноморского типа, а женского - как смешанный с хорошо выраженными чертами монголоидной расы.

Анализ антропологических материалов эпохи позднего средневековья завершается небольшой краниологической серией из могильника Рабад II XVIII-XIX вв. Сурхандарьинской области. Мужской и женский черепа из Рабада II не имеют каких-либо существенных отличий от черепов Талашкана. Они европеоидные, возможно, с наличием небольшой монголоидной примеси.

Таким образом, мы рассмотрели весь имеющийся краниологический материал из Сурхандарьи, относящийся к эпохе позднего средневековья и периоду, близкому к современности. Население Сурхандарьи по-прежнему характеризуется европеоидными чертами. Два варианта средиземноморской расы являются ведущими компонентами в антропологическом составе населения, что указывает на непрерывность этнического процесса с древнейших времен. Смена населения, по антропологическим данным, не от-

мечается. Растет удельный вес европеоидной расы Среднеазиатского междуречья.

Монголоидная примесь у населения Сурхандарьи присутствует, но удельный вес ее небольшой. С XVI-XVII вв. в городскую и сельскую среду интенсивно проникают группы со значительной монголоидной примесью, в результате чего несколько усиливается содержание монголоидного элемента. Сопоставление позднесредневековых материалов с результатами, полученными при исследовании современного населения Сурхандарьинской области, еще раз подтверждает европеоидность местного населения.

Все изученные материалы были сравнены с другими синхронными материалами из городских некрополей Средней Азии (табл. 3, 4-6; рис. 1). Население отдельных историко-культурных областей Средней Азии в эпоху позднего средневековья по основным расовым диагностическим признакам становится довольно близким между собой. Население Тохаристана, по сравнению с поселенцами других областей Мавераннахра, выделяется более удлиненной формой головы, узким и сильно профилированным лицом. Других существенных различий не наблюдается. Идет процесс гомогенизации антропологического состава узбеков и таджиков. В то же время население юга Узбекистана является как бы промежуточным (переходным и соединяющим) звеном между узбеками и таджиками более северных областей Средней Азии. (Трофимова, Гинзбург, 1972).

Таблица № 3

Череп из Караван Сарая, Талашкана и их сравнительные данные. Мужчины

№ по Мар тину	Караван Сарай	Талаш кан	Самар- канд	Бухара	Ташкент	Андижан	Миздахкан	Памир
1	173.33	172.2	178.7	182.0	175.1	172.1	172.0	176.2
8	144.50	144.8	144.3	146.3	145.4	145.7	143.7	140.9
17	129.25	139.7	136.5	138.8	136.1	135.9	134.9	132.0
9	94.50	96.5	97.1	95.6	96.4	95.3	94.0	96.2

48	67.33	69.4	72.9	72.8	73.3	70.7	72.4	70.2
45	127.00	132.1	134.1	134.8	135.2	133.5	133.5	131.5
54	26.67	23.8	24.5	25.6	25.5	25.0	25.0	25.3
52	34.00	34.8	34.0	34.2	34.6	35.4	35.4	34.4
77	141.66	140.6	142.9	-	139.7	142.1	142.7	139.3
Zm...	125.00	127.8	130.4	-	129.0	129.4	131.0	127.4
75 (1)	20.00	30.3	25.0	-	26.5	25.8	27.0	20.7

Таблица № 4

Суммарные расстояния, вычисленные по формуле Л. Пенроза, между краниологическими сериями Средней Азии эпохи средневековья. Мужчины

№	Серия	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Карван Сарай	-							
2	Талашкан	1.93	-						
3	Афрасиаб	1.12	0.44	-					
4	Бухара	0.32	4.32	0.13	-				
5	Шайхантаур	0.99	0.12	0.20	0.12	-			
6	Андижан	1.08	0.26	0.22	0.30	0.11	-		
7	Миздахкан	0.98	0.37	0.14	0.19	0.14	0.10	-	
8	Памир (сборное)	1.18	0.33	0.59	0.43	0.27	0.33	0.28	-

Таблица № 5

Суммарные расстояния по «форме», вычисленные по формуле Л. Пенроза, между краниологическими сериями Средней Азии эпохи средневековья. Мужчины

№	Серия	1	2	3	4	5	6	7
1	Карван Сарай	-						
2	Талашкан	0.32	-					
3	Афрасиаб	0.49	0.02	-				
4	Бухара	0.44	0.05	0.01	-			
5	Шайхантаур	0.48	0.02	0.01	0.01	-		
6	Андижан	0.34	0.00	0.00	0.07	0.02	-	
7	Миздахкан	0.33	0.01	0.01	0.06	0.00	0.01	-
8	Памир (сборное)	0.15	0.03	0.10	0.23	0.11	0.02	0.08

Таблица № 6

Суммарные расстояния по «величине» вычисленные по формуле Л. Пенроза, между краниологическими сериями Средней Азии эпохи средневековья. Мужчины

№	Серия	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Карван Сарай	-							
2	Талашкан	2.18	-						
3	Афрасиаб	1.50	0.45	-					
4	Бухара	0.66	4.36	0.14	-				
5	Шайхантаур	1.36	0.13	0.21	0.13	-			
6	Андижан	1.34	0.26	0.22	0.35	0.12	-		
7	Миздахкан	1.23	0.37	0.15	0.24	0.14	0.10	-	
8	Памир (сборное)	1.30	0.35	0.67	0.61	0.36	0.34	0.34	-

Литература:

- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
 Мустафакулов С.И. История формирования населения Бактрии-Тохаристана. / Автореф. дис. канд. ист. наук. Ташкент, 1997.
 Пидаев Ш.Р. Поселение кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
 Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
 Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. Ташкент, 1987.
 Шайдуллаев Ш.Б. Памятники раннежелезного века Северной Бактрии / Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1990.

С.Р. Ильясова

РАСКОПКИ ПАРАДНОГО КОМПЛЕКСА АКТЕПА ЮНУСАБАДСКОГО

На Актепа Юнусабадском в 1987-1992 гг. Ташкентским отрядом Института археологии АН РУз, после значительного перерыва, были продолжены работы на Р-2, начатые в 1940 г. А.И. Тереножкиным. В результате был раскрыт комплекс построек (рис. 1), занимающих пространство между обводными стенами так называемого двора.¹

Для привязки и уточнения плана были расчищены раскопанные А.И. Тереножкиным (Тереножкин, 1941; 1948) и относящиеся к нижнему строительному горизонту комнаты № 1, 2 (частично) и № 3 (полностью), располагавшиеся к северу от внешней стены кордегардии, раскопанной в 1970-х годах Э.В. Ртвеладзе (Филанович, 1990, с. 109-110, рис. 38).

Комнаты № 1 и 2 изнутри примыкают к внешней крепостной стене, которая на определенном этапе была с внутренней стороны утолщена «рубашкой» толщиной 2,85-3 м. Она была возведена поверх суф в комнатах № 1 и 2, и ее направление придавало данным помещениям неправильные трапецевидные очертания. Разрез вдоль северной стены кордегардии позволил выявить первоначальную поверхность обводной стены «двора», сложенной из пахсы (размеры «блоков»: 75x98, 78x98, 118x98 см, толщина швов 1-2 см; толщина штукатурки до 2 см). Нам удалось также уточнить первоначальные размеры комнаты № 1 – 7x3,5 м.

Южная стена комнаты № 3 на протяжении более 2,5 м была разрушена стратиграфическим раскопом А.И. Тереножкина, поэтому нам не удалось оконтурить основной вход в здание. Сохранился небольшой проход, шириной 90 см, заложенный сырцовым кирпичом, отмеченный А.И. Тереножкиным, как вход в стене «а» комнаты № 1. Было выявлено, что стена «а» является северной сте-

ной кордегардии и, соединяясь со стеной двора, образует южную часть комнаты № 1. Сохранившаяся ее высота около 3 метров. Восточная стена кордегардии, длиной около 7 м, сложена комбинированной кладкой (чередование пахсы и рядов из сырцового кирпича).

Из комнаты № 3 узкий арочный проход выводил в зал (комната № 4, вскрытая прежним исследователем наполовину), по трем сторонам которого нами расчищены суфы. Зал получил название «красный» из-за декоративного оформления стен. Помимо этого, А.И. Тереножкиным здесь были найдены фрагменты глиняного фриза, украшавшего стены (Тереножкин, 1948, с. 103). Следы окраски сохранились пятнами, главным образом, в нижней части стен, к которым представлены суфы.

Размеры зала (пом. № 4): 8,70x6,40 м, ширина суфы у северной и южной стен – 1,75, у восточной – 1,30 м. Стык южной и восточной суф закруглен (диаметр около 30 см) и прокален. Возможно, здесь был очаг или это след сгоревшей деревянной колонны. П-образной формы суфа не доходит до западной стены комнаты на 1,40 м.

Небольшой шурф в северо-западном углу комнаты позволил зафиксировать самый нижний уровень пола (нижняя граница XXXI яруса, за реперную точку принята верхушка донжона замка) и остатки суфы у западной стены. Именно к этому уровню, по-видимому, и относится окрашивание стен в малиново-красный цвет.

У западной стены помещения А.И. Тереножкиным был расчищен деревянный настил, прослеженный на протяжении 6,25 м; его остатки до нас не дошли. Он, скорее всего, относится к уровню пола, покрытому слоем пожарища, который был нами зафиксирован на середине XXXI яруса. Этот же слой, мощностью 10-15 см, перекрывает и суфы.

В нетронутом прежним исследователем слое продолжения деревянного пола не выявлено. В слое отмечены лишь небольшие по диаметру обгоревшие головешки. Впоследствии слой пожарища был забутован плотной

¹ Работы проводились м.н.с. С.Р. Ильясовой, при участии археологов А.А. Восковского и Л.К. Сергеевой, архитектора Д.В. Русанова и студентов исторического факультета ТашГУ. Общее руководство и раскопки сезона 1992 г. осуществляла канд.ист. наук М.И. Филанович.

ТАШКЕНТ 90-92

АКТЕПЕ ЮНУСАБАДСКОЕ

P-2

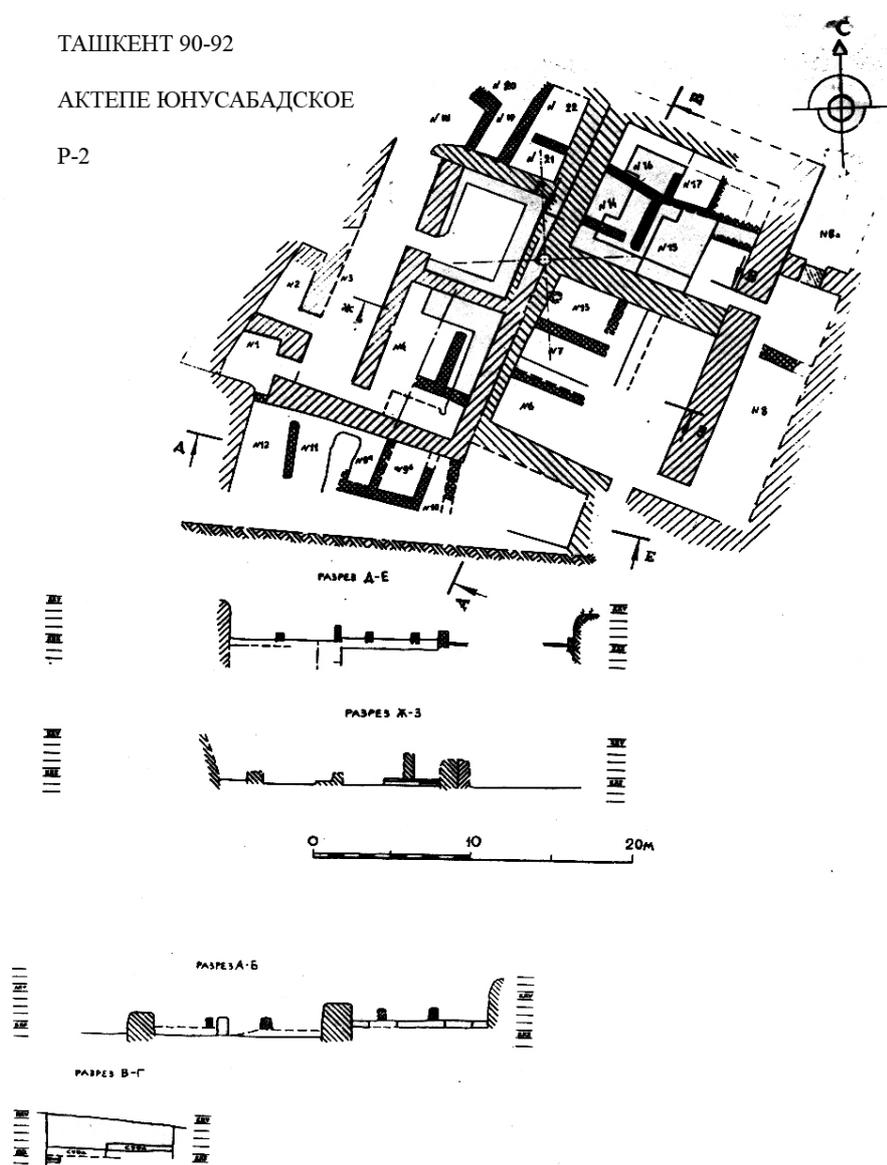

Рис. 1

глиняной массой, толщиной до 40-50 см, ее перекрывает новый уровень пола, покрытый гумусированным слоем накоплений, поверх которых были построены узкие стеночки верхнего горизонта построек.

Все стены комнат № 1, 2, 3, 4 сложены из пахсы и представляют собой единый комплекс. Южная стена комнат № 3 и 4 является внешней стеной этого здания.

К северу от комнаты № 3 вскрыто одно помещение (пом. 3а) размером

6х3,3 м, которое имеет второй выход в северной стене.

Комнаты № 5, отмеченной на плане А.И. Тереножкина к югу от пом. 4, нам выявить не

удалось. Помещения, открытые здесь, относятся к постройкам верхнего горизонта № 9а, 9б, 10, 11, 12. Стены их плохой сохранности, так как тоже, видимо, попали в 1 стратиграфический раскоп А.И. Тереножкина. К югу от них зафиксированы слои мусора с большим количеством битой керамики, обломков терракотовых мерлонов, костей животных.

К северу от «красного» зала наблюдалось значительное понижение рельефа. По-видимому, А.И. Тереножкиным здесь были проведены подготовительные земляные работы, что видно по фотографии в его статье (Тереножкин, 1941, рис. 3). Вероятно, позже здесь производилась выборка земли для хозяйственных нужд, а образовавшееся углубление служило для сброса мусора, о чем свидетельствуют многочисленные находки современных предметов. В результате над помещением № 7, вскрытом в этой части участка, не сохранилось построек верхнего

горизонта, а суфы в этом помещении оказались частично разрушенными. Размеры зала: 7,25х5,60 м, ширина суф предположительно около – 1,10 м. Восточная стена зала № 7, смежная с «тронным залом» соседнего комплекса, построена из сырца, также как и северная; западная стена по верху надстроена нестандартными полублоками.

С востока к этому комплексу, из жилых и парадных помещений, примыкает раскопанный нами второй комплекс, где вскрыты «тронный» зал (№ 6), предзальный кулуар (№ 8) и предполагаемый внутренний дворик (№ 5). Нумерация помещений продолжает нумерацию А.И. Тереножкина (рис. 2).

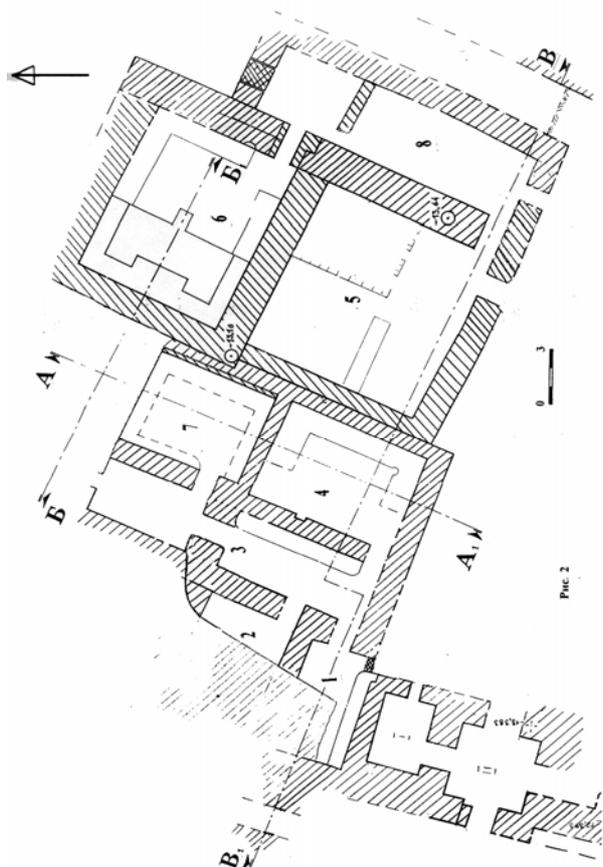

Рис. 2

Размеры «тронного» зала – 10,2x9 м. Стены построены комбинированным способом; южная (толщиной 1,80 м) и западная сложены из сырцового кирпича, восточная и северная – глинобитные. На стенах сохранились куски горелой штукатурки: наружный слой на глубину 1 см прокален до темно-серого цвета, под ним еще один слой в 1 см, имеющий черный цвет.

Западную часть помещения занимает прямоугольная площадка размером 9x4,5 м и высотой 0,5 м. На этой площадке вдоль южной, западной и северной стен расположена П-образная суфа, шириной 1,20 м и высотой 0,4 м. В центре суфы – «эстрада», выступающая за ее линию на 0,8-0,9 м и имеющая протяженность в 3 м. Край суфы выложен из сырцового кирпича в ширину кирпича, внутри суфы – забивка глиной и обломками кирпичей. С востока к площадке примыкают суфы, тянущиеся вдоль южной, северной и восточной стен зала, ширина их 1,20-1,30 м, высота 0,5 м, что соответствует высоте площадки. Подъем на площадку осуществлялся по

пандусу (0,8x0,8 м), расположенному по центру (рис. 3).

Вход в зал № 6 находится в юго-восточном углу, ширина его 1,68-1,7 м. Он соединял зал с широким восточным кулуаром (№ 8). Суфы, облегающие зал № 6, не доходят до прохода: южная начинается на расстоянии 1,95 м от линии восточной стены, край восточной суфы – на расстоянии 2,38 м от стены южной.

Уровень пола приходится на начало XXXI яруса, что в общем соответствует первоначальному уровню застройки замка.

В нижних частях стен зала сохранился слой саманной штукатурки с ганчевой грунтовкой под роспись. Кроме того, в завале обнаружены фрагменты глиняной штукатурки с росписью по белому фону красной и голубой красками, что свидетельствует о его былом богатом убранстве. Зал горел: стены прокалены докрасна, на полу слой угля толщиной до 0,5 м, по-видимому, от сгоревшего перекрытия. Вероятно, перед пожаром были разрушены боковые стенки прохода.

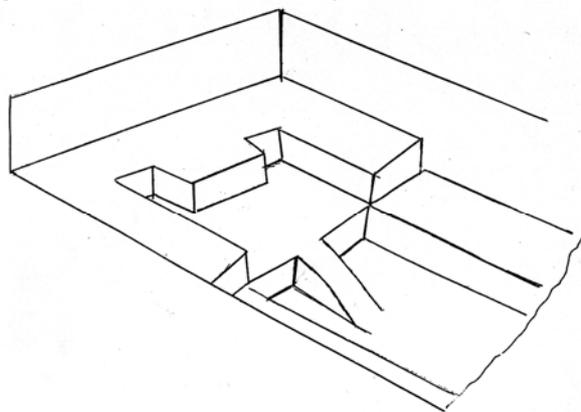

Рис. 3

Хотя площадь зала вскрыта почти полностью, каких-либо следов от баз колонн не было обнаружено. По всей вероятности, он был перекрыт без помощи опорных колонн.

Как показывает стратиграфия изучаемого участка, вскоре после пожара комплекс пытались восстановить. Восточная, сильно прокаленная пожаром стена зала № 6 (первоначальная толщина – 1 м), была усилена пристроенной к ее восточному фасу стеной толщиной 1,1 м, сложенной из кирпича размером 44x26-27 см. Проход в северной торцевой стене кулуара (пом. 8), первоначально имевший ширину 2,35 м, с щеками, прокаленными

предыдущим пожаром, оказался суженным до 1,25 м. На каком-то этапе функционирования его вообще заложили. Боковые стенки прохода из зала в кулуар были отремонтированы путем пристройки сырцовых пилонов толщиной 0,3 и 0,35 м; они были поставлены на слой углей и сузили проход до 1,03 м. Все поверхности пристроек тщательно оштукатурены.

Кулуар (пом. 8) имеет размеры 16x4 м, он вскрыт частично. В его заполнении в южной части выявлены завалы, включавшие беспорядочно лежащие кирпичи, раздавившие хумы, которые располагались вдоль стен. Возможно, что хумы, имеющие следы ганчевой обмазки, располагались на суфе, либо на уровне, располагавшемся выше нижнего пола. По всей вероятности, кулуар, который, согласно типичной и традиционной планировочной схеме, предварял парадный зал, был превращен в хранилище на II этапе обживания, когда сторел, а во дворе были возведены стены второго этапа. На этом участке требуются дополнительные исследования, но можно сослаться на мнение С.Г. Хмельницкого, который, рассматривая планировку небольшого замка Киндыктепа (Южный Согд), отмечал, что не было никакого смысла устраивать хозяйственное помещение перед единственным входом в приемный зал (Хмельницкий, 2000, с. 90).

В кулуаре выявлен упавший свод, перекрывавший его. Кирпичи свода, не потерявшего своей структуры, четко читаются в северной части помещения (рис. 4).

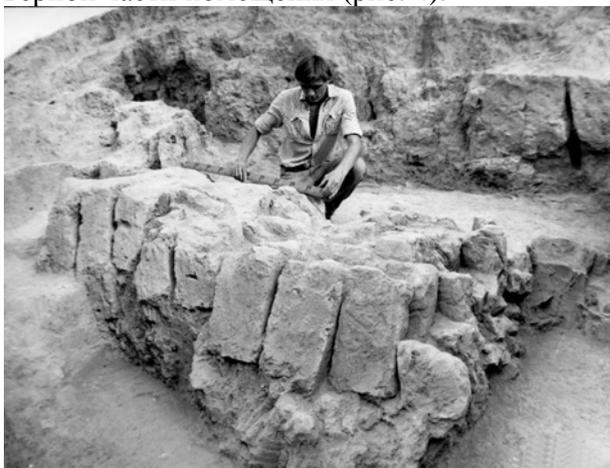

Рис. 4

Между восточной крепостной стеной «двора» и восточной стеной кулуара-

хранилища на небольшом участке зафиксирован коридор шириной 3 м. Вдоль южной стены коридора был сделан небольшой разрез, который позволил обнажить аморфные очертания крепостной стены. Однако структура слоя не позволяет считать, что она также была утолщена «рубашкой», как и западная стена «двора», заполнение носит характер строительного завала.

В юго-западном углу пом. 8 имелся проход, соединявший его с пом. 5 (двором). Уровень пола из него пандусом поднимается у выхода во двор и усыпан мелким гравием. Вход этот был заложен сырцовым кирпичом в один ряд на ширину кирпича. Северная щелка прохода дополнительно обкладывалась сырцовым кирпичом, образовавшим выступ для его сужения. В южной стене кулуара обнаружен проход, выводящий, по-видимому, за пределы здания, шириной 1 м. Стена к западу от прохода частично разрушена ямой, слои которой были прежде отмечены и во дворике.

К востоку от «красного» и к югу от «тронного» залов располагался внутренний дворик размером 10,5x10,5 м (пом. 5). С востока этот двор граничит с кулуаром. Восточная стена «красного» зала со стороны дворика была разрушена до основания, надстроена и утолщена сырцовым кирпичом на 70 см, что дало толщину, равную 1,90 м. С юга двор оконтуривает стена из комбинированной кладки, толщиной около 1,5 м. В восточной части южной стены зафиксирован проход, не имеющий четких граней, шириной 1,10 м. Не исключено, что стена на данном участке частично разрушена поздней ямой.

Шурф, заложенный в северо-восточном углу двора, выявил ниже границы XXX и XXXI ярусов очень плотную лёссовую массу не материкового характера, похожую на уплотненную утрамбованную платформу из лёсса. С уровня начала XXXI яруса зафиксирована подошва пахсовой стены, разделявшей двор и кулуар и имевшей толщину 2,1 м, а также связанный с этой стеной пол I периода функционирования усадьбы, устроенный на упомянутой плотной лёссовой платформе. Видимо, время возведения этой стены близко ко времени постройки западного комплекса и отражает какой-то из промежуточных этапов застройки двора. В отличие от зала № 6, на

полу I периода нет следов пожара, но накопился небольшой слой завала с гумусными линзами. Отсутствие сгоревшего дерева подтверждает то, что перекрытия не было и это действительно открытый двор.

Впоследствии была произведена застройка двора помещениями, толщина стен которых доходит до 0,8 м. Эту застройку мы относим к среднему или II периоду обживания.

III период обживания связан с разделением двора тонкими сырцовыми перегородками на ряд небольших помещений: хозяйственная комната с пристенным очагом в северо-западном углу (пом. 13, пом. 6а и 7а). Юго-восточная часть бывшего двора используется для свалки мусора, содержавшего большое количество керамики (Ильясова, 1997).

В целом, III период обживания здания характеризуется использованием еще стоящих монументальных стен при застройке данной площади небольшими помещениями, возведенными на уровне, лежащем на сырцовом завале в «тронном» зале (№ 14, 15, 16, 17 и др.).

Подобная мелкая перепланировка зафиксирована и в западном комплексе (в зале 4) и за его пределами к югу, что свидетельствует об окончательной гибели первоначальных парадных комплексов и возникновении на их базе небольших помещений, очевидно, рядовых жилищ. Их жилой характер подтверждается наличием ниш-очагов и заполнением.

К северу от пом. 7 вскрыто несколько комнат верхнего периода № 18, 19, 20, 21, 22 (раскопки Л.К. Сергеевой). Здесь вскрытие построек нижнего горизонта пока не осуществлено.

Отметим, что участки, примыкающие к северному и восточному отрезкам оборонительной стены, требуют дальнейшего изучения.

Суммируя данные по раскопу 2, следует выделить три крупных периода жизни. Первые два связаны с полным или частичным функционированием двух парадно-дворцовых комплексов, пострадавших от разрушений, вызванных пожаром и запустением, третий – с жизнью возникших на основе их планировки мелких помещений жилого назначения.

Наличие двух, изолированных друг от друга, парадных комплексов может иметь

различное объяснение. Можно предложить, например, что восточный, более крупный парадный зал с кулуаром строится тогда, когда размеры прежнего комплекса перестают удовлетворять владельца. Или мы имеем здесь парадно-жилой (западный) и парадно-административный (восточный) комплексы. Два изолированных друг от друга комплекса, в одном из которых имеются классической планировки кулуар и парадный зал с суфами и «эстрадой», а в другом представлен частично сохранившийся зал с суфой и «эстрадой», раскопаны на Киндыктепа в Яккабагском районе Кашкадарьинской области. С.Б. Лунина предположила, что эти два комплекса «могли принадлежать лицам, находившимся в родственных отношениях между собой (отцу и сыну, братьям и пр.)» (Лунина, 1984, с. 99-100).

Наиболее примечательная особенность парадного зала восточного комплекса – это двухъярусная система суф. До сих пор подобные ступенчатые структуры были известны по раскопкам дворца в цитадели Пенджикента, где мы видим трехъярусную конструкцию, и в Кала-и Каххаха I (Исаков, 1977, с. 117, рис. 31, 32; Археология, 1999, табл. 17, 2; Воронина, Негматов, 1974, с. 54-55), то есть, в парадных комплексах крупных городских центров Согда и Уструшаны. Открытие на Актепа – памятнике, представляющем собой образец дихканского замка или загородной укрепленной усадьбы – подобной усложненной конструктивной схемы, как нельзя лучше иллюстрирует тенденцию, когда зажиточные горожане, скажем, Пенджикента, копируют в своем жилище дворец правителя, или мелкие феодалы подражают в отделке своих жилищ феодалам крупным (Нильсен, 1966, с. 192; Якубов, 1988, с. 93; Распопова, 1990, с. 192). Отличие в интерьере парадного зала Актепа от упомянутых выше аналогичных дворцовых комплексов в том, что в последних «почетное место» оформлено в виде «тронной ниши», тогда как в нашем случае мы имеем «почетное место» в виде «эстрады».

Следует отметить, что нам пока не удалось довести раскопки памятника до конца. Поэтому остаются не разобранные участки и вопросы, на которые не получены исчерпывающие ответы.

Комплексы парадных помещений, которыми, как оказалось, почти полностью застроен двор Актепа, были синхронны замку II периода. Западный комплекс парадных помещений был построен, по-видимому, раньше; восточный комплекс был пристроен к нему.

Мы планируем посвятить находкам из Р-2 специальную статью, поэтому здесь приведем лишь краткий их перечень.

Каменные орудия.

Жернов (размеры: 36x36x5 см, диаметр отверстия – 5 см). Найден в мусорной яме в юго-восточной части раскопа.

Зернотерка ладьевидной формы (размеры: 45x23x12 см, рабочая поверхность: 30x18 см). Заполнение у "эстрады" в "тронном" зале).

Медь, бронза.

Фрагменты бронзовой чаши. Найденны на уровне пола верхнего строительного горизонта комнаты № 4.

Накладная медная бляшка, полукруглая со срезанной нижней частью и прямоугольной прорезью. Помещение № 9, в заполнении. Аналогичные бляшки в Согде происходят из слоев VIII в. (Распопова, 1980, с. 89, рис. 63, 4).

Медный перстень с щитком. Диаметр 2,2 см, размеры щитка 1,3x0,9 см.

Железные изделия.

Фрагменты ножей с прямой и серповидной формы спинкой, несколько трехлопастных наконечников стрел и гвозди были найдены, в основном, в заполнении помещений верхнего строительного горизонта.

Железный штырь длиной 15,5 см и с прямоугольной в плане шляпкой (1,4x1,0), на котором сохранился кусок обгоревшего дерева, был забит в суфу "тронного" зала, на месте ее стыка с "эстрадой".

При раскопках на Р-2 было найдено 17 медно-бронзовых монет. Однако уверенному определению поддаются лишь четыре из них (определение монет принадлежит Э.В. Ртвеладзе). Это две монеты чачского правителя

Тарнавча (л. с. – кошачий хищник вправо; о. с. – вилообразная тамга), датируемые VII-VIII вв., одна из которых найдена в яме над верхним уровнем пола в пом. 5 (т.е., во дворе восточного комплекса), а вторая – в нише в восточной стене пом. 10, относящегося к третьему, заключительному периоду обживания. Две другие монеты – это монеты тюргешей с квадратным отверстием, датируемые VIII в.; одна из них найдена под верхним уровнем пола в юго-западном углу пом. 6, относящегося к третьему периоду обживания, вторая – в отвале. Таким образом, VIII в. – это верхний хронологический предел обживания Актепа. Комплексы парадных помещений, по-видимому, были построены и функционировали в VII в. и были синхронны второму этапу обживания кёшка (Семенов, 1996, с. 181), а пожары, приведшие к их гибели связаны, вероятно, с событиями VIII в. Это могли быть либо военные действия арабов, против которых чачцы не раз выступали в союзе с согдийцами и тюрками; либо нападение на Чач армии Танского Китая во главе с полководцем Гао Сянчжи в 749 г. (Буряков, 2002, с. 13).

Наши раскопки на Актепа подтвердили выводы исследователей о более сложной структуре сельских усадеб и загородных резиденций (Якубов, 1988, с. 29). У подножия укрепления-кёшка могут располагаться наиболее парадные помещения дворцового характера, предназначенные для торжественных приемов. Это, в свою очередь, соответствует известной градостроительной схеме, когда в крупных городах (Пенджикент, Варахша, Минг-Урюк) дворцы располагались у подножия цитадели (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 40, 42; Зильпер, 1978, с. 167).

В заключение отметим, что полное вскрытие Актепа Юнусабадского является актуальной задачей, стоящей перед исследователями.

Литература

- Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Буряков Ю.Ф. К истории раннесредневекового Чача // *O'zbekiston tarixi*, 2002, № 3, с. 10-20.
- Зильпер Д. Дворцовый комплекс городища Минг-Урюк в Ташкенте // *История и археология Средней Азии. Ашхабад*, 1978, с. 167-172.

- Ильясова С.Р. Раннесредневековая керамика замка Актепа Юнусабадского в Ташкенте // ИМКУ, вып. 28. Самарканд, 1997, с. 117-124.
- Исаков А.И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.
- Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII-XII вв. Ташкент, 1984.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Распопова В.И. Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л., 1990.
- Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V-VIII веков. СПб., 1996.
- Тереножкин А.И. Раскопки холма Ак-тепе близ Ташкента в 1940 г. // Известия Узбекского филиала Академии наук СССР. Ташкент, 1941, № 3, с. 49-59.
- Тереножкин А.И. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.) // Труды Института истории и археологии. Т. 1. Ташкент, 1948, с. 71-132.
- Филанович М.И. Бинкат (Ташкент) и его округа // Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990, с. 100-117.
- Хмельницкий С.Г. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Берлин – Рига, 2000.
- Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (к проблеме становления феодализма). Душанбе, 1988.

Ш.Р. Пидаев

ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕРМЕЗА

Широкий размах археологических исследований на городище Старого Термеза за последние десять лет позволяет пролить свет на многие неведомые страницы истории и культуры этого древнего города. Получен огромный археологический материал, характеризующий различные стороны политической, культурной, экономической и идеологической жизни Термеза в различные исторические периоды. Особенно богато здесь представлен керамический материал. Наличие большого количества керамики позволяет проследить эволюцию многих характерных форм, рассмотреть контакты с соседними историко-культурными регионами и выявить локальные особенности керамического производства Термеза. Среди найденной керамики лучше всего представлена средневековая. Она отличается высоким качеством, изяществом форм, разнообразием ассортимента и декора. Данная статья посвящается одной разновидности керамических изделий средневекового Термеза - осветительным приборам XII - начала XIII в.

Чираги - наиболее частые находки во всех средневековых археологических памятниках. Это и понятно. Они были предметом первой необходимости, без них не могла обойтись ни одна семья. Поэтому спрос на них всегда был очень высок. Первые средневековые чираги просты и сделаны несколько небрежно. В подавляющем большинстве они лепные и преимущественно изготавливались каждой семьей по мере необходимости. Эти чираги представляли собой небольшие плоские. Появление глазури кардинально изменило всю технологию керамического производства, послужило причиной качественного скачка в его развитии. Изменения не обошли стороной и чираги. Производство их выходит за рамки домашних промыслов. Теперь они в основном изготавливаются профессиональными гончарами-кулолами. Они становятся не только предметами утилитарного значения, но и выражением вкусов и запросов своего времени, определенных эстетических взглядов. Параллельно с другими изделиями керамического

производства чираги также подверглись кардинальным изменениям. Мастера-кулолы творчески пересматривали формы чирагов, стараясь делать их более красивыми, отвечающими требованиям времени и вкусу населения. В результате поисков появились новые, более совершенные формы чирагов. Их стали расписывать различными глазурами и богато украшать. Однако кулолы не остановились на достигнутом. Товарность производства требовала от них все новых и новых форм керамики. Был найден очень простой путь решения этого вопроса. Кулолы стали налаживать производство изделий, имитирующих дорогостоящую металлическую посуду.

В этом плане среднеазиатские мастера, в том числе и кулолы Термеза, добились определенных успехов. Керамические изделия, имитирующие металлические, очень быстро получили широкое распространение на рынке. Они стали пользоваться большим успехом среди населения, так как, с одной стороны, отличались высоким качеством, изяществом формы, красочным декором, а с другой, - были значительно дешевле, чем их прототипы, что и сыграло определяющую роль. Они были доступны для широкого круга населения. Их тиражировали в очень большом количестве. Нам представляется, что некоторый упадок, отмеченный в производстве глазурованной керамики в городах Средней Азии XII - начала XIII вв., связан именно с налаживанием выпуска посуды, имитирующей металлическую, повышенный спрос на которую заставил несколько отодвинуть на задний план производство глазурованной керамики: последняя оказалась неконкурентоспособной. К числу керамических изделий, имитирующих металлические, относятся шамдоны и фонусы. Рассматриваемые в данной статье чираги, шамдоны и фонусы были обнаружены во время раскопок хозяйственно-жилого комплекса в юго-восточной части рабада, на каравансарае, в шурфе I на шахристане, в квартале керамистов и в здании рядом с христианским храмом, расположенном за предела-

ми северных обводных стен рабада. Особенно в большом количестве были представлены здесь чираги и шамдоны. Фрагменты их встречались в изобилии и среди подъемного материала.

Известные чираги средневекового Термеза по форме тулова делятся на три типа.

Первый тип включает два варианта. У чирагов первого варианта цилиндрическое тулово с полужакрытым корпусом (рис. 1). В центре поверхности корпуса - круглое отверстие, предназначенное для наливания масла. Отверстие окружалось рельефным желобком. Эти чираги имели вытянутый прямой носик. Симметрично носику располагалась, слегка приподнятая, петлевидная ручка. Как правило, ручки чирагов оформлялись листовидным навершием, которое обычно украшалось различным штампованным орнаментом - преимущественно в виде различных растительных завитков, реже зооморфными изображениями.

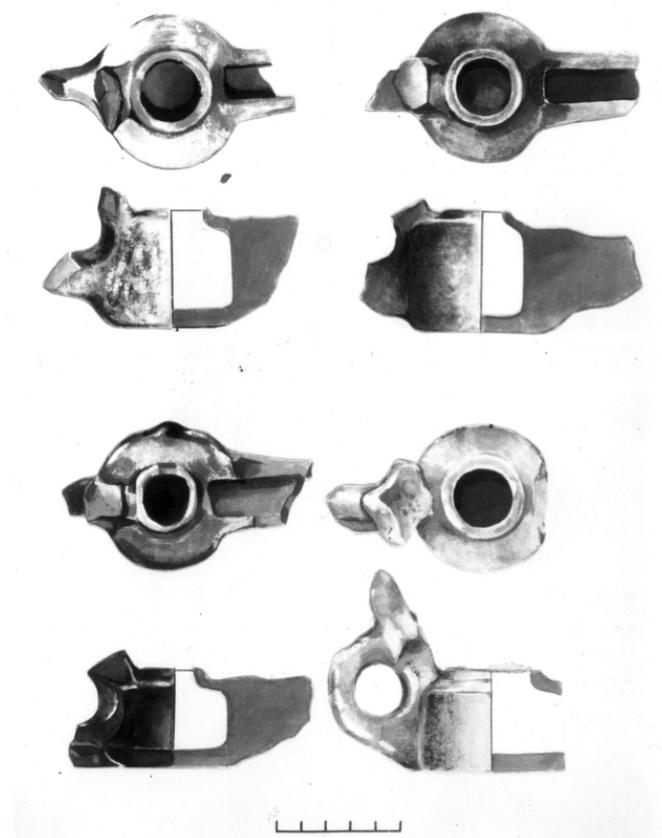

Рис. 1. Чираги 1 типа

Второй вариант отличается от первого лишь поверхностью цилиндрической части корпуса: она граненая, т.е. оформлена канне-

люрами, придающими изделиям определенное изящество (рис. 2).

Рис. 2. Чираг 2 типа

Чираги первого типа, как правило, покрыты сплошь голубой глазурью. Нередко встречается и зеленая глазурь. Носики чирагов сохраняют следы правки ножом, выполненной еще до обжига по сырой глине; на концах носиков - следы черной копоти. Среди чирагов рассматриваемого типа есть один экземпляр, несколько отличающийся от других. Он был найден в квартале керамистов. Его особенность заключается в том, что цилиндрический корпус его сверху не имеет отверстия. Он оформлен в виде выпуклой крышки с керамическим выступом в центре. Тем самым создается впечатление, что корпус чирага сверху закрыт специальной крышкой. Листовидное навершие сохранилось частично (рис. 3).

Рис. 3. Чираг

Среди коллекции чирагов этого типа есть одно листовидное навершие со штампованным изображением голубя, среди стилизованных веток деревьев (рис. 4). Голубь изображен довольно реалистично, все детали

переданы четко. Голова высоко поднята и он как бы шагает. Глаза показаны черной точкой. Навершие было покрыто сплошь зеленой глазурью. Образ голубя очень широко распространен в изобразительном искусстве древней и средневековой Средней Азии. Эта птица считалась священной, так как, по представлениям местного населения, душа человека после его смерти вылетела изо рта в виде голубя (1, с. 59).

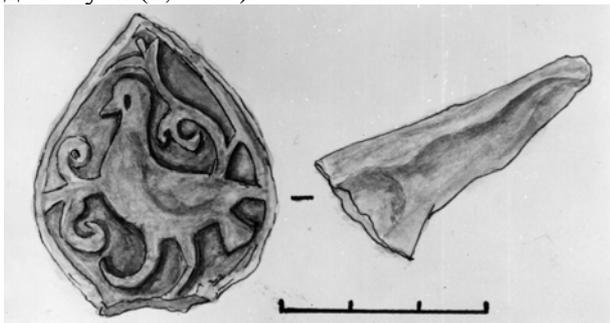

Рис. 4. Листовидное навершие чирага с изображением голубя

Изображение голубя нередко встречается при оформлении наверший чирагов, в частности, они известны среди материалов из Тараза (2, с. 161).

Чираги первого типа наиболее распространены. Они представлены во многих памятниках Средней Азии. Несмотря на толстостенность и грубоватость, они очень парадны. Этот эффект, видимо, получается благодаря изяществу формы. Следует отметить, что в изготовлении этого типа чирагов чувствуется определенная стандартизация: формой и размером они очень близки друг к другу. Не исключено, что они были изготовлены кулолами, которые работали в одной мастерской и специализировались на изготовлении чирагов. Средние параметры: высота цилиндрической части - 4-4,5 см; диаметр - 5,5-6 см; длина носика - 9-9,5 см.

Чираги второго типа представлены в небольшом количестве. Они имеют дискообразную форму с небольшим носиком (рис. 5). Симметрично носику располагалась небольшая петлеобразная ручка, но не редко встречается и без ручек. В большинстве они неглазурованные. Отдельные экземпляры украшены нарезным орнаментом. У чирагов этого типа нет навершия на ручках.

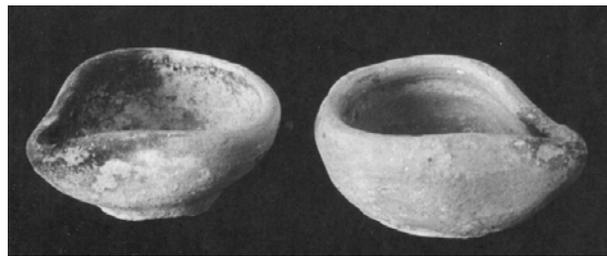

Рис. 5. Чираги 2 типа

Чираги третьего типа представлены единично. Они были найдены на раскопе, заложенном в квартале металлостроителей. Чираги этого типа имеют ладьевидную форму, они толстостенные, крупные и грубоватые. Находки сильно закопчены. Чираги второго и третьего типов в основном встречались в хозяйственных помещениях и в производственных мастерских. Видимо, этим и объясняется их относительно низкое качество. Они имели только утилитарное назначение.

Эти типы чирагов, особенно первый, находят очень близкие аналогии во многих памятниках Средней Азии XI - начала XIII вв. Их объединяет не только форма, но и обработка поверхности и далее технология их изготовления. Например, носики чирагов, идентичных первому типу, во всех памятниках, где они встречены имеют следы подправки ножом. Как правило, они также покрывались голубой, реже зеленой глазурью. Навершия орнаментированы очень похоже: они, как и термезские, украшены стилизованными растительными завитками, геометрическим узором и зооморфными изображениями. В частности, чираги, схожие с термезскими, особенно первого типа, были найдены в Карабулаке в слоях, датируемых XI-XII вв. (3, с. 78, рис. 54-56), в Таразе этого же времени (2, с. 152; 4, с. 217-218), в Чаче (5, с. 63), в ряде других памятников Ташкентского оазиса (6, с. 97). Коллекцию аналогичных чирагов дал Афрасиаб (7, с. 19, табл. XVII-XVIII); есть также на Алтынтепе (8, с.), в Мерве (9, с. 356-358), в Хорезме (10, с. 315). Чираги, близкие к первому типу, известны из раскопок замка Калаи-Боло в Исфаре (11, с. 90, рис. 15, 3-4). Они покрыты зеленой глазурью. Чираги, аналогичные второму типу, встречаются в Балхе (12, pl. VII), в Лашкаре Базаре (13, р. 131-132) и во многих других памятниках. Наряду со сходством, термезские чираги имеют и ряд отличительных черт. В одних

случаях они, возможно, связаны с хронологической разницей, а в других - с локальными особенностями. В частности, в Термезе пока еще единичны чираги на ножках-подставках, многорожковые, которые были широко распространены на Афрасиабе (7, табл. ХЛШ), в Мерве (9, с. 357), Бинкенте (5, табл. 31), Лашкаре Базаре (13, р. 131-132) и в других памятниках. На наш взгляд, это следствие различного "возраста" находок из Термеза и из вышеупомянутых памятников: чираги на ножках-подставках и многорожковые были характерны для X-XI вв. (7, с. 19). В плане художественного оформления они несколько уступают материалам из Мерва, Афрасиаба, Бинкента. Термезские чираги покрыты, как правило, темно-голубой глазурью - возможно, и это связано с временной разницей между сопоставляемыми комплексами. Чираги первого типа находят аналогии в памятниках, расположенных на территории Мавераннахра; в Хорасане они не известны. Для Хорасана более характерны чираги плоскообразной формы. В частности, они широко представлены в Шехр-Исламе (14, с. 222), Мерве (9, с. 356-357) и в Балхе (12 рл. VII). Датируются эти чираги XII - началом XIII вв. Видимо, различия объясняются локальными особенностями. Хорасанская керамическая школа развивалась несколько по иному пути, чем мавераннахрская. Однако чираги второго типа из Термеза более близки по форме к хорасанским, чем к мавераннахрским. Таким образом, мы видим, что термезские чираги в одних случаях более близки к Мавераннахру, а в других - к Хорасану. В этом проявилось своеобразие культуры Северного Тохаристана, находившегося на стыке двух крупнейших историко-культурных регионов Среднего Востока - Хорасана и Мавераннахра.

Среди керамических изделий средневекового Термеза одно из важнейших мест занимают шамдоны - подставки для чирагов. Они представлены более чем 90 экз. К сожалению, подавляющее их большинство найдено в виде фрагментов, однако нередко встречались и целые экземпляры. Такие шамдоны часто находили и на поверхности городища. Шамдоны имеют длинный, слегка суживающийся к венчику полый ствол, который заканчивается небольшой круглой в плане ча-

шечкой полусферической формы, куда ставился чираг. По форме основания шамдоны можно разделить на три типа. Основание первого типа в сечении коническое. Как правило, оно украшалось нарезным орнаментом в виде треугольников и вытянутых овалов. Комбинирование этих двух фигур создавало сложный орнаментальный пояс, внизу обычно он окаймлялся желобками. Нередко встречались такие шамдоны без какого-либо орнамента. Этот тип наиболее многочислен.

Шамдоны второго типа имеют коническое в сечении основание со сложной профилировкой. Один шамдон этого типа был найден целым (рис. 6).

Рис. 6. Керамический шамдон

Основание его украшено нарезным орнаментом в несколько ярусов. На стенках основания - один над другим несколько рельефных желобков. Орнамент вырезан на этих желобках, причем орнаментированные чередовались с гладкими. На самом нижнем желобке были пальцевые зацепы. Средняя часть ствола украшена овальными штампами, верхняя - семью рядами желобков.

Здесь тоже желобки с нарезным орнаментом в виде косых линий, чередуются с гладкими. Ствол слегка расширяется к венчику, образуя полусферическую чашечку с вертикальными стенками.

У шамдонов третьего типа - плоское, полое внутри, основание. Край оформлялся бортиком, основание с лицевой стороны - желобками. Ствол одного шамдона этого типа разделен на три части рельефными желобками, украшенными нарезным зерновидным орнаментом. На верхней части ствола - желобок в несколько рядов. Как правило, на поверхности шамдонов, помимо желобков, бывали пальцевые вдавления, наклепной жгут, нарезной орнамент и штамп. Среди сюжетов штампованного орнамента наиболее часто встречалось изображение стилизованного дерева. Нередки шамдоны, украшенные штампами в виде различных геометрических фигур. Изготовление шамдонов, судя по стратиграфии, в Термезе было налажено не ранее XI в. (в более ранних слоях они пока не найдены), причем появились они здесь уже в новом, конструктивно завершенном виде. Появление керамических шамдонов в Термезе относится к тому времени, когда во всех центрах Средней Азии налаживается производство керамики, имитирующей металлические предметы, употреблявшиеся в быту. Действительно, если сопоставить керамические шамдоны Термеза с известными металлическими шамдонами с территории Средней Азии, мы увидим большое их сходство. Металлические шамдоны состояли из трех составных частей: трипода, ствола и чашечки; по своей форме и конструкции они довольно сложны, изготовить их керамические подобию было очень трудно. Поэтому мастера-кулолы, учитывая пластические свойства глины и технические возможности гончарного производства, при имитации металлических шамдонов стремились к общему сходству, а не к полной идентичности. Особенно трудно было воспроизводить в глине триподы - основания шамдонов: последние обычно имели довольно сложную конструкцию. Тем не менее мастера очень удачно решили этот вопрос. Они передали конструктивную сложность металлических шамдонов путем сложной профилировки стен и разнообразной орнаментации. Ареал керамических шамдонов

не очень велик. Они найдены в Шахр-Исламе (14, с. 38-39), Нисе (15, с. 115), Асадабаде (16, с. 117-118), Мерве (9, с. 357), Балхе (12, р. 35), Нишапуре (17, р. 349, рп. 73, 70) и в некоторых других памятниках Хорасана; известны также на территории Ирана (17, р. 133-134). По общей конструкции эти шамдоны идентичны термезским. Они также имеют устойчивое основание, длинный ствол, который заканчивается раскинутым в сторону бортом. Стенки их также отличались сложной профилировкой в виде валиков и желобков, орнаментировались процарапанными волнистыми и прямыми линиями, треугольниками и округлыми вмятинами. Однако полной идентичности здесь мы не видим. В частности, основания мервских и асадабадских шамдонов имеют плоские донца, а на конической стенке основания чуть выше донца располагается подтреугольное отверстие, вырезанное ножом еще до обжига (9, с. 358, рис. 80; 16, с. 177). По мнению С.Б. Луниной, эти изделия являются фокусами, ими пользовались для защиты чирага от ветра. Она считает, что через подтреугольное отверстие, вырезанное в нижней части основания, вставляли чираг (9, с. 358). Это мнение поддерживает В.Н. Пилипко (16, с. 117). Предположение заманчивое, но трудно с ним согласиться, так как эти отверстия слишком маленькие (до 10 см) и поэтому вставлять и вынимать чираг каждый раз из этого «футляра» было бы очень неудобно. Кроме того, если бы чираг вставлялся внутрь фонауса, то на стенке его должны были бы сохраниться следы копоти. Однако авторы об этом ничего не говорят. Мало того, если чираг помещался в такие фонаусы, то его освещающий эффект резко падал: так как отверстие было очень маленьким, освещалось лишь небольшое пространство, расположенное напротив отверстия. На наш взгляд, эти приборы тоже были шамдонами. Видимо, такое оформление нижней части мервских и асадабадских приборов можно отнести к числу локальных признаков. Возможно, определенную роль в такой конструкции мервских шамдонов сыграла форма юрты кочевников. Модели подобных юрт известны на территории Туркмении еще с V-VII вв. (9, табл. 4, 15), они известны и в средневековом Таразе (4, с. 216, рис. 10, 2). Эти приборы датируются XII-XIII вв.

Термезские шамдоны по своей форме более близки к шамдонам из Шахр-Ислама (13, с. 38-39), Хульбука (21, с. 160) и Балха (12, р. 35). Здесь наблюдается некоторое сходство и в обработке поверхности шамдонов и в характере декора. Вместе с тем следует отметить, что в этих памятниках шамдонов пока не много, в Термезе же, как мы упоминали выше, они обнаружены в очень большом количестве. Различие в формах и количестве находок позволяет предположить, что производство шамдонов в Термезе было налажено самостоятельно, без влияния каких-либо других керамических центров. В пользу этого мнения говорит и разнообразие термезских шамдонов. По-видимому, производство этих изделий как в Термезе, так и в Мерве, было начато одновременно, однако к выбору форм в каждом центре подошли по-своему, но в то же время исходным прототипом в обоих случаях были металлические шамдоны. Судя по количеству находок, нам представляется, что в распространении шамдонов на территории Тохаристана решающую роль сыграл Термез: обилие находок их здесь указывает на то, что они пользовались большим спросом среди широкого круга населения. Характерно, что подобные шамдоны на территории Мавераннахра еще не известны. Они даже не найдены в таких крупных керамических центрах Мавераннахра, как Самарканд, Бинкет, Бухара и Ахсикет. Правда, в Таразе имеется такой шамдон - всего лишь один экземпляр (4, рис. 14, 1).

Двумя экземплярами здесь представлены керамические фонусы. Один из них археологически целый. Диаметр фонуса 27,7 см, высота 29,2 см. Он имел цилиндрическую форму; донце плоское, на тыльной стороне донца сохранились следы песчаной подсыпки. Стенки фонуса были сплошь украшены сложным нарезным орнаментом, расположенным в несколько ярусов. Самый нижний ярус фонуса разделен вертикальными волнистыми линиями на прямоугольники, в каждом из них вписаны три горизонтально расположенные каплевидные насечки. Этот орнаментальный пояс отделен от второго яруса глубоким желобком. Второй ярус украшен сквозным резным орнаментом в виде прямоугольников и треугольников, третий ярус - орнаментом из четырех треугольников, скомбинирован-

ных так, что образуется крест. Следующий ярус сплошь оформлен нарезными сквозными ромбиками и треугольниками. Пятый ярус также состоит из нарезных треугольников, острой стороной обращенных друг к другу. Выше проходит канавка. Самый верх фонуса украшен двойными каплевидными насечками, расположенными в два ряда. Между ними - углубленная полоска. Элементы орнамента всех ярусов органически слиты между собой и образуют единую художественную композицию. Ни один орнаментальный ярус в отдельности не выглядит целостным. Мастерство кулола проявляется именно в умении создать путем комбинирования простейших фигур - треугольников, прямоугольников и ромбиков сложнейший орнаментальный сюжет. На отдельных участках стенки фонуса сохранились следы ремонта. Разбитые участки были скреплены при помощи железных проволок. Второй фонус по форме идентичен первому (рис. 8), но он хуже сохранился. До нас дошла лишь небольшая часть нижней половины фонуса. Диаметр фонуса 26,2 см. Судя по найденным остаткам, этот фонус был оформлен еще богаче, чем первый. В самом нижнем ярусе по кругу были вырезаны прямоугольники с выпуклым верхом, напоминающие маленькие окошки. Под каждым из них вырезан круг, а по сторонам от круга - треугольники. Сквозные прямоугольные окошки окаймлены двумя вертикальными параллельными линиями, образуемая ими полоса заполнена внутри каплевидными насечками. Пространство между этими полосами разделено на два сектора, в каждом секторе вырезаны четыре треугольника, образующие крест. Первый орнаментальный ярус отделен от второго углубленной линией. На втором ярусе вырезаны треугольники; острым углом обращены вверх, другие вниз, они чередуются. Контуры треугольников заполнены каплевидными насечками. Третий ярус, судя по сохранившимся остаткам, был украшен нарезными сквозными треугольниками и ромбиками. Кроме описанных экземпляров, на поверхности городища было найдено несколько фрагментов таких фонусов. Они, видимо, ставились в специальных нишах, сооруженных в стенках помещений, хотя возможно, что их и подвешивали к потолку. Внутри фонуса, по всей вероятности, поме-

щали по два или три чирага. Когда горел свет, через различной формы прорези в стенках фонаса распространялся поток лучей, создавая неопикуемый световой эффект. Такими фокусами, должно быть, пользовались в основном богатые горожане во время пиршеств. Этим, видимо, объясняются их находки в жилых комплексах, принадлежавших зажиточной части населения. Это подтверждается и тем, что они единичны. Надо полагать, что подобные фонасы также имитируют металлические.

Фонасы Термеза пока не находят прямых аналогий на территории Средней Азии. Несколько схожие фонасы были найдены в Нишапуре. Они также имеют нарезной орнамент. Но в отличие от термезских, нишапурские фонасы имели кольцевые ручки для подвешивания. По мнению Н. Вилконсона, подобные фонасы были известны еще в сасанидский период. В частности, они были найдены в Касри Абу Наср (17, р. 307, pl. 52, 53).

Теперь перейдем к датировке вышеописанных осветительных приборов средневекового Термеза. Сопоставительный анализ показывает, что осветительные приборы, аналогичные термезским, в подавляющем своем большинстве датируются XI - началом XIII в. По мнению большинства исследователей, чираги с граненым корпусом и листовидным навершием на петлеобразной ручке получили распространение с XI в. (5, с. 63; 2, с. 78; 4, с. 217-218; 7, с. 19). Такую же датировку можно предположить и для термезских приборов. Для более точного определения возраста термезских находок мы обратимся к их стратиграфии. Как уже отмечалось выше, основная часть рассматриваемых приборов была обнаружена при раскопках каравансарая и в квартале керамистов. Оба эти объекта довольно точно датируются монетными находками. В частности, на каравансарая зафиксировано два строительных горизонта. Нижний, на основании монетных находок, датируется первой половиной XII в. Этот горизонт дал шесть сельджукидских монет. Верхний строительный горизонт на том же основании датируется второй половиной XII - началом XIII в. Здесь были найдены монеты караханидских правителей Тафгач-хана (1195-1196 гг.), Арсланхана (конец XII - начало XIII в.), Килич Тафгач-хана (1173-1174 гг.), Ибрагим

б. Хусайна (1202-1203 гг.) и других.¹ В квартале керамистов также были обнаружены монеты караханидских правителей и хорезмшаха Мухаммеда. Следовательно, все рассмотренные выше осветительные приборы могут быть датированы XII - началом XIII в. Здесь следует отметить, что сопоставление чирагов первого и второго строительных горизонтов каравансарая указывает на отдельные отличительные признаки. Чираги нижнего горизонта имеют, как правило, цилиндрическое тулово с гладкой поверхностью, а чираги верхнего горизонта - преимущественно граненую поверхность. Это позволяет несколько уточнить время их появления на территории Мавераннахра. Надо полагать, что они здесь появились не в XI в., как ранее считали, а в XII в. К сожалению, в отношении шамдонов таких особенностей нам не удалось выявить.

Сопоставительный анализ термезских осветительных приборов и материалов из памятников Мавераннахра и Хорасана показывает ряд различий. О некоторых из них мы уже говорили выше. В одних случаях они связаны с хронологической разницей, в других - с локальными особенностями. Здесь мы хотим кратко остановиться на другом аспекте этого же вопроса. Материальная культура Термеза, судя по найденным материалам, впитала в себя влияние как хорасанской, так и мавераннахрской керамической школы. Однако соотношение воздействия той и другой в различные периоды было разным: превалировало влияние то хорасанской, то мавераннахрской.

В данном случае решающую роль в этом процессе играли, видимо, политические обстоятельства. Когда Термез входил в состав государства великих Сельджукидов, здесь усиливалось влияние Хорасана. Этому способствовала политическая общность, которая благоприятствовала культурным и торговым контактам между городами политического объединения. Известно, что после падения государства великих Сельджуков вся территория Северного Тохаристана, включая Термез, в основном была во власти Караханидов. В этот период здесь усилилось влияние материальной культуры Мавераннахра, были на-

¹ Монеты определены Б.Д. Кочневым.

лажены теснейшие культурные и торговые контакты с его городами. Весь этот сложный исторический процесс отразился даже в производстве осветительных приборов. Примером могут служить, во-первых, керамические шамдоны, которые распространены на территории Хорасана и отсутствуют в Мавераннахре; во-вторых, чираги с цилиндрическим туловом, украшенные канелюрами и с длинным вытянутым носиком, широко представленные в городах Мавераннахра и единичные в Хорасане. В Термезе и те и другие получили широкое распространение. Таким образом, Северный Тохаристан, в частности Термез, стал ареной взаимодействия и взаимообогащения двух культурных традиций - хорасанской и мавераннахрской. В результате здесь сложилась своеобразная культура, имеющая, при многих различиях, много общих черт как с хорасанской, так и мавераннахрской культурами. Не исключено, что в будущем нам удастся выделить подобные отличительные и общие черты на примере других предметов материальной культуры.

В заключение отметим, что рассмотренные нами осветительные приборы характери-

зуют высоким уровнем развития ремесленно-го производства в Термезе в XII - начале XIII в. В этот период резко увеличивается ассортимент производимой продукции. Гончары-кулолы налаживают производство ряда изделий из керамики, имитирующих металлические. Кулолы Термеза в этот период поднялись на высокую ступень профессионального искусства. Это воплотилось далее в таких предметах повседневного пользования, как осветительные приборы. Они стали намного разнообразнее и красивее. Все это указывает на высокую материальную и духовную культуру населения Термеза. Кулолы очень чутко реагировали на эстетические вкусы, запросы, потребности населения, учитывая спрос рынка на те или иные виды посуды. Ценность термезских осветительных приборов заключается еще и в том, что они позволяют более точно датировать многие аналогичные приборы, хранящиеся в музейных коллекциях, подъемные материалы и культурные слои, так как в настоящее время именно этот тип изделий наиболее четко датируются.

Литература:

1. Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.
2. Сенигова Т.М. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
3. Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974.
4. Сенигова Т.М. Осветительные приборы Тараза и их связи с культом огня // СА, № 1, М., 1968.
5. Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. Ташкент, 1986.
6. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
7. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
8. Столярова Н.П. Средневековая керамика Кашкадарьинского оазиса IX-начала XIII вв. Автор. дис. канд. ист. наук. Ташкент, 1985.
9. Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X - начала XIII веков // ТЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962.
10. Вактурская Н.Н. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // ТХАЭЭ, т. IV, М., 1959.
11. Давидович Е.А. Раскопки замка Калаи-Боло // ТТАЭ, т. III, МИА, № 66. М.-Л., 1958.
12. Gardin J.C. Ceramiques de Bactres, MDFA t. XI, Paris, 1957.
13. Gardin J.C. Ceramiques et Monnaie de Lashkary. Bazar et de Bust, MDAFA t. XVIII, Paris, 1953.
14. Атагарриев Е. Материальная культура Шахр Ислама. Ашхабад, 1979.
15. Крашенинникова Н.И. Раскопки средневекового здания в северном комплексе Старой Нисы // Археология Средней Азии, вып. 6. Труды ТашГУ, вып. 20. Ташкент, 1969.
16. Пилипко В.Н. Керамика Асабада (Лаукара) // Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, 1974.
17. Wilkinson H. Nishapur: Pottery of the Early islamic period. New-York, 1984.
18. Rozen-Ayalon M. La poterie islamique. Memoires Delegation Archeologique en Iran, t. 50. Paris, 1974.
19. Ершов С.А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе Байрам Али // Труды ИИАЭ, АН Туркм.ССР, № 5, Ашхабад, 1959.
20. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.

А. Раимкулов

О ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ ТИПАХ ХРИСТИАНСКИХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В долине Нарбексай Ахангаранского района Ташкентской области Узбекистана, имеется небольшой бугор - лёссовый холм с искусственными пещерами. Местное население это место называют Кархана, т.е. мастерская (Массон, 1953, с. 100-103) (рис. 1). Сама долина Нарбексай находится в 6 км к югу от столичного города средневекового Илака-Тункета.

В 30-е годы Кархана обследовалась М.Е. Массоном, который снял план искусственных пещер. По его данным Кархана является археологическим памятником, толщина куль-

ние нескольких столетий, достигает 6 м. Время возникновения пещерного комплекса Кархана пока не уточнено. В начале 90-х годов небольшие раскопочные работы велись на вершине холма. Кроме того, были вычищены некоторые пещерные помещения (Шаповалова, Ростовцев, Аскар, 1994). Судя по керамике, самые ранние слои относятся к раннему средневековью и, по всей вероятности, тогда же ядро этого сооружения окончательно сложилось как единый архитектурный комплекс. По мнению М.Е. Массона, пещерный комплекс формировался в течение длительно-

го времени.

М.Е. Массон по поводу функционального назначения памятника высказал следующее: «... в Карханае мы имеем одно из помещений, где происходили собрания секты «иштан содды», якобы унаследованной от прежних «чираг кушей» (гасителей светильников) некоторые половые излишества на своих религиозных собраниях». Но, что представляла Кархана, как единый, крупный пещерный комплекс, то об этом М.Е. Массон ничего не сообщает.

В долине Нарбексай имеются еще несколько археологических памятников (Шаповалова, Ростовцев, Аскар, 1994), что свидетельствует о достаточности «строительного» сырья для постройки каких-либо зданий. Однако,

несмотря на это возведение целого комплекса искусственных пещер, требующего

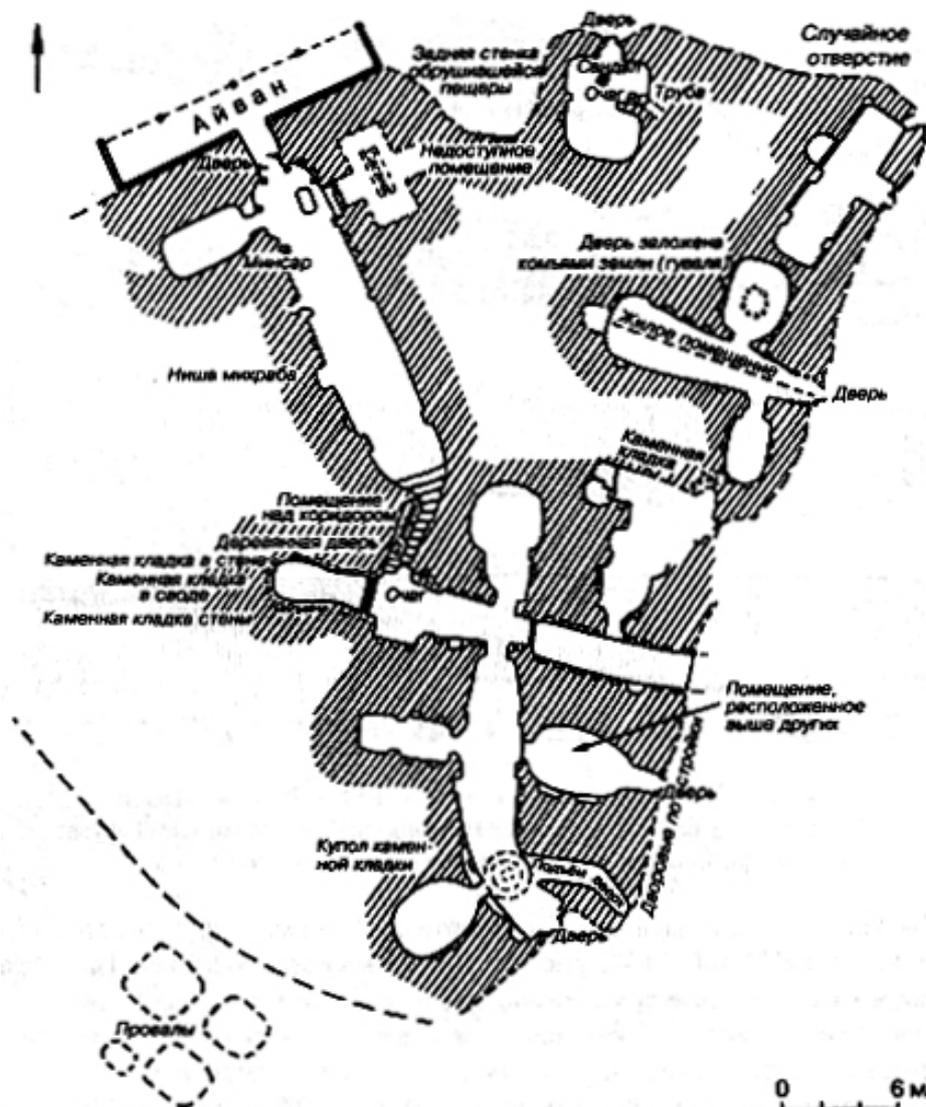

Рис. 1

турных слоев которого, сложившихся в тече-

ния комплекса искусственных пещер, требующего

колоссального человеческого труда, показывает, что данное сооружение имело особое значение в жизни древних жителей этой долины.

В 30-е годы, во время посещения М.Е. Массоном памятника, большой зал Карханы использовался как пятничная мечеть. Главный вход находился с северной стороны и проходил от айвана, длина которого составляла почти 14 м, в главный зал. Главный зал представляет собой просторный сводчатый коридор длиной 17 м, шириной 4 м. В юго-западной стене устроена михрабная ниша.

Предложенная М.Е. Массоном интерпретация Карханы вызывает некоторые возражения. Во-первых, местные жители отрицали предположение М.Е. Массона о существовании вышеуказанной секты, во-вторых, если Кархана являлась бы местопребыванием представителей подобных сект, то это обязательно осталось бы в памяти народа и данное место, как нечистое, никогда не было бы использовано под строительство священного сооружения - мечети.

На вопрос, что представляла собой Кархана, видимо, может ответить сама планировка пещерного комплекса. Почти все пещерные помещения крестообразные в плане и это наводит на мысль о принадлежности данного комплекса древним христианам, точнее несторианам. Кроме того, его ранние культурные слои относятся к раннему средневековью и этим же периодом датируются некоторые памятники Нарбексая. По времени это совпадает с появлением христианства в Средней Азии. Для примера мы можем сопоставить планировку Кархана с планировкой другого пещерного комплекса - Каратепа (буддийского - Р.А.) (Ставиский, 1990, с. 6-13). Хотя данные памятники являются пещерными, однако их планировка различная и это тоже не случайно.

При обследовании Карханы материалы, связанные с христианской религией, не обнаружены. Видимо, в течение нескольких столетий (возможно, и более тысячи лет), во время вторичного его использования, все признаки христианства постепенно исчезли или, возможно, уничтожались. Подобные случаи много раз отмечали исследователи, обследовавшие христианские церкви и монастыри.

На территории Средней Азии в разные годы раскопан ряд уникальных христианских культовых сооружений: церковь Хароба Ко-

шук (VII-VIII вв.) (Пугаченкова, 1954, с. 15-19); христианский монастырь «Овальный дом» (VII-VIII вв.) (Дресвянская, 1974, с. 155-181) в Мерве; храм Коштепа в Ургуте Самаркандской области (Исхаков, Ташходжаев, Ходжайов, 1977, с. 88-97); церковь на территории Старого Термеза (X-XII вв.) (Альбаум, 1995, с. 34-41); церковь на городище Ак-Бешим (VII-VIII вв.) (Кызласов, 1959, с. 231-233) и церковь-монастырь Таш Рабат (IX-XI вв.) (Пантусов, 1902, с. 15-23).

В процессе исследований христианских памятников выяснилось, что древние христиане строили не только наземные сооружения, но и подземные церкви, храмы и монастыри. Подземный пещерный монастырь обнаружен недалеко от деревни Айвадж в Шарартузском районе Южного Таджикистана (Атаханов, Хмельницкий, 1973, с. 187-204) (рис. 2).

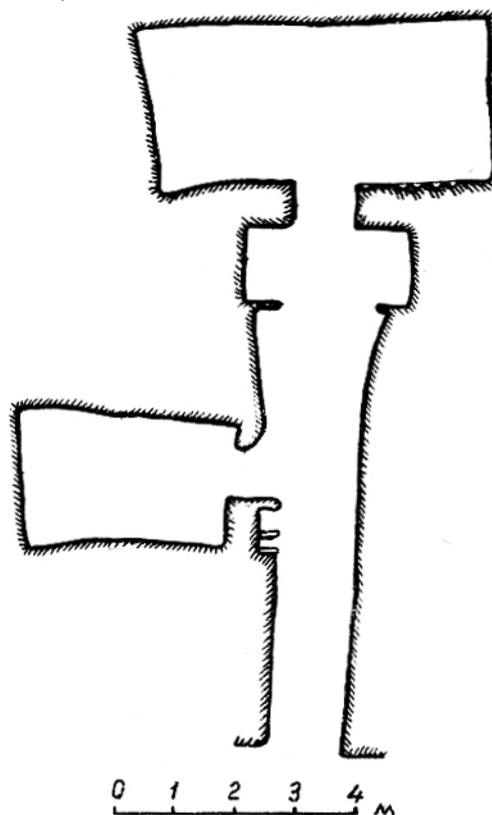

Рис. 2

В Персидском заливе на острове Карк в 30-е годы археологической миссией во главе с Э. Херцфельдом были раскопаны полуподземные и подземные несторианские церковь и монастырь (Herzfeld, 1935, р. 1-16). Полуподземный храм-монастырь раскопан нами в поселке Шайхали близ города Карши в Кашкадарьинской области, примерно около 1,5 км от сто-

личного города Южного Согда - Нахшаба (На сафа). Храм-монастырь существовал во второй половине VI - в начале VII в. (Раимкулов, 1997, с. 110-116; 1999а, с. 54-57; 1999 б, с. 92-93) (рис. 3).

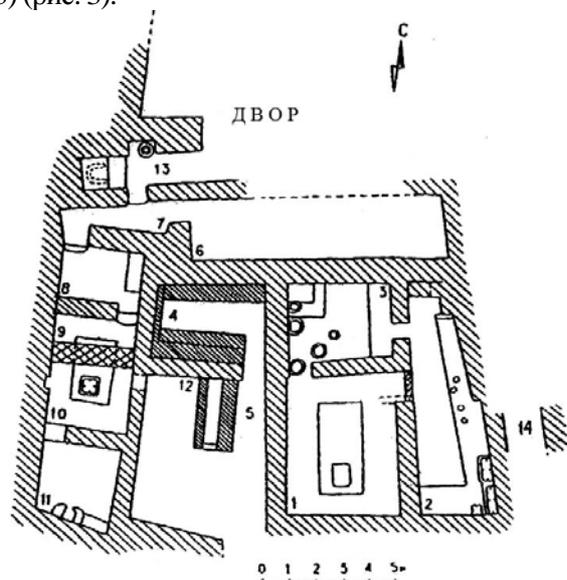

Рис. 3.

При сопоставлении планировок и других признаков храма-монастыря Кошттепа, пещерного монастыря Айвадж и Карханы выявлены многочисленные аналогичные элементы. В описании Карханы М.Е. Массон пишет: «Из большого зала мечети десять широких и до неудобства высоких, постепенно сужающихся ступеней выводят в верхний ярус помещений, проход в который изолируется навешенной в конце лестницы деревянной дверью» (Массон, 1953, с. 101). От этой двери вели входы в другие помещения, их насчитывается около десяти, вместе с коридорами, которые, судя по высоте в 35-40 см каждой ступени, находились на 3,5-4 м выше большого зала.

По нашему мнению, айван, расположенный в северной стороне большого зала, видимо, появился позже, когда Кархана превратилась в мечеть. Большой зал, по всей вероятности, являлся святилищем комплекса. Сначала вход находился с юга и в большой зал верующие спускались по вышеупомянутым ступенькам. Эти ступеньки, как писал М.Е. Массон, не суживались кверху, а наоборот, расширялись книзу. Южную и юго-восточную стороны Карханы занимает двор. Его существование еще раз свидетельствует о том, что главный вход комплекса находился

со стороны двора.

Расположено святилище отдельно от остальных помещений, что показательно и для Кошттепа в Карши. Такое местоположение храма является одной из характерных особенностей христианских культовых сооружений Средней Азии. В храм-монастыре Кошттепа уровень пола каждого следующего помещения глубже на 50 см от пола предыдущего. Таким образом, пол святилища оказался на 2 м глубже, чем пол входного коридора. Интересно, что в Кошттепа, при входе в святилище, на правой стороне находился очаг. В Кархана, рядом с южным входом, на правой стороне тоже имеется очаг.

Подземные сооружения обнаружены еще в 40-е годы С.К. Кабановым при раскопках цитадели городища Каджарттепа близ г. Карши. В шурфе на глубине 6 м от поверхности холма были открыты части двух помещений, разделенные стенкой. По описанию С.К. Кабанова, подземные камеры, вырубленные в плотном лёссе стилобата, имели арочные перекрытия и очень рыхлое песчанистое заполнение (Кабанов, 1977, с. 14-15). Отмечая ряд аналогичных элементов (например, искусственное заполнение культовых помещений рыхлым песчанистым грунтом, характер стен и кладок и т.д.), в храм Кошттепа мы интерпретировали эти два подземных помещения, как часть небольшого христианского подземного культового комплекса (Раимкулов, 1997, с. 110-116). Кстати, С.К. Кабанов функциональное назначение этих помещений не рассматривал (рис. 4).

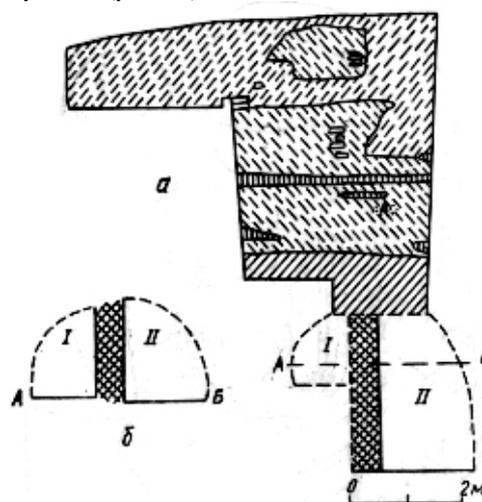

Рис. 4.

Подземные сооружения также были обнаружены при строительных работах на Регистане в Самарканде. Здесь на глубине 4,5-5,5

м зафиксировано несколько прямоугольных сооружений из жженого кирпича, внутри которых имелись человеческие кости. Около одного из останков найден крестообразный инвентарь, сделанный из металла. Рядом с этим сооружением вычищено одно помещение, на полу которого из майоликовых жженных кирпичей был выстлан крест. По мнению авторов раскопа, эти сооружения являлись погребениями и частью церкви христиан несторианского толка. Они датируются IX-XIII вв. (Бурякова, Буряков, 1973, с. 209-210).

Недавно нами была обследована небольшая часть крупного пещерного комплекса на западной окраине городища Афрасиаб (рис. 5).

Рис. 5.

Пещерный комплекс находился под крепостными стенами городища и ориентирован по направлению С-Ю. Пещеры вырублены в естественном лёссе, под культурными наслоениями городища, на глубине примерно около 10 м от современной поверхности и в 5-6 м выше от русла бывшего рва. Комплекс состоит из десятков узких, вытянутых помещений, расположенных параллельно в коридорно-гребенчатом порядке. Помещения имеют длину до 16-19 м, ширину от 0,7-2,5 м. Длина пещерного комплекса достигает более 80 м, а общая длина пещерных помещений и коридоров составляет несколько сот метров.

Комплекс двухчастный. Южная часть его более «парадная». Подземные помещения расположены с двух сторон от центрального коридора. Коридор шириной более 1 м начинается от самого большого помещения комплекса, продолжается на юг и кончается поперечно расположенным помещением. В западной части от коридора имеются четыре помещения, расположенные в виде гребня, а в восточной части – их два. Все четыре западных помещения в древности были засы-

паны очень рыхлым грунтом, поэтому их размеры в данный момент определить сложно. Восточные помещения длиной 5-8 м, шириной 1,5-2 м и коридор заполнены рыхлым грунтом толщиной 40-50 см. Толщина грунта в конечном поперечном помещении составляет более 1 м. Стены и потолки коридора и помещений покрыты тонкой сажей.

Северная часть комплекса имеет несколько иную планировку. Здесь помещения расположены тоже в виде гребня, однако они не имеют соединяющего коридора. В отличие от помещений южного комплекса они почти в два раза длиннее - 16-19 м, при ширине от 0,7 до 2,5 м и соединены между собой узкими искривленными подземными ходами шириной 60-80 см, которые проходили по их середине. И тут западная часть некоторых помещений была специально засыпана до потолка рыхлым грунтом.

Время появления пещерного комплекса пока не уточнено, поскольку археологические раскопки здесь не проводились. Во время разведочных работ встречалась керамика VIII-IX - XIII-XIV вв. Видимо, керамические фрагменты, относящиеся к монгольскому времени, сюда попали во время засыпки и пещерный комплекс появился после разрушения крепостных стен Афрасиаба, т.е. во время монгольского владычества. Поскольку в монгольском периоде происходила активизация христианской религии на территории Средней Азии, то, скорее всего, в это время, т.е. во второй четверти XIII в., в Самарканде и была построена церковь. Видимо, пещерные помещения с момента постройки существовали в течение одного века. На последнем этапе функционирования многие из них (в основном культовые помещения) были заполнены рыхлым грунтом. Очевидно, данный комплекс являлся крупным пещерным монастырем древних несториан Самарканда (Раимкулов, 1999 б, с. 92-93). Во время существования этого пещерного комплекса Самарканд, как город, функционировал к югу от Афрасиаба и значит этот комплекс, как все христианские монастыри, находился вне города.

Очень ценным является сообщение В.А. Обручева «патриарха» советской геологии о подземных пещерах Южной Туркмении. В 1886 г. им был осмотрен крупный пещерный комплекс, достаточно полно описанный в его дневниках. В.А. Обручев пишет: «... Более

интересны были пещеры, расположенные возле Пендинского оазиса, на склоне правого берега Мургаба выше устья Кушки, довольно высоко над уровнем реки. ... оказалось, что пещеры эти не естественные, а искусственные, вырытые человеком в мягкой песчанисто-глинистой породе, из которой состоит весь склон (...). Через отверстие мы вошли в длинный коридор, уходивший вглубь склона; в обе стороны от него открывались дверные отверстия ряда отдельных комнат. Коридор имел 40 м в длину и от 2 до 3 м в ширину и высоты; такую же ширину и высоту имели комнаты, которые не сообщались друг с другом, а имели выход только в коридор (...). Из некоторых комнат вела еще лестница, в такую же комнату второго этажа.

Вся эта многокомнатная пещера была высечена в мягкой, но достаточно устойчивой желтой породе и сохранилась прекрасно; потолки были сводчатые, стены и двери кое-где с незатейливыми украшениями и нишами; последние большей частью были закопчены, следовательно, в них ставили светильники. Одна из комнат, очевидно, служила местом молитвы; задняя часть была отделена от передней невысоким барьером под арками. У входа в эту комнату в породе были высечены грубые изображения рук и подобие креста.

Вторая пещера, расположенная ниже по склону, представляла только одну небольшую комнату, разделенную барьером на две части; в задней, в глубине, был выступ подобно алтарю с двумя ступенями. Третья пещера состояла из трех комнат, наполовину засыпанных. Устья остальных двух пещер против Тахта-базара и двух выше по Мургабу были видны в отвесном обрыве над рекой, так что забраться в них можно только спустившись сверху на канате. Они, очевидно, были того же типа, что и осмотренные.

Эти подземные жилища, конечно, не были вырыты туркменами. Знаки креста и формы некоторых комнат указывали на то, что в них обитали какие-то христиане, может быть первых веков христианства. Современные туркмены не пользовались пещерами даже зимой, хотя в морозы в них гораздо теплее, чем в кибитке (Обручев, 1986, с. 26-27). До сих пор это сообщение оставалось вне поля зрения исследователей христианской религии Средней Азии. Позже эти пещеры были обследованы археологами Туркмении и был снят план памятника (рис. 6). Однако его ин-

терпретация не рассматривалась, скорее всего потому, что во время обследования, некоторые, отмеченные В.А. Обручевым, характерные черты, как изображение креста и т.д., не сохранились до наших дней. Кроме того, исследователи, видимо, не были ознакомлены с дневниками В.А. Обручева.

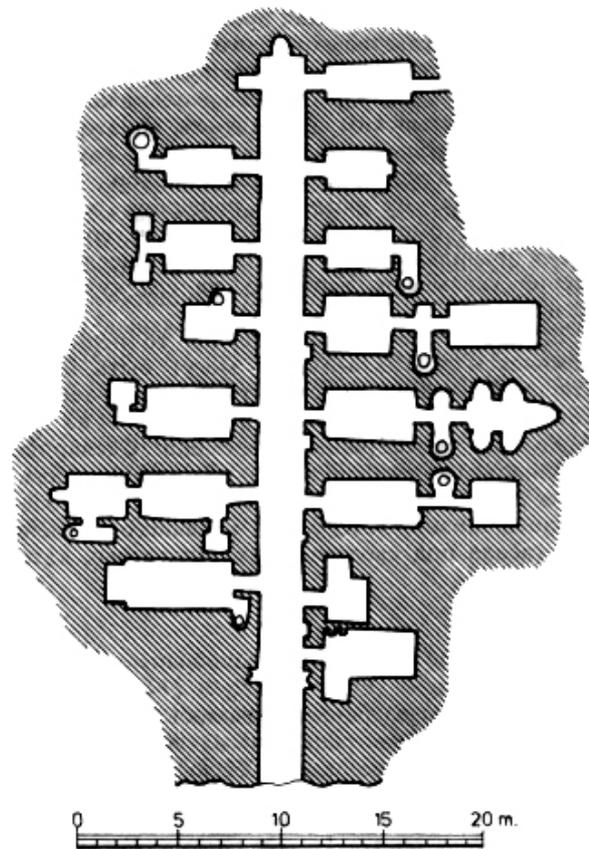

Рис. 6

На территории Средней Азии во время археологических раскопок встречались и другие виды подземных сооружений, но их функциональное назначение в некоторых случаях осталось открытым. На Афрасиабе в 60-е годы прошлого столетия раскопано однокомнатное подземное сооружение, которое было специально засыпано рыхлым грунтом в древности. Оно датировано IX в. н.э. (Джурракулов, Крикис, 1969, с. 313). На этом же городище в раскопе 31, с остатками одного домовладения, найдено подвальное помещение, в котором обнаружены терракотовый очаг со штампованным орнаментом, в виде стилизованного несторианского креста и миниатюрные медицинские сосуды - реторта и аламбик. Домовладение датировано IX-X вв. (Гулямов, Бураков, 1969, с. 277-278).

Подземное подвальное помещение найдено на вершине двухъярусного памятника Куль-

тепа около города Карши. Оно находилось под раннесредневековым замком и имело крестообразную планировку. Пол его был на 1,8 м ниже пола замка. Комплекс существовал в VI-VII вв. н.э. (Алимов, 1969, с. 106-108).

В III шахристане городища Узгенда в Кыргызстане также обнаружена небольшая подземная искусственная пещера. По предположению А.Н. Бернштама, она, возможно, являлась кельей буддийских монахов и функционировала до тимуридского времени (Бернштам, 1952, с. 256). Однако ярко выраженная здесь крестообразная планировка свидетельствует о ее принадлежности к древним христианам (рис. 7).

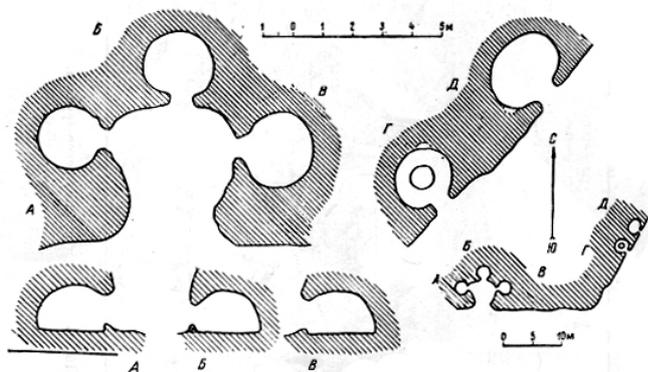

Рис. 7

О существовании подземных сооружений на территории Средней Азии свидетельствуют не только археологические, но и письменные источники. Как сообщает В.Л. Вяткин, в «Малой Кандии» говорится о подземных катакомбах в Самарканде, использовавшихся в качестве святилища (Вяткин, 1906, с. 206).

На территории восточного Средиземноморья, где зарождалось христианство, различные по назначению подземные сооружения были известны задолго до появления этой религии. Впоследствии эта архитектурная традиция постепенно стала одной из характерных особенностей христианской культовой архитектуры.

Таким образом, подземные сооружения появлялись в тех местах, где распространялось христианство, вплоть до Дальнего Востока и Китая. В «Истории Мар Ябалахи и Раббан Саумы» имеются следующие данные: «В Ханбалыке (современный Пекин - Р.А.) жил один христианский клерик, несторианин, по имени Шебан, в семье которого родился сын, названный Саумой. Он получил образование, так как его «поручили достойному учителю», он «усердно обучался церковным наукам»,

стал монахом. Затем он ушел из города и поселился на расстоянии «пути одного дня» в пещере, около которой был источник воды (Пигулевская, 1956, с. 97-98).

В произведении Иоанна Мосха «Луга духовного» тоже упоминаются пещеры. «Во время императора Маврикия, когда ... «Наман, философ сарацин, совершал ограбления», некий монах старец Николай видел, как три араба схватили одного, редкой красоты, юношу-пленника, который стал со слезами умолять старца освободить его. Но арабы не соглашались ни заменить монахом юношу, ни взять за него выкуп, мотивируя свой отказ тем, что они обещали привести кого-нибудь из плена для жертвоприношения. Внезапное «бешенство» арабов, бросившихся друг на друга, освободило юношу, которого авва Николай взял в свою пещеру» (Пигулевская, 1964, с. 263-264).

С середины II в. н.э. началась установка христианского алтаря в Ватиканских криптах (подземных катакомбах - Р.А.) (Ленцман, 1960, с. 48). В Риме катакомба Каллиста в III в. представляла собой целое кладбище и использовалась христианами во время преследований и гонений. На стенах катакомб были изображения рыб, агнцев, так называемого Доброго Пастыря, причащения, исповеди, библейские сюжеты и т.д. (Mancinelli, 1999; Ленцман, 1960, с. 51).

В 431 г. на Эфесском и в 451 г. на Халкедонском соборах происходит раскол восточной Сирийской церкви (несторианской) и константинопольской православной. Обвиняемые в ереси несториане подвергались гонениям и они переселились на восток, где нашли приют в Нисибине, являвшимся одним из древних культурных центров Сирии и находящимся в это время под властью Сасанидов. С помощью военных сил Сасанидов несториане стали преследовать христиан других толков и постепенно обосновали иранскую церковь.

В 484 г. иранская церковь официально объявила о своем отделении от константинопольской церкви и приняла несторианство как свое главное вероисповедание.

В Сасанидском Иране положение несториан было неустойчивым. Если в царствование одного шаханшаха их права приравнивались с правами других граждан, то во время другого правителя их преследовали и подвергали гонениям. Несмотря на периодиче-

ские гонения, они имели большое влияние в государственном аппарате.

Среди несториан было очень много государственных деятелей, дипломатов, ученых, врачей, юристов, теологов, философов и специалистов в различных отраслях техники. Несторианские купцы активно действовали в международной торговле по Великому шелковому пути. По этому пути за ними шли миссионеры и проповедники, которые распространяли свою религию на огромной территории Центральной Азии, Китая и Дальнего Востока. Во время гонений в Сасанидском Иране несториане большими группами-общинами переселялись на восток. Такие группы иногда составляли до нескольких сот человек. Таким образом, в Средней Азии, в Восточном Туркестане, в Китае и на Дальнем Востоке появились христианские диаспоры-селения и кварталы в городах этих регионов.

Арабский путешественник Абул Касым ибн Хаукаль в X в. на юге Самарканда, в горной местности Шавдар встретил иракских христиан. Их селение называлось Вазкард, где имелись церковь, монастырь и кельи (Ibn Nauqal, 1964, p. 478; Беттер, 1957, с. 18). А на западной границе средневековой области Чач существовало христианское селение Винкард. Об этом упоминали Ибн Хаукаль и ал-Истахри (Ibn Nauqal, 1964, p. 485; Бартольд, 1964, с. 279).

В письменных источниках имеется очень много сведений о знаменитых людях, которые выходили из среды христиан. В VIII-IX вв. в Мерве жил Али ибн Сахл Раббаи. По словам арабского ученого XII в. ал-Кинди, Али ибн Сахл Раббаи был крупным философом, знатоком математики и геометрии. Он знал несколько языков, переводил с греческого «Алмагест» Птолемея и другие произведения греческих ученых. Кроме того, он написал десятки книг по среднеазиатской, византийской, ближневосточной и греческой медицине. Поэтому современники называли его «раббаи» - наставником, учителем. Другой учитель-несторианин ибн Маса тоже жил в Мерве. Он был крупным фармакологом и ботаником. Его произведениями широко пользовался и ал-Бируни (Булгаков, Вахабова, 1978, с. 45-47).

Одновременно с Ибн Сина (в Европе Авиценна- Р.А.) в Гургандже жил знаменитый ученый и врач Абу Сахл ибн Яхья ал-Масихи (в Средней Азии христиан называли «маси-

хи», «тарсаён», «насрани», «носаро» и т.д. - Р.А.). Этого ученого-несторианина Ибн Сина считал своим учителем. Когда Махмуд Газневи после завоевания Хорезма отправлял хорезмских ученых в Газну, Ибн Сина и Ал-Масихи отказались от этого и убежали из Гурганджа (Ахмедов, 1994, 49-50б.). По данным другого ученого аль-Байхаки, аль-Масихи, несмотря на свое вероисповедание, не посещал церковь и совершал богослужение у себя дома. Он умер от болезни, когда покинул Хорезм, по дороге в Каракумы (Багирова, 1987, с. 64).

Христианские ученые перевели с греческого на сирийский язык сотни произведений античных греческих авторов по естественным наукам, философии, медицине и играли очень большую роль в формировании и развитии средневековой восточной философии, медицины и естествознания. В VI в. в египетской Александрии жил и работал знаменитый ученый-энциклопедист Сергей Решайнский. Он перевел с греческого на сирийский язык «Свод Галена», состоящий из 26 книг, который являлся основным медицинским пособием Александрийской академии. Сергей Решайнский написал трактат по логике под названием «Сочинение архиатроса Сергея Решайнского о категориях Аристотеля». Трактат разделен на семь книг и адресован в Мерв с рядом других произведений его другу Федору Мервскому (Пигулевская, 1979, с. 155). В Мерве жила большая община сирийских христиан. Об этом свидетельствуют и археологические материалы, поскольку на территории этого города и в его окрестностях открыты христианская церковь Хароба-Кошук (Пугаченкова, 1954), христианский монастырь „Овальный дом„ (Дресвянская, 1974), христианские городские кладбища (Обельченко, 1969; Сусенкова, 1969) и многие отдельные находки, связанные с христианством.

Несториане всегда высоко ценились как высоко квалифицированные и высокообразованные специалисты и в Сирии, и в Иране, и в Средней Азии, и в странах Арабского халифата. Среди них особенно много было учителей и врачей. В то время врачи и учителя занимали особое место в обществе. По сирийскому законодательству они были освобождены от всяких налогов, они не платили даже подушной подати (Пигулевская, 1979, с. 151). Это положение привело к развитию медицины и грамотности среди христиан. Не слу-

чайно, великий Ибн Сина считал своим учителем ученого-несторианина. Возможно, вскрытое на раскопе-31 на Афрасибе домовладение, где в подвале найден терракотовый очаг с изображением креста, реторта и алабик, принадлежали врачу-несторианину. Судя по вышеупомянутым пещерным комплексам, в столице Согда - Афрасиабе, возможно, жила большая христианская община, поскольку в Самарканде уже в V в. была утверждена митрополия и она существовала еще в IX-XII вв. как несторианская. Кроме того, Марко Поло упоминает церковь Св. Иоанна крестителя в Самарканде, построенную во второй четверти XIII в. По нашему мнению, эта церковь существовала недолго, поскольку, согласно Джузджани, «он (имеется в виду золотоордынский хан Беркай, который наследовал власть в 1257 г. - Р.А.) лично посетил Бухару и оказал большие почести ученым этого города. По его распоряжению были строго наказаны христианские жители Самарканда, которые совершали беззакония по отношению к своим мусульманским согражданам и их церковь была разрушена. Сообщается, что когда пришло известие о смерти великого хана (1259 г.) не только в Мавераннахре, а также в Хорасане и других иранских областях читалась пятничная молитва с именем Баркая» (Бартольд, 1968, с.503- 507).

Теперь вернемся к Кархане и другим подземным сооружениям. Подземные сооружения, входящие в круг нашего исследования, по многим признакам генетически связаны друг с другом. Во-первых, в Кархане, в подвальном помещении Культепа близ Карши и входной части Коштепа, в пещере III шахристана городища Узгенда господствует крестообразная планировка. Нет никаких сомнений, что они были сооружены по заранее подготовленному проекту. Во-вторых, их объединяет искусственное заполнение рыхлым грунтом. В храме Коштепа из тринадцати помещений искусственно заполнены шесть, которые имели культовый характер. В пещерном комплексе Афрасиаба почти все залы и коридоры тоже засыпаны. Подобные случаи отмечены в подземных камерах цитадели Каджартепа и в подземном помещении Афрасиаба. В-третьих, на раскопе 31 Афрасиаба найдены терракотовый очаг с орнаментом в виде стилизованного креста, а на Регистане в одном из погребений найдена крестообразная находка, к тому же в помещении, которое

находилось рядом с погребением, на полу был выстлан крест. Учитывая ряд таких признаков в некоторых памятниках, связанных с христианством, мы пришли к выводу, что все подземные сооружения, которые входили в круг нашего исследования, являются христианскими памятниками.

Здесь необходимо еще раз упомянуть данные ал-Байхаки о хорезмском ученом ал-Масихи. Как писал ал-Байхаки, ал-Масихи, будучи христианином, не посещал церкви и свое богослужение совершал у себя дома. По этим данным выясняются две вещи: во-первых, возможно, ал-Масихи в своем доме имел домашнее святилище, во-вторых, в Гургандже тоже имелась христианская церковь, поскольку, как свидетельствуют археологические исследования, древние христиане в своих домах имели специальные домашние святилища для богослужения. Подобное святилище было вскрыто в Иерусалиме.

Традиция заполнения культовых сооружений - землей в восточных странах Средиземноморья существовала задолго до появления христианства и была характерна и для других религий. Искусственно заполнялись культовые постройки перед прекращением функционирования или перед уходом представителей этой религии из местности, где существовали эти сооружения. С господством ислама христианские церкви и храмы иногда превращались в мусульманские мечети. Как свидетельствуют письменные источники, подобных случаев было немало в истории христианства Средней Азии. По данным ан-Наршахи, в Бухаре несторианская церковь, находящаяся близ ворот Атгарон, с приходом арабов превратилась в мечеть арабского племени бенуханзала (Наршахий, 1991, 128 б.). Позже на ее месте была построена мечеть Калян.

Исмаил ас-Самани в 280/893-894 г. с завоеванием Таласа превратил в соборные мечети несторианские церкви самого Таласа и города Мирки (Бартольд, 1964, с. 287). Видимо, в результате такой политики, несторианская подземная церковь Кархана превратилась в мусульманскую мечеть. Почему этот памятник называется Кархана, т.е. мастерская, пока неизвестно. Возможно, когда-то некоторые ее помещения использовались под ремесленные мастерские.

Возникает вопрос, если Кархана, как церковь, предназначалась для большой общины

христиан, тогда где жила эта община? По всей вероятности, христиане жили на одном из поселений Нарбексайской долины, скорее всего, на этом же холме, в котором находилась эта пещерная система. Как отмечалось выше, вершина холма была покрыта культурным слоем толщиной до 6 м. Если на этом поселении жили представители других религий, то они вряд ли согласились бы на рытье пещер под своими жилищами и сами несториане тоже не решились бы на такую работу. Несториане, которые жили на этом поселении, в любой политической обстановке беспрепятственно совершали свои религиозные богослужения в этой подземной церкви. Во время преследования или запрещения им не представляло трудности спрятать единственный, очень небольшой, вход со стороны двора. Высота входа в пещерах, видимо, была около 1 м, по аналогии с подземной церковью на острове Карк, в которой единственный вход имел высоту около 1 м. В Коштепа вход тоже был невысокий.

Ташкентская область (территория средневекового Чача и Илака), где расположена Кархана, является тем местом, где еще в древности жили христиане. Об этом свидетельствует «несторианский клад», случайно найденный в 1922 г. у арыка Салар г. Ташкента (Анбоев, 1959, с. 39-40), золотой бракетат из городища Канка и золотой медальон, подражающий Римским солилам (Массон, 1972, с. 35). Кроме того, недавно в III шахристане городища Канка раскопан небольшой христианский жилой дом (Богомолов, 1994, с. 73-77).

Вскрытые в 30-годы на острове Карк подземные церкви показали, что христиане, кроме наземных, строили и подземные культовые сооружения. Подобные сооружения возводились, видимо, по двум причинам. Во-первых, традиция возведения подземных сооружений, как отмечалось выше, в странах восточного Средиземноморья и Ближнего Востока была известна еще до появления христианства и христиане стали ее наследни-

ками. Во-вторых, христианство никогда ни в Иране, ни в Средней Азии и Восточном Туркестане и в Китае не достигло статуса государственной религии. Положение христиан во многих случаях зависело от отношения к ним какого-нибудь правителя или от политической обстановки в государствах, где они жили. В любом государстве они периодически преследовались или поддерживались. При преследовании или во время запрета христианских богослужений христиане, которые пользовались наземными сооружениями, переносили их в подземелье. В таких условиях богослужения проводились тайно. Эти культовые сооружения, намеченные сначала для богослужения во время гонений, возможно, позже действовали постоянно, даже в период веротерпимости.

Таким образом, все памятники, которые вошли в круг нашего исследования, генетически связаны между собой.

По характеру планировки и архитектурным особенностям они разделяются на три типа. Первый тип - это пещерные церкви и монастыри. К этому типу относится пещерный комплекс Кархана, пещерный комплекс в западной части Афрасиаба, пещерный монастырь деревни Айвадж Южного Таджикистана и небольшой пещерный комплекс Каджартепа близ города Карши. Второй тип - это полуподземные храмы и монастыри. К этому типу относятся храм-монастырь Коштепа близ Карши, храмовое сооружение, обнаруженные на Регистане в Самарканде. Третий тип - это небольшие полуподземные и подземные домашние святилища. К этому типу относятся подземные и подвальные помещения Афрасиаба, крестообразное в плане помещение под замком Культепа близ Карши и крестообразное в плане пещерное помещение в III шахристане Узгенда. Первые два типа сооружений, имеющие большие размеры, были предназначены для богослужений больших христианских общин. Третий тип - домашние святилища предназначались для богослужения одной патриархальной христианской семьи.

Литература:

- Алимов У. Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе // ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969.
- Анбоев И.А. Древний несторианский клад (?) в городе Ташкенте // Изв. АН УзССР, № 6. Ташкент, 1959.
- Альбаум Л.И. Христианский храм в Старом Термезе // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1995.
- Атаханов Т.М., Хмельницкий С.Г., 1973. О работе Шаартузского археологического отряда в 1968-1970 гг. // АРТ. Вып. X. М., 1973.
- Ахмедов Б. Тарихдан сабоқлар. Тошкент, 1994.
- Багирова С.Г. Сочинение «Татимма сиван ал Хикма» ал Байхаки как образец средневекового энциклопедического справочника. Ташкент, 1987.
- Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей) // Сочинение, том II, часть 2. М., 1964.
- Бартольд В.В. Статьи из «Энциклопедии ислама» Беркай // Сочинение, том V. М., 1968.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. № 26. М.-Л., 1952.
- Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны Абуль-Касыма ибн Хаукаля // Труды САГУ. Археология Средней Азии, том. IV. Ташкент, 1957.
- Богомолов Г.И. О христианстве в Чаче // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1995.
- Булгаков П.Г., Вахабова Б.А. Средневековые ученые из Мерва // ТЮТАКЭ. Том XVI. Ашхабад, 1978.
- Бурякова Э.Ю., Буряков Ю.Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам на площади Регистан в 1969-1971 гг.) // Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973.
- Высоцкий А.М. Христианский памятник на поселении Дуге-чакын около Мерва: интерпретация, датировка, реконструкция // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.
- Вяткин В.Л. Малая Кандия // Справочная книга Самаркандской области, вып. VIII. Самарканд, 1906.
- Гулямов Я.Г., Буряков Ю.Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967-1968 гг. // Афрасиаб, вып. 1, Ташкент, 1969.
- Джуракулов М.Д. и др. Раскопки здания IX-X вв. на городище Афрасиаб // Афрасиаб, вып. I, Ташкент, 1969.
- Дресвянская Г.Я. «Овальный дом» христианской общины // ТЮТАКЭ. Том XV, Ашхабад, 1974.
- Кабанов С. К. Нахшаб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент, 1977.
- Кызласов Л.Р. Археологические исследования на Ак-Бешиме в 1953-1954 гг. // ТККАЭЭ, том. 2. М., 1959.
- Ленцман Я.А. Происхождение христианства. М., 1960.
- Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
- Массон М.Е. Золотой медальон византийского облика из Ахангарана // ОНУ, № 7. Ташкент, 1972.
- Наршахий. Бухоро тарихи // Тошкент, 1991.
- Обельченко О.В. Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.) // ТЮТАКЭ. Том XIV. Ашхабад, 1969.
- Пантусов Н.Н. Таш-Рабат // Известия императорской археологической комиссии, вып. 4. СПб., 1902
- Пигулевская Н.В. История Мар Ябалахи и Раббан Саумы // Палестинский сборник. Вып. 2 (64-65). М.-Л., 1956.
- Пигулевская Н.В. Арабы у границы Византии и Ирана в IV-VI вв. М.-Л., 1964.
- Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
- Пугаченкова Г.А. Хароба Кошук // Изв. АН Туркм. ССР, № 3. Ашхабад, 1954.
- Раимкулов А.А. Своеобразный культовый комплекс Южного Согда // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд, 1997.
- Раимкулов А.А. Курильницы огнепоклонников и христиан Нахшаба // ОНУ, № 3. Ташкент, 1998.
- Раимкулов А.А. Урта Осиё худудидаги сунъий горлар хусусида (Об искусственных пещерах на территории Средней Азии) // Согд в системе культурных связей Центральной Азии (Тезисы докладов). Самарканд, 1999а.
- Раимкулов А.А. Пещерные архитектурные сооружения христиан Средней Азии // Древний Карши - история культуры и градостроительство Средней Азии. Карши, 1999б.
- Раимкулов А.А. Пещерные архитектурные сооружения Средней Азии // Изучение культурного наследия Востока. Материалы Межд. конф. СПб., 1999в.
- Раимкулов А.А. Кархана - церковь монастырь древних несториан Средней Азии // ИМКУ, вып. 30. Самарканд, 1999.
- Ставиский Б.Я. Исследования Кара-тепе в Старом Термезе и значение его для изучения культурных взаимосвязей между народами древнего мира // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.
- Сусенкова Р.С. Домусульманский некрополь Старого Мерва (по данным раскопок 1956 г.) // ТЮТАКЭ. Том XIV. Ашхабад, 1969.
- Шаповалова В.В., Ростовцев О.М., Аскарлов А.А. Отчет о проделанной работе на памятнике Кархана за 1991-1994 годы // Архив Института археологии АН РУз. Ф. 7.01. Д. 147. Самарканд, 1994.
- Herzfeld E. Archaeological History of Iran. London, 1935.
- Ibn Nauqal, 1964. Configuration de la terre (Kitab suvat al-ard). Introduction et traduction, avec index par J.H. Kramers et G. Wiet, tome II, Bayrouth, Paris, 1964.
- Mancinelli F. The Catacombs of Rome and the origins of Christianity. With an Introduction by Umberto M. Fasola. Roma, 1999.

М.А. Реутова

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ АФРАСИАБА XII в.

Искусство монументальной живописи на лёссовой основе, распространённое в древности на территории Узбекистана, имеет глубокие корни. Фрагменты росписей были встречены при археологических раскопках памятников, относящихся к эпохе античности, расположенных на территории современной Сурхандарьинской (Халчаян, Дальверзинтепе, Кара-тепе и т.д.) и Кашкадарьинской областей (городище Ер-курбан). Широко представлены также росписи, относящиеся к эпохе раннего средневековья (Афрасиаб, Пенджикент, Варахша, Тавка и др.). О росписях исламского периода встречаются лишь краткие упоминания, к тому же, практически полностью отсутствовал конкретный материал. Однако работами последних лет восполняется и этот пробел.

Городище Афрасиаб является одной из сокровищниц, хранящих уникальные образцы древнего монументального изобразительного искусства – настенную живопись на лёссовой основе. В процессе археологических раскопок этого городища, в течение нескольких десятков лет, были вскрыты помещения со всемирно известными росписями дворцового зала, экспонируемые ныне в музее основания города Самарканда, а также многочисленные фрагменты живописи из парадных залов местной знати. Эти фрагменты проходят реставрационную обработку в лабораториях Отдела химико-технологического исследования и консервации исторических памятников Института археологии АН РУз. Все образцы относятся по времени к доисламскому времени и датируются в основном VI-VIII вв.

Росписи, относящиеся к исламскому периоду существования памятника, практически были неизвестны. Первые фрагменты живописи, относящиеся к последней трети XII в., обнаружены при исследовании северо-западного фаса крепостных стен замковой части цитадели. Куски расписной штукатурки залежали пластом в пахсе стены на глубине 6 м от дневной поверхности [1]. Роспись фрагментов носила орнаментальный харак-

тер. Это цветы и листья, выполненные широким чёрным контуром, внутреннее пространство которых заполнено насыщенной голубой краской. На одном из фрагментов, состоящих из двух кусочков, частично сохранилось изображение женщины. Живопись нанесена на слой ганчевой обмазки толщиной 0,1-0,2 см. Фон росписей – белый. Встречено несколько фрагментов с насыщенной красной краской и позолотой. Малочисленность и разрозненность фрагментов не позволяет составить какую-то композицию, реконструировать живописный интерьер.

В 2000 г. при археологическом исследовании Афрасиаба, проводимого совместной узбекско-французской экспедицией, при раскопках нижней площадки цитадели обнаружены многочисленные фрагменты настенной живописи, относящейся к XII в. (раскоп 7/5). За три полевых сезона было вскрыто, расчищено и обработано около 310 фрагментов. Все фрагменты росписей находились в завале монументального архитектурного комплекса, в хаотично разбросанном положении на площади более 200 м². Куски расписной штукатурки лежали в основном красочным слоем вниз. Поверхность многих из них продавлена упавшими кирпичами и вследствие этого сильно деформирована. Проведенная расчистка красочной поверхности позволила разделить все фрагменты на три группы, в зависимости от тематики живописи. Самую большую группу составляют фрагменты с орнаментальным рисунком. Они составляют почти 80% от общего числа находок. Их цветовая гамма сосредоточена в ультрафиолетовой области спектра. Это голубые, синие, белые тона. Роспись выполнена черной контурной линией по белому фону. В одних фрагментах этот контур тонкий, в других – более крупный. Цветы и листья в основном окрашены голубым цветом, середина или основание листа украшены желтой каплей. В отдельных композициях элементы орнамента усилены красной краской. На двух фрагментах нарисованы цветки типа лилии на бордо-

вом фоне. Излюбленным цветком являются тюльпаны, различные изображения которых были встречены на нескольких фрагментах. Отдельные куски живописи украшены позолотой.

Вторую группу фрагментов составляют росписи с эпиграфическим орнаментом, выполненном в стиле "куфи". В одних случаях надписи выполнены изолированной полосой, в других фрагментах они вплетаются в растительный орнамент и, на первый взгляд, как бы растворяются в нём. Надписи выполнены буквами голубого и жёлтого цветов. Значительна в своем многообразии третья группа фрагментов с сюжетной росписью. Это живопись с частично сохранившимся изображением как людей, так и разнообразных животных и птиц.

Проведённая расчистка фрагментов, их полевая консервация и начавшаяся камеральная обработка в стационарных условиях позволили провести химико-технологическое исследование образцов. Следует отметить, что эти исследования, проводимые на материалах одного археологического памятника, представляют большой интерес с точки зрения изучения тенденций развития, изменения и преемственности в традициях монументального искусства настенной росписи в период от эпохи раннего до развитого средневековья.

С целью изучения химического состава материалов, используемых в росписях, был проведен их химический анализ (табл. 1). Полученные результаты позволяют сделать выводы, что для ганчевой подложки под роспись использовался хорошо обработанный материал, значительно очищенный от алюмосиликатных компонентов лёсса (табл. 1, пробы 1, 2, 3). Процентное содержание окиси кремния – 5,50%, 4,07%, 5,80%, окиси алюминия – 1,50%, 1,20 %, 1,10%. Содержание окиси кальция, являющейся основным компонентом ганча, составляет 31,50%, 30,5 %, 34,70%. Процент окиси серы – 34,00%. Соответственно высок и такой параметр как потеря при прокаливании (п.п.п.), который характеризует добавку органического компонента. Он составляет 21,40%, 21,72% и 22,00%. В ходе ремонтных работ, проводившихся в оп-

ределённые периоды функционирования комплекса, некоторые живописные композиции на стене частично или полностью покрывались слоем ганча, но уже не столь высокого качества. Пробы ганчевой обмазки, взятые из различных фрагментов таких росписей показывают, что процентное содержание алюмосиликатов здесь уже повышенное по сравнению с первыми тремя пробами. Окись кремния составляет 51,72%, 35,94% и 12,82%, содержание окиси алюминия – 10,4%, 5,96% и 2,7%. Кальциевый компонент составляет 12,3%, 27,5% и 27,1% соответственно (табл. 1, пробы 4, 5, 6). Это означает, что древними мастерами использовался уже не столь качественный ганч, а неочищенное или плохо очищенное природное сырьё. Интересно, что в качестве армирующей добавки при этом использовался какой-то мелкозернистый травянистый компонент. Под микроскопом хорошо видны его кусочки лимонного цвета, похожие по форме на опилки. В связи с этим оказался высок такой параметр как п.п.п. Он составляет 14,5%, 25,9%, и 21,4%, что указывает на несомненное присутствие органических добавок в материале.

Также было проведено изучение химического состава лессовой штукатурки стен, на которых некогда были нанесены росписи, а также сырцового кирпича, из которого были возведены стены. Результаты анализов (табл. 1, пробы 7, 8, 9, 10) показывают, что их составы в целом однотипны. То есть одна и та же глина использовалась как при формовке кирпичей, так и при замесе штукатурки. Данные строительные материалы сходны по своему составу с лессовыми материалами, которыми пользовались древние мастера в VII в. (табл. 1, пробы 1, 2, 3 в работе [2]).

Теперь остановимся на технико-технологической стороне выполнения живописи. В период раннего средневековья мы имели дело с росписями, нанесёнными на ганчевую подложку или на хорошо затёртый лёссовый слой, которые накладывались на глиняно-саманную штукатурку. Многочисленные фрагменты росписей, обнаруженные в 2002 году, позволяют нам, основываясь на технике подготовки основания, разделить фрагменты на три группы. Наибольшее коли-

Табл. 1. Химический анализ археологических материалов из Афрасиаба (XII век)

	Ганчевая обмазка стены	Ганчевая подложка живописи	Ганч	Ганчевая обмазка поверхности фрагмента № 9	Ганчевая обмазка живописи	Ганчевая обмазка поверхности фрагмента № 43	Пахса	Штукатурка на стене	Лёссовая штукатурка на тыльной стороне росписи	Лёссовая штукатурка под слоем ганча
SiO ₂	5,50	4,07	5,80	51,72	35,94	12,82	52,59	52,69	53,62	53,72
Al ₂ O ₃	1,50	1,20	1,10	10,45	5,96	2,75	13,32	12,16	12,92	13,43
Fe ₂ O ₃	0,25	10,10	0,50	3,83	1,72	0,85	3,26	3,60	4,47	4,11
CaO	31,50	30,50	34,70	12,30	27,45	27,10	8,66	10,96	11,00	10,87
MgO	0,60	10,50	0,50	2,60	0,78	1,40	4,38	2,08	2,64	2,53
Na ₂ O	0,20	0,20	0,30	1,63	0,96	0,40	1,62	2,63	1,23	1,17
K ₂ O	0,20	0,20	0,30	2,44	1,02	0,50	2,48	1,76	1,10	1,14
п.п.п.	21,40	21,72	22,00	14,35	25,91	22,10	12,62	13,70	12,58	12,71
TiO ₂	неопр	неопр	-	неопр	0,08	неопр	-	0,58	-	-
MnO	неопр	неопр	следы	неопр	0,01	неопр	0,11	0,029	-	неопр
SO ₃	неопр	неопр	34,00	неопр	неопр	неопр	0,53	0,18	-	-
Σ			99,20		99,83		99,57	100,37	99,68	99,76

чество фрагментов по технологии подготовки стены под роспись относятся к первой группе (роспись на ганчевой основе с глиняно-саманной штукатуркой).

Вторая группа фрагментов небольших размеров, сконцентрированных в северной части стены в одном месте, была выполнена на ганчевой подложке, нанесённой на штукатурку, напоминающую по цвету и характеру массы современную песчано-известковую. Визуально эта подложка просматривается как серовато-белая масса. Для установления её химического состава образцы штукатурки сданы на химический и спектральный анализ. Один из крупных кусков этой росписи позволил выявить некоторые технологические стороны её создания. Сырцовая кирпичная или пахсовая кладка сначала выравнивалась первым слоем этой штукатурки. Толщина её в разных местах различная – до 2,5 см или меньше, в зависимости от рельефа стены. Поверх этого слоя накладывался второй, более тонкий, слой толщиной порядка 0,5 см. Затем наносился и заглаживался слой ганчевой обмазки, на которой и создавалась роспись. Контур рисунка наносился чёрной линией, а при заполнении рисунка использовались в основном голубая, а также красная и жёлтая краски. Небольшие размеры фрагментов не позволяют нам достаточно конкретно судить о характере этой росписи, но, скорее

всего, она была орнаментальной по характеру.

К третьей группе относятся росписи, нанесённые на толстый слой ганча. Всего было обнаружено три куска такой штукатурки. На тыльной стороне фрагментов находятся бугорки от 2,5 до 4,5 см высоты. Возможно, что это были фрагменты с верхней части стены, где ганчевая штукатурка для лучшего сцепления со стеной затекала в специально оставленные пазухи.

Следует отметить, что красочный слой большого количества фрагментов живописи ещё в древности был покрыт слоем ганчевой штукатурки. Причина этого не всегда понятна. На некоторых фрагментах, например "Лучник," красочный слой был сильно потерт, имелись утраты в штукатурке. Поэтому роспись, видимо, не стали подновлять, а покрыли ганчем. Но на других фрагментах после их расчистки от ганчевой обмазки выявилась прекрасно сохранившаяся роспись насыщенного цвета, без повреждений, с оригинальными сюжетами (это угловая композиция с эпиграфической надписью или же фрагмент с прекрасно нарисованной птичкой). В одних случаях роспись была непосредственно замазана ганчем. Как было указано выше, использованный ганч не отличался хорошим качеством. Поэтому обмазка имеет характерный грязно-кремовый отте-

нок, визуально указывающий на присутствие лёссового материала.

Вторым видом обмазки первоначальной росписи была двухслойная. В этих случаях живопись сначала покрывалась слоем лёссово-саманной штукатурки около 2,5 см толщиной, а затем на неё наносился слой ганча толщиной порядка 3 мм. Так, был покрыт один из самых крупных фрагментов с изображением огромного бордово-коричневого

цветка в угловой композиции стены.

Дальнейшая реставрация, исследование красочной поверхности живописи, в сочетании с данными химического и спектрального анализа красочных пигментов, позволят нам более детально изучить технологию создания росписей эпохи развитого средневековья и заполнить некоторые пробелы в истории живописного искусства Центральной Азии исламского периода.

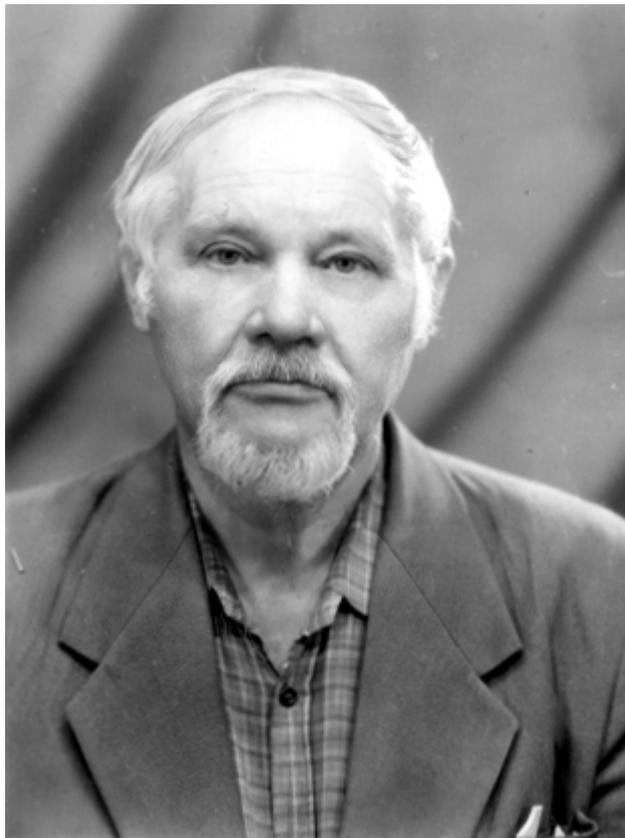
Литература

Иневаткина О.Н. Фрагмент сюжетной живописи конца XII-начала XIII вв. из цитадели Самарканда // Материальная культура Востока. М., 1999.

Абдуразаков А.А., Камбаров М.К. Реставрация настенных росписей Афрасиаба. Ташкент, 1975.

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ РОСТОВЦЕВ

(К 75-летию со дня рождения)

Известный в Узбекистане учёный археолог О.М. Ростовцев родился 5 апреля 1929 г. в г. Елец Липецкой области. В 1942 году, лишившись своих родителей, из г. Орла, где обучался в средней школе, он был эвакуирован в г.Коканд, где воспитывался в детском доме. Закончив школу и получив рабочую специальность, работает по направлению в различных городах Ферганской долины. Поиски родственников в России ни к чему не привели и он возвращается в Узбекистан, ставшем его второй родиной. Обладая живым умом, природной наблюдательностью и необычайной коммуникабельностью, он быстро овладевает узбекским языком. Все это впоследствии явилось существенным подспорьем в повседневной научной и общественной деятельности.

После службы в рядах Советской Армии (1950 - 1954) он переезжает в г. Ангрен, где работает по своей специально-

сти, увлекается краеведческим движением, привлекая для этого беспризорных или «трудных» подростков.

Поворотной, хотя и логическим продолжением его биографии, стала встреча с будущим академиком, а тогда научным сотрудником Музея истории народов Узбекистана в г. Ташкенте Ю.Ф. Буряковым.

С тех пор и вплоть до выхода на заслуженный отдых, его научная деятельность проходила в тандеме и под руководством этого известного учено-археолога.

В 1960 г. он поступает на заочное отделение исторического факультета Ташкентского государственного университета, одновременно работая в Ангренском краеведческом музее, преподавая историю в средней школе.

В 1970 г. О.М. Ростовцев переходит на работу в только что открытый Институт археологии АН РУз в г. Самарканде.

О.М. Ростовцев является автором нескольких десятков научных и научно - популярных работ. Первоначально сфера его интересов была связана с изучением памятников каменного века. Ему принадлежит честь открытия палеолитической стоянки Кульбулак, по выражению В.М. Массона, эталонного многослойного палеолитического памятника Центральной Азии, а также ряда кремнеобрабатывающих мастерских в долине р. Ангрен. В начале 70 годов в составе археологического отряда под руководством Ю.Ф. Бурякова он открывает стоянки каменного века Кутурбулак и Зирабулак в долине р. Зарафшан Самаркандской области. В эти годы он знакомится с известными учеными - палеолитчиками П.А. Окладниковым, Б.И. Борисовским, В.А. Рановым, М.Р. Касымовым, У.И. Исламовым, Н.Х. Ташкенбаевым и др. Серьёзно увлекается проблемами каменного века Узбекистана, пи-

шет несколько статей на эту тему. Его методическая статья «Палеогеновые известняки как поисковый признак палеолита и неолита в Узбекистане» получает признание специалистов. Однако вскоре, следуя специфике археологических исследований (составление Свода археологических памятников Ташкентской и Самаркандской областей), он разрабатывает тему по средневековью Самаркандского Согда. Не случайно В.А. Ранов, с некоторым сожалением, одну из своих книг, подаренную Олегу Михайловичу, подписал так: «Прирожденному палеолитчику, заблудившемуся в средневековье». Успешная работа по составлению Свода памятников в составе отряда под руководством Ю.Ф. Бурякова позволила впервые провести археологические раскопки на ряде памятников Ташкентской, Самаркандской и Сырдарьинской областей. Среди них – крупное средневековое городище Утурлитепе (Сырдарьинская область), городища Кавардан (средневековая Кабарна, Ташкентская область), Канка (средневековый Харашкет, Ташкентская область), Оромиджан (средневековый Рабинджан), Дурмон-тепе (Самаркандская область). Одним из первых им предложена типология сельских по-

селений Самаркандского Согда. Он являлся одним из инициаторов и авторов Свода и карты археологических памятников Ташкентской области – первой монографической в Узбекистане работы подобного рода. Изданная на русском и узбекском языках монография явилась значительным вкладом в дело изучения и охраны археологических памятников. Олег Михайлович принимал деятельное участие в работе хоздоговорного отряда в зонах затопления Чарвакского и Тусунсайского (Ташкентская область) водохранилищ. Результаты исследований отражены в отдельных статьях и коллективной монографии «Древности Чарвака» (1976 г.).

В настоящее время Олег Михайлович живет в г. Алмалыке. Находясь на заслуженном отдыхе, он принимает активное участие в деле пропаганды прошлого народов Узбекистана, периодически выступает на страницах периодической печати.

Коллектив Института археологии, его коллеги и друзья желают Олегу Михайловичу крепкого здоровья, творческих удач и неистощимой жизненной энергии.

Т.Ш. Ширинов, Г.И. Богомолов,
А.А. Грицина, О.В. Кириллова

История материальной культуры Узбекистана
Выпуск 34

Рецензенты:
Академик Ю.Ф. Буряков
к.и.н. Ш.Т. Адылов

Печатается по решению бюро Самаркандского отделения АН РУз
и Ученого совета Института археологии АН РУз.

Редактор: **А.А. Анарбаев**

Технический редактор: **Т.Х. Очиллов**

Корректор: **А.А. Грицина, А.А. Раимкулов, В.Д. Рузанов**

Набор: **М.В. Кондрикова, Ф. Боймухамедова**

Сдано в набор 16.10.2004 г. Подписано к печати 28.12.2004
Заказ 106. Формат 60x90 1/16. Усл. печ. лист. 31,5. Уч.изд.л. 31,75.
Бумага офисная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в Институте археологии АН РУз
703051, г. Самарканд, ул. акад. В. Абдуллаева, 3.
Лицензия 18-0789

Издание осуществлено при поддержке Узбекско-Французской и
Узбекско-Германской археологических экспедиций